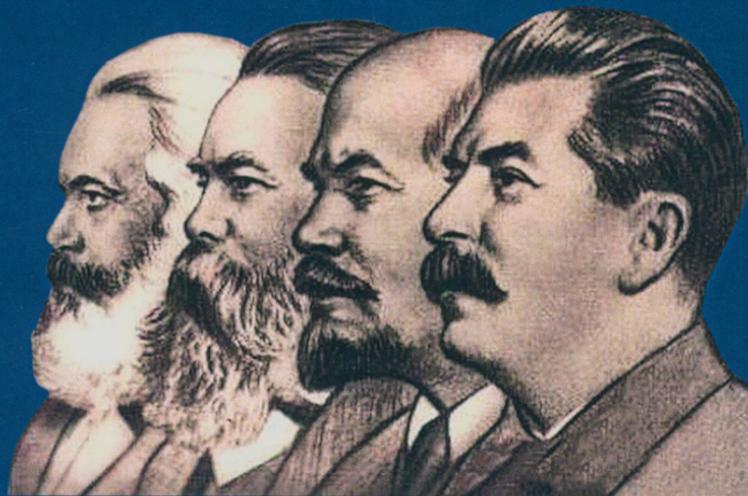

А. Е. Тарас

НАУЧНЫЙ АНТИКОММУНИЗМ

Анатолий Тарас

НАУЧНЫЙ АНТИКОММУНИЗМ

Учебное пособие

Рига
ИБИК
2015

УДК 141.82
ББК 87.6
Т19

Тарас А.

Т19 **Научный антикоммунизм : учебное пособие / А. Е. Тарас. —**
Рига : ИБИК, 2015. — 364 с., 58 ил.

ISBN 978-9984-897-14-1

Эта книга — антипод учебной дисциплины «Научный коммунизм», являвшейся строго обязательной во всех ВУЗах СССР с 1963 по 1991 гг.

Она состоит из четырех частей. В первой представлена история коммунистической идеи от Т. Мора до В.И. Ленина. Во второй части показано, что попытка реализации Лениным и Троцким этих идей в России привела к небывалому в истории избиению населения собственной страны. Третья часть посвящена трансформации коммунистической теории и практики, осуществленной Сталиным. Вчетвертой дан анализ внутренних причин и внешних проявлений краха коммунистической идеи в СССР. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ВВЕДЕНИЕ

*Любое политическое или научное учение,
объявляющее себя единственно истинным,
это игра в Бога, за это надо пороть и ставить в угол.*

(Урсула Ле Гуинн)

Коммунизм — это гипотетический (т.е. предполагаемый) общественно-политический строй, основанный на социальном равенстве и общественной собственности на средства производства.

В современном виде данный термин заимствован в 40-е годы XIX века из французского языка, где слово *communisme* является производным от латинского *communis* — «общий, общественный». Слово стало термином после публикации в 1848 году «Манифеста коммунистической партии», написанного К. Марксом и Ф. Энгельсом. До этого использовался термин «коммуна», но он характеризовал не всё общество, а какую-то группу, члены которой использовали общее имущество и общий труд всех её членов.

Определения коммунизма

К. Маркс (1844 г.):

«Коммунизм есть *положительное* выражение упразднения частной собственности; на первых порах он выступает как *всеобщая* частная собственность. (...) *Коммунизм* как *положительное* упразднение *частной собственности* (...) есть *действительное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, (...) между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение».

Ф. Энгельс (проект программы Союза коммунистов, 1847 г.):

14-й вопрос: Каков должен быть этот новый общественный строй?

Ответ: Прежде всего, управление промышленностью и всеми от-

раслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумов. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, то есть будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества. Таким образом, этот новый социальный строй уничтожит конкуренцию и поставит на её место ассоциацию.

(...) Частная собственность неотделима от индивидуального ведения промышленности и от конкуренции. Следовательно, частная собственность должна быть также ликвидирована, а её место заступит общее пользование всеми орудиями производства и распределение продуктов по общему соглашению, или так называемая общность имущества».

«Толковый словарь живого великорусского языка» Вл. Даля (изд. 1881 г.):

«Коммунизм, политическое учение о равенстве состояний, общности владений, и о правах каждого на чужое имущество».

«Философский словарь» (1911 г.):

«Коммунизм — учение, отвергающее частную собственность во имя людского блага. Всё зло в общественных и государственных отношениях проистекает из неравномерного распределения блага. Чтобы устранить это зло, коммунизм советует сохранить права собственности лишь за государством, а не за частными лицами. Первым, рекомендовавшим коммунистический идеал, был Платон (см. его «Политию»).

«Настольная книга для священно-церковно-служителей» (1913 г.):

«Коммунизм проповедует принудительное обобщение имущества, отрицая все виды частной собственности. Распространяя принцип коллективизма, то есть общности, не только на производство и распределение, но и на самое пользование произведёнными продуктами, или на их потребление, и подчиняя всё это общественному контролю, коммунизм тем самым уничтожает индивидуальную свободу даже в мелочах обыденной жизни. (...) Проповедуемое коммунизмом обобщение имущества ведёт к ниспровержению всякого правосудия и к совершенному разрушению благосостояния и порядка семейного и общественного».

Э. Малатеста «Краткая система анархизма в 10 беседах» (1917 г.):

«Коммунизм есть форма общественной организации, при которой (...) люди соединятся и вступят во взаимное соглашение, имея целью — обеспечить за каждым возможно большее благосостояние. Исходя из принципа, что земля, рудники и все природные силы так же, как накопленные богатства и все, созданное трудом прошедших поколений, принадлежит всем, люди при коммунистическом строе условятся работать сообща с целью производить все необходимое для всех».

В.И. Ленин (1919 г.):

«Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу».

Детская энциклопедия «Что такое? Кто такой?» (1968 г.):

«Коммунизм — самое разумное и справедливое устройство общества, строй свободы, радости и счастья».

«Новейший словарь иностранных слов и выражений» (2005 г.):

«Общее название различных концепций, в основе которых лежит отрицание частной собственности и требование уравнительного распределения материальных благ: первобытный К., библейский К., утопический К. и др.; в марксизме — общественно-экономическая формация, сменяющая капитализм и проходящая в своем развитии две ступени (фазы) — низшую, называемую социализмом, и высшую, называемую полным коммунизмом».

«Социологический словарь» Н. Аберкромби, С. Хилла и Б.С. Тернера (российское издание 2004 г.):

«Под коммунизмом понимают скорее не реальную практику, а определенную доктрину. Этим понятием обозначаются общества, в которых отсутствует частная собственность, социальные классы и разделение труда».

Толковый словарь Merriam-Webster (англоязычное издание 2014 г.):

«Тоталитарная система правления, в которой единственная авторитарная партия контролирует находящиеся в государственной собственности средства производства».

Что такое «полный коммунизм»

Итак, согласно марксистской теории, «коммунистическая общественно-экономическая формация» предусматривает две фазы: низшую — которая называется социализмом, и высшую — «полный коммунизм».

При социализме существуют государство и правовая регламентация всех сфер общественной жизни, более того, власть и законодательство в социалистическом государстве сильнее («строже»), чем в буржуазном. Крупная частная собственность отсутствует, но сохраняется личная собственность, мелкое частное производство (ремесленничество, приусадебные участки), мелкая частная торговля (продовольственные и вещевые рынки).

К. Маркс писал:

«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда;

когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому — по потребностям».

Многие критики не раз указывали марксистам, что потребности человека безграничны, поэтому при любой, даже самой высокой производительности труда требуются механизмы распределения и ограничения, например, деньги. На это марксисты отвечали следующим фантастическим тезисом:

«Государство сможет отмереть полностью тогда, когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, не переработать бы лишних полчаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности».

С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т.п.»

По Энгельсу («Анти-Дюринг», 1877 г.), главные черты коммунистического общества («полного коммунизма») следующие:

- планомерная организация производства в масштабе всего общества;
- непрерывно ускоряющееся развитие производительных сил;
- исчезновение разделения труда;
- исчезновение противоположности между умственным и физическим трудом;
- превращение труда из тяжелого бремени в жизненную потребность — самореализацию личности;
- исчезновение классовых различий;
- отмирание самого государства, замена управления людьми на управление процессами производства и распределения;

- передача общественным учреждениям функций по воспитанию детей, бытовому обслуживанию, повседневному питанию;
- исчезновение религии;
- полное подчинение человеку сил природы.

Коммунизм в произведениях литературы

Как видим, коммунизм — это мечта о справедливо устроенном обществе, все члены которого потребляют материальные блага в необходимом и достаточном количестве, т.е. разумно. Это мир, в котором нет бедности (не говоря уже о нищете), нет голода, нет насилия человека над человеком, нет произвола властей, отсутствуют бездомные, а инвалиды и сироты находятся на попечении общества. Естественно, в таком обществе нет войн, революций, террора.

Не удивительно, что во все времена коммунизм существовал только в произведениях литераторов-фантастов, самонадеянно считавших себя провидцами. Первым среди них был грек Платон. В диалоге «Государство» (примерно 365 год до н.э.) он подробно изложил свое представление об идеальном устройении общества.

Через 1880 лет, в 1516 году уже нашей эры, появилась «Утопия» — сказка для взрослых, которую сочинил англичанин Томас Мор. За ним последовал другой сказочник — итальянец Томмазо Кампанелла, написавший книгу «Город Солнца» (издана в 1623 г.).

Последующие авторы занимались разработкой конкретных планов коммунистических преобразований. Среди них Джерард Уинстэнли («Закон свободы», 1652 г.) и Анри де Сен-Симон («Промышленная система», «Новое христианство», начало XIX века); Филипп Буонаротти («Заговор во имя равенства», 1828 г.) и Шарль Фурье («Новый хозяйственный и социетарный мир», 1829 г.); Этьенн Кабе («Путешествие в Икарию», 1840 г.) и Роберт Оуэн («Книга новой морали, содержащая рациональную систему общества», 1849 г.); Николай Чернышевский («Что делать», 1863 г.), десятки других мыслителей XVII—XIX веков, чьи имена давно забыты.

После 1917 года, когда мир познакомился с жуткой практикой «строительства коммунизма в одной, отдельно взятой стране», стали появляться антиутопии — произведения, изображающие коммунистическое общество в предельно мрачном свете. Начало положил Евгений Замятин своим романом «Мы» (1924 г.), опубликованным в Англии. Следуя ему, англичанин Джордж Оруэлл в 1949 году выпустил книгу «1984», где коммунизм показан как полное торжество

тоталитарной диктатуры, как общество, где принципы человеческого общежития доведены до абсурда, а личность лишена даже элементарных прав и свобод.

В СССР знаменитый писатель-фантаст Иван Ефремов в 1969 году сумел издать — вопреки цензуре — роман «Час Быка», где в замаскированном виде поставил диагноз полной несостоятельности коммунистической идеи. Другое известное антикоммунистическое пророчество на русском языке — роман Владимира Войновича «Москва, 2042», изданный в эмиграции в 1987 году.

Прогнозы перехода к коммунистической форме общества

«Кремлевский мечтатель» Ленин (определение писателя Герберта Уэллса) в 1920 году полагал, что коммунизм в России наступит через 15—25 лет. Увы! Советское общество в 1935—1940 годы находилось чрезвычайно далеко от какого-либо гуманизма, не говоря уже об изобилии материальных благ. Достаточно вспомнить закон «О пяти колосках», смертную казнь за политические преступления с 12-летнего возраста, карточную систему распределения ввиду нехватки практически всех видов потребительских товаров, жесточайший жилищный кризис и многое другое в том же духе.

Лидер КПСС Никита Хрущев в октябре 1961 года на XXI съезде КПСС с серьезным лицом объявил — насмешив весь мир — что в СССР к 1980 году будет создана материальная база коммунизма, в частности, каждая семья получит отдельную квартиру. Все газеты и телеканалы цитировали его слова: «Партия торжественно заявляет, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!». Что ж, наступил 1980 год, а потом и 1991, но никаким коммунизмом не запахло. Наоборот, семь десятилетий «непрерывных успехов и свершений» на поприще «строительства коммунизма в одной, отдельно взятой стране» завершились развалом этой страны на составные части.

Коммунисты и в СССР, и в странах так называемой «народной демократии» проиграли соревнование с капиталистами в плане неуклонного повышения производительности труда, создания принципиально новых технологий, удовлетворения материальных потребностей человеческих масс, обеспечения личных прав и свобод граждан...

Что такое «научный коммунизм»

В высших учебных заведениях СССР с сентября 1963 года был введен новый предмет — «научный коммунизм». С этого момента и до лета 1991 года он являлся обязательным для студентов всех специализаций наряду с «историей КПСС» и «марксистско-ленинской философией».

В учебниках этот предмет обозначался как «одна из трёх составных частей марксизма-ленинизма, раскрывающая общие закономерности, пути и формы классовой борьбы пролетариата, социалистической революции, построения социализма и коммунизма».

Утверждалось также, что термин «научный коммунизм» обозначает марксизм-ленинизм в целом. Определение «научный» связано с тем, что Маркс, Энгельс, Ленин и их последователи якобы доказали, что движение человечества к коммунизму имеет объективный характер. Следовательно, коммунистическая теория марксистов не выдумка, а научный прогноз глобальных тенденций развития общества.

Сейчас, по прошествии четверти века от начала крушения Советского Союза и «социалистического лагеря», всем нормальным людям (члены КПРФ и подобных им партий не в счет) стало предельно ясно, что единственно научным во всей этой галиматье был сам термин «научный», который марксисты-коммунисты повторяли подобно заклинанию.

Научный антикоммунизм

Поскольку коммунистическое общество, соответствующее принципам Маркса и Энгельса, никогда нигде не существовало, постольку теоретические споры с приверженцами этого фантастического учения лишены смысла. Вместо этого надо критически анализировать практические действия коммунистов, железной рукой ломавших в разных странах идеалы и традиции, порядки и законы, которые там сложились за тысячи лет предыдущего развития. Кроме того, можно рассматривать бредовые теории, которыми руководствовались эти жестокие реформаторы, загнавшие доставшиеся им страны в тупик мировой цивилизации.

Именно такой анализ и такое рассмотрение, по возможности краткое, является задачей автора предлагаемой книги.

Сначала (в первой части книги) мы рассмотрим основные идеи преобразования общества в духе коммунизма, сложившиеся за 400 лет: от Томаса Мора до Владимира Ленина.

Затем (во второй части) покажем, к каким плачевным результатам привела попытка реализации этих идей в России стараниями Ленина и Троцкого.

Далее проанализируем крутой поворот в сторону от классического марксизма, который осуществил Сталин и те результаты, которых он добился (третья часть).

И, наконец, в четвертой части дадим анализ внутренних причин и внешних проявлений краха коммунизма в СССР.

Предметом моего исследования являются не вымыслы («что должно быть»), а факты («что реально было»). При этом я опирался на современные социологические и социально-психологические теории, а также на исследования ученых разных специальностей, изучавших теорию и практику коммунизма в СССР.

Автор, 24 декабря 2014 г.

Часть I

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ В ИСТОРИИ

Социализм — это идеология зависти

(Николай Бердяев, 1918 г.)

Мечты об обществе всеобщего равенства, где будут отсутствовать богатые и бедные, исчезнет эксплуатация человека человеком, зародились еще в античной Элладе. Истоком для формирования коммунистических теорий служило требование социального равенства на основе общности имущества.

Но я не собираюсь совершать экскурс в столь далекое прошлое. Название моей книги пародирует название известного курса «Научный коммунизм», а в нем предысторию коммунизма начинали с «Утопии» Томаса Мора.

Глава 1

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Томас Мор и его «Утопия»

Эта книга была опубликована в Англии в 1516 году на латыни. Ее полное название — «Золотая книга, столь же полезная, сколь забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии».

Текст написан в форме разговора между автором — Томасом Мором (1478—1535), его другом Эгидием и путешественником Гитлодеем. Гитлодей, якобы участвуя в одной из экспедиций Америго Веспуччи (в период 1499—1504 гг.) был по собственной просьбе оставлен с несколькими товарищами «у пределов последнего путешествия». После странствий по морям и пустыням Гитлодей попал на неизвестный европейцам остров Утопия, где обнаружил госу-

дарство, живущее по справедливым законам, некогда установленным мудрым законодателем Утопом*.

Мор — лорд-канцлер Англии в 1529—1532 гг. — посвятил свою «Утопию» двум основным темам: критике современного ему английского общества и описанию идеального государства. При этом он явно намекал на реальную осуществимость данного проекта.

Но, вопреки версии, распространявшейся советскими пропагандистами, Мор поплатился жизнью отнюдь не за свою завиральную сказку. Будучи католиком, он в ноябре 1534 года отказался присягнуть королю Генриху VIII как «верховному главе» англиканской церкви. За это его обвинили в государственной измене и 7 июля 1535 года казнили (обезглавили). В 1935 году, ровно через 400 лет, католическая церковь объявила Томаса Мора святым.

Критика существующего общества

Центральным тезисом критики Мора является то, что современные европейские государства — это орудия корыстных интересов богачей:

«При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах».

Главная причина такого положения вещей — частная собственность и деньги:

«...если сказать тебе по правде мое мнение, то, по-моему, где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел. ...Если она (частная собственность. — *А. Т.*) останется, то и у наибольшей и наилучшей части населения навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей».

Существование преступности автор относит целиком на счет пороков социальной системы. Тогдашнее английское законодательство, каравшее воров смертью, он считал и несправедливым, и неэффективным:

«Разве, поступая так, вы делаете что-нибудь другое, кроме того, что создаете воров и одновременно их караете?»

* Название «Утопия» составлено из двух греческих слов: отрицательной частицы «у» и «топос» — место. То есть, это страна, которой нет. Слово «утопия» позже стало нарицательным, им обозначают фантастические, неосуществимые проекты.

Общее устройство государства

Утопия — как идеальный образец государственного устройства — это республика, управляемая выборными должностными лицами, именуемыми «отцами». Все стороны жизни в этой стране регулирует государство. Нет ни частной собственности, ни денег.

Интересна мысль автора, согласно которой быстрое распространение нового устройства общества в Утопии объясняется сходством между коммунистическим строем и порядками в первой апостольской общине, которая «сохраняется и до сих пор в наиболее чистых христианских общинах».

Догматизм христианства и пропагандируемые им всевозможные ограничения (например, посты) отсутствуют, но атеизм запрещен:

«Утоп с неумолимой строгостью запретил всякому ронять так низко достоинство человеческой породы, чтобы доходить до признания, что души гибнут вместе с телом и что весь мир несется зря, без всякого участия Провидения. Поэтому, по их верованиям, после настоящей жизни за пороки назначены наказания, и за добродетель — награды».

Мировоззрение граждан Утопии основано на признании удовольствий высшей целью жизни. Отказ от них «может быть лишь в том случае, когда кто-нибудь пренебрегает этими своими преимуществами ради пламенной заботы о других и об обществе, ожидая взамен этого страдания большего удовольствия от Бога».

Всеобщая трудовая повинность

Основой системы хозяйствования является всеобщая трудовая повинность. Почти все граждане обязаны отработать определенный срок в сельском хозяйстве — «у всех мужчин и женщин есть одно общее занятие — сельское хозяйство, от которого никто не избавлен». Достигшие определенного возраста граждане направляются на работу в деревню, а после того, как они отработают там два года, переселяются в города. Кроме того, каждый обучается какому-либо ремеслу, которым занимается остальное время.

И все же полного равенства в Утопии нет: от трудовой повинности освобождены чиновники и те, кому постановление чиновников «дарует навсегда это освобождение для основательного прохождения наук».

Сам труд происходит под наблюдением чиновников:

«Главное и почти исключительное занятие сифогрантов /одна из разновидностей «отцов»/ состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел праздно, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом».

Утопийцы не обременены тяжелой работой — они трудятся только 6 часов в день, остальное время посвящают наукам, искусствам и «благопристойному отдыху».

Объяснение того, каким же образом они, несмотря на это, достигают изобилия, у Мора таково: в Европе труд бедняков создает богатства, которые по большей части идут на содержание бездельников, в Утопии же трудятся все. «Бездельничают» лишь женщины в связи с деторождением, священники и монахи. Однако фундамент этого общества — рабство.

Рабство при «коммунизме»

Жизнь в Утопии в значительной мере основана на рабстве. Рабы, принадлежащие государству, выполняют все грязные, тяжелые и опасные работы. Источник рабов таков:

«Они обращают в рабство своего гражданина за позорное деяние или тех, кто у чужих народов был обречен на казнь за совершенное им преступление».

Пойманных воров тоже превращают в рабов. А для обозначения их положения подрезают им одно ухо. Ленивых поощряют ударами.

Для предотвращения побегов используются доносы: донесший о таком замысле раб получает свободу, свободный человек — деньги. Пойманного же беглого раба надо казнить, помогавшего ему свободному — обращать в рабство.

К своим провинившимся согражданам отношение наиболее жестокое:

«Рабы того и другого рода не только постоянно заняты работой, но и закованы в цепи; обхождение с рабами, происходящими из среды самих утопийцев, наиболее сурово.

Труд этих лиц приносит больше пользы, чем их казнь, а с другой стороны, пример их отпугивает на более продолжительное время от совершения подобного позорного деяния. Если же и после такого отношения к ним они станут бунтовать и противиться, то их закалывают, как диких зверей, которых не может обуздать ни тюрьма, ни цепь».

Сразу вспоминается сталинский принцип создания материально-технической базы коммунизма за счет бесплатного труда десятков миллионов заключенных и ссыльных в тюрьмах, трудовых лагерях, спецпоселениях, колониях, «шарашках» и тому подобных учреждениях.

Распределение «по потребностям»

Все продукты потребления утопийцы получают с общественных складов, причем каждый может брать столько, сколько ему нужно. Однако питание в значительной мере централизовано:

«Хотя никому не запрещено обедать дома, но никто не делает этого охотно, потому что считается глупым тратить труд на приготовление худшей еды, когда во дворце, отстоящем так близко, готова роскошная и обильная».

Речь идет о якобы *добровольных* общих трапезах, но в описании их отмечено: «тут (во дворцах) эти семьи *должны* обедать» /выделение мое. — А. Т./ В описании же общих трапез привлекает внимание регулирование вроде бы неограниченных потребностей:

«Блюда с едой подаются не подряд, начиная с первого места, а каждым лучшим кушаньем обносят, прежде всего, всех старейшин, места которых особо отмечены, а потом этим блюдом в равных долях обслуживают остальных».

Совместные трапезы типичны для общей тенденции: жизнь обитателя Утопии должна проходить на глазах у всех:

«У них нет ни одной винной лавки, ни одной пивной; нет нигде публичного дома, никакого случая разврата, ни одного притона, ни одного противозаконного сборища; но присутствие на глазах у всех создает необходимость проводить все время или в привычной работе, или в благопристойном отдыхе».

«Двери /в домах. — А. Т./ двустворчатые, скоро открываются при легком нажиме и затем, затворяясь сами, впускают кого угодно — до такой степени среди утопийцев устранена частная собственность. Даже самые дома они каждые десять лет меняют по жребью».

*Томас Мор, коммунист-теоретик,
по совместительству — лорд
и канцлер королевства Англия*

Однообразие и единообразие людей

Рассказчик подчеркивает единообразие уклада жизни утопийцев:

«Что же касается одежды, то за исключением того, что внешность ее различается у лиц того или другого пола, равно как у одиноких и состоящих в супружестве, покроем ее остается одинаковым, неизменным и постоянным на все время... Верхнюю одежду составляет плащ: Цвет этого плаща одинаков на всем острове, и притом это естественный цвет шерсти».

Единообразие касается не только одежды:

«На острове пятьдесят четыре города, все обширные и великолепные; язык, нравы, учреждения и законы у них совершенно одинаковые. Расположение их всех также одинаково, насколько это допускает местность... Кто знает хотя бы один город, тот узнает все города Утопии, до такой степени сильно похожи все они друг на друга, поскольку этому не мешает природа местности».

Чем не принцип массовой типовой застройки?

Равномерную плотность населения регулирует государство путем массовых переселений:

«Эти размеры (общин, называемых семействами) соблюдаются путем переселения в менее людные семейства тех, кто является излишним в очень больших. Если же переполнение города перейдет надлежащие пределы, то утопийцы наверстают безлюдье других своих городов...

Если какой-нибудь несчастный случай уменьшает население собственных городов утопийцев... то такой город восполняется обратным переселением граждан из колоний».

Режим запретов и ограничений

Дети, желающие погулять за городом, должны получить на это разрешение у отца, жена — у мужа, муж — у жены. Гражданин, отправляющийся в другой город, обязан получить разрешение от должностных лиц:

«Они отправляются одновременно с письмом от князя, свидетельствующим о позволении, данном на путешествие, и предписывающим день возвращения. Если кто преступит свои пределы по собственному почину, то, пойманный без грамоты князя, он подвергается позорному обхождению: его возвращают, как беглого, и жестоко наказывают. Дерзнувший на то же вторично — обращается в рабство».

Государство строго следит за соблюдением целомудрия до брака и за взаимной верностью супругов. Виновных карают опять же про-

даже в рабство. Заключение брака Мор сравнивает с продажей лошади, и на этом основании считает, что жениху перед вступлением в брак надо показывать невесту голой, а невесте — жениха: разве при покупке лошади с нее не снимают попону?!

Где же равенство?

Принцип всеобщего равенства граждан в «Утопии» на самом деле отсутствует. Мы видим, что Т. Мор предусмотрел в «идеально устроенном обществе» пять социальных групп: чиновников (сигоранты и прочие), научно-техническую интеллигенцию (люди, освобожденные от физического труда ради занятия науками), священнослужителей, рядовых трудящихся (занятых сельским хозяйством и ремеслами), рабов.

Но, несмотря на этот факт, советские авторы-марксисты давали восторженную оценку фантастическому сочинению английского аристократа:

«В Утопии нет частной собственности, труд — обязанность всех граждан, 6-часовой рабочий день обеспечивает досуг для всестороннего развития способностей человека. Политический строй Утопии основан на демократических принципах. Мор гениально предвосхитил существенные черты будущего коммунистического общества (общественная собственность, распределение по потребностям, уничтожение противоположности между городом и деревней и т.д.)» /Советская Историческая Энциклопедия, том 9. М., 1966, ст. 678/

«Город Солнца» Кампанеллы

Еще одну сказку того же рода написал итальянский монах Томмазо Кампанелла (1568—1639), организатор заговора против испанских Габсбургов (которым тогда принадлежала страна) с целью установления республики. Заговор провалился, в 1599 году Кампанеллу арестовали. Светские власти обвиняли его в измене, церковные — в ереси. Умелая защита, а также мужество, проявленное при пытках, помогли Кампанелле избежать казни.

В неаполитанской тюрьме в 1601 году он написал на латыни «Город Солнца». Издать книгу типографским способом его друзья смогли только в 1623 году. Осужденный на пожизненное заключение, Кампанелла провел в тюрьме около 33 лет. Он вышел на свободу в 1632 году.

Книга имеет форму диалога между собеседниками, имена которых не называются. Это Главный Гостинник и Мореход, о котором сообщается лишь то, что он — из Генуи. Диалог начинается словами

Гостинника — «поведай мне обо всех своих приключениях во время последнего плавания». В ответ на это Мореход сообщает, что на острове в Индийском океане он попал в Город Солнца, и описывает жизнь в этом городе.

Коммунистическая теократия

Государственное устройство Города Солнца внешне напоминает теократию:

«Верховный правитель у них — священник, именующийся на их языке *Солнце*, на нашем же — мы назвали его *Метафизиком*».

Этот пост занимает самый ученый житель города, знающий «историю всех народов, все их обычаи, религиозные обряды, законы», знакомый со всеми ремеслами, физическими, математическими и астрологическими науками, но особенно изучивший метафизику и богословие. Он занимает свою должность, «пока не найдется такой, кто окажется мудрее своего предшественника и способнее его к управлению».

При Метафизике состоят три соправителя: Мощь, Мудрость и Любовь. Им помогают 36 чиновников — Астролог, Врач, Грамматик, Логик, Политик, Экономист и т.д.

Между ними разделено управление основными сторонами жизни. Например, в ведении Любви находится не только наблюдение за отношениями между мужчинами и женщинами, но и «земледелие, скотоводство и вообще все, относящееся к пище, одежде и половым сношениям». В ведении Мощи — вопросы обороны и правопорядка. Мудрость «курирует» образование, науку, искусство и ремесла.

Обобществление и регламентация жизни

Основой социального уклада города является общность всей жизни граждан, за чем пристально следит администрация:

«У них все общее. Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить. Они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие.

...Все, в чем они нуждаются, они получают от общины, и должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получил больше, чем следует, никому, однако, не отказывая в необходимом... Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое — у них общее. Но через каждые

шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне, кому во второй».

Питаются солжарии (жители Города Солнца) все вместе, «как в монастырских трапезных», причем «должностные лица получают большие и лучшие порции», из которых они уделяют что-нибудь отличившимся в учении детям.

Производство основано на всеобщей трудовой повинности: «Рабов у них нет», — сказано в одном месте. Но в другом месте сообщается, что «рабов, захваченных на войне, они или продают, или употребляют на копание рвов, либо на другие тяжелые работы вне города».

Все обязаны физически трудиться по 4 часа в день:

«...остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении».

Всеобщий и безусловный характер трудовой повинности характеризуется следующей картиной:

«Но вот что у них превосходно и достойно подражания: никакой телесный недостаток не принуждает их к праздности, за исключением преклонного возраста, когда, впрочем, привлекаются они к совещаниям: хромы несут сторожевую службу, так как обладают зрением; слепые чешут руками шерсть, щиплют пух для тюфяков и подушек; те, кто лишен и глаз и рук, служат государству своим слухом и голосом и т.д. Наконец, ежели кто-нибудь владеет всего одним каким-либо членом, то он работает с помощью его в деревне, получает хорошее содержание и служит соглядатаем, донося государству обо всем, что услышит».

Любопытная деталь, не правда ли? В каждой деревне предусмотрен штатный агент-доносчик!

После отбытия трудовой повинности жизнь солжариев тоже регламентирована. Так, в часы отдыха запрещены сидячие игры.

Мужчины и женщины носят почти одинаковую одежду, отличающуюся лишь небольшой разницей в длине плаща. Предписана форма и цвет одежды, какую носить в городе, какую — вне его территории. Указано даже, как часто одежду надо менять и стирать. Нарушение этих предписаний является серьезным преступлением:

«Они подвергли бы смертной казни ту, которая из желания быть красивой начала бы румянить лицо, или стала бы носить обувь на высоких каблуках, чтобы казаться выше ростом, или длиннополое платье, чтобы скрыть свои дубоватые ноги».

Столь же детально регламентировано искусство:

«Поэты воспевают славных полководцев и их победы. Однако же тот, кто что-нибудь при этом присочинит от себя, даже к славе кого-либо из героев, подвергается наказанию. Недостоин имени поэта тот, кто занимается ложными вымыслами».

Секс и деторождение

Разумеется, отношения полов тоже находятся под бдительным контролем государства:

«Производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц — лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части дурно производят потомство и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим как за первой основой государственного благосостояния вверяется заботам должностных лиц, и ручаться за надежность этого может только община, а не частные лица».

Рождение детей Кампанелла сравнивал с выведением скота:

«И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой.... Поэтому производители и производительницы подбираются наилучшие по своим природным качествам, согласно правилам философии».

Чиновники — Астролог, Врач и начальники отрядов — решают, какой мужчина с какой женщиной и как часто должен делить ложе. Считается, что отношения между полами имеют, кроме продолжения рода, еще только одну функцию — удовлетворение чисто физиологической потребности. Поэтому, в случае крайней необходимости, мужчинам разрешается соединение с бесплодными и беременными женщинами. Однако это возможно только по разрешению особого «главного начальника деторождения» и по представлению более низких чиновников того же ведомства, непрерывно наблюдающих за этой стороной жизни в городе. Тот же взгляд определяет и положение женщины:

«Ежели какая-нибудь женщина не несет от одного мужчины, ее сочетают с другим; если же и тут она окажется неплодной, то переходит в общее пользование, но уже не пользуется почетом».

Воспитание детей полностью находится в руках государства:

«Вскормленный грудью младенец передается на попечение начальниц, если это девочка, и начальников, ежели это мальчик».

Для обучения детей разделяют на отряды:

«На восьмом году переходят они к естественным наукам, а потом к остальным, по усмотрению начальства, и затем к ремеслам. Дети менее способные отправляются в деревню, но некоторые из них, оказавшиеся более успешными, принимаются обратно в город».

(Как видим, Кампанелла не верил в возможность «стирания противоположностей» между городом и деревней).

Наконец, обучение кончается, и молодой человек готов к выполнению своей основной функции — получить должность:

«Впоследствии все получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего, — каждый по указанию своего вождя и руководителя».

В этом обществе не существует родственных отношений:

«Все сверстники называют друг друга братьями; тех, кто старше на двадцать два года, зовут они отцами, а тех, кто на двадцать два года моложе, — сыновьями. И должностные лица внимательно следят за тем, чтобы никто не нанес другому обиды в этом братстве».

Преступления и наказания

Кампанелла ясно сознавал, что в подобном «раю» людей можно удержать только силой принуждения. Поэтому он подробно описал систему наказаний, на которой основана прочность общественного строя соляриев. Преступлениями считаются:

«Неблагодарность, злоба, отказ в должном уважении друг к другу, лень, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. Виновных лишают в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ. К насильникам применяется смертная казнь или наказание — око за око, нос за нос, зуб за зуб и т.д.».

Гомосексуализм наказывается обязательством носить позорную одежду, а в случае повторения — смертной казнью. Суровы наказания за военные преступления:

«Первый обратившийся в бегство, может избежать смерти лишь в том случае, когда за сохранение ему жизни хода-

Томмазо Кампанелла — католический монах, заговорщик, узник инквизиции, а также писатель-фантаст

тайствует все войско и отдельные воины принимают на себя часть его наказания. Но это снисхождение применяется редко и лишь при наличии ряда смягчающих обстоятельств. Вовремя не оказавший помощи союзнику или другу наказывается розгами; не исполнивший приказанный бросается в ров на растерзание диким зверям; при этом ему вручается дубинка, и если он одолеет окружающих его львов и медведей, что почти невозможно, то получает помилование».

В высшей степени показательно то, что «палачей и ликторов у них нет, дабы не осквернить государство»:

«Смертная казнь исполняется только руками народа, который убивает или побивает камнями». Одновременно «иным дается право самим лишать себя жизни: тогда они обкладывают себя мешочками с порохом и, поджегши их, сгорают, причем присутствующие поощряют их умереть достойно. Все граждане при этом плачут и молят Бога смягчить свой гнев, скорбя о том, что дошли до необходимости отсечь загнивший член государства. Однако же виновного они убеждают и уговаривают до тех пор, пока тот сам не согласится и не пожелает себе смертного приговора, а иначе он не может быть казнен. Но если преступление совершено или против свободы государства, или против Бога, или против высших властей, то без всякого сострадания приговор выносится немедленно».

Весьма показательно то обстоятельство, что обитатели «города Солнца» считают нормальным выступать в роли палачей сограждан. Кампанелла не заблуждался относительно человеческой природы. Как известно, в государствах XX века, где правила коммунисты, практика расправ представителей одной части «самого прогрессивного и гуманного общества» над другой частью приобрела огромные масштабы.

Кампанелла-«коммунист»

Марксистские идеологи «записали» Кампанеллу, как и Мора, в число предшественников «научного социализма». Поэтому и его фантастический трактат получил у них самую высокую оценку:

«В идеальном городе-государстве осуществлен разумный и совершенный общественный порядок, нет тунеядцев: все граждане, в том числе и женщины, занимаются производительным трудом чем обеспечивается изобилие и возможность распределения продуктов по потребностям. Здесь нет ни частной собственности, ни семьи, а производство, потребление, регулирование деторождения, воспитание подрастающего поколения осуществляются обществом. Воспитание граждан, особенно подрастающего поколения, основано на соединении обуче-

ния с производительным трудом». (Философская энциклопедия, том 2. М., 1962, с. 417).

Сегодня мы хорошо понимаем, что именно право частной собственности является самым надежным гарантом прав и свобод личности, что институт брака и семьи будет существовать еще очень долго, что соединение обучения с производительным трудом так и осталось лозунгом.

Некоторые выводы

Итак, Мор и Кампанелла с интервалом около 100 лет выдвинули идею создания «справедливого» общества, в котором все люди равны друг перед другом в экономическом отношении — через общее владение собственностью.

В древнюю легенду о мифическом «золотом веке» они внесли идею труда как наслаждения, провозгласили принцип обеспечения всех материальных потребностей людей посредством централизованного планирования производства и распределении продуктов совместного труда.

Но у людей разные «аппетиты». Как сделать их равными в сфере потребления? По мнению Мора и Кампанеллы, это проблема не экономики, а политики и морали. Соответственно, они считали абсолютно необходимым наличие в «справедливом» обществе государственного аппарата для подавления тех граждан, кто хоть в каком-то смысле проявляет желание подняться над общим уровнем потребления или общественного признания.

По сути дела, эти первые «коммунисты» проповедовали всеобщую уравниловку, что фактически было направлено против прогресса в области материального производства. И уже они ясно понимали, что загнать людей в «самое справедливое общество» и удерживать в нем можно только силой!

Глава 2

ПЛАНЫ УСТРОЕНИЯ КОММУНИЗМА В XVIII ВЕКЕ

«Кодекс природы» Морелли

Этьен-Габриэль Морелли (1717—около 1778) жил в маленьком французском городе Витри, где всю жизнь работал учителем.

В 1753 году Морелли опубликовал поэму «Базилиада, или Кораблекрушение у плавучих островов», в которой нарисовал картину коммунистической утопии. В основу этого сочинения он положил особенности развития и функционирования империи Инков, которую Луи Боден назвал «социалистической империей». В ответ на критику идей, изложенных в поэме, Морелли в 1755 году анонимно издал трактат «Кодекс природы, или Подлинный дух её законов», где более подробно обосновал свою позицию.

В соответствии с идеями Жан-Жака Руссо, Морелли полагал, что по своей природной сути человек добр, однако его натуру испортила частная собственность. Поэтому существующий строй необходимо заменить коммунистическими порядками. Он писал:

«Ничто не будет принадлежать никому — кроме предметов, которыми человек непосредственно пользуется в данный момент для своих потребностей, удовольствий, повседневной работы. Каждый гражданин будет вносить свой личный вклад в деятельность сообщества (коммуны) в соответствии со своими способностями, своим дарованием и своим возрастом».

Такой переворот, полагал Морелли, в известной степени станет возвращением к утраченному естественному состоянию. Однако если коммунизм прошлого был бессознательным, то коммунизм грядущий будет сознательным.

Считается, что Карл Маркс заимствовал у Морелли свой знаменитый лозунг «Каждый по способностям, каждому по потребностям».

В отличие от Мора и Кампанеллы, чьи взгляды оказали существенное влияние на Морелли, он излагал свои представления о коммунистическом обществе не в виде описания общественного строя некоей фантастической страны, а в форме законодательных проектов.

Морелли сформулировал три «основных и священных» закона, с введения которых начнется переустройство общества на комму-

нистических началах. Первый из них отменит частную собственность, второй обеспечит всем гражданам право на труд и гарантирует получение содержания от общества, третий обяжет каждого гражданина заниматься общественно-полезным трудом в соответствии с его возрастом, силами и способностями.

Морелли считал, что коммунистическое устройство общества надо вводить сразу в масштабе всей страны, с централизованным учётом труда и распределением его продуктов по принципу равенства потребностей всех людей.

Мало известный современникам, Морелли оказал влияние на формирование взглядов Гракха Бабёфа, а также на утопических социалистов первой половины XIX века — Этьена Кабе, Шарля Фурье, отчасти и на Теодора Дезами.

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» отметил, что Морелли создал «прямо коммунистическую теорию».

Идея Руссо о природной «доброте» человеческих существ не нашла подтверждения в науке. Ныне доказано, что практически все популяции первобытных людей прошли через людоедство. Различие только в том, на каком этапе своего развития те или иные человеческие сообщества отказались от употребления в пищу себе подобных. Но, в любом случае, людоедами наши предки были на протяжении десятков тысяч лет!

Постепенно эту практику сменил обычай принесения людей в жертву языческим богам, духам и прочим сверхъестественным существам. А охота на представителей вида «гомо сапиенс» из добычи пищи трансформировалась в войну за территорию и материальные блага. О какой «врожденной доброте» может идти речь?!

Несостоятельна также идея о том, что «добрых людей» испортило введение частной собственности. Люди, в биологическом смысле, стадные животные. За миллион лет они прошли огромный путь развития от примитивных человекоподобных существ до нынешних интеллектуалов. А всем стадным животным изначально присущ инстинкт владения — либо землей, которую они метят и всячески защищают от конкурентов, либо другими животными, за счет которых они кормятся. Это и есть прообраз частной собственности.

Никто не «вводил» право на нее, она естественным образом присуща людям с момента возникновения данного вида приматов. Иными словами, центральная идея коммунизма (отмена частной собственности) противоречит самой сути человека.

Бабёф и «заговор равных»

В 1796 году, во время правления Директории, в Париже было основано тайное общество, готовившее политический переворот и разрабатывавшее программу принципиально новой организации государства. Во главе общества стояла Тайная Директория Общественного Спасения, опиравшаяся на сеть агентов по всей стране. Руководили ею Филипп Буонаротти (1761—1837) и Гракх Бабёф (настоящее имя Франсуа Ноэль; 1760—1797).

Восстание готовил тайный военный комитет. Заговорщики предполагали, что им будут активно содействовать до 17 тысяч человек. Однако по доносу предателя руководители заговора были арестованы: двоих (в том числе Бабёфа) — казнили, Буонаротти — со- слали.

Освободившись в 1806 году, Буонаротти жил в Женеве, а с 1824 года — в Брюсселе, и продолжал пропагандировать свои взгляды. Под его влиянием находилось большинство деятелей революционного социализма того времени, в том числе Джузеппе Мадзини (1805—1872), Огюст Бланки (1805—1881) и Вильгельм Вейтлинг (1808—1871). О влиянии Вейтлинга на формирование коммунистических взглядов Маркса мы скажем ниже.

Подробное изложение планов Тайной директории Буонаротти дал в книге «Заговор во имя равенства, или так называемый заговор Бабёфа», опубликованной в 1828 году в Брюсселе.

Радикальный проект «равенства»

Основой мировоззрения заговорщиков было стремление к равенству любой ценой. Этот принцип они обосновали в своем «Манифесте»:

«Все люди равны, не так ли? Этот принцип неопровержим, ибо только лишившись рассудка, можно со всей серьезностью назвать день ночью».

Из этого тезиса следует весьма радикальный вывод:

«Мы хотим действительно равенства или смерти — вот чего мы хотим»; «ради него мы согласны на все; согласны смести все, чтобы держаться его одного. Пусть исчезнут, если надо, все искусства, только бы нам осталось подлинное равенство»; «пусть исчезнут, наконец, возмутительные различия между богатыми и бедными, большими и малыми, господами и слугами, управляющими и управляемыми».

Практическая же рекомендация такова: в первую очередь надо провозгласить общность имущества:

«Аграрный закон, или раздел обрабатываемых земель, был кратковременным требованием некоторых беспринципных солдат, некоторых племен, движимых скорее инстинктом, нежели разумом. Мы же стремимся к чему-то более возвышенному и более справедливому, к общности собственности или общности имущества. ...Вся собственность, сосредоточенная на национальной территории, едина; она неизменно принадлежит народу, который один только вправе распределить пользование ею и ее плодами».

Право индивидуальной собственности отменяется. Вся страна превращается в единое хозяйство, управляемое «вручную». Торговля, — кроме самой мелкой, — прекращается, деньги изымаются из внутреннего употребления.

«Необходимо, чтобы все произведения земли и промышленности хранились в общественных складах, откуда они будут отпускаться для равного их распределения между гражданами под надзором ответственных за это должностных лиц».

Одновременно вводится всеобщая трудовая повинность:

«Лица, ничего не делающие для отечества, не могут пользоваться никакими политическими правами; они — иностранцы, которым республика оказывает гостеприимство».

Служить Отечеству надо «полезным трудом», то есть земледелием, скотоводством, рыболовством, судоходством; мелкой торговлей; перевозкой людей и вещей; военным делом; преподавательской и научной деятельностью. При этом «лица, занимающиеся преподаванием и наукой, должны предоставить свидетельство о благонадежности. Лишь в таком случае их труд будет считаться полезным» (чем не принцип большевиков?)

«Грабь награбленное!»

С первого же дня переворота предполагалось осуществить экономические преобразования, как сообщал заранее подготовленный «экономический декрет». Все граждане, добровольно отказавшиеся от собственности, образуют большую национальную общину. Правда, всякий сохранял право в эту общину не входить. Но тогда он автоматически приобретал плачевный статус «иностранца». Экономическое же положение «иностранца» определялось «декретом о налоговых обложениях», который содержал любопытные статьи:

«1. Единственными плательщиками налогов являются граждане, не вошедшие в состав общины. /т.е. «иностранцы» и приравненные к ним лица — *Авт./...*

4. Общая сумма взносов налогоплательщика в каждом текущем году вдвое превышает сумму предыдущего года. (!)

6. От лиц, не являющихся участниками национальной общины, может в случае необходимости потребоваться доставка на склады национальной общины, в счет будущих налогов, продовольствия или промышленных товаров».

В декрете «О долгах» статья 3 сообщает, что «долги любого француза, ставшего членом национальной общины, по отношению к любому другому французу аннулируются».

Задумана была также «раздача защитникам отечества и беднякам имущества эмигрантов, заговорщиков и врагов народа». В первый же день переворота народ должен был ждать следующих важных реформ:

«По окончании восстания неимущие граждане, находящиеся в настоящее время в плохих помещениях, не возвратятся в их обычные жилища; они будут незамедлительно вселены в дома заговорщиков».

К «заговорщикам» и «врагам народа» — как выясняется далее — планировалось отнести всех состоятельных людей:

«У вышеупомянутых богачей будет изъята мебель, необходимая для того, чтобы с удобством обставить жилища санкюлотов»*.

Гракс Бабёф

Устройство новой власти

Решающую роль в новой жизни должны играть особые управленцы — своего рода «номенклатура XIX века»:

«Должностные лица руководят работами, следят за тем, чтобы они равномерно распределялись».

Иностранцы находятся под непосредственным надзором верховной администрации, которая может выслать с их постоянного места жительства в места «исправительного труда». Под страхом смертной казни им запрещается иметь оружие. Еще раз отметим,

* Напомним, что французское слово «санкюлот» (sans culotte) дословно означает «без штанов», а в переносном смысле — «голодранец».

что к «иностранцам» приравнивались все соотечественники, не пожелавшие отдать свое имущество в общее пользование!

Создатели этой очередной утопии вполне отдавали себе отчет в том, что ее реализация потребует невиданного роста числа должностных лиц. Эту проблему они ставили широко:

«В самом деле, никогда еще нация не имела их в таком количестве. Помимо того, что в известных отношениях каждый гражданин являлся бы должностным лицом, надзирающим за самим собой и за другими, не подлежит сомнению, что общественные должности были бы весьма разнообразны и должностные лица весьма многочисленны».

Вот как мыслились отношения граждан с новой бюрократией:

«В задуманном Комитетом общественном строе отечество завладевает человеком со дня его рождения и не покидает до самой смерти».

Власть начинает с воспитания ребенка: «предохраняет его от опасной ложной нежности и рукой матери отводит его в государственное учреждение, где он приобретает добродетели и знания, необходимые истинному гражданину». Из казенных школ юноши переходят в военные лагеря и лишь затем под руководством «должностных лиц» приступают к полезному труду. При этом:

«Муниципальная администрация постоянно осведомлена о положении трудящихся каждого класса и о выполняемом ими задании. Она регулярно доводит об этом до сведения верховной администрации».

Но в период, непосредственно следующий за переворотом, структура власти предполагалась иной. Какой?

Ответ на этот «деликатный вопрос» со стороны заговорщиков сводился в основном к тому, что власть должна находиться в руках заговорщиков или частично передаваться назначенным ими лицам:

«Парижскому народу будет предложено учредить облеченное верховной властью Национальное Собрание, состоящее из демократов, по одному из каждого департамента; тем временем Тайная Директория тщательно исследует, кого из демократов надлежит предложить

Филипп Буонаротти

после того, как революция будет осуществлена. Директория не прекратит своей деятельности, а будет осуществлять надзор над образом действий нового Собрания».

Игорь Шафаревич отметил:

«После долгих колебаний наши заговорщики почти решились испросить у народа декрет, который вверял бы законодательную инициативу и исполнение законов им одним». Так, в разделе программы, озаглавленном «В начальной стадии преобразования ведомства должны вверяться только революционерам», говорится: «Основать подлинную республику должны лишь те бескорыстные друзья человечества и родины, разум и мужество которых опередили разум и мужество их современников».

Поэтому состоящий из «бескорыстных друзей человечества» Комитет «твердо придерживался того, чтобы общественные учреждения, составлявшиеся исключительно из лучших революционеров, обновлялись лишь постепенно». Более конкретно, из существовавшего в то время Конвента оставлялось 68 указанных Комитетом депутатов. К ним присоединялись 100 депутатов, отобранных «нами совместно с народом».

Как и российские большевики в будущем, участники «заговора равных» конфликтовали между собой по поводу дележа еще не обретенной добычи. Сначала к Комитету примкнула небольшая группа, называвшая себя «монтаньяры», но вскоре «комитет был осведомлен, что они втайне прибегали к маневрам, чтобы обеспечить сосредоточение верховной власти в республике исключительно в своих руках. Комитет же был убежден, что монтаньяры не способны «творить добро» и потому счел преступлением малейшее движение, которое передаст власть в их руки.

Переходный период

В отличие от своих предшественников, Бабёф впервые задумался над задачами *переходного к коммунизму периода*, предложив методы установления и укрепления вновь возникшего строя (в основе своей — террористически-насильственные).

В уже установившемся обществе будущего в каждом округе создается «собрание, которое состоит из всех граждан этого округа. Делегаты, назначенные непосредственно народом, составляют «центральное собрание законодателей». Однако законодательная власть этих собраний ограничивается выделением основных принципов, которые «сам народ не вправе ни нарушать, ни видоизменять».

Параллельно законодательным собраниям следует создать сенаты, состоящие из стариков, а наивысшую власть отдать в руки корпорации «блюстителей национальной воли». Она мыслилась как «своеобразный трибунал, на который был бы возложен надзор за тем, чтобы законодатели, злоупотребив правом издания декретов, не посягнули на законодательную власть».

Регламентация жизни

Повседневные потребности граждан регулируются особо:

«В каждой коммуне будут в определенное время устраиваться общественные трапезы с обязательным присутствием всех членов общины».

Всякий член общины «получает обычный рацион только в том округе, в котором он проживает, кроме случаев перемещения с разрешения администрации».

Одновременно «развлечения, не распространяемые на всех, должны быть строжайшим образом запрещены». Зачем? Оказывается, «из опасения, как бы воображение, избавленное от надзора строго судьи, не породило вскоре ужасных пороков, столь противоречащих общему благу».

«Равные» Бабёфа сообщают нам, что они — друзья всех народов. Но временно, после их победы Франция должна быть строго изолирована. Границы — на замок:

«До тех пор, пока другие нации не примкнут к политическим принципам Франции, с ними не могут быть установлены тесные сношения; до этого времени Франция будет усматривать лишь опасность для себя в их нравах, учреждениях и, главным образом, в их правительствах».

Религия может сохраниться, но только в статусе служанки государственной машины. По мысли Буонаротти, следует признать Божественное начало и бессмертие души, ибо «для общества важно, чтобы граждане признавали непогрешимого судью их тайных помыслов и деяний, которые не могут быть достигнуты законом, и чтобы они считали, что необходимым следствием их преданности человечеству и родине будет вечное счастье»... При этом «учение Иисуса, изображенное проистекающим из естественной религии, от которой оно не отличается, могло бы послужить опорой для разумного преобразования...».

Но сам Бабёф стоял на более радикальной позиции:

«Я беспощадно нападаю на главного идола, которого до сих пор чтити и боялись наши философы, осмелившиеся нападать лишь на его свиту и на его окружение... Христос не был ни санкюлотом, ни честным

якобинцем, ни мудрецом, ни моралистом, ни философом, ни законодателем».

Введение тотальной цензуры

Раздел «Свобода печати» особенно восхищает:

«Необходимо будет подумать о том, какими средствами извлечь из печати всю ту помощь, которую от нее можно ожидать без риска снова увидеть справедливость, равенства и права народа поставленными под вопрос, а республику — отданной во власть нескончаемых и роковых дискуссий».

Эти «средства» очень просты:

«Никто не может высказывать взгляды, находящиеся в прямом противоречии со священными принципами равенства и народного суверенитета. Воспрещается публикация любого сочинения, имеющего мнимо разоблачительный характер.

Любое сочинение печатается и распространяется лишь в том случае, если блюстители воли нации считают, что его опубликование может принести пользу республике».

Система террора

Наконец, в цепи мер, укрепляющих новый режим, был предусмотрен и террор. Как же обойтись без него на марше в «светлое коммунистическое завтра»?!

Надо восстановить трибуналы, действовавшие в период якобинской диктатуры. Надо обеспечить «возвращение в тюрьмы под страхом объявления вне закона всех лиц, содержавшихся там до 9 термидора II года в том случае, если они не подчинились призыву ограничиться необходимым в пользу народа».

«Всякое сопротивление должно быть немедленно подавлено силой. Сопrotивляющиеся подлежат истреблению. Подлежат также смертной казни: лица, которые будут сами или заставлять других бить сбор. Иностранцы, к какой бы национальности они ни принадлежали, которые будут застигнуты на улице».

Члены существующего правительства, в том числе Директории, должны быть казнены: «Преступление было налицо, карой должна была быть смертная казнь — необходим великий пример». Более того, эти люди «должны были быть погребены под развалинами своих дворцов, обломки которых напоминали бы самым отдаленным поколениям о справедливой каре, понесенной врагами народа».

Вот так появился термин «враги народа». Мы видим, что такими уже тогдашние коммунисты называли своих явных и потенциальных противников. Народ здесь абсолютно не при чем.

В новом обществе «верховная администрация осуждает на принудительные работы, под надзором указываемых коммун, лиц обоего пола, подающих обществу вредный пример отсутствия у них гражданского сознания, пример праздности, роскошного образа жизни и разнузданности».

Последняя идея изложена подробно:

«Острова Маргариты и Онорэ, Гиерские острова, острова Олерон и Рэ будут превращены в места исправительного труда, куда будут выселяться для принудительных общественных работ подозрительные иностранцы и лица, арестованные за обращение с воззванием к французам. Доступ к этим островам будет прекращен. На них будет существовать администрация, подчиняющаяся непосредственно правительству».

Как видим, приверженцы коммунизма планировали ГУЛАГ уже в начале XIX века!

Разрабатывая систему практических мероприятий и реформ, деятели «Союза Равных» не закрывали глаза на возражения, которые они могли встретить:

«Дезорганизаторы, мятежники, — заявляют они нам, — вы хотите лишь бойни и добычи».

Они их отметали:

«Никогда еще не был задуман и осуществлен более широкий план. Пусть нам укажут такой общественный строй, при котором столь крупные результаты достигались бы более простыми и более легко претворяемыми в действие средствами».

И в этом они тоже предшествовали большевикам. Ленинцам в 1917 году тоже казалось, что главное — захватить власть и удержать ее. После этого практическая реализация коммунистических идей не составит большой проблемы.

«Кодекс общности» Т. Дезами

Теодор Дезами — видный представитель французского «народного коммунизма».

Он получил хорошее образование — изучал медицину, философию и право. В 1830-е годы примкнул к тайному революционному «Обществу времен года», члены которого руководствовались

идеями Огюста Бланки. В 1839 году учредил ежемесячный «Журнал социальной организации», в 1848 году издавал газету «Права человека. Трибуна пролетариев», сотрудничал с другими революционными периодическими изданиями. Принял деятельное участие в революции 1848 года.

Его главное сочинение «Кодекс общности» вышло из печати в 1842 году. В нем Дезами утверждал, что только в «солидарной ассоциации», основанной на коллективном труде ради общего блага, возможно гармонично сочетать личные и общественные интересы.

Дезами уделил большое внимание вопросам плановой организации производства в будущем обществе; отстаивал принцип распре-

Теодор Дезами (1803—1850)

деления материальных благ в соответствии с «разумными потребностями» всех членов общества; признал пролетариат (в который он включал не только рабочих, но также трудящуюся интеллигенцию и сельскую бедноту) носителем коммунистических идей; утверждал необходимость революционной «диктатуры принципов» (но не «диктатуры лиц») в период, переходный от капитализма к коммунизму.

Энгельс, сравнивая Дезами с предшественниками, отнес его к тем «более научным фран-

цузским коммунистам», которые «развивали учение материализма как логическую основу коммунизма». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., том 2, с. 146).

Глава 3

ОТ ТЕОРИИ — К ПРАКТИКЕ

Маркс и Энгельс в поисках предшественников своего коммунистического проекта называли теории французов Сен-Симона, Фурье и Кабе, британца Оуэна, некоторых других авторов «источниками» своего учения*. Я коснусь здесь только двоих из них, тех, кто попытался реализовать свои идеи на практике.

Оуэн

Выходец из Уэльса, Роберт Оуэн (1771 — 1858) на старте трудового пути взял у старшего брата займы деньги и открыл с компаньоном небольшую мастерскую, изготавливавшую прядильные машины. Изобретая новые способы для обработки грубого американского хлопка, он в 20 лет стал управляющим мануфактуры по производству хлопковых тканей.

В 1799 году Оуэн переселился в Нью-Ланарк (в Шотландии), где вскоре стал совладельцем и управляющим бумажной фабрики своего тестя. Сюда он прибыл с планом реформы. На примере этой фабрики Оуэн хотел доказать, что забота о наемных рабочих вполне совпадает с интересами работодателя.

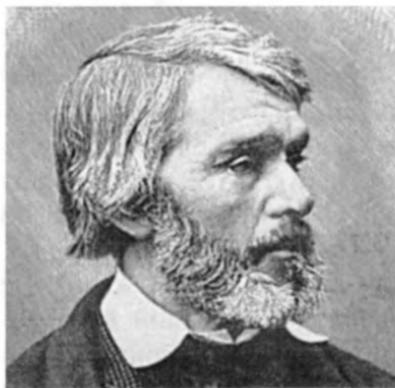
Он начал с создания системы «патроната» наемных работников. В нее входили справедливая оплата труда, кассы взаимопомощи, магазины со «справедливыми ценами» на товары, медицинское обслуживание, школа для детей рабочих.

В первые годы XIX века нью-ланаркская фабрика привлекла к себе толпы посетителей, удивлявшихся как ее коммерческому успеху, так и благосостоянию рабочих. Посетил эту фабрику и российский великий князь Николай Павлович, будущий император Николай I. Удивленный успехом Оуэна, а также зная о бедствиях фабричных рабочих, которое тогда объясняли чрезмерно быстрым их размножением, он предложил реформатору взять с собой два миллиона лишнего британского населения и переселиться в Россию. Но Оуэн категорически отказался от предложения.

В 1815—1817 годы, на фоне ухудшения экономического положения Англии, сопровождавшегося ростом безработицы и нищеты, Оуэн представил правительственному комитету свой план облегчения этих трудностей. Его замысел заключался в создании для бед-

* См.: Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., том 19.

няков особых кооперативных посёлков, где они трудились бы сообща, без капиталистов-нанимателей. Эти идеи встретили непонимание и раздражение. Тогда Оуэн обратился прямо к широкой публике. В нескольких речах, публично произнесенных в августе 1817 года, он впервые изложил план переустройства общества на коммунистических началах. Программа предполагала создание трудовых кооперативных общин. Но усилия Оуэна в этом направлении оказались напрасными.

Роберт Оуэн

Тогда он развернул агитацию в пользу радикального обновления существовавшего в то время фабричного законодательства, обращаясь с соответствующими призывами к монархии и земельной аристократии. Главным препятствием для гармонизации жизни он считал господствовавшую теорию невмешательства государства в отношения работодателей и наемных работников. Но и здесь ничего не получилось.

В итоге Оуэн пришёл к мысли о необходимости полного преобразования промышленной системы. Он явился первым ее социалистическим критиком*. Промышленная система, по мнению Оуэна, основана на трёх ложных началах:

- 1) на детальном разделении труда (ухудшающем расу);
- 2) на соперничестве (создающем всеобщее противоречие интересов);
- 3) на получении прибыли (возможной тогда, когда спрос равен предложению или превышает его).

Устранение этих «ложных начал» произойдёт тогда, когда отдельные группы производителей, пользуясь производительными мощностями (безграничными на почве все новых и новых изобретений), соединятся в кооперации для производства необходимых продуктов — при помощи своего труда и своего капитала — с целью удовлетворения собственных потребностей. Исходя из этого, Оуэн стал пропагандировать создание производственных общин (или ассо-

* Впервые понятие «социалистический» было использовано в леворадикальном британском журнале «Co-operative Magazine» в 1826 году. Сам же термин «социализм» первым употребил французский мыслитель-утопист Пьер Леру в 1834 году.

циаций), задача которых, по его словам, «заключалась в организации всеобщего счастья при посредстве системы единства и кооперации, основанной на всеобщей любви к ближнему и истинном познании человеческой природы».

Но эти идеи у представителей английского «образованного общества» интереса не вызвали. Тогда Оуэн с сыновьями в 1825 году купил в штате Индиана 30 тысяч акров земли (12140 гектаров) и учредил производственную общину «Новая гармония», устав которой основывался на принципах уравнительного коммунизма. Все дела колонии Оуэн вел вместе с выборным комитетом. Однако и эта попытка пересоздать природу людей через преобразование условий их жизни окончилась неудачей. Предприятие, поглотив почти всё состояние Оуэна, окончилось провалом.

В 1832 году неугомонный 60-летний прожектер организовал в Лондоне «биржу трудового обмена», чтобы уничтожить всякую торговую прибыль. На биржу всякий производитель мог доставлять товары, получая за них трудовые билеты из расчета 6 пенсов за каждый час труда, вложенный в продукт. Первоначально успех биржи был очень велик: за первую неделю сюда было доставлено товара более чем на 10 тысяч фунтов стерлингов (по нынешнему курсу — свыше миллиона долларов). Но купцы посылали на биржу свои залежавшиеся товары, а сами забирали оттуда все наиболее ценное; биржу скоро завалили товары, не пользовавшиеся спросом. Оценка товаров по времени труда возбуждала недоразумения и споры. С нагромождением на бирже никому не нужных товаров трудовые билеты потеряли всякую цену — биржа кончила банкротством.

Все же, несмотря на свои неудачи, Оуэн стал духовным отцом кооперативного движения, ставившего своей задачей сделать потребителя одновременно и производителем.

Эксперименты Оуэна — гуманные по своему духу и целям — выдвинули на авансцену сложнейшую задачу, решение которой оказалось не по силам всем будущим социалистическим режимам: как соединить централизованное управление и планирование с экономической эффективностью и гибкостью частной инициативы.

Кабе и его «Икарфия»

Француз Этьенн Кабе (1788—1856) — создатель еще одной коммунистической утопии.

Он родился в семье ремесленника, но сумел получить образование и стать адвокатом по политическим делам. Участвовал в движении карбонариев и в революции 1830 года. После революции его из-

брали депутатом нижней палаты французского парламента. В 1832 году он опубликовал статью «Революция 1830 года и современное положение», в которой доказывал, что революцию совершили рабочие, а буржуазия присвоила себе все плоды. В следующем году Кабе возглавил организацию «Свободная ассоциация просвещения народа» и начал издавать еженедельник «Народ». Но в 1834 году вследствие многочисленных нападков властей ему пришлось уехать в Англию.

Там Кабе под влиянием знакомства с Р. Оуэном перешел на позиции коммунизма и разработал собственную доктрину. Он изложил ее в книге «Путешествие и приключения лорда Уильяма Керисдолла в Икарии» (1840 г.). В книге три части: описание путешествия в воображаемую страну; рассказ о переходе Икарии от старого общественного порядка к строю общности имущества и всеобщего равенства людей; изложение основ учения о социальной общности.

Этьенн Кабе

Кабе исходил из того, что природа создала всех людей равными, но вследствие человеческого невежества возникла частная собственность. А от нее произошли все пороки современного общества, от которых страдают и пролетарии, и буржуазия. Поэтому те и другие должны объединиться и создать «всеобщую ассоциацию» — коммунистическое общество.

В таком обществе, по мысли Кабе, должны главенствовать своеобразная религия пантеизма (т.е. обожествление природы) и уравнительный принцип потребления. Аристократов следует уравнивать в правах с представителями других сословий. Коммунизм, в его представлении, это ассоциация производителей, построенная на основе равенства, братства и демократии. При этом в промышленности должны преобладать коллективные формы организации труда, а в сельском хозяйстве — индивидуальные (частные фермы, принадлежащие семьям).

Пропаганда идеи коммунистических колоний имела значительный успех среди французских рабочих и ремесленников. При содействии Оуэна Кабе удалось получить бесплатно в США (в штате Техас) участок земли для создания икарийской общины. Для руководства ею в 1849 году он сам уехал в Америку. В 1851 году Кабе вернулся во Францию, где возобновил политическую деятельность, но государственный переворот 2 декабря 1851 года вынудил его срочно уехать в Лондон, а оттуда в августе 1852 года он снова прибыл в США.

Среди членов коммуны в Техасе вскоре начались раздоры, повлекшие глубокий кризис. Дело дошло до того, что самого Кабе исключили из членов общины! Тогда он с группой своих верных сторонников создал в 1856 году новую общину в штате Иллинойс. Но в ноябре того же года Кабе умер.

В 1858—64 гг. существовала коммуна последователей Кабе в штате Миссури; в 1860—78 гг. в штате Айова; в 1884—87 гг. в штате Калифорния. Последняя из коммун — «Новая икарийская община» существовала до 1895 года. Икарийцы были связаны с Социалистической рабочей партией США и с Первым Интернационалом.

Кабе пропагандировал «мирный путь» осуществления коммунизма — через пропаганду и реформы. Он призывал бедных примириться с богатыми, а богатых — поделиться с бедными. За это Маркс и Энгельс относились к нему враждебно и подвергали насмешкам в своих сочинениях. В частности, Маркс называл Кабе «самым поверхностным представителем коммунизма».

Глава 4

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА

Вейтлинг и «Союз справедливых»

Вильгельм Вейтлинг (1808—1871) — немецкий философ-утопист (самоучка), один из первых деятелей немецкого рабочего движения, один из теоретиков уравнилельного коммунизма, при котором полное экономическое и социальное равенство осуществляется путём уравнивания индивидуальных потребностей и строгой регламентации жизни.

Вильгельм Вейтлинг

Ученик портного из Магдебурга, Вейтлинг с 15 лет скитался по Германии, Австрии и Франции в поисках работы. Оказавшись в Париже, он в 1836 году вступил в действовавший там «Союз отверженных» — тайную организацию немецких политических эмигрантов и странствующих ремесленников-подмастерьев. Здесь он примкнул к его радикальному крылу, которое состояло из ремесленников, находившихся под влиянием идей утопического коммунизма.

Вскоре Вейтлинг, на взгляды которого значительное воздействие оказали коммунистические идеи Бабёфа, стал вместе с Карлом Шаппером (1812—1870) одним из инициаторов раскола «Союза отверженных», в результате чего осенью того же 1836 года на основе радикального крыла они создали пропагандистский «Союз справедливых» (нем. *Bund der Gerechten*) — первую коммунистическую организацию немецких рабочих.

В 1838 году Вейтлинг написал для «Союза справедливых» программную работу «Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть».

После провала в Париже восстания бланкистов (12 мая 1839 г.) Вейтлингу пришлось переехать в Швейцарию, где в 1841—1843 гг. он вёл пропаганду идей уравнилельного коммунизма в объединениях ремесленников и издавал ежемесячный журнал «Помощник немецкой молодежи» (*Der Hilferuf der deutschen Jugend*). В 1842 году

написал книгу «Гарантии гармонии и свободы», которую Маркс назвал «блестящим дебютом немецкой социалистической литературы».

Дальнейшая его деятельность не представляет для нас интереса. Отметим только, что с 1849 года и до конца жизни он проживал в Нью-Йорке.

Для взглядов Вейтлинга характерно признание революции как способа установления коммунистического строя, однако такую революцию он считал стихийным явлением, главную роль в котором играют деклассированные и беднейшие слои общества.

Маркс и Энгельс объявили Вейтлинга своим учителем в вопросах рабочего движения.

«Союз коммунистов»

В 1840 году руководители «Союза отверженных» (Карл Шаппер, Иосиф Молль, Генрих Бауэр) переехали из Брюсселя в Лондон. Там они создали две новые организации — «Просветительское общество немецких рабочих», а также интернациональное общество «Братские демократы».

Весной 1847 года они пригласили молодых теоретиков Карла Маркса (1818—1883) и Фридриха Энгельса (1820—1895) помочь им в реорганизации общества «Союз отверженных». Те согласились. Реформированная организация взяла своим названием «Союз коммунистов». Бауэр, Молль, Шаппер, Маркс и Энгельс вошли в состав ее руководящего органа — Центрального комитета (ЦК).

По просьбе новых товарищей Маркс и Энгельс написали знаменитый «Манифест коммунистической партии», опубликованный 21 февраля 1848 года. В нём, провозгласив неотвратимость гибели капитализма от рук пролетариата, они в кратком виде изложили свое понимание процесса перехода от капитализма к коммунизму:

«Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, то есть пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил. Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, то есть при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства».

В общем виде программа перехода от капитализма к коммунизму включала 10 пунктов:

«Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах. Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.
2. Высокий прогрессивный налог.
3. Отмена права наследования.
4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.
5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.
6. Централизация всего транспорта в руках государства.
7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.
8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.
9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней.
10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.»

«Манифест коммунистической партии». Издание 1848 г.

Кроме того, в 1849 году Энгельс написал «Принципы коммунизма» — проект программы «Союза коммунистов».

Эти две работы («Манифест...» и «Принципы...») явились первым систематическим изложением главных идей марксизма. Познакомимся с ними поближе.

Калька программы «заговора равных»

Маркс и Энгельс в своем плане общеевропейского революционного переворота недалеко ушли от идей Гракха Бабёфа и его приверженцев.

В ставшем библией для революционных маргиналов Европы «Манифесте коммунистической партии» они подчеркивали: «коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»*. Относительно других материальных сторон жизни в будущем обществе в «Коммунистическом манифесте» нет никаких практических указаний**.

В работе Энгельса «Принципы коммунизма» мы находим:

«9. Сооружение больших дворцов в национальных владениях в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством, и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их недостатков».

Применительно к институту семьи и брака провозглашалась следующая программа переустройства:

«Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов. На чем держится современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в открытой проституции. Буржуазная семья, естественно, должна будет пасть вместе с падением этого дополнения, и обе исчезнут с исчезновением капитала.

Вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы уничтожаем самые душевные отношения. А разве ваше воспитание не определяется также обществом?».

В «Принципах Коммунизма» среди первых мероприятий, которые должны быть осуществлены немедленно после революции, мы находим:

* Нынешние апологеты коммунизма настаивают на том, что вся кровавая практика «реального коммунизма» обусловлена тем, что оригинала «Манифеста» неточно перевели на русский язык. Дескать, надо было написать не «уничтожение», а «снятие» частной собственности (в гегелевском смысле — вобрав всё лучшее, что дал миру этот институт).

Но, во-первых, редактуру переводов трудов классиков на русский язык после 1917 года взяли под свой контроль большевистские вожаки, их вполне устраивал такой перевод. Во-вторых, вся история «снятия» частной собственности коммунистами во все времена и во всех странах это исключительно грабеж и массовые убийства обладателей собственности.

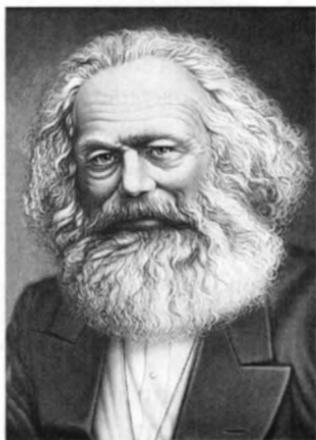
** Осознав катастрофический провал преобразований в русле «военного коммунизма» и полную непригодность классического марксизма для создания реально функционирующей экономической системы, Ленин отметил: «В работах Маркса вряд ли вообще можно найти хотя бы одно слово об экономике социализма — за исключением таких бесполезных лозунгов как «каждый — по способности, каждому — по потребности!»

«8. Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счет».

В «Коммунистическом манифесте»:

«Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен! — кричит нам хором вся буржуазия.

Коммунизму не нужно вводить общность жен, она почти всегда существовала. Не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери пролетариев, наши буржуа находят особенное наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга. В действительности буржуазный брак является общностью жен. Коммунистов можно было бы упрекнуть разве лишь в том, что они хотят поставить официальную, открытую общность жен на место лицемерно скрываемой».

Карл Маркс

ром. Тогда и возник удивительный идейный монстр, названный «научным коммунизмом».

«Научный коммунизм»

Сами создатели трактовали научный коммунизм как теорию самоуправляющегося общества, способного регулировать направление и темпы собственных изменений; как теорию общества, способного обеспечить эффективный контроль над любыми последствиями собственных действий.

Переход к коммунизму рассматривался как «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» на основе сформировавшегося мирового рынка и массового машинного производства.

Итак, под разными одеждами у всех упомянутых здесь теоретиков коммунизма, от Мора до Энгельса, скрывается почти одна и та же программа:

- 1) уничтожение частной собственности;
- 2) уничтожение семьи, то есть общности супругов, разрыв связей между родителями и детьми;
- 3) акцент на материальное благополучие путем «уравниловки».

«Сладкой облаткой» для реализации этой программы выступило ее псевдонаучное оформление, осуществленное несколько позже Марксом и его соавтором.

«Свобода» по Марксу («коммунистическая» свобода) выступала как свобода высшего порядка, предполагающая безграничное развитие всех потенций человеческой природы. Негативную, частную свободу индивидов в капиталистическом обществе и государстве он понимал как отчуждение людей и от себя, и от продуктов собственного труда, как процесс растущей дегуманизации человека. Трактовку свободы в контексте идей индивидуализма, буржуазного права и либеральной демократии Маркс отвергал в принципе.

Вначале он мыслил коммунизм как результат ликвидации системы общественного разделения труда и «рыночной природы» человека при капитализме, как социальный идеал всесторонней самореализации личности во всех измерениях ее существования. Но в дальнейшем осознал неизбежность «непосредственно-обобщественного», планируемого, жестко организованного, управляемого «сверху вниз» производства (типа «одной большой фабрики») и в условиях коммунизма.

Кстати говоря, по мнению Петра Струве (1870—1944), крупного русского мыслителя, марксизм во многом унаследовал механический рационализм XVIII века. В результате в нем исчезла идея личной ответственности человека за себя и за окружающий мир. Маркс и Энгельс, по Струве, «отказались от морали и разума». В основе их концепции социализма лежит идея полной рационализации всех процессов, совершающихся в обществе. Однако «ни индивидуальный, ни коллективный разум не способен охватить такое обширное поле и не способен все происходящие в нем процессы подчинить единому плану».

«Коммунизм ...сопряжен с мифом о достижимости всеобщего равенства людей на основе многомерного и беспредельного изобилия».

/Всемирная энциклопедия. Философия. Москва — Минск, 2001, с. 493—494./

Фридрих Энгельс

Ставка на насилие

Итак, базовую стратегию построения «общества будущего» Маркс и Энгельс свели к насильственной ликвидации самой основы капитализма — института частной собственности.

Весь ужас этого проекта заключался в том, что в Европе единственным реальным барьером, защищающим личность от произвола государственного аппарата восточного типа, является именно частная собственность и связанные с ней общественные структуры.

Поэтому приоритет, отдаваемый основоположниками марксизма насильственным сценариям захвата и удержания власти, далеко не случаен. Жесточайший контроль над обществом и государством стремительно превратился в самоцель, ибо иными средствами такая деформация повседневной жизни людей недостижима. Отсюда неизбежно следовал принцип опоры на новых чиновников, на новую бюрократию, готовую служить любым господам и исполнять самые кровавые задачи.

Практическая реализация данного замысла неизбежно ведет к оформлению деспотий азиатского типа. Организатор ноябрьского переворота 1917 года в Петрограде Лев Троцкий однажды сказал:

«У нас нет лозунга — кто не работает, тот не ест. Мы предпочитаем правило — кто не повинуется, тот не ест».

Именно этот тезис Троцкого стал главной чертой всех реально существовавших социалистических государств. На практике он трансформировался во всеобъемлющее физическое и духовное насилие вместо «царства всеобщей свободы».

Всеобщая уравниловка

Все авторы утопических описаний идеального общества тождественны друг другу в наиболее одиозных аспектах своих программ. Многие детали стереотипно возникали в коммунистических учениях, мало связанных друг с другом, иногда разделенных громадными промежутками времени. Вероятность таких повторений ничтожно мала, следовательно, они предопределяются именно духовной близостью порождающих их теорий. Игорь Шафаревич привел четыре примера из большого числа подобных совпадений:

Совпадение многих деталей в «Утопии» Мора с условиями жизни в государстве инков. Оно (совпадение) привело к анекдотическому вопросу в Парижской Академии о влиянии сведений об устройстве империи инков на Мора, невозможном хронологически. Государство инков Тауантинсуйу в Перу было завоевано испанскими конкистадорами в 1532—1536 гг., уже после выхода книги Мора из печати.

2) Обычай мумифицирования умерших глав государств и захоронения их в пирамидальных или пирамидоподобных ступенчатых гробницах, встречавшийся в государствах с сильными уравнительными тенденциями и отделенных друг от друга многими тысячами.

3) В сочинении утописта Леже Дешана (1716—1774) «Истина, или Достоверная система» встречается яркая деталь: описывая будущее социалистическое общество, он утверждал, что там «почти все лица имели бы почти один и тот же вид».

Та же мысль содержится в подготовительных материалах Федора Достоевского к роману «Бесы». Персонаж, которое в романе называется Петр Верховенский, а в материалах — Нечаев, говорит по поводу будущего общества: «По-моему, даже красивые очень лицом мужчины или женщины не должны быть допускаемы». Материал для своего романа Достоевский брал из идеологии современных ему нигилистических и социалистических движений, но ни им, ни ему не могли быть известны работы Дешана, впервые опубликованные лишь в XX веке.

4) В книге «Государство» Платон пишет, что среди стражей «ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступа каждый желающий». Тот же мотив встречается у Мора, который, чтобы подчеркнуть, в какой общности живут утопийцы, описывает их жилища, где «двери двустворчатые, скоро открываются при легком нажиме и затем, затворяясь сами, выпускают кого угодно...».

Запрет на закрытые двери существовал и в государстве инков! Еще позже в «Преступлении и наказании» у Достоевского Лебезятников излагает «вопрос свободного входа в комнаты в будущем обществе»:

«Дебатирован был в последнее время вопрос: имеет ли право член коммуны входить к другому члену в комнату, к мужчине или женщине, во всякое время... ну и решено, что имеет...».

Цинизм и жестокость творцов «научного коммунизма»

Весьма интересен и далеко не случаен тот факт, что «психологической подоплекой» воззрений и практической деятельности Маркса и Энгельса являлся цинизм.

В этой связи надо дать определение цинизма из энциклопедии — «вызывающе-презрительное отношение к общепринятым правилам нравственности», «откровенность переходящая в грубость, бесстыдство, презрение».

Так, Энгельс называл немецких крестьян мужичьем («верхнегерманское мужичье» в письме Марксу), о рабочих он писал: «...массы ужасающе глупы» (письмо Марксу).

Маркс же, говоря о несправедливых контрактах, которые некий предприниматель заключает с рабочими, добавляет: «...контракты, на которые мог согласиться только совершенно опустившийся сброд» (письмо Энгельсу).

При чтении многих писем и статей этой «сладкой парочки» возникает стойкое ощущение, что основным мироощущением Маркса и Энгельса была ненависть, направленная на всех окружающих без исключения. Особенно ярко это видно по их произведениям, написанным для узкого круга партийных сотрудников, и особенно по переписке между собой (XXI—XXIV тома собрания сочинений). Кроме как в русском переводе, полный текст писем нигде не издан.

В этих письмах встречается чувство «глобального омерзения». Оно распространяется на:

— единомышленников в собственной партии: «...какое значение имеет «партия», то есть банда ослов, слепо верящих в нас, потому что они нас считают равными себе, для нас, перестающих узнавать себя, когда мы начинаем становиться популярными? Воистину мы ничего не потеряем от того, что нас перестанут считать «истинным и адекватным выражением» тех ограниченных собак, с которыми нас свели вместе последние годы» (Энгельс — Марксу, 13.II.1851).

— ближайших партийных товарищей: Вильгельм Либкнехт обычно именуется «осёл», «скотина», «животное» и даже — «оно» (Маркс — Энгельсу, 10.VIII.1869).

— народ: «Ну, а любить ведь нас никогда не будет демократическая, красная или даже коммунистическая чернь» (Энгельс — Марксу, 9.V.1851).

— пролетариат: «...глупый вздор насчет того, как он вынужден защищать меня от той бешеной ненависти, которую питают ко мне рабочие (то есть болваны)» (Маркс — Энгельсу, 18.V.1859).

Упрекая Бакунина в заговорах, Каутскому следовало бы иметь в виду письмо Энгельса Марксу от 16.IX.1868:

«Метод — заниматься пустяками в публичных заседаниях, а настоящее дело делать потихоньку — оправдался блестяще».

Утверждая, что идеи террора были «заблуждением» молодых Маркса и Энгельса, советские идеологи не объясняли, почему в «Анти-Дюринге» 56-летний Энгельс писал:

«Лишь со вздохами и стонами допускает он /Дюринг/ возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйничанья понадобится, может быть, насилие — к сожалению, изволите видеть, ибо всякое применение насилия деморализует того, кто его применяет. И это говорится, несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции».

Таким же образом в предисловии к «Истории Крестьянской войны в Германии» Энгельс ставит современным немцам в пример «здоровый вандализм» крестьянской войны, а в письме к Августу Бебелю говорит:

«Но если мы, благодаря войне, преждевременно станем у власти, то техники будут нашими специальными противниками и будут обманывать и предавать нас, где только смогут. Нам придется применять террор...»

Впрочем, такие идеи возникли уже в самом начале деятельности будущих классиков:

«Мы беспощадны, и не ждем никакой пощады от вас. Когда придет наш черед мы не будем прикрывать наш террор лицемерными фразами» (Маркс, 1844).

«...Пока мы вынуждены пользоваться еще пером и не можем воплощать наши идеи в действительность руками или, если это необходимо, кулаками» (Энгельс — Марксу, 18.XI.1844).

Карл Каутский, вождь Второго Интернационала, несомненно, знал эти и другие аналогичные высказывания, ибо он участвовал в редактировании немецкого издания писем Маркса и Энгельса, где большинство подобных «пассажей» было устранено.

В работах самого Каутского ясно видно, что острую неприязнь у него вызывали насильственные методы преобразования общества. Поэтому он старался если не скрыть полностью, то хотя бы смягчить подобные идеи Маркса и Энгельса, а большевизм, сделавший ставку на оголтелое насилие в самых крайних его формах, он называл извращением марксизма. Как мы видим, это не соответствует истине.

Глава 5

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ КОММУНИСТОВ

Первый интернационал (1864–1876)

Эта международная организация была учреждена 28 сентября 1864 года в Лондоне. В тот день здесь собрался митинг в поддержку польского национально-освободительного восстания. Присутствовало около двух тысяч человек. Здесь были рабочие Англии, Германии, Франции и других стран, революционеры-эмигранты, жившие в Лондоне. Участники митинга приняли решение создать международную рабочую организацию, названную вскоре Международной ассоциацией трудящихся (характерная деталь: в СССР ее всегда называли Международным товариществом рабочих).

На митинге присутствовал Маркс; он не выступал, но был избран в состав руководства провозглашённой организации. Руководящий орган позже назвали Генеральным советом. По просьбе Генерального совета Маркс подготовил Учредительный манифест и Временный устав товарищества, утверждённые 1 ноября того же года.

В Учредительном манифесте Маркс написал: «Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса». По своей численности рабочие могут рассчитывать на победу. Но численность ещё не решает дела. Чтобы добиться победы над буржуазией, рабочему классу надо объединиться и создать свою партию. Как и в «Манифесте коммунистической партии», он закончил лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Высшим руководящим органом Интернационала являлся конгресс. В промежутках между конгрессами руководство осуществлял Генеральный Совет в Лондоне. В других городах и странах создавались секции Интернационала — местные организации. В 1865 году секции Интернационала были созданы во многих странах Европы.

В 1866 в Женеве состоялся I конгресс Интернационала, который обсудил вопрос о профсоюзах. В решении конгресса было сказано, что профсоюзы должны организовать борьбу пролетариата против системы наемного труда и власти капитала. В 1867 в Лозанне собрался II конгресс, а в 1868 в Брюсселе — III конгресс. В результате острых споров и горячих дискуссий было принято решение, что не только рудники, шахты, леса, фабрики и т.п. должны быть обращены в общественную собственность, но и земля. IV конгресс в Базеле в 1869 подтвердил это решение.

Коммунистическая теория, разработанная Марксом и Энгельсом, нашла противников в лице анархистов, во главе которых стоял Михаил Бакунин (1814—1876). Бакунин утверждал, что главное в марксизме — экономический материализм, фактический отрицающий социальные инстинкты людей. Он правильно подметил, что Маркс и Энгельс делают ставку на силовую трансформацию общественных отношений через механизм так называемой «диктатуры пролетариата», которая на практике неизбежно обернется диктатурой определенной группы лиц, в чьих руках будут находиться «рычаги власти». Эту перспективу Бакунин назвал авторитаризмом.

*Учреждение Первого Интернационала
28 сентября 1864 г. Сент-Мартин холл, Лондон*

На IV конгрессе в Базеле (6—12 сентября 1869 г.) четко определились различные течения внутри Интернационала. Голосования по различным резолюциям и поправкам выявили следующий «расклад сил»: 63 % делегатов одобрили тексты «бакунистов» (антиавторитарного крыла); 31 % поддержали тексты активистов, названных марксистами; 6 % поддержали прудонистов (последователей Пьера Прудона; 1809—1865).

В связи с Парижской коммуной — попыткой социалистического переворота во Франции (18 марта — 28 мая 1871 г.) — Бакунин заявил в письме к Огареву от 9 апреля 1871 года:

«Сами французы, даже рабочие, не прониклись им /коммунизмом. — *Авт.* / — учение казалось слишком страшным. (...) Они должны были перенести большие бедствия и потрясения. Обстоятельства скла-

дываются так, что в этом не будет недостатка, — а тогда, может быть, Дьявол и проснется».

В начале сентября 1872 года на V конгрессе в Гааге произошел раскол. Джемсу Гильому и Адемару Швицгебелю было поручено представить «антиавторитарное» движение на конгрессе и покинуть его в случае отрицательного голосования по структуре Интернационала. На конгресс приехали 65 делегатов из десяти стран. Большинство голосов Бакунина и его сторонников исключили из Интернационала. «Марксизм победил в I Интернационале», — напишут позже советские апологеты марксизма. Но эта победа оказалась поистине «пирровой».

Активисты и объединения, солидарные с исключенными бакунистами, вышли из Международной Ассоциации Трудящихся. После репрессий, последовавших за подавлением Парижской коммуны, этот раскол стал фатальным. Интернационал, чей Генеральный совет теперь находился в Нью-Йорке, формально продолжал существовать еще 4 года. Но в 1876 году было принято решение об его роспуске.

Второй интернационал

Марксисты основали ряд социал-демократических партий. В 1889 году, еще при жизни Энгельса и при его участии, было создано международное объединение социалистических и социал-демократических партий. Оно получило название Второго интернационала.

Для постоянной связи между партиями-членами в 1900 году было учреждено Международное социалистическое бюро, находившееся в Брюсселе. Решения, принимавшиеся Конгрессами Второго интернационала, не были обязательными для входящих в него партий. В 1889 году Интернационал установил международное празднование дня пролетарской солидарности — 1 мая.

До начала 1900-х годов в Интернационале преобладали революционные настроения. Конгрессы принимали решения о невозможности союза с буржуазией, недопустимости участия в буржуазных правительствах, и т. п.

Постепенно в партиях и группах Второго Интернационала, как и в Первом, оформились два основных течения — радикальное (революционное) и умеренное (реформистское). Поначалу преобладали радикалы. Они заявляли о невозможности союза с буржуазией, о недопустимости вхождения социал-демократов в буржуазные правительства, протестовали против милитаризма и войны и т. п.

Но и во Втором интернационале достаточно скоро ведущую роль стали играть реформисты

Идеологом реформистов в начале 1890-х годов стал немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн (1850—1932). Он отверг идею Маркса о неизбежности краха капитализма, о ликвидации буржуазных отношений в ходе всемирной революции пролетариев. Коммунизм, по его мнению, всего лишь этический идеал, недостижимый на практике. Приверженцы этого идеала должны стремиться к реформированию буржуазного общества путем внедрения в нем элементов социализма. Отсюда его знаменитый лозунг: «Конечная цель — ничто, движение — всё!».

В 1900-е годы на роль лидера Второго интернационала постепенно выдвинулся немецкий социал-демократ Карл Каутский (1854—1938), убежденный реформист.

После начала Первой мировой войны в 1914 году большинство социал-демократических партий и профсоюзов встали на позиции защиты отечества и, соответственно, классового мира. Отдельные руководители этих партий и профсоюзов вошли в ряды коалиционных «правительств обороны». Фактически в 1914—1918 годах Интернационал не функционировал, была прекращена деятельность Международного социалистического бюро.

Ф. Энгельс среди участников Цюрихского конгресса 2-го Интернационала (1893). Слева направо: доктор Симон (зять А. Бебеля), Ф. Симон, К. Цеткин, Ф. Энгельс, Ю. Бебель, А. Бебель, Э. Шаффер; крайний справа — Э. Бернштейн.

Радикальные (революционные) члены Второго интернационала остались на позиции интернационализма. В 1915 году они провели в Циммервальде (Швейцария) конференцию, положившую начало Циммервальдскому объединению. На основе его в 1919 году на съезде в России делегации левых экстремистов создали Третий, коммунистический интернационал (Коминтерн).

После окончания войны в феврале 1919 года в Берне прошла конференция, в которой участвовали большинство старых социал-демократических партий. Но это — уже другая история, выходящая за рамки темы антикоммунизма.

Глава 6

ЛЕНИНСКИЙ ПРОЕКТ «ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА»

*Пусть 90 % русского народа погибнет,
лишь бы 10 % дожило до мировой революции*

(Владимир Ульянов-Ленин)

Владимир Ильич Ульянов (1870—1924), более известный под псевдонимом Ленин, был сыном учителя-мордвина и немецкой еврейки (Марии Бланк) из семьи врача, принявшего христианство. Он родился в Симбирске (ныне Ульяновск), в 1887 году окончил местную гимназию. Поступил в Казанский университет, но в конце первого семестра за участие в нелегальной студенческой сходке был исключен. В том же году за участие в подготовке покушения на царя Александра III был казнен его старший брат Александр. Узнав о казни, 17-летний юноша поклялся «отомстить царизму» за смерть брата.

В 1891 году в Петербургском университете В.И. Ульянов сдал экстерном экзамены и получил диплом юриста, после чего некоторое время работал в Самаре помощником присяжного поверенного. Вследствие наследственного сифилиса «Ильич» был бездетным и страдал нервными припадками.

С сентября 1893 года он занимался только революционной деятельностью, в основном нелегальной. В декабре 1895 — январе 1900 гг. Ленин находился в заключении и ссылке. А с июля 1900 по октябрь 1905 и с декабря 1907 по апрель 1917 гг. жил в эмиграции.

Написал огромное количество всевозможных текстов: книг, брошюр, статей, проектов документов, писем, записок. Официальное собрание его сочинений (якобы «полное») насчитывает 55 томов. Кроме того, имеется немало различных документов, написанных им, но не включенных в это многотомное издание по политическим соображениям.

*Промышленный пролетариат
как «коллективный мессия» коммунистов*

В 1918 году Ленин опубликовал книгу «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции». Отталкиваясь от работ Маркса и Энгельса, он писал в ней:

«Энгельс говорит, что, беря государственную власть, пролетариат «тем самым уничтожает государство как государство». На деле здесь Энгельс говорит об «уничтожении» пролетарской революцией государства *буржуазии*, тогда как слова об *отмирании* относятся к остаткам *пролетарской* государственности *после* социалистической революции. Буржуазное государство не «отмирает», по Энгельсу, а «уничтожается» пролетариатом в революции.

Государство есть «особая сила для подавления». Из этого определения вытекает, что «особая сила для подавления» пролетариата буржуазией, миллионов трудящихся горстками богачей должна смениться «особой силой для подавления» буржуазии пролетариатом (диктатура пролетариата)»...

По Ленину, свергнуть господство буржуазии способен только пролетариат — ибо он такой класс, экономические условия существования которого готовят его к этому свержению и дают ему силу для свержения. С этой целью пролетариат должен захватить власть путем вооруженного восстания (революции) и стать *господствующим классом*. Далее он (пролетариат) обязан подавить неизбежное отчаянное сопротивление буржуазии и организовать все трудящиеся и эксплуатируемые массы для нового способа хозяйствования. Пролетариату необходимо сохранить государство и вооруженные силы: во-первых, для подавления сопротивления «эксплуататоров»; во-вторых, для «перевода» крестьянства, полупролетариев и мелкой буржуазии на «рельсы» социалистической организации общества.

Отмечу, что все без исключения исследователи положения пролетариата в России фиксировали его самое бедственное положение, приводившее рабочих к тотальной нравственной деградации. Несмотря на это большевики (в том числе Ленин) утверждали, что про-

летариат — это самый передовой класс, единственно способный повести за собой ВСЕ классы общества в «светлое будущее»!

Что ж, закономерный результат трансформации пролетария в человека «с большой буквы» наглядно продемонстрировал своим экспериментом профессор Преображенский в произведении Михаила Булгакова «Собачье сердце». Писатель гениально отобразил реальность: из пролетария вместо «Человека с большой буквы» вырастает омерзительный Шариков.

Ожидаемый результат социалистического переворота

По Ленину, государство — это организация для систематического насилия одного класса над другим, одной части населения над другой. Режим перманентных репрессий Ленин пообещал гражданам России изначально и навсегда. Он заявил:

«Развитие к коммунизму идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя. А диктатура пролетариата... не может дать просто только расширения демократии. Она ...дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам».

Заметим: четких определений того, кто именно есть «угнетатель, эксплуататор, капиталист», главарь большевиков не дал. Так готовилась теоретическая почва для социального геноцида, для режима, намного худшего, нежели проскрипции Суллы*.

Ленин также отмечал:

«Только коммунизм создает полную ненужность государства, ибо некого подавлять, — ...в смысле класса, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы. Но... для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать *сам вооруженный народ* с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной».

Что произошло в результате? Сначала рамки «вооруженного народа» ограничили членами большевистской партии: только им на

* В I веке до н.э. диктатор Сулла, взяв власть в Риме в результате гражданской войны, объявил о преследовании «врагов республики» (такowymi он назвал своих личных врагов). Любого, на кого указывали сподвижники нового владыки или доносчики, немедленно арестовывали и казнили, а его имущество переходило к «честному заявителю».

заре советской власти официально дозволялось иметь оружие. Позже оружие изъяли и у партийцев, а входные двери в квартиры приказали делать открывающимся вовнутрь — чтобы новоявленным опричникам легче было их выбивать!

Диктатура партии под видом диктатуры пролетариата

Как марксист, Ульянов-Ленин в первую очередь выступал теоретиком и приверженцем учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата.

При этом гражданскую войну он считал необходимым и неизбежным этапом разрешения классовых противоречий в обществе. Какой-либо реформизм Ленин отвергал в принципе. А классовую борьбу он фактически трактовал как гражданскую войну «малой интенсивности». (См., например, его работы 1917 года «Марксизм и восстание», «Советы постороннего», «Государство и революция»).

Идею диктатуры пролетариата Ленин трансформировал в идею диктатуры партии (организации «профессиональных революционеров»), действующей якобы от имени пролетариата. Главным принципом функционирования такой партии он видел вождизм харизматического толка (в качестве вождя он подразумевал самого себя). Апологетика тезиса о диктатуре пролетариата достигла у Ленина стадии социального расизма, т.е. абсолютного отрицания какой-либо ценности любого другого общественного класса.

При разработке экономических и политических программ партии большевиков после переворота 1917 года Ленин последовательно выступал сторонником волюнтаристских и насильственных методов управления обществом. Он призывал своих сторонников сочетать открытый вооруженный и идеологический террор с эксплуатацией энтузиазма трудовых масс посредством социальной демагогии. Николай Бердяев верно подметил: «Ленин не верил в человека. Но он бесконечно верил в общественную муштру человека».

*В. И. Ульянов-Ленин
(худ. Н.А. Андреев)*

Итак, по Ленину, на первом этапе построения коммунистического общества все граждане превращаются в служащих по найму у

государства, каковое представляют организации передового отряда пролетариата — компартии. «Передовой отряд» должен создать предельно централизованную систему управления и свои силы подавления сопротивления буржуазных слоев и элементов — отряды вооруженных рабочих.

Оценивая действия пролетариата в Парижской коммуне, «Ильич» подчеркнул:

«Надо было истреблять своих врагов, а он /пролетариат. — *Авт.*/ стал морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий в гражданской войне...» (ПСС, 5-е изд., том 16, с. 452).

Далее передовой отряд превращает всех граждан в служащих и рабочих в один всенародный (на практике — государственный) «синдикат»... Этот синдикат состоит из гигантской конторы (аппарат управления), гигантской фабрики (промышленные рабочие и специалисты) и гигантской фермы (сельское хозяйство) - с повсеместным уравниванием труда и платы.

Вот такие бредни, абсурдность которых была очевидной еще в эпоху Томаса Мора, были предложены населению России в качестве пути спасения от затянувшейся войны и экономических лишений.

Глава 7

ИЗЫТОК СТРАДАНИЙ ЛЮДЕЙ — ПЛАТА ЗА «ПРЕКРАСНОЕ ЗАВТРА»

Жестокость программ первых коммунистов

Посмотрим для начала на то, как приверженцы коммунизма относятся к социальной несправедливости в современной им, и в будущей — якобы лучшей — жизни.

Убедительным примером является история социалистического движения в России, где возникновение кружков пресловутых «нигилистов» точно совпало с отменой крепостного права*. Рабство крестьян было ликвидировано в 1861 году, тогда же появилась прокламация Николая Чернышевского «К барским крестьянам», а в 1862 году — прокламация «К молодой России». В них Чернышевский открыто объяснял свою антипатию к реформе 1861 года тем, что она, несколько улучшив положение крестьян, может отвлечь их от революционного пути.

Сергей Нечаев (1847—1882), организовавший в 1869 году тайное общество «Народная расправа», проповедовал:

«Само правительство того и гляди додумается до сбавки подати и до тому подобных благ. Это было бы сущее несчастье, потому что народ и при настоящем дурном положении с трудом подымается, а облегчись хоть сколько-нибудь его карманная чахотка, заведись там хоть на одну корову, тогда еще на десяток лет все отодвинется и вся наша работа пропадет. Напротив, вы должны при всяком случае притеснять народ, как вот, например, подрядчики».

Великий писатель Федор Достоевский (1821—1881) очень глубоко понял характер социализма и предчувствовал его будущую роль. В своем романе «Бесы» (1872 г.) он вывел гениальные формулировки сути социализма. Этот роман с ужасающей точностью предвосхитил суть, нравственное измерение и человеческую цену грядущих событий XX века в России.

В «Бесах» описаны неизбежная «смута», ведущая к «безграничному деспотизму», «снятию ста миллионов голов», «обращению девяти десятых людей в рабство»; «полное послушание» и «безличность», основанные на «атеизме» и «шпионстве». Идеалы социа-

* Нигилистами в России 60-х гг. XIX века называли представителей разночинной интеллигенции, отрицавших и осуждавших принципы и традиции дворянского общества. Термин ввел в обиход писатель Иван Тургенев в романе «Отцы и дети» (1862 г.).

лизма Достоевский характеризовал как «повсеместный грабеж», «мрак», «хаос» и «ужас», как беспредельно «грубые, слепые и бесчеловечные»).

Широко известна ленинская характеристика творчества писателя Льва Толстого как зеркала русской революции. Ленин лукавил: истинным «зеркалом» был Достоевский. Это он сумел разглядеть сквозь туман грядущих десятилетий ужасы и трагедии, учиненные российскими последователями Маркса и Энгельса. Не случайно в годы советской власти роман «Бесы» никогда не переиздавался!

Современный российский исследователь коммунистических теорий Игорь Шафаревич сделал весьма показательный вывод:

«В самих основах социалистической идеологии есть черты, внутренне связывающие ее с тем, что мы дедуцировали как практический результат ее бескомпромиссного осуществления: смертью человечества.

Прежде всего — это то настроение гибели и разрушения мира, которым буквально пропитано большинство социалистических учений и движений. Для громадного их числа именно это настроение и составляло основную внутреннюю мотивировку».

Эти мотивы ярко проявлялись в социалистическом движении с самого его начала. Так, в прокламации «Принципы революции» Михаил Бакунин писал:

«По строгой необходимости и справедливости мы должны посвятить себя целиком и полностью неудержимому, неотступному разрушению, которое должно так долго расти *crescendo* /в направлении возрастающего усиления мощи. — *Авт.*/, пока ничего не останется от существующих социальных форм.

(...) Нынешнее поколение должно начинать с настоящих революций. Оно должно начать с полного изменения всех социальных условий жизни, это значит, что нынешнее поколение должно слепо разрушать все существующее до основания с одной мыслью: *поскорее и побольше*.

Хотя мы не признаем никакой другой деятельности, кроме как дело разрушения, мы все же держимся того мнения, что форма, в которой эта деятельность проявляется, может быть чрезвычайно многообразна. Яд, кинжал, петля и тому подобное. Революция благословляет все в этой борьбе в равной мере».

Поразительно и в высшей степени характерно то, что именно пафос разрушения («мы весь, мы прежний мир разрушим...») стал важнейшим мотивом деятельности всех революционеров Европы (анархистов, нигилистов, социалистов):

«Для людей, готовых начать практически дело революции, мы считаем преступными эти мысли о туманном будущем, так как они препятствуют делу разрушения и задерживают начало революции... Для практического дела это бесполезное духовное растение...».

При этом все гуманные чувства категорически отрицались:

«Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем (революционере) единою холодной страстью революционного дела. Он не революционер, если ему чего-либо жалко в этом мире. Он знает только одну науку — науку разрушения. Он живет в нем (мире) только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения».

И. Шафаревич отметил:

«Широко распространено мнение, что ряд черт, так ярко проявляющихся в социалистически-нигилистическом движении: стремление к полному разрушению окружающей жизни, пренебрежение к моральным категориям, заговорщический характер, установка на террор — являются его исключительной особенностью и что именно они отличают его от его антипода — марксистского социализма. Иногда этот взгляд дополняют другим, согласно которому большевизм — это типично русское явление, наследие Нечаева и Бакунина и извращение марксизма.

Обычно при этом стремятся объяснить поразительное совпадение идеологии и практики большевизма со многими высказываниями Маркса и Энгельса тем, что эти высказывания были для последних не характерны, что эти высказывания противоречат их основным идеям.

Такая точка зрения вряд ли может выдержать сопоставление с фактами. Нигилизм бакунинского направления и марксизм развились из одного и того же источника. Различия между ними, объясняющие, в частности, почему Бакунин оказал на дальнейшую историю гораздо меньше влияние, чем Маркс и Энгельс, заключается не в том, что марксизм отказался от некоторых черт бакунинского нигилизма, а в том, что он добавил к ним некоторые новые, и притом очень существенные.

Марксизм основывается на том же психологическом фундаменте: бескомпромиссно-враждебном отношении, глгучей ненависти к окружающей жизни, допускающем лишь один выход — ее полное уничто-

Игорь Шафаревичи

жение. Но он находит средство перевести это чисто субъективное мироощущение в другую, более объективную плоскость.

Как настоящий художник не дает своим страстям вырваться наружу, но перерабатывает их в произведения искусства, так же марксизм осуществил трансформацию стихийно-разрушительных эмоций, правивших Нечаевым и Бакуниным, в имеющие несравненно более объективный и поэтому принудительный вид концепции подчиненности человека имманентным законам или диалектике производства».

Краткие выводы

По мнению И. Шафаревича, творцы коммунистических утопий (от Мора и Кампанеллы до Маркса и Ленина) были едины практически во всем:

«Стоит раскрыть эти книги, как с растущим недоумением встречаешь обращение непокорных жителей в рабство; соглядатаев; работу и жизнь в отрядах под надзором надсмотрщиков; пропуска, необходимые для простой прогулки, и особенно с каким-то наслаждением выписанные подробности всеобщей нивелировки — одинаковую одежду, одинаковые дома, даже одинаковые города.

Социалистическое утопическое сочинение под названием «Закон Свободы» /Уинстенли/ описывает идеальное общество, где в каждой небольшой общине есть свой палач, нерадивых и непослушных порют и обращают в рабство, и все граждане считаются солдатами.

Революционеры, составившие «Заговор Равных», понимали равенство так, что одни (заговорщики) образуют правительство, другие им беспрекословно повинуются, а третьи (не повинующиеся) ссылаются на острова для каторжных работ.

А в самом популярном произведении марксизма — «Коммунистическом манифесте» — в качестве одной из первых мер нового социалистического строя предлагается введение принудительного труда: всеобщей трудовой повинности, трудовых армий. И предсказывается, что именно на таком пути возникнет общество, где свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех!

«Основные достижения в направлении социальной справедливости, достигнутые в XX столетии на Западе: сокращение рабочего дня, социальное страхование, необычайное повышение жизненного уровня рабочих — все это было достигнуто при очень незначительном участии социалистических движений. Основными факторами были: борьба профсоюзов (осуждавшаяся социалистами как «экономизм»), повышение производительности труда, вызванное техническим прогрессом, и моральное воздействие «буржуазной филантропии...

Как же связана социалистическая идеология с идеей борьбы за социальную справедливость? По-видимому, мы имеем здесь два совер-

шенно различных отношения к жизни, которые, однако, в определенной области пересекаются. Их пересечение состоит в осуждении социальной несправедливости окружающей жизни, обличении тех страданий, которые она несет. Из этой основы они развиваются в разные стороны, указывают два пути.

Один путь — это исправление социальной несправедливости, борьба с конкретным злом сегодняшнего дня. На другом пути социальная несправедливость воспринимается как абсолютное зло, знак того, что современный мир проклят и подлежит полному уничтожению. Сострадание к жертвам несправедливости все более оттесняется неутолимой ненавистью ко всему окружающему укладу жизни».

Итак, ставка на насилие и жестокость, обречение огромных человеческих масс на страдания и смерть — это не извращения «прекрасной идеи» отдельными политическими деятелями, а сама суть теории и практики коммунизма.

Часть II

КОММУНИСТЫ У ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОДАВЛЕНИЯ МАСС

*Чтобы построить социализм, надо сначала
найти страну, которую не жалко.*

(Князь Отто фон Бисмарк,
канцлер Пруссии и Германии)

*«Не слушайте, что говорят коммунисты.
Смотрите, что они творят».*

(Нгуен Ван Тхиеу,
президент Южного Вьетнама, 1975 г.)

Коммунизм это вымысел, не имеющий никакого подтверждения в истории человечества. Но, в отличие от множества других измышлений и вывихов человеческого ума, идеи коммунизма в ряде стран (и, прежде всего, в России) пытались реализовать на практике, что вызвало катастрофические последствия для десятков миллионов людей.

В этой связи надо отметить, что российский вариант коммунистической идеи вырос на почве, подготовленной так называемыми народниками. А они считали самым эффективным методом переустройства общества насилие, террор. В общем, ничто не появляется на пустом месте и не бывает случайным.

Глава 1

ПАРВУС И ЕГО ПЛАН РЕВОЛЮЦИИ

В научных и популярных изданиях советского периода «общим местом» являлся тезис о «ленинском плане революции в России». Но это — ложь. Такой план действительно существовал, однако разработал его совсем другой человек — Александр Парвус.

Значение этого человека в судьбе России столь велико, а знают о нем так мало, что это просто поражает. Ведь именно Парвус был наставником Ленина, именно он угадал в «Ильиче» того человека, чья безумная энергия сокрушения позволит осуществить его, Парвуса, глобальный план развала российского государства.

Из биографии Парвуса

Александра Парвуса (1867—1924) в действительности звали Израиль Лазаревич Гельфанд. Его отец переехал из Березино Минской губернии в Одессу, где стал ломовым извозчиком. Видимо, отец хорошо зарабатывал, так как смог оплатить обучение сына сначала в частной гимназии, а затем в университете.

В 1885 году юноша окончил гимназию и уехал в Швейцарию, в Цюрих. Там он познакомился с эмигрантами из России, видными деятелями «Группы освобождения труда» — Георгием Плехановым, Павлом Аксельродом, Верой Засулич. Под их влиянием заинтересовался марксизмом. В 1887 году Гельфанд поступил в Базельский университет, сменив при этом свое имя на Александр. В 1891 году он окончил университет по курсу экономики и финансов, получил степень доктора философии. Пару лет И.Л. Гельфанд работал в швейцарских банках, потом переехал в Германию, где поначалу тоже работал в банке.

Затем Александр вступил в германскую социал-демократическую партию, подружился с видными деятелями социал-демократического движения Карлом Каутским, Кларой Цеткин, Виктором Адлером, Розой Люксембург. К концу 1890-х годов он был деятельным участником всех политических дискуссий в СДПГ. Широкие возможности распахнуло перед ним назначение на пост главного редактора «Саксонской рабочей газеты» в Дрездене, где были помещены его статьи, направленные против «оппортунизма» Э. Бернштейна, принесшие ему европейскую известность. Так на сцене появился талантливый журналист Александр Парвус.

Эти статьи стали важнейшим фактором идейно-политического самоопределения В.И. Ульянова-Ленина и всех российских социалистов его поколения. Мартов, Потресов, Ленин горячо поддержали Парвуса в борьбе с идеями Бернштейна. Мартов перевел на русский язык серию его статей из «Neue Zeit», озаглавленную «Оппортунизм на практике», и опубликовал в 1901 году в журнале «Заря».

В 1899 году Парвус обосновался в Мюнхене. В июле 1900 года сюда приехали В.И. Ульянов и Александр Потресов (1869—1934), а несколько позже и Лев Мартов (Ю. Цедербаум; 1873—1923). Все они

связались с Парвусом. Ульянов мечтал о руководящей роли в новой партии. А Парвус как журналист очень хорошо понимал возможности прессы. Именно он воодушевил «Ильича» идеей издания «своей» газеты — «коллективного организатора и пропагандиста». Под влиянием Парвуса и на его средства Ульянов с января 1901 года начал издавать в Мюнхене газету «Искра» (в декабре того же года Ульянов взял псевдоним Ленин):

«На своей квартире в Швабинге Гельфанд оборудовал нелегальную типографию с современным печатным станком, имевшим специальное устройство, которое позволяло мгновенно рассыпать набор, — это была мера предосторожности против возможных налетов полиции. На этом станке было отпечатано восемь номеров “Искры».

Редколлегия “Искры” оставалась в Мюнхене до начала 1902 года. Все это время Гельфанд (...) был хозяином и посредником» (З. Земан, В. Шарлау. Парвус — купец революции).

А в 1903 году, накануне и во время II-го съезда РСДРП, «Искра» печаталась в женевской квартире Парвуса*.

В 1901—02 гг. Ленин и его жена Надежда Фридриховна (Крупская) ради регулярного общения с Парвусом переехали в мюнхенский район Швабинг, где тот жил. Именно Парвус превратил бывшего адвоката-неудачника в политически значимую фигуру. В частности, познакомил со многими деятелями европейского социал-демократического движения. В общем, оказалось, что он «агхиважный и агхинужный... нам человек», говорил о нем картавый Ильич.

Цели и планы Парвуса

Некоторые исследователи называют Парвуса авантюристом от политики. Это не так: он был убежденным борцом за национальную и социальную свободу еврейской нации. Специально отмечу, что Парвус подростком пережил погром в Одессе. Видимо именно тогда он проникся глубокой ненавистью к царской России, где евреи считались людьми третьего сорта.

Руководствуясь примером Польской социалистической партии (ППС), в 1897 году еврейские общественные деятели учредили в Вильне (нынешнем Вильнюсе) социалистическую партию для евреев — «Бунд» («Союз»). Светлое будущее своего народа руководство Бунда связывало со свержением монархии в России и преобразованием империи в федеративную социалистическую республику.

* В шестом томе «Советской исторической энциклопедии» (1965 г.) на пяти страницах помещена статья о газете «Искра». Парвус в ней, конечно же, не упоминается.

Предполагалось, что в таком случае, евреи, во-первых, получат гражданские права, равные правам великороссов, а во-вторых, создадут свой национальный очаг (еврейскую автономную область в смежных районах Беларуси и Украины).

Именно для достижения этой цели был создан Бунд, который в 1898 году организовал в Минске первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В нем участвовали 9 человек, трое из которых представляли Бунд (А. Кремер, А. Мутник, Ш. Кац), кроме того, два делегата от РСДРП были евреи (Н. Вигдорчик, Б. Эйдельман). Бунд не только выступил в роли технического организатора съезда, но и ряд лет входил в состав РСДРП как автономное подразделение.

Организовав через «Искру» своих сторонников, Ленин провел в июле — августе 1903 года в Брюсселе и Лондоне II-й съезд РСДРП (при финансовой поддержке Парвуса), на котором осуществил раскол партии ради утверждения в своей фракции духа деспотизма и беспрекословного подчинения рядовых членов центральному руководству — ЦК. Ленинцы (большевики) взяли курс на сохранение Российской империи, но под своим управлением и с переустройством общества в духе социалистических идей. Ну, а Бунд, сделав свое дело, в 1912 году вышел из состава РСДРП.

Парвус был одним из немногих людей в «социал-демократической среде», с которыми Ульянов-Ленин редко вступал в полемику, хотя на всех прочих налетал боевым петухом, если они осмеливались иначе, чем он, трактовать марксизм, никогда не стесняясь при этом в выражениях. «Холуй, лакей, наймит, подонок, проститутка, предатель» — таков типичный набор ленинских литературно-полемических приемов в спорах. Не верите? Так перечитайте хотя бы его «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.), книгу якобы философскую.

К Парвусу же он всегда внимательно прислушивался, часто восклицая при этом: «Вздор! Архиреакционно! Но если посмотреть диалектически, то это и есть практический марксизм!»

Практический марксизм Парвуса сводился к следующим тезисам: достичь мирового господства можно только одним способом — через мировую финансовую систему. Для этого не обязательно ломать уже существующую. Достаточно внедриться в нее, взять постепенно под собственный контроль и обратить на осуществление своих целей. Это возможно лишь при условии захвата власти в

какой-нибудь сравнительно крупной и богатой стране. Обратить в деньги все ее движимое и недвижимое имущество, а полученные средства вложить в мировые финансы и в создание международной подрывной организации агитаторов-демагогов и боевиков-террористов («нового интернационала»). И если сумма будет достаточно велика, успех обеспечен («Архиреакционно!»).

Естественно, придется использовать массовый беспощадный террор, так как большинство будет недовольно, но его нетрудно маскировать использованием таких выражений, как «пролетарская диктатура», «классовая борьба», «отживающие классы», «всеобщее равенство», «полная свобода». В собственных рядах необходима строжайшая дисциплина, ни малейшей тени раскола, абсолютная тайна жизни руководящего звена. («Архиреакционно! Но если посмотреть диалектически...»).

Кроме Ульянова-Ленина, тесные и длительные личные отношения связывали Парвуса с Львом Бронштейном-Троцким, с которым они повстречались в 1904 году. Троцкий вместе с женой Натальей Седовой даже жил в швабингской квартире Парвуса. По существу, именно Парвус является автором концепции «перманентной революции», которую Троцкий публично провозгласил в 1905 году*.

Пока это были всего лишь разговоры в уютных кафе или на вечеринках, где играли на фортепьяно «варшавянку» или декларировали фразы типа «Долой самодержавие!» Но сценарий уже обсуждался. Расхождения возникли сразу. Парвус считал, что наиболее подходит для реализации такого плана Россия. Ленин же говорил, что в России это невозможно. Парвус настойчиво убеждал его, что в России возможно все, что угодно.

Он первым понял возможность использования марксистской и псевдомарксистской фразеологии для прикрытия политических и военных авантур. Изучая историю России, состояние ее хозяйства и финансов, Парвус обратил внимание на глубокий антагонизм, раздиравший все слои российского общества. Он предвидел беспомощность и незащитность этого общества, если оно лишится тонкого образованного слоя, состоящего из дворянства и разночинной интеллигенции.

Когда Российская империя пошатнулась, подрубленная унижительными поражениями русско-японской войны, Парвус сразу оце-

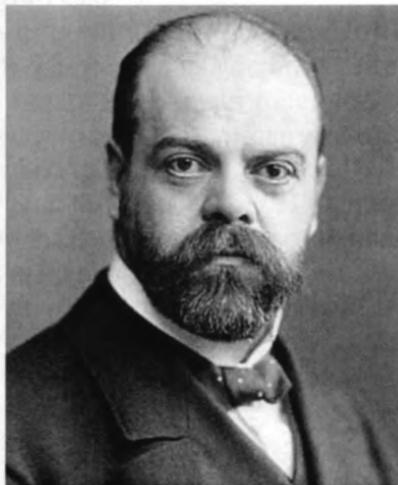
* Перманентная революция (от латин. «permaneo» — продолжаюсь) — непрерывно продолжающаяся вплоть до полного завершения в мировом масштабе. Согласно концепции Парвуса и Троцкого, происходит в два этапа: первый — буржуазно-демократический, второй — «пролетарский», или экстремистский.

нил открывающиеся возможности. Народ, веками воспитывавшийся на имперской пропаганде блистательных побед и заносчивой воинственности, не простит режиму постыдного военного разгрома, полной гибели гордости империи — ее огромного флота, добрая половина которого попала в руки врага и красовалась под японскими флагами. Чтобы увидеть это, не требовалось быть марксистом.

Получив от японцев солидную сумму в твердой валюте, Парвус приехал в Россию и приступил к действиям. Из японских денег и Ленину перепало, на организацию III съезда РСДРП и издание газеты «Вперед». Но он лишь наблюдал из-за границы за действиями Парвуса, ругая его вслух и, несомненно, восхищаясь в душе. Между тем, метод Парвуса был прост и ясен: революция в стране — это революция в столице. Окраины сдетонируют сами.

Парвус вместе с Троцким создал в октябре 1905 года Петербургский совет рабочих депутатов, взяв на себя обязанности его председателя. Печатал листовки, разжигавшие антивоенные и пораженческие настроения. Организовывал демонстрации, вооруженные налеты на банки. Приложил руку к мятежам в Кронштадте и Свеаборге.

Однако Парвус и Троцкий не смогли развернуть массовый террор и в итоге проиграли. Ленин ни в чем не участвовал, внимательно следил, подмечал ошибки. И еще раз он пришел к выводу, что в России можно организовать бунт, погромы и стачки, но построить то, что им задумано — нет. Не та страна.

*Александр Парвус,
он же Израиль Гельфанд*

После поражения революции Парвус оказался за решеткой в «Крестах», его приговорили к трем годам ссылки в Туруханск. Но в Енисейске он напоил конвойных и сбежал. Объявился сначала в Италии, затем вновь оказался в Германии. На родину больше никогда не возвращался.

Тогда же произошло несколько скандалов: Парвус бросил двух жен с сыновьями, не обеспечив их в финансовом отношении, рас-

тратил на любовницу доходы от реализации в Европе авторских прав Максима Горького, охрану которых доверил ему писатель (кстати говоря, первая постановка знаменитой пьесы «На дне» состоялась на средства Парвуса). Тем временем Германия начала выдавать России революционеров-эмигрантов, и Парвус в конце 1906 года перебрался в Швейцарию.

В 1907 году он уехал в Турцию, где выступил в роли крупного поставщика продовольствия для турецкой армии, а также как представитель сэра Базиля Захарова (главы знаменитого военного концерна «Виккерс») и одновременно... концерна Круппа. Более того, он стал экономическим и финансовым советником правительства младотурок. Заработав на этом поприще не один миллион, Парвус не забыл о своем главном плане — сокрушении Российской империи. Помнил, но не отвлекался от бурной экономической деятельности. Его финансовый гений, по выражению Троцкого, превратился из топора, подрубавшего русский дуб, в лопату садовника, подкармливающего турецкий кипарис с целью спасения дряхлой Оттоманской империи от экономического краха.

Парвус стал очень богатым (дом в Берлине, особняк в Берне и вилла в Швейцарских Альпах, особняк в Стокгольме, четыре собственных банка и акционерное участие в шести других, пакеты акций железных дорог и судоходных компаний).

Тем временем Ленин и кучка его сторонников в буквальном смысле слова прозябали в эмиграции. «Ильич» жил то на «экспроприированные» деньги (пока не посадили Камо и Сталина), то на переводы матери (пока она была жива), то на жертвования друзей (пока всем не надоел), то на иждивении швейцарских социалистов, и постепенно впадал в депрессию*. Но Гельфанд-Парвус никогда его не забывал, ибо понимал, что никто не сможет осуществить его план лучше чем Ульянов-Ленин.

В 1909 году в Швейцарии он познакомил его с Инессой Арманд (1874—1920), в девичестве — Стеффен. Эта 35-летняя дочь артиста-еврея, родившаяся в Париже, но выросшая в Москве, пригрела и обласкала 39-летнего Володю, страдавшего нервными припадками, не имевшего успеха у женщин. Став его любовницей, она до конца своей жизни оказывала почти гипнотическое воздействие на «вождя мирового пролетариата». Более чем вероятно, что это знакомство Парвус устроил «с дальним прицелом».

* Мария Ульянова, в девичестве Бланк, мать Ленина, умерла в июле 1916, на 82-м году жизни.

Меморандум доктора Гельфанда

Выстрел в Сараево прозвучал для Парвуса подобно набату. Он быстро прикинул, чем обернется для России поражение в войне. Поэтому с пылом страстного оратора убеждал решительного, но недалекого Энвера-пашу (лидера партии «младотурков»), что, став победителем вместе с Германией и Австро-Венгрией его страна (Турция) снова возродится как великая империя, смое с себя позор поражений и грубых унижений последних сорока лет ее истории. Результат известен: в октябре 1914 года Турция ввязалась в войну.

По роду своих торговых и политических дел Парвус познакомился с неким доктором Максом Циммером, уполномоченным германского и австрийского посольств по делам антироссийских националистических движений, которые финансировались Германией и Австро-Венгрией. Парвус попросил Циммера устроить ему встречу с германским послом в Турции фон Вангенхаймом, который принял его 7 января 1915 года. Парвус заявил германскому послу:

«Российская демократия может достигнуть своей цели только через окончательное свержение царизма и расчленение России на мелкие государства. С другой стороны, Германия не будет иметь полного успеха, если ей не удастся вызвать в России большую революцию. Но русская опасность для Германии не исчезнет и после войны до тех пор, пока Российское государство не будет расчленено на отдельные части. Интересы германского правительства и интересы русских революционеров таким образом идентичны».

/Цит. по книге: Шуб Д.Н. Ленин и Вильгельм II..., с. 237./

Но, чтобы превратиться в дееспособную силу революции, русские социал-демократы нуждались в значительных финансовых средствах. На следующий день фон Вангенхайм направил МИД Германии шифровку с подробной информацией о беседе с Парвусом, выразил свое одобрение его идеям и передал просьбу Парвуса лично представить в МИД разработанный им план выведения России из войны посредством революции.

В феврале Парвус отправился из Константинополя в Берлин. В конце февраля он был принят в МИД Германии государственным секретарем Яговым, в беседе также участвовали представитель министерства обороны Ризлер (доверенное лицо рейхсканцлера) и вернувшийся из Турции Циммер.

По итогам беседы Парвус представил 9 марта в МИД меморандум на 23 страницах. Он был официально зарегистрирован под названием «Меморандум доктора Гельфанда». Документ содержал ре-

комендации относительно того, каким образом вызвать беспорядки в России и подготовить революцию, чтобы заставить царя отречься от престола. После этого будет образовано временное революционное правительство, которое заключит сепаратный мир с Германией.

План содержал три важнейших пункта и прибавление.

а) Парвус предлагал оказать поддержку партиям, борющимся за социальную революцию в России, прежде всего большевикам, а также националистическим, сепаратистским движениям.

б) Разложить Россию морально посредством пропаганды.

в) Организовать широкую международную кампанию в прессе против России.

«В середине марта 1915 года Гельфанд становится главным консультантом германского правительства по вопросам революционного движения в России. Его задание состояло в организации объединенного фронта европейских социалистических сил, направленного против царского режима, и в помощи социалистическим организациям в России в деле приближения страны к краху за счет пропаганды пораженческих взглядов, забастовок и саботажа. В конце марта он получил от министерства иностранных дел первый миллион марок (10 миллионов марок по современному курсу) на эти цели. По его просьбе деньги были переведены в Бухарест, Цюрих и Копенгаген» (З. Земан, В. Шарлау).

План Парвуса

Меморандум Гельфанда-Парвуса имел следующие разделы:

- Подготовка массовой политической забастовки в России (с центром ее в Петрограде);
- Проведение конференции лидеров российских социал-демократов (с целью объединения сил всех фракций);
- Работа с российскими социалистами-революционерами (эсерами), имевшими большое влияние среди крестьян;
- Работа с отдельными другими антиправительственными движениями;
- Работа в Сибири с ссыльными и поселенцами;
- Кампания в печати Европы;
- Агитация против царизма в Северной Америке (в США и Канаде);
- Развертывание в городах России революционного движения рабочих (т.е. выдвижение ими антиправительственных лозунгов и требований);
- Поддержка протестов в городах движением крестьян, прежде всего на Украине;

— Развертывание сепаратистского движения в Финляндии и на Кавказе;

— Слияние всех этих «потоков» в один и переход к прямому захвату власти с помощью боевых групп левых партий и распропагандированных военнослужащих.

При чтении меморандума нетрудно увидеть, что Ленин и его партия в 1917 году действовали именно в соответствии с этим планом.

На протяжении более чем 40 лет о меморандуме ходили только слухи. Но в 1958 году немцы опубликовали его в сборнике документов из архивов МИДа «Deutschland und Russische Revolution 1915—1918» («Германия и революция в России. 1915—1918»). На русском языке этот документ можно прочитать в книге Элизабет Хереш «Купленная революция. Тайное дело Парвуса» (издание 2004 года).

План был по-военному четким. На первом этапе необходимо свергнуть царя. С помощью денег быстро подключить к антимонархической пропаганде не только социалистическую прессу всей Европы и США, но и либеральную, которая увлечет за собой либеральную оппозицию в России.

Схема простая. Царь — виновник войны, военных неудач и больших жертв. Императрица — немка, а значит шпионка. Примитивно, но в России сработает. Значит, династия обречена. Государственная дума, состоящая в своем большинстве из буржуазных либералов, легко проглотит крючок с такой наживкой. А как только будет свергнута монархия, централизованная Россия рухнет. Потому что эта империя не способна существовать в условиях демократии, как рыба не может жить на суше. Слишком остры в ней сословные, экономические и межнациональные противоречия. И главное — перенапряжена экономика, стачками можно вообще ее добить.

На втором этапе действовать будет намного легче. Лозунг «земля — крестьянам!» приведет к тому, что крестьяне начнут силой отбирать землю у помещиков, а солдаты толпами побегут из окопов домой, чтобы принять участие в разделе земли. Армия будет парализована, промышленность — разрушена, сельское хозяйство — приведено в хаос. В этот момент левые экстремисты захватят власть, заключат мир с Германией. При этом они, естественно, должны рассчитывать на помощь германского оружия, чтобы избежать различных неожиданностей, которые сейчас предусмотреть невозможно.

От идей Парвуса захватывало дух. Знаменитый план Альфреда фон Шлиффена, отводивший на победу в европейской войне два

месяца (30 суток на Францию, 30 — на Россию) уже полностью провалился. Мясорубка на западном и восточном фронтах, удавка английской морской блокады, быстрое истощение людских резервов и материальных ресурсов, возможность вступления в войну США — все это отчетливо демонстрировало немцам их грустное будущее.

Пруссаки увидели в предложенном плане реальную возможность избавления от войны на два фронта. И план этот предлагал не какой-то заезжий мошенник, а хорошо известный человек — Отец Первой русской революции, умевший организовывать и стачки, и уличные шествия, и кровавые беспорядки. А потому с готовностью ухватились за план Парвуса, спросив, в какую сумму это обойдется? 10 миллионов золотом — ответил давно все подсчитавший Парвус, надеясь положить по меньше мере половину в собственный карман. Торговаться было неуместно. Что такое 10 миллионов марок? Отказ от строительства одного нового линкора, которых и так уже 44, и которые практически не выходят в море*. Смешно!

Парвус, в отличие от 1905 года, вовсе не собирался сам «пачкать руки». У него был на примете очень хороший кандидат. Парвус всегда помнил об этом удивительном «социалисте», охваченном магией власти и мирового господства, полностью свободном от «чистоплюйства», готовом использовать любые средства ради достижения своих целей, способном оправдать любую низменную цель потоками демагогии, назойливых заклинаний и вульгарной лжи.

В то время огромная энергия Ульянова-Ленина расходовалась на газетные склоки, на бессильную ярость из-за понимания своей полной ненужности европейской социал-демократии и незнания способа превращения в значимую фигуру. Но его выдающиеся качества гибкого реалиста, беспринципного и жестокого, наряду с потрясающей работоспособностью и почти гипнотической силой притяжения к себе самых кровожадных подонков, безумная жажда власти в сочетании с азиатскими диктаторскими замашками — все это, по мнению Парвуса, делало Ленина незаменимым для действий именно в России...

План в действии

Парвус немедленно взялся за дело. В середине мая 1915 года он приехал в Цюрих, чтобы встретиться с Лениным, на которого делал основную ставку в своей политической игре. Ленин впоследствии

* По состоянию на 1 августа 1914 г. германский флот имел в строю 35 линкоров и линейных крейсеров, еще 9 были спущены на воду и завершались строительством, а 7 находились в постройке на стапелях.

предпочитал не упоминать об этом эпизоде, Парвус же в своих воспоминаниях был краток:

«Я изложил ему мои взгляды на социал-революционные последствия войны и обратил внимание на тот факт, что пока продолжается война, в Германии не сможет произойти революция; что сейчас революция возможна только в России, где она может разразиться в результате побед Германии. Он мечтал, однако, о публикации социалистического журнала, с помощью которого, как он считал, он сможет немедленно бросить европейский пролетариат из окопов в революцию».

Итак, Ленин не согласился напрямую подчиняться Парвусу, но канал связи с ним отныне поддерживал постоянно, вплоть до переворота в ноябре 1917 года.

Тогда Парвус избрал другой путь: создание собственной организации, которая должна быть настолько сильной и эффективной, в том числе в финансовом отношении, чтобы влиять на события в России. Штаб-квартиру этой организации он решил расположить в Копенгагене и Стокгольме, через которые традиционно русская эмиграция поддерживала нелегальные связи с Россией.

Для организации и координации своей подрывной деятельности против России Парвус создал в Копенгагене «Институт по изучению последствий войны» — легальную «крышу» для конспиративной деятельности и сбора информации. Для этого он привез сюда пять человек из Швейцарии. А еще Парвус учредил в Копенгагене экспортно-импортную компанию, которая специализировалась на тайной торговле между Германией и Россией и из своих доходов финансировала революционные организации в России. Для этой компании Парвус получил от германских властей специальные лицензии на импорт и экспорт.

Всего в руководстве компании Парвуса действовали 18 человек, из них 8 находились в Копенгагене, а 10 были разъездными агентами. Они курсировали между Данией, Швецией, Финляндией и Россией. Кроме торговых операций, эти агенты поддерживали связь с подпольными организациями и забастовочными комитетами, стараясь координировать их действия. Дела компании приобретали все больший размах. Товары были разные — от чулок и медикаментов до сырья и машинного оборудования. Парвус закупал в России необходимые для германской экономики медь, каучук, олово и зерно, а туда поставлял химикаты и машины. Одни товары перевозились через границы легально, другие — контрабандой.

Парвус поддерживал отношения с Лениным через специально назначенных связных: Якова Ганецкого (Фюрстенберга; 1879—1937) и Карла Радека (Собельсона; 1885—1939). Кроме них, с 1915 года видные большевики Леонид Красин (1870—1926) и Вацлав Воровский (1871—1923) стали деловыми партнерами компании Парвуса: Красин вошел в правление Русско-Азиатского коммерческого банка (в Петрограде) и с подачи Парвуса возглавил филиал фирмы «Сименс-Шуккерт» в Петрограде, а Воровский стал руководителем импортно-экспортного бюро, т.е. он представлял интересы компании Парвуса в Петрограде. Кроме них, уполномоченным экспортно-импортной компании Парвуса был адвокат-большевик Мечислав Козловский (1876—1927), а за курьерскую службу отвечал Моисей Урицкий, будущий председатель Петроградской ЧК.

Так Парвус начал работать над решением своей задачи, под которую германское правительство выделило ему деньги. Вскоре Циммер совершил инспекционную поездку в Копенгаген, где познакомился со структурами Парвуса (торговой компанией и институтом) и составил о них самое благоприятное впечатление. Он проинформировал посла Германии в Дании графа Брокдорфа-Ранцау, который открыл Парвусу двери германского посольства. Их первая встреча состоялась в конце 1915 года, через две недели граф записал:

«Теперь я узнал Гельфанда лучше и думаю, не может быть никаких сомнений в том, что он является экстраординарной личностью, чью необычную энергию мы просто обязаны использовать как сейчас, когда идет война, так и впоследствии — независимо от того, согласны ли мы лично с его убеждениями или нет».

Отныне доставка денег и пропагандистской литературы в Россию осуществлялась через Данию, Швецию и Финляндию (автономную часть Российской империи).

Парвус, немцы и большевики

Параллельно Парвус энергично готовил переворот в России: им должна была стать очередная годовщина «кровавого воскресенья», 22 января 1916 года. На этот день планировалась всеобщая политическая стачка, которая должна была если не похоронить, то максимально расшатать царский режим. Для каждого забастовщика Парвус приготовил полторы марки (15 марок по нынешнему курсу) ежедневной платы.

29 декабря 1915 года он получил миллион рублей на революцию в России, а 11 января следующего года забастовали десять тысяч ра-

бочих в Николаеве. 22 января их поддержали 45 тысяч забастовщиков в Петрограде. Забастовки вспыхивали то там, то тут, но не столь многочисленные, как рассчитывал Парвус. Революции не произошло, и германское руководство зачло это Парвусу в поражение. В течение года к Парвусу более не обращались из Берлина по вопросам организации подрывной деятельности в России.

Ситуацию изменила Февральская революция 1917 года. В обстоятельной беседе с послом Брокдорфом-Ранцау Парвус сказал ему, что очевидны два варианта отношений Германии с Россией: либо германское правительство решается на широкую оккупацию России и разрушение имперской государственной системы, с расчленением России на несколько зависимых от Германии государств, либо оно быстро заключает сепаратный мир с Временным правительством.

Был еще и третий вариант, для которого Парвусу требовался Ленин, но в России, а не в Швейцарии. Парвус через Брокдорфа-Ракнау заручился поддержкой Генерального штаба и доверил Фюрстенбергу (Ганецкому) сообщить Ленину, что для него и Зиновьева в Германии устроен железнодорожный коридор, не уточняя, что предложение исходит от Парвуса.

Изрядно поколебавшись, Ленин наконец решился. Незадолго до отъезда (25 марта) он провел совещание в Берне с представителями социал-демократов Германии, Франции, Польши, Швейцарии, информируя их об обстоятельствах отъезда в Россию.

9 апреля 1917 года Парвус узнал от Брокдорфа-Ранцау о дне отъезда русских эмигрантов из Цюриха. Он сразу сообщил в МИД Германии, что собирается встречать русских в Швеции. Руководители СДПГ — Эберт, Шейдеманн и Байер дали ему мандат, удостоверявший право вести переговоры от имени исполкома СДПГ. Но Ленин отказался от встречи с Парвусом: после поездки в «пломбированном вагоне» через Германию он перестраховывался*.

* В советской литературе прочно утвердилась выдумка, согласно которой приехали лишь несколько большевиков (Ленин и Зиновьев с ближайшими сотрудниками), которые на протяжении всего пути находились в опломбированном вагоне. На самом деле эта публика приехала двумя поездами. В первый раз их было 29 человек, и они действительно поместились в одном вагоне, зато второй «десант» (через пару недель после первого) насчитывал 143 человека!

Вот партийный состав пассажиров второго поезда: от РСДРП — 56 человек, от ППС и СДПИЛ — 5, от партии социалистов-революционеров — 15, от анархо-коммунистов — 14, от Бунда — 30, от партии Сионистов-социалистов — 2, от партии Поалей-Цион — 1, беспартийных революционеров — 20 человек. Никаких пломб на вагонах не было. Революционеры гуляли по перронам на остановках, покупали газеты, напитки и продукты. Их сопровождали офицеры германской военной разведки.

Роль переговорщика с Парвусом от большевиков взял на себя Радек: 13 апреля они беседовали в обстановке полной секретности целый день. Именно тогда Парвус напрямую предложил поддержку большевикам в предстоявшей им борьбе за власть в России, а они в лице Радека ее приняли. Русские эмигранты двинулись дальше в Финляндию, Парвус отправился в Копенгаген, к Брокдорфу-Ранцау*. Затем его вызвали в МИД, где состоялась абсолютно секретная (без протокола) беседа Парвуса с государственным секретарем Циммерманном.

Уже 3 апреля минфин Германии по распоряжению МИД выделил Парвусу 5 миллионов марок на политические цели в России; видимо, Циммерманн договаривался с Парвусом об использовании этих огромных средств. Из Берлина Парвус снова уехал в Стокгольм, где поддерживал постоянный контакт с членами загранбюро ЦК Радеком, Воровским и Фюрстенбергом (Ганецким). Через них шла перекачка германских денег в Россию, в большевистскую кассу.

Таким образом Парвус помимо всего прочего выступил в роли посредника между германской военной верхушкой с одной стороны, Лениным и его партией — с другой. Именно при его содействии германские власти открыли Ильичу кредитную линию «на устройство революции». Расписки о получении средств давно найдены и опубликованы.

Этот финансово-переговорный процесс прервался в июле 1917 года, когда в Петрограде грянул скандал. В газетах появились материалы, обвинявшие большевиков в использовании германских денег, и каждый раз упоминался Парвус. Их лидерам пришлось скрываться (напомним об убежище «германских шпионов» Ленина и Зиновьева — знаменитом шалаше в Разливе).

Парвус скрылся в Швейцарии. Фюрстенберг и Воровский потребовали от Парвуса подтвердить под присягой, что он не передавал деньги большевикам ни через них, ни через кого-либо другого. От присяги Парвус благоразумно отказался, но 8 августа опубликовал брошюру «Мой ответ Керенскому и компании», в которой написал:

«Я всегда, всеми имеющимися в моем распоряжении средствами поддерживал и буду поддерживать российское социалистическое революционное движение. Скажите вы, безумцы, почему вас беспокоит,

* Практически одновременно с Лениным и двумя его группами в Петроград из США прибыл с группой революционеров Лев Давидович Троцкий, он же — Лейба Бронштейн. Они приплыли пароходом из Нью-Йорка в норвежский порт Берген, оттуда по железной дороге в Швецию, далее через Финляндию в Петроград.

давал ли я деньги Ленину? Ни Ленин, ни другие большевики, чьи имена вы называете, никогда не просили и не получали от меня никаких денег ни в виде займа, ни в подарок».

Между тем тайная работа по снабжению революционной оппозиции Временному правительству в России продолжалась:

«Помимо Гельфанда, бывшего главным связующим звеном между большевиками и берлинским правительством, летом 1917 года большевики имели и другие каналы связи с Берлином. Вполне возможно, что часть денег, выделенных на организацию подрывной деятельности в России — Эдуард Бернштейн позднее оценил общую сумму примерно в 50 миллионов золотых марок, хотя нам кажется правдоподобной цифра 30 миллионов, — была передана непосредственно иностранной миссии большевиков немецким посланником в Стокгольме» (З. Земан, В. Шарлау).

Вождь Второго Интернационала Эдуард Берштейн опубликовал в 1921 году в немецкой газете «Vorwärts!» («Вперед!») следующее заявление:

«Ленин и его товарищи получили от кайзеровской Германии крупные суммы на ведение своей разрушительной агитации. Я знал об этом еще в декабре 1917 года. Сейчас из абсолютно заслуживающих доверия источников /он имел в виду графа Брокдорф-Ранцау, бывшего германского посла в Дании — Авт./ я узнал, что речь шла о большой, почти невероятной сумме, о сумме, превышающей 50 миллионов золотых марок».

Большевики — агенты Германии (плакат 1917 г.)

Наконец произошел Октябрьский переворот, блестяще осуществленный Троцким*. Большевики создали правительство (Совнарком), которое провозгласило мир своим абсолютным приоритетом. Парвус сразу встрепенулся. В Стокгольм его всячески зазывали Фюрстенберг-Ганецкий и Воровский, рассчитывая на связи Парвуса с европейскими социалистическими партиями: новая власть крайне нуждалась в международной поддержке.

Ждали Парвуса и в германском МИД: тут он появился во второй декаде ноября 1917 года. Германские власти в высшей степени были довольны событиями в России и дорожили новым правительством, сталкивавшимся с огромными финансовыми затруднениями: уже 9 ноября германская казна выделила очередные 15 миллионов марок помощи большевистскому правительству. Еще два миллиона были переданы большевистским представителям в Стокгольме сразу же после переворота в Петрограде.

Германское правительство отблагодарило и Парвуса: 9 мая 1918 года государственный секретарь (Кюльман) официально известил германского посла в Стокгольме, что Парвус, «оказавший нам многочисленные особые услуги в ходе войны... удостоен прусского подданства». Так российский подданный Александр Гельфанд, активный участник революции 1905 года, личный друг Троцкого и многих других большевиков, превратился в верноподданного «пруссака!»**.

Однако после успешного захвата власти и заключения Брестского договора с Германией, Австро-Венгрией и Турцией (март 1918 года) Ильич перестал прислушиваться к советам Парвуса. С этого момента В.И. Ульянов-Ленина интересовало, в основном, мнение германского посольства в России.

Несмотря на это, весной 1918 года Парвусу удался очередной авантюрный план: под создание газетной империи в России для обработки ее населения в прогерманском духе он сумел получить еще 5 миллионов марок! Первые печатные издания вышли в ноябре, когда Германия уже потерпела поражение.

После того, как в ноябре 1918 года в Германии произошла революция, Парвус уехал в Швейцарию, где у него на счету было свыше

* О том, как Троцкий организовал и осуществил государственный переворот в Петрограде 25 октября 1917 года, вопреки сопротивлению Ленина (!), сильно опасавшегося провала и последующих репрессий, подробно рассказал свидетель этих событий, итальянский социалист Курцио Малапарте в своей книге «Техника государственного переворота», опубликованной в Италии в 1931 году. В 1998 году она вышла, наконец, и на русском языке.

** По книге: Н. Рутыч «КПСС у власти». Мюнхен, 1980. Интернет-версия.

двух миллионов франков (плюс счета в банках ряда других стран Европы). Позже Парвус вернулся в Германию и снова занялся журналистикой.

Деятельность большевиков во власти он оценивал весьма скептически. Вот отрывок из воспоминаний меньшевика Е. Ананьина (Чарского):

«В 1920 году я был у него на его вилле... /Парвус/ много говорил о бессмысленной большевистской системе, приведшей Россию к анархии и хаосу — ибо, по его словам, Ленин и компания не последовали его совету действовать с «разумной постепенностью» и вводить социализм по этапам, маленькими дозами».

В 1921 году он пророчествовал, обращаясь к союзникам:

«Если вы разрушите Германию, то превратите германский народ в организатора второй мировой войны»...

Умер Парвус в декабре 1924 года. Главное дело своей жизни он сделал. Любопытно, что после смерти ни в его бумагах, ни в Институте по изучению последствий войны не нашли никаких документов политического характера, а все состояние исчезло неизвестно куда.

Немецкие деньги для ленинской шайки

Историю с финансированием немцами революции в России советские идеологи всегда называли «злобными измышлениями врагов СССР». Но вот 10 декабря 2007 года итальянская газета «La Repubblica» поместила статью Андреа Тарквини «Купленная революция: Так кайзер финансировал Ленина». В ней сказано:

«Германия оказала помощь не только в переезде Ленина из Швейцарии через немецкую территорию в Россию, чтобы осуществить там революцию. Кайзеровская Германия выделила большевикам миллионы марок с тем, чтобы свергнуть царя и освободиться, таким образом, от одного из своих противников в Первой мировой войне. Об этом говорится в документах, которые до последнего времени были секретными, а ныне оказались в распоряжении журнала «Der Spiegel». Этому открытию гамбургское издание посвятило главную статью номера с заголовком на обложке «Die gekaufte Revolution» — «Купленная революция». В другом шокирующем заголовке в том же номере Ленина называют «революционером Его Величества».

Императорский двор, дипломаты, разведка и контрразведка не опасались, что крах царизма и победа революции могут представлять угрозу династии Гогенцоллернов. План проезда Ленина и его товарищей через немецкую территорию не встретил возражений ни у рейхсканцлера Тео-

балда Бетманна-Гольвега, ни у командующего сухопутными войсками Пауля фон Гинденбурга. Макс Хоффман, высокопоставленный офицер, ближайший сотрудник Гинденбурга, писал по этому поводу: «Так же, как я имею право бросать гранаты или использовать газ против врага, я могу применять средства пропаганды против него».

Выражение «враг врага — наш друг» стало девизом немцев, когда они принимали решение о финансировании Ленина. Александр Парвус (Израиль Гельфанд), социалист и коммерсант в одном лице, друг Троцкого, проживавший в Османской империи, уже был знаком с Лениным. В конце мая 1915 года он встретился с Лениным в Берне.

Неоднократно Reichsschatzant (министерство финансов) передавало Auswaertiges Amt (министерству иностранных дел) значительные суммы «на революционную пропаганду в России», пишет «Der Spiegel», цитируя документы. 11 марта 1915 года, иными словами, вскоре после появления 23-страничного меморандума Парвуса, — 2 млн. марок. Потом 5 млн. марок 9 июля 1915 года, и еще 5 млн. марок 3 апреля 1917 года — за несколько дней до отъезда Ленина из швейцарской ссылки в Петроград»...

Большевики «предоставили полезную информацию по ситуации в царской России», писал в своих мемуарах Вальтер Николаи, начальник германской военной разведки с 1913 по 1921 год. Гельфанду, официально разыскиваемому имперской политической полицией, был выдан паспорт, с которым он мог свободно передвигаться по Германскому рейху, по оккупированным территориям и посещать нейтральные страны. Гельфанд поселился в Швеции, и из приграничного города Хапаранда экспортировал или провозил в Россию самые разные товары. Никто не знает сколько, но совершенно точно, что часть доходов оказывалась у большевиков. Они на эти деньги осуществляли пропаганду, проводили забастовки и акции протеста»...

По данным современных немецких источников, большевики получили от германского министерства иностранных дел и военного ведомства за период с апреля 1915 по октябрь 1917 года средства для свержения монархии (в виде наличных денег и оружия) на сумму в 26 миллионов рейхсмарок, что соответствует ныне 75 млн евро.

Руководству Антанты роль Германии в октябрьском перевороте была очевидна. Уже 9 ноября (27 октября) лондонская газета «Morning Post» опубликовала статью «Революция сделана в Германии». Да и сами немцы недолго хранили молчание: в интервью, помещенном в воскресном выпуске «Frei Presse» от 1 декабря (18 ноября) 1917 года генерал Эрих Людендорф заявил, что русская революция для Германии не случайная удача, а естественный результат германской политики.

Глава 2

ЕВРЕИ В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Живые снаряды

Руководство международного еврейского социалистического движения контролировало и направляло деятельность Ленина и его фракции в РСДРП через Парвуса, Троцкого, Арманд, а также через видных партийцев еврейской национальности.

Вспомним пресловутый «пломбированный» вагон. В нем прибыл «Ильич», а вместе с ним еще 28 человек. Вскоре по тому же маршруту проследовал целый поезд, в котором приехали уже 143 революционера — настоящий десант спецназначения, который Германия забросила в Россию. Среди этих 172 человек не менее 105 (60 %) были евреи. Почти все остальные тоже являлись инородцами: кавказцы, прибалты, поляки...

Наконец, вместе с Троцким на «пароходе революции» прибыли из США 200 революционеров, практически все — евреи.

Но кроме Ленина и Троцкого в энциклопедическом словаре «Великая Октябрьская социалистическая революция» (1968 г.), в 16-томной «Советской исторической энциклопедии» (1961—1976), в «Новом иллюстрированном энциклопедическом словаре» (1999 г.) можно найти лишь несколько из них — Арманд, Балабанову, Войкова, Зиновьеву, Крупскую, Луначарского, Мануильского, Сокольникова, Усиевича и Цхакая*.

А остальные 360 «выдающихся революционеров»? Какие роли сыграли они при подготовке и осуществлении переворота 7 ноября? Это покрыто мраком тайны. В данной связи приведем цитату из воспоминаний Карла Радека (Собельсона), ехавшего вместе с Лениным в пломбированном вагоне:

«Нас ожидали немецкие офицеры. Они указали нам зал таможни, в котором должны были пересчитать число живых «снарядов», транспортируемых ими в Россию»...

Как понимать выражение Радека — «снарядов»? Снаряды ведь предназначаются для разрушения. Но живые «снаряды» много опасней железных...

* Лишь сравнительно недавно в Интернете появился список с фамилиями и инициалами пассажиров обоих поездов. Списка спутников Троцкого на «пароходе революции» я не нашел. — Автор.

Отметим заодно, что кроме Ленина и 28 его сподвижников, с ними в Россию приехали некие Рубаков и Егоров, в действительности офицеры германского Генерального штаба Андерс и Эрих.

Напомним, что к лету 1917 года большевистское крыло РСДРП насчитывало около 8 тысяч членов*. Евреи составляли среди них более половины. Это абсолютно не соответствовало пропорциям между этносами. Евреев среди населения Российской империи было меньше 3 %.

В июле — августе 1917 года состоялся VI съезд партии большевиков, взявший курс на подготовку государственного переворота. Он избрал Центральный Комитет в составе 29 человек (21 член комитета с решающим голосом, 8 — с совещательным). Среди них было 8 евреев: Г.Е. Зиновьев (Радомысльский), А.А. Иоффе, Л.Б. Каменев (Розенфельд), Н.Н. Крестинский (Розенгольц), Я.М. Свердлов, Г.Я. Сокольников (Бриллиант), Л.Д. Троцкий (Бронштейн), М.С. Урицкий. Как видим, в «ленинском ЦК, совершившем революцию», евреи составили 28 %. Пропорционально в 9 раз больше, чем среди жителей империи.

В связи с этим фактом хочу напомнить главную цель плана Парвуса, одобренного немцами — уничтожение России как мощного единого государства, раздробление ее на десяток или два десятка республик (среди которых должна появиться и еврейская автономия). А в реализации этого плана главную роль должны были сыграть именно еврейские революционеры.

Вот отрывок из книги «Что нам в них не нравится», которую издал в 1927 году в Париже Василий Витальевич Шульгин (1878—1976), один из лидеров русских монархистов. Он вполне подтверждает мою мысль:

«Я не говорю, что еврейство, в лице своих явных или тайных народных представителей, или в лице своего явного или тайного правительства, где-то когда-то вынесло приговор «уничтожить голову русской нации» и совершило сие при помощи коммунистической партии... Но я утверждаю, что коммунистической партией, которая сим делом занималась, руководили евреи, кои в нее, партию, вошли в большом количестве и ею овладели»...

* В советских изданиях разных лет приводятся различные данные о численности партии большевиков в 1917 году. За 50 лет (с 1927 по 1977 год), первоначальная цифра 8 тысяч выросла до 100 тысяч — в 12,5 раз! Партийные пропагандисты изо всех сил стремились доказать, что большевики уже в 1917 г. представляли собой массовую партию. Поскольку это ложь, постольку они встали на путь фальсификации.

Новая власть в национальном разрезе

Большевикам с первых дней своей власти пришлось формировать новый аппарат управления государством. При этом им понадобилось много чиновников, гораздо больше, чем было в царской империи, потому что они взялись управлять абсолютно всем, в том числе такими областями жизни общества, в которые при царизме никто не лез. Например, они стремились учитывать все виды произведенной продукции и контролировать ее распределение. Но если надо учитывать и распределять все на свете, то приходится создавать целые управления таких контролеров.

И тут большевики столкнулись с проблемой, которая до революции не приходила им в голову: с ними никто не хотел сотрудничать. А если у хунты, захватившей власть, нет ни управленческого аппарата, ни полиции, ни армии, она стоит немногого. Никакие «чрезвычайки» не могли в этом плане что-то изменить. В конце концов, чиновник может сидеть целый день за своим столом, усердно скрипеть пером и звонить по телефону. Но результат его деятельности будет таков, что лучше бы он оставался дома...

Евреи-партийцы быстро нашли выход. Они призвали себе на подмогу беспартийных соплеменников:

«Когда после Октября русская интеллигенция в массе отказалась сотрудничать с большевиками... решительные и цепкие ленинцы обратились за помощью к евреям, энергичным, смекалистым, способным и дотоле униженным, подавленным, затоптанным чертой оседлости иными «еврейскими законами».

Десяткам тысяч жителей гнилых местечек, старьевщикам, контрабандистам, продавцам сельтерской воды, оточившим волю в борьбе за жизнь и мозг за вечерним чтением Торы и Талмуда, власть предложила переехать в Москву, Петроград, Киев, взять в свои нервные, быстрые руки все, выпавшее из холеных рук потомственной интеллигенции, — все, от финансов великой державы до ее армии, от шахмат до тайной полиции.

Они не удержались от Исаакова соблазна, тем более, что в придачу к чечевичной похлебке им предложили строить «землю обетованную», «новое Царство Божие на Земле», сиречь Коммунизм, которое являлось вековой мечтой их народа».

/Хейфец М. Место и время (Еврейские заметки). Париж, 1983, с. 44—45./

Начиная с 1918 года, многотысячные массы местечковых евреев пошли на службу к большевикам, среди которых каждый второй тоже был евреем. Кто-то пошел ради карьеры, кто-то — поверив в

лозунги большевиков, кто-то — увидев в них «свою», еврейскую власть. Британский премьер-министр Уинстон Черчилль, выступая в Палате общин 5 ноября 1919 года, сказал:

«Нет нужды преувеличивать роль, сыгранную в создании большевизма и подлинного участия в русской революции интернациональных евреев-атеистов. Более того, главное вдохновение и движущая сила исходит от еврейских вождей. В советских учреждениях преобладание евреев более чем удивительно. И главная часть в проведении системы террора, учрежденного ЧК, была осуществлена евреями и в некоторых случаях евреями. Такая же дьявольская известность была достигнута евреями в Венгрии в период террора, когда здесь правил еврей Бела Кун». /Цит. по книге: Буровский А.М. Евреи, которых не было. Книга 2. М., 2004, с. 195—196./

В 1920 году Ленин разъярял Семену Диманштейну (1886—1938), руководителю Еврейской секции Коминтерна (бывшему раввину!), что «делу революции» сильно помогло наличие в городах России евреев, эвакуированных из западных губерний:

«Значительное количество еврейской средней интеллигенции оказалось в русских городах. Они сорвали тот генеральный саботаж, с которым мы встретились после Октябрьской революции и который был нам крайне опасен. Еврейские элементы... саботировали этот саботаж и тем самым выручили революцию в нужный момент».

/Буровский А.М. Цит. соч., с. 195./

Около 40 лет назад зарубежный исследователь указал на еще один важный аспект массового появления евреев в советском аппарате. Он отметил, что «путь наверх» открылся в основном для люмпенизированных слоев еврейского населения бывшей империи:

«Тем самым евреи приблизились к власти и заняли различные государственные «высоты» — пропорционально не их значению в России, а их участию в социалистических организациях. Но далее, заняв эти места ...они уже чисто бытовым образом потащили за собой родных, знакомых, друзей детства, подруг молодости... Совершенно естественный процесс предоставления должностей людям, которых знаешь, которым доверяешь, которым покровительствуешь, наконец, которые надоедают и пользуются знакомством, родством и связями, необычайно умножил число евреев в советском аппарате.

...Большевистский строй, опрокинувший социальную пирамиду, давший господство социально — низам, морально — отбросам, культурно — невежественным, неизбежно и в еврействе вытянул на поверхность соответствующие элементы». /Ландау Г.А. В сборнике «Россия и евреи». Париж, 1978, с. 110./

Сверхзадача

Так на деле реализовывалась угроза Троцкого в адрес России и русского народа, которую зафиксировал в своей книге «Воспоминания» Арон Симанович, бывший секретарь Григория Распутина. Он писал:

«Лейба Давидович Троцкий, который стремился к развалу величайшей в мире державы — России, — по этому поводу говорил: “Мы должны превратить ее в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная.»

В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побелеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим свою власть и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния...»

И они сделали это с Россией. Это исторический факт. Но, вопреки фактам, многие современные авторы, всеми силами выпячивающие проблему Холокоста и с пеной у рта пропагандирующие пресловутое «открытое общество», замалчивают ту роль, которую сыграли евреи в революции, гражданской войне и ленинско-сталинском терроре*.

Без всякой политкорректности заявляю: главной побудительной силой (мотором) и организующим началом (штабом) революции, гражданской войны и чудовищного террора (число жертв которого намного превосходит Холокост) явился международный заговор еврейских идеологов из Европы, еврейских финансистов из США и еврейских революционеров из России.

* Относительно концепции «открытого общества». Ее подоплека вполне понятна любому здравомыслящему человеку — создать идеальные условия для деятельности транснациональных корпораций. Иными словами, обеспечить свободное перемещение товаров, ресурсов, финансов и рабочей силы с целью извлечения ТНК максимальной прибыли. Мнения сторонников обеспечения национального суверенитета и сохранения национальной культуры их абсолютно не интересуют.

Глава 3

1917 ГОД: ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Все по плану

В феврале — марте 1917 года в России, точнее, в нескольких ее крупнейших городах, произошла буржуазно-демократическая революция. В советскую эпоху принято было считать, что февральскую революцию никто специально не организовывал. Якобы она стала выражением стихийного протеста широких народных масс, уставших от двух с половиной лет бессмысленной войны и экономических трудностей. Но мировая история свидетельствует, что стихийные выступления социальных низов всегда кончаются неудачей. Хотя бы только поэтому позволю себе усомниться в «случайном характере» свержения царизма.

Февральско-мартовским событиям 1917 года в России посвящена обширная литература. Не углубляясь в историю вопроса, отмечу некоторые бесспорные факты.

Во-первых, к концу 1916 года большевики, получившие огромную ссуду от немцев, восстановили на эти деньги свою партийную организацию внутри России и учредили нелегальный центр руководства ею (Русское бюро ЦК РСДРП), находившийся в Петрограде, наладили массовое издание антиправительственных газет и листовок. В свою очередь, Русское бюро получало инструкции от заграничной части ЦК из Швейцарии. К февралю 1917 года в городах и воинских частях страны действовали 154 партийные группы, в том числе 16 в столице империи — Петрограде.

Во-вторых, начиная с 22 (9) января 1917 года* активисты левых партий (большевики, меньшевики, левые эсеры, анархисты и другие), дружно, повинувшись командам, поступавшим из-за рубежа, начали систематически устраивать в Петрограде, Москве, Харькове, Нижнем Новгороде и Баку забастовки рабочих, демонстрации городских жителей под лозунгами «Хлеба!», «Долой войну!», «Да здравствует республика!».

Одновременно в обращении появилась масса пропагандисткой литературы (газеты, брошюры, газеты, листовки), которую деятели левых партий печатали как в самой России в подпольных типогра-

* Первая дата по новому стилю, вторая — по старому.

фиях, так и в других странах (нелегально доставляя через Швецию, Финляндию и морем — из США).

В-третьих, представители российской торгово-промышленной буржуазии создали осенью 1916 года две группы, планировавшие устранение Григория Распутина — влиятельного фаворита царской четы, и свержение Николая II. Одну группу возглавил «сахарный король» Михаил Терещенко (1886—1956), являвшийся с 1915 года председателем Всероссийского военно-промышленного комитета. Второй группой руководил князь Георгий Львов (1861—1925), председатель Всероссийского земского союза, сопредседатель Земгора, один из лидеров партии «кадетов» (конституционных демократов)*. Давно доказано, что и Терещенко, и Львов были масонами.

Выступления масс, инспирированные опытными «кукловодами» вроде Парвуса и его сотрудников, продолжались полтора месяца без перерыва. Попытки силового их подавления намеренно осуществлялись столь бестолково, что не могли не провалиться. В частности, важную роль в создании такой бестолковости сыграл полковник Масловский-Мстиславский из штаба Петроградского военного округа.

Одновременно шла интенсивная закулисная борьба «в верхах». В результате сочетания интриг «сверху» и давления «снизу», 15 (2) марта 1917 года было создано Временное правительство во главе с князем Г.Е. Львовым. А 16 (3) марта царь Николай II и его брат Михаил отреклись от престола.

Известный русский художник Илья Глазунов вполне обоснованно подчеркнул в книге своих размышлений о трагической судьбе России в XX веке следующее обстоятельство:

«Сегодня уже нет, пожалуй, серьезных историков, которые не называли бы бескровную «демократическую» революцию в феврале 1917 года масонским действием, поскольку все члены Временного правительства были масоны, а Керенский и Милюков, очевидно, стояли на высоких ступенях масонской «пирамиды». Поначалу главой этого правительства был князь Львов... Потом главную роль стал играть адвокатишка Керенский...

Но для понимания Февраля и Октября нам важнее всего уяснить истоки и суть так называемого «двоевластия». Как сиамские близнецы, одновременно возникли два центра власти, ...управляемые одним хозяином, — Временное правительство и Исполнительный комитет Со-

* Земгор — сокращенное название «Главного по снабжению армии комитета Всероссийских земского и городского союзов». Был учрежден 10 июля 1915 года с целью снабжения армии.

вета рабочих и солдатских депутатов. Следует сразу же отметить, что в его руководстве было всего два рабочих... Исполком с самого начала возглавлял известный большевик-ленинец Юрий Стеклов (Юдель Нахамкис)».

/Глазунов И.С. Россия распятая. Книга I. М., 2004, с. 186./

Вот что писал о взаимоотношениях между этими параллельными центрами власти бывший управляющий делами Временного правительства В.Д. Набоков в своей книге «Временное правительство», изданной в Москве в 1923 году:

«В течение первых недель существования Временного правительства заседания контактной комиссии /созданной для взаимодействия правительства с исполкомом Совета рабочих и солдатских депутатов — *Авт.*/ происходили часто, раза три в неделю, иногда и больше, всегда по вечерам... Главным действующим лицом в этих заседаниях был Стеклов. Я впервые тогда с ним познакомился, — не подозревал ни того, что он еврей, ни того, что за его благозвучным псевдонимом скрывается отнюдь не благозвучная подлинная фамилия... Тон его был тоном человека, уверенного в том, что Временное правительство существует по его милости и до тех пор, пока ему это угодно... Сколько раз мне пришлось выслушивать фразы, в которых прямо или косвенно говорилось: «Вы (т.е. Временное правительство) очень хорошо ведь знаете, что стоило бы нам захотеть, и мы беспрепятственно взяли бы власть в свои руки... Если мы этого не сделали и пока не делаем, то лишь потому, что считаем вас в настоящее время более соответствующими историческому моменту. Мы согласились допустить вас к власти, но именно потому вы в отношении нас должны помнить свое место.

/Цит. по книге Глазунов И.С. Россия распятая, с. 194—197./

Все шло в соответствии с наметками меморандума «доктора Гельфанда». Экономический кризис в России разрастался, политический кризис углублялся. Любой читатель старше 40 — 45 лет помнит по школьным учебникам истории о таких событиях 1917 года, как «апрельский кризис», «июньский кризис», «июльские дни», «корниловский мятеж». Однако закулисные режиссеры трагического спектакля так и остались скрытыми от посторонних глаз. Смятенное общество видело на российской политической сцене лишь кривляние левых радикалов...

Историк-эмигрант из СССР Н.Н. Рутченко отметил в своей книге «КПСС у власти», изданной в 1980 году под псевдонимом Н. Рутыч:

«21 апреля 1917 года Главная квартира германской армии известила министерство иностранных дел следующей телеграммой: «Въезд Ле-

нина в Россию произошел успешно. Он работает точно так, как бы мы желали».

Далее Рутченко приводит выдержку из письма госсекретаря Р. Кюльмана в Главную штаб-квартиру германской армии, посланного 29 сентября 1917 года:

«Большевистское движение никогда не смогло бы достигнуть того масштаба и влияния, которое оно имеет сейчас, если бы не наша непрерывная поддержка. Есть все основания думать, что это движение будет продолжать расти».

Жалованье членам ленинского ЦК РСДРП(б) исправно платил германский Императорский банк. Оружием снабжал революционеров германский Генеральный штаб. Ленину с «товарищами», чтобы устроить широкомасштабный коммунистический эксперимент, очень нужна была власть. А немцам очень нужна была сила, способная свалить монархию в России, разложить русскую армию, вывести страну из войны, избавив тем самым Германию от безнадежной борьбы на два фронта. Интересы компаньонов совпадали почти идеально. Рутченко справедливо отметил:

«Немецкие деньги помогли Ленину осуществить свою идею о партии, сформулированную еще в «Что делать?», и дали возможность поставить непосредственно вопрос о «диктатуре пролетариата», ибо в его руках оказался инструмент для осуществления тотального властвования.

Именно поэтому Ленин так торопился в июле, сентябре — октябре 1917 года с захватом власти. Он не мог не понимать, что инструмент, находящийся у него в руках /партия — *Авт.*/, неизбежно распадется, большевики «сойдут на нет как партия», если он не успеет пересадить ее с немецкой финансовой базы на базу российской государственной власти с ее безграничными возможностями».

Попутно отметим, что в партии большевиков существовали две основные группировки. Одну, более крупную, возглавлял Ленин, ее финансировали немцы, на них эта группа и ориентировалась. Во главе другой, меньшей численности, стоял Троцкий, ее финансировал Якоб Шифф, американский банкир еврейского происхождения. Кстати говоря, позже Шифф издал книгу воспоминаний под красноречивым названием: «Я платил за русскую революцию». В ней он признался, что заплатил большевикам и другим «левым» партиям в России около 20 миллионов долларов!

Как известно, подрывная деятельность Ленина и его товарищей увенчалась государственным переворотом в Петрограде 7 ноября (25

октября) и установлением большевистской диктатуры — под лживой вывеской «власти советов». Значительно позже, в 1927 году, этот переворот назвали «великой социалистической революцией».

Сразу же (вечером 7 ноября 1917 г.) большевики создали свое правительство (Совет народных комиссаров, или Совнарком), объявившее себя верховной властью на всей территории Российской Демократической Республики (провозглашенной 3 сентября), которую они переименовали в РСФСР.

Немецкий вклад

Германские военнослужащие приняли непосредственное участие в собственно октябрьском перевороте. Отряды «вооруженных военнопленных» (!) обеспечили защиту Петрограда от казаков генерала Краснова, руководили артиллерийским обстрелом и последующим взятием московского Кремля.

Сотрудничество большевиков с немцами продолжалось и после Октябрьского переворота, причем во все больших масштабах. Немцы, благодарные большевикам за развал Восточного фронта и фактический выход России из войны (с осени 1917 года боевых действий на Восточном фронте не было), обеспечили новоявленному союзнику военную и моральную поддержку.

Осенью 1918 года в США был издан сборник материалов на русском языке под общим названием «Немецко-большевицкая конспирация». В нем опубликован ряд документов о связях большевиков и немецкого Генерального штаба. Приводим некоторые из них.

«Генераль-Штаб. Централь Абтайлунг, Секцион М.

Берлин. Октябрь 1917 г.

Правительству народных комиссаров:

Согласно происшедших в Кронштадте в июле текущего года соглашений между чинами нашего Генерального Штаба и вождями русской революционной армии и демократии г.г. Лениным, Троцким, Раскольниковым, Дыбенко, действовавшее в Финляндии русское отделение нашего Генерального Штаба командирует в Петроград офицеров для учреждения Разведочного Отделения Штаба. Во главе Петроградского Отделения будут находиться следующие офицеры, в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями:

Майор Люберти, шифрованная подпись Агасфер.

Майор фон-Бельке, шифрованная подпись Шотт.

Майор Байермейстер, шифрованная подпись Бэр.

Лейтенант Гартвиг, шифрованная подпись Генрих.

Разведочное отделение, согласно договору с г.г. Лениным, Троцким, Зиновьевым, будет иметь наблюдение за иностранными миссиями и во-

енными делегациями и за контрреволюционным движением, а также будет выполнять разведочную работу на внутренних фронтах, для чего в различные города будут командированы агенты. Одновременно сообщается, что в распоряжение правительства Народных комиссаров командировуются консультанты по Министерству иностранных дел — г. фон-Шенеман, по Министерству финансов — г. фон-Толь.

Начальник русского отдела германского Генерального Штаба: О. Рауш.

Адъютант: Ю. Вольф».

А 9 декабря 1917 года «Нахрихтен Бюро» направило следующее послание Троцкому:

«Согласно Вашему поручению. Разведочным Отделением 29 ноября был командирован в Ростов майор фон-Бельке, установивший там разведку за силами Донского Войскового Правительства. Майором был организован отряд из военнопленных, которые и принимали участие в боях. В этом случае военнопленные, согласно указаниям, сделанным июльским совещанием в Кронштадте с участием: гг. Ленина, Зиновьева, Каменева, Раскольниковца, Дыбенко, Шишко, Антонова, Крыленко, Володарского и Подвойского, были переодеты в русскую солдатскую и матросскую форму.

Майор фон-Бельке принял участие в командировании, но сбивчивые распоряжения официального командующего Арнаутова и бездарная деятельность разведчика Туллака парализовали план нашего офицера. Посланные по приказу из Петербурга агенты убить генералов Каледина, Алексеева и Богаевского оказались трусливыми и непредприимчивыми людьми. К Караулову приехали агенты. Сношения ген. Каледина с англичанами и американцами несомненны, но они ограничиваются денежной помощью. Майор фон-Бельке с паспортом финна Упо Муури возвратился в Петербург и выступит сегодня с докладом в кабинете Председателя Совета в 10 час. вечера.

За начальника Отделения Р. Бауэр».

Это письмо раскрывает суть германо-большевистского плана: убийство генералов-патриотов А.М. Каледина и М.В. Алексеева, а также использование немецких военнопленных в качестве красноармейцев в войне против русского народа на стороне большевиков.

«Нахрихтен Бюро» тесно сотрудничало и с ВЧК. Так, 17 декабря 1917 года это бюро сообщило ВЧК (по просьбе Держинского) список «наблюдателей» за миссиями союзных России государств — Великобритании, Франции, США, Румынии, Италии. Среди германских агентов были как подданные кайзера, так и граждане России.

Большевики выполнили просьбу германского Генштаба о направлении немецкого разведчика «для наблюдения» за деятель-

ностью начальника российского Генштаба М.Д. Бонч-Бруевича, который не устраивал немцев. Троцкий выдал этому «наблюдателю» — турецкому подданному Карпу Х. Миссирову — российский паспорт.

Параллельно, опасаясь огласки своих связей с немцами, большевистские вожди заматали следы. Так, уполномоченные НКВД Е. Поливанов и Г. Залкинд сообщали Ленину 16 ноября 1917 года:

«1. В Архиве Комис. Юстиции из дела об «измене» тт. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. изъят приказ Германского Императорского Банка за № 7433 от 2 марта 1917 года об отпуске денег тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России;

2. Проверены все книги Ниа-Банка в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др. открытые по ордеру Германского Имперского Банка за № 2754. Книги эти переданы тов. Мюллеру, командированному из Берлина».

/Документы цитируются по материалам статьи «Родимое пятно большевизма» в московском журнале «Столица» № 4 за 1991 год./

Октябрьский переворот – гибель демократии

Временное правительство, свергнутое большевиками 7 ноября 1917 года, в своей Декларации от 16 (3 марта) 1917 года провозгласило:

«В своей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным.

2. Свобода слова, печати, союзов, стачек, собраний с распространением политических свобод на военнотружущих.

3. Отмена всех сословий, вероисповеданий и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывоз из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться какими-либо военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению всех вышеизложенных реформ».

В сравнении с целями и методами деятельности Временного правительства осенний переворот 1917 года, совершенный под руководством большевиков, левых эсеров и анархистов, следует оценивать как реакционный по отношению к духу, идеалам, направленности и достижениям Февральской буржуазно-демократической революции; то есть — как безусловно контрреволюционный.

Он перечеркнул волеизъявление народов России, вполне определенно высказанное в ходе выборов в Учредительное Собрание. 22 (9) августа 1917 года была назначена дата выборов Учредительного собрания — 25 (12) ноября, а в октябре стали публиковаться списки кандидатов. Большевики, которые критиковали саму идею этого собрания, тем не менее, выставили своих кандидатов наряду с остальными партиями, и, захватив власть, не отменили выборов, которые прошли в назначенный срок — через 15 дней после большевистского переворота.

Результат был демонстративен: за левые партии проголосовали около 68 % избирателей — примерно 30 млн из 44,4 млн человек, принявших участие в выборах. Но победили эсеры — они получили 40,4 % голосов (17,9 млн человек), тогда как большевики — 24 % (10,6 млн), а меньшевики — всего 2,6 % (1,14 млн). Остальные партии остались далеко позади. Так, за кадетов проголосовали 4,7 % избирателей (2,0 млн).

При этом победу эсеров (почти в 1,7 раза больше голосов, чем у большевиков) всецело определили голоса крестьян. В 68 губернских городах России дело обстояло совершенно иначе, там большевики получили 36,5 % голосов, тогда как эсеры только 10,5 %, то есть в 3,5 раза меньше.

После выборов огромная Россия наивно ждала созыва Учредительного собрания, которое было призвано определить политиче-

*Ульянов-Ленин призывает народ
к свержению законного правительства
(худ П. Староносов, 1935 г.)*

ское устройство Российской демократической республики (РДР) и предоставить статус автономий ее национальным окраинам.

Но большевики захватили власть вовсе не для того, чтобы кому-то ее отдать. Они изначально в грош не ставили мнение съезда демократически избранных представителей всех социальных и национальных групп российского государства. Да и РДР уже не существовала, вместо нее была провозглашена РСФСР.

Напомним, что еще 13 декабря 1917 года Ленин опубликовал «Тезисы об Учредительном собрании», в которых четко сформулировал свою точку зрения по этому вопросу:

«Всякая попытка прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формальной, юридической стороны... является изменой делу пролетариата... Учредительное собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть».

Все же 18 (5) января 1918 года в Таврическом дворце в Петрограде собрались на первое заседание 409 депутатов из 715 избранных (57 %). Среди них преобладали эсеры и представители национальных движений. Но уже следующим вечером Ленин приказал разогнать съезд, так как стало очевидным, что избранные народом поддерживают большевиков. Двери дворца опечатали, вокруг него выставили караулы вооруженных матросов. С этого момента большевики раз и навсегда покончили с играми в демократию.

Глава 4

БРЕСТСКИЙ СПЕКТАКЛЬ: ОПЛАТА СЧЕТОВ

*Возможно ли занятие немецкими войсками
Петрограда и Москвы?*

— Да, если возникнет угроза большевистскому режиму
(Из интервью немецкого генерала Кирхбаха
после заключения Брестского мира)

Как только большевики захватили власть в столице страны и сформировали свое правительство — Совет народных комиссаров (Совнарком), на повестку дня встал вопрос о выводе России из войны. Ведь именно это они обещали немцам. Пришло время расплаты с теми, кто два с половиной года финансировал их и всячески помогал в антигосударственной деятельности. 3 декабря (20 ноября) 1917 года из Петербурга в Брест-Литовск выехала делегация Совнаркома.

Кто вел переговоры?

Советские историки упоминали только четырех ее членов. Это Адольф Иоффе — руководитель, Лев Каменев (Розенфельд), Григорий Сокольников (Бриллиант) и Лев Карахан (Караханян) — секретарь. Трое евреев и армянин отправились вести переговоры от имени России и русского народа. Разве не анекдот?

Правда, в делегацию входили еще 5 человек. Бывшая террористка Анастасия Камеритая-Биценко (1875—1938), которая в 1905 году убила военного министра В.П. Сахарова, после чего отбывала срок на каторге, а также по одному «представителю» от матросов, от солдат, от рабочих и от крестьян. «Рабочего» звали Павел Андреевич Обухов, он якобы работал на Обуховском заводе. Мужика члены делегации взяли в момент отъезда прямо на вокзале — некоего Сташкова. Сведений о персонах матроса и солдата я не нашел.

При делегации находилась также группа военных консультантов в чинах от капитана до полковника. Ее должен был возглавить 45-летний генерал-майор Владимир Скалон. Но он приехал на переговоры позже и в первый же день пребывания в Бресте (29 ноября) застрелился.

Его заменил генерал-майор Александр Самойло (1869—1963). Самойло вспоминал, что на следующий день после трагедии генерал

Гофман приветствовал его словами: «А! Значит, вы назначены замещать бедного Скалона, которого уходили ваши большевики! Не вынес, бедняга, позора своей страны! Крепитесь и вы!»

Среди военспецов имелись две весьма любопытные фигуры. Во-первых, полковник Сергей Масловский-Мстиславский (1876—1943). Как уже отмечено выше, именно этот беспринципный представитель русского масонства был одним из главных действующих лиц настоящей, а не выдуманной февральской революции. Он из СССР не эмигрировал, пережил всех членов делегации, стал довольно известным писателем. Жизненный путь этого авантюриста окончился в эвакуации в Иркутске, но до того он успел еще стать официальным биографом В.М. Молотова.

Во-вторых, подполковник Джон Гугович (Иван Григорьевич) Фокке — ревельский немец. Он оставил воспоминания о переговорах, которые были опубликованы после его смерти, последовавшей в 1925 году. «Джон Гугович» назвал «пролетарскую» часть делегации «зоопарком». Вот цитата:

«Во время обедов за столом рядом с этими животными сидели принц Леопольд и генерал Гофман, рассматривали зверушек. Кто на «трудящегося» смотрел, кто на Биценко. С одной стороны, смешно, а с другой стороны — проблема. С КЕМ договор заключать?»

...Крестьянин Сташков с сидящим рядом принцем Леопольдом не разговаривал, но всё-таки посильные дипломатические переговоры с прислуживающим вестовым. У крепкого старика была своя «программа-максимум» по отношению к подававшемуся за столом вину, которому Сташков отдавал за обедом усиленную честь. Никогда не отказывался, но заботливо осведомлялся у соседей: — Которое покрепче? Красненькое, беленькое — нам всё равно, только бы поздоровее было».

/См. Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. // «Архив русской революции». Том XX. Берлин, 1930./

Как известно, первый состав делегации договорился с немцами только о перемирии. Соответствующее соглашение было подписано 15 (2) декабря 1917 года.

Для заключения мирного договора отправились более профессиональные персоны. В новую делегацию вошли нарком иностранных дел Л.Д. Троцкий (руководитель), его заместитель Г.В. Чичерин, нарком внутренних дел Г.И. Петровский. Из прежнего состава — Г.Я. Сокольников и Л.М. Карахан. На этот раз обошлись без пролетариев.

Условия договора

Условия договора, подписанного 3 марта 1918 года, были крайне унижительными для России. Фактически они означали капитуляцию. Но другого выхода у большевиков не было.

Во-первых, они захватили власть с помощью немцев, и немцы продолжали оказывать им поддержку. Страны Антанты не признали ни Октябрьский переворот, ни Совнарком.

Во-вторых, немцы могли опубликовать документы, подтверждающие преступный сговор большевиков с ними, что означало для Ленина и его шайки политическую смерть.

В-третьих, большевикам категорически нужен был мир, чтобы полностью подчинить себе население огромной страны.

В-четвертых, прежняя армия — их же стараниями — уже не существовала, а новая еще не была создана. Линия фронта давно превратилась в условное понятие.

Интересы сторон совпадали. Статс-секретарь германского МИДа Р. Кюльман писал в одном из дипломатических писем:

«Большевики нуждаются в мире, чтобы упрочить свои собственные позиции; с другой стороны, это всецело в наших интересах и мы должны воспользоваться этим периодом, пока они у власти, который может оказаться коротким».

Но, разумеется, широкой общественности усиленно «втирали очки». Дескать, большевики как львы сражаются за столом переговоров с германскими хищниками, в невыносимо трудных условиях самоотверженно отстаивают интересы родины. Риторический вопрос: могла ли быть родина у этих поистине «безродных космополитов»?!

Условия фактической капитуляции России, осуществленной большевиками в Бресте, сводились к следующим пунктам.

Ссылаясь на революционный лозунг о «праве наций на самоопределение», немцы добились от большевиков признания независимости стран Балтии (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы), Польши, Украины, согласия на опеку Германии над Грузией, а также на отторжение в пользу Турции Карса, Ардагана и Батума с прилегающей территорией.

В результате Россия потеряла все свои колонии в западной части страны, плюс к ним Армению и Грузию. Ее территория западнее Урала сократилась примерно до тех размеров, что были в XVI веке, во времена правления царя Федора Ивановича.

Предписывалось немедленно вывести все российские воинские части и отряды красногвардейцев из Эстонии, Латвии и Украины

Первоначально считалось, что под определением «Украина» имеются в виду 9 губерний: Волынская, Екатеринославская, Киевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Черниговская. Вскоре, однако, германские войска заняли Курскую и Воронежскую губернии, а также Крым. Кроме того, они оккупировали Латвию и Восточную Беларусь. Немецкая сторона заявила, что области, оккупированные сверх условий договора, останутся под ее контролем вплоть до выполнения Россией всех условий мирного соглашения.

Германии, Австро-Венгрии и Турции досталось огромное количество вооружения, боеприпасов и имущества российской армии.

Россия должна была демобилизовать армию и разоружить флот.

Площадь отторгнутых территорий составила 780 тыс. кв. км; население — 56 млн человек (треть жителей Российской империи). Об их значении в экономике говорят цифры (на 1913 г.): 27 % обрабатываемой земли, 26 % железнодорожной сети, 73 % выплавки железа и стали, 89 % добычи каменного угля, 90 % производства сахара, 133 табачные фабрики, 244 химических предприятия, 574 пивоваренных завода, 615 целлюлозных фабрик, 918 текстильных фабрик (33 % от общего числа), 1073 механических завода, 1685 винокуренных заводов и, наконец, 40 % промышленных рабочих.

Фактически оккупированная территория превращалась в сырьевую базу Центральных держав для продолжения войны на Западе.

Украинский ресурс

Германия объявила себя защитницей Украины от большевиков и гарантом ее независимости. Мирный договор с правительством Центральной рады Украины страны Центрального блока подписали еще 27 (14) января 1918 года.

Реальной подоплекой этого договора была огромная надежда немцев и австрийцев на ресурсы Украины, в первую очередь на ее зерно (хлеб).

9 апреля 1918 года в Киеве Австрия и Германия с одной стороны, Украина — с другой, подписали соглашение о вывозе 60 млн пудов (3 млн 750 тыс. тонн) продовольствия, в том числе пшеницы, бобовых, продуктов для выделки растительного масла, фуража. Главный комиссар по продовольствию в Пруссии фон Вальдов сказал тогда, что «украинское правительство обязалось за май — июль доставить около миллиона тонн хлеба» (16,5 млн пудов). «Хлебный мир» был

широко разрекламирован в Германии и Австро-Венгрии. В спасительную силу украинского хлеба в Германии и Австро-Венгрии верили все, от членов правительства до рабочих.

Но уже 26 апреля Вальдов признал, что, хотя германские и австрийские войска заняли основные хлебные районы Украины и железнодорожные узлы, пока не удастся приступить к закупке и отправке продуктов, поскольку сначала Украину надо «умиротворить». То есть, для организации вывоза продуктов требовалось создать стабильный режим в стране и обеспечить надежную работу железных дорог.

С этой целью немцы и австрийцы занимали все новые и новые населенные пункты. При этом они вели себя в Украине как в оккупированной стране (хотя на это их провоцировали местные партизаны разных цветов). Например, ввели свои военно-полевые суды, которые по международным законам могли действовать только во время войны на оккупированной территории врага.

Убедившись в неспособности Центральной рады навести порядок, немцы сделали ставку на военную диктатуру. 28 апреля военный министр УНР, генерал-лейтенант П.П. Скоропадский осуществил государственный переворот. Он провозгласил так называемую «Украинскую державу», а себя — ее верховным гетманом. Его режим продержался до декабря.

По данным статс-секретаря продовольственного ведомства Австрийской империи, с 1 апреля по 31 октября 1918 года Германия и Австро-Венгрия вывезли из Украины следующее количество продуктов: 113.420 т зерна, муки, бобов, фуража и семян; 66.810 т сахара; 27.386 т картофеля и овощей; 3329 т масла, жира и сала; 2927 т солонины; 1803 т растительного масла; 1214 т рыбы, рыбных консервов и селетки; 421 т сыра и творога. Плюс к тому 105.542 головы живого рогатого скота; 95.976 голов лошадей; 75.200 ящиков яиц.

Задыхающаяся от морской блокады промышленность рейха получила из Украины и Беларуси 218.750 тонн железной руды, 125.000 тонн льноволокна, 841 вагон лесоматериалов, другое сырье, а из Грузии — 26.250 тонн марганцевой руды.

Еще около 15 тысяч вагонов различных продуктов и промышленного сырья было вывезено из Украины и Грузии частным образом, то есть в обход созданных Германией и Австро-Венгрией правительственных организаций.

В России царил убеждение, что голод и недостаток топлива являются следствием германской оккупации Украины. Неважно, соответствовало ли это действительности. Важно другое: причину го-

лода там видели в оккупации Украины и, соответственно, в Брестском мире, по которому большевики «сдали» Украину.

Интервенция Антанты

Односторонний выход России из войны привел к разрыву отношений с союзниками по Антанте, которые заявили о своем непризнании Брестского мира и правительства, его подписавшего. В результате Брестский мир, не избавив Россию от германской оккупации, послужил причиной для интервенции Англии, Франции, США, Японии и других стран Антанты.

Весной 1918 года Великобритания, Франция, США и Япония направили свои воинские контингенты в Россию под лозунгом восстановления Восточного фронта и с целью защиты складов с военным снаряжением и припасами от немцев. Действительно, в Мурманске, Архангельске и Владивостоке скопилось огромное количество военных грузов, доставленных за годы войны странами Антанты в Россию в соответствии с союзными обязательствами (только вывезенные назад грузы оценивались в 700 млн рублей золотом).

Имелась еще одна важная причина для интервенции. 21 января 1918 года Совнарком РСФСР по согласованию с Германией аннулировал все государственные долги. Поэтому естественной реакцией стран-кредиторов являлось стремление восстановить в России такое правительство, которое гарантировало бы погашение всех внешних долгов, взятых царским и Временным правительствами.

Кризис власти большевиков летом 1918 г.

Брестский мир быстро завел большевиков в тупик. Кризис, охвативший советскую систему к началу лета 1918 года, грозил погубить их. Раскол внутри большевистской партии и оппозиция всего общества политике большевиков толкала их в пропасть. Разрубить затянутый узел советско-германских отношений, сплотить расколотую большевистскую партию не могло уже, казалось, ничто. Агония и отчаяние большевистского режима достигли своей высшей точки. 4 июня советник германской миссии в Москве К. Рицлер сообщил в Берлин:

«За последние две недели положение резко обострилось. На нас надвигается голод, его пытаются задушить террором. Большевистский кулак громит всех подряд. Людей спокойно расстреливают сотнями. Все это само по себе еще не так плохо, но теперь уже не может быть никаких сомнений в том, что материальные ресурсы большевиков на исходе. За-

пасы горячего для машин иссякают, и даже на латышских солдат, сидящих в грузовиках, больше нельзя полагаться — не говоря уже о рабочих и крестьянах. Большевики страшно нервничают, вероятно, чувствуя приближение конца»...

Но 6 июля 1918 года двое чекистов убили посла Германии Мирбаха. В тот же день начался мятеж левых эсеров в Москве, восстание савинковцев в Ярославле, Муроме и Рыбинске. Эти события дали возможность большевикам через «большую кровь» — путем карательных мер и массового террора, а также через «большую демагогию» переломить ход политических событий в свою пользу.

Начало «белого движения»

Еще одним следствием Брестского мира стало восстание чехословацкого корпуса. Корпус был создан на территории России осенью 1917 года из военнопленных чехов и словаков для борьбы за создание независимого чехословацкого государства. Чехи и словаки расценили договор как предательство по отношению к ним, ведь большинство их добровольно сдалось в плен, не желая воевать за интересы Центрального блока.

Российское офицерство тем более восприняло Брестский мир как предательство России. Если в первые месяцы после революции офицеры в основном придерживались нейтралитета в отношении большевистской власти, то после Брестского мира они сочли себя обязанными бороться с предателями Родины. Уже в начале 1918 года возникло множество нелегальных офицерских организаций, а с весны на Дону и в Сибири начали формироваться войска «белого» движения.

Добавочное соглашение

Летом 1918 года в Берлине и Москве прошли переговоры о заключении дополнительных соглашений к Брестскому договору, в которых определялись конкретные обязательства России перед Германией в финансово-экономической сфере. 27 августа 1918 года в Берлине был подписан советско-германский Добавочный договор, состоявший из политического, финансового и секретного соглашений.

По нему Россия обязалась уплатить Германии 6 миллиардов марок (или 300 миллионов в золотых царских рублях). 15 сентября первая партия золота (38 т 400 кг) прибыла на оккупированную немцами станцию Орша. 10 октября поезд из трёх товарных и одного пассажирского вагонов доставил в Оршу еще 57 т 600 кг золота. В

двух партиях вместе было 96 тонн золота. А до капитуляции Германии оставалось всего 40 дней!

Следующие четыре взноса следовало заплатить 30 сентября, 31 октября, 30 ноября и 31 декабря 1918 года (каждый по 50676 кг золота). Всего планировалось вывезти 245 тонн 546 кг золота в слитках. Если учесть, что весь золотой запас Германии оценивался в 3,47 миллиарда золотых марок, то контрибуция превосходила его на 2,53 миллиарда! Но отправка третьего эшелона задержалась, а 9 ноября в Германии вспыхнула революция*.

Еще на 1 миллиард марок Россия обязалась поставить продовольствия и промышленного сырья в период с 15 ноября 1918 по 31 марта 1920 года. В том числе — 1/4 часть добытой в Баку нефти в обмен на уголь из Донбасса. До сих пор неизвестно, какую часть контрибуции успела Россия выплатить странам Центрального блока пшеницей, мясом, нефтью и т.д. Ленин однажды сказал, что Германия «ничего не взяла от Брестского мира, кроме нескольких миллионов пудов хлеба». По приблизительным подсчетам, из России успели отправить от 125 до 150 тысяч тонн зерна (2—2,4 млн пудов).

По мере выплаты платежей германские войска отходили с территорий Беларуси, Украины и России, занятых ими восточнее линии, установленной Брестским договором.

К договору прилагалось секретное соглашение, подписанное А. Иоффе и статс-секретарем по иностранным делам Германии П. фон Хинце. На основании этого соглашения Германия обязалась провести наступательную операцию против англичан в районе Мурманска, а РСФСР — изгнать англичан из Баку. Кроме того, соглашение предусматривало совместное (!) выступление Красной Армии и германских войск против формировавшейся в южных районах страны так называемой Добровольческой армии.

* В 1919 году русское золото оказалось в Париже. Дальнейшая судьба его неизвестна. 96 тонн пропали бесследно.

Глава 5

ИДЕЙНАЯ СУТЬ ТРОЦКИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Известный большевик-мечтатель Александр Богданов (1873—1928) видимо первым среди «большевиков-неленинцев» (такой термин весьма подходит к нему) ощутил непохожесть на теоретический «социализм с человеческим лицом» тех реформ, которые ленинская клика немедленно начала осуществлять под лозунгом «социалистических преобразований». В своем письме 19 ноября 1917 года к свежеспеченному «народному» комиссару просвещения Анатолию Луначарскому (1875—1933), удивительно созвучном письмам к Луначарскому, посланных несколько позже писателем Виссарионом Короленко, он констатировал:

«Корень всему — война. Она породила два основных факта: 1) экономический и культурный упадок; 2) гигантское развитие военного коммунизма.

Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, временно перестроил общество: многомиллионная коммуна армии, паек солдатских семей, регулирование потребления; применительно к нему, нормировка сбыта, производства. Вся система государственного капитализма есть не что иное, как уклон капитализма и потребительского военного коммунизма...

Атмосфера военного коммунизма породила максимализм: ваш, практический, и «Новой жизни», академический. Который лучше, не знаю. Ваш открыто противонаучен; тот псевдонаучен...

Партия стала рабоче-солдатской. Но что это значит? Существует.. закон: если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к среде определяется низшей организованностью. Партия рабоче-солдатская есть объективно просто солдатская. И поразительно, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле. Он усвоил всю логику казармы, все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал.

Логика казармы, в противоположность логике фабрики, характеризуется тем, что она понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организованного опыта и труда. Разбить буржуазию — вот и социализм. Захватить власть — тогда все можем. Соглашения? Это зачем? — делиться добычей? Как бы не так...

Уж, конечно, рабочий-социалист не потребует, чтобы инженерам плата была не выше, чем ему: интересы дела. А казарма этого вопроса не ставит — ибо дела производительного нет; она знает только паек. Разве Ленин и Троцкий не читали Маркса, не знают, что стоимость ра-

бочей силы определяется нормальным уровнем потребностей, связанных с выполнением данной функции. Конечно, знают, но они сознательно рвут с логикой социализма для логики военного коммунизма...

А идеал социализма? Ясно, что тот, кто считает солдатское восстание началом его реализации, тот с рабочим социализмом объективно поврал, тот ошибочно считает себя социалистом — он идет по пути военно-потребительского коммунизма, принимает карикатуру упадочного кризиса за идеал жизни и красоты. Он может выполнять объективно-необходимую задачу, как нынешний большевизм; но в то же время он обречен на крушение, политическое и идейное...

...Эту сдачу социализма солдаты выполняют грубый шахматист Ленин, самовлюбленный актер Троцкий... Я же останусь при этом другом деле, как ни утомительно одиночество зрячего среди слепых...»

Наивный человек! Он явно не понимал, что главные вопросы в революции — это вопросы власти и собственности. А идея «прекрасного общества» играет исключительно роль морковки, привязанной на палке перед мордой осла — чтобы он постоянно стремился к ней и бежал все дальше и дальше.

Все же, несмотря на мечтательность, Богданов четко осознал, что политическая линия Троцкого — Ленина ведет к масштабной гражданской войне. В статье «Государство — коммуна» (1917 г.) он подверг уничтожающей критике ленинскую модель государства — коммуны как «типично максималистское построение». Богданов считал советы депутатов крайне несовершенными органами управления, ибо они не способны корректно уравнивать противоречивые интересы различных социальных групп. Поэтому общая реакция возмущения их топорными методами неизбежно «перейдет в гражданскую войну, с громадным расточением лучших сил народа».

Тенденции эволюции российского «революционного государства» были очевидны каждому мыслящему человеку. В декабре 1919 года в одном из частных писем лидер меньшевиков Юлий Мартов (Цедербаум) писал:

«Под покровом *власти пролетариата* на деле тайком распускается самое скверное мешанство со всеми специфическими русскими чертами некультурности, низкопробным карьеризмом, взяточничеством, паразитизмом, распущенностью, безответственностью... Мы идем через анархию несомненно к какому-нибудь царизму, основанному на потере всем народом веры в способность самоуправляться».

Можно с уверенностью квалифицировать теорию и идеологию большевистской партии периода революции и гражданской войны

как «троцкизм-ленинизм». Вне всяких сомнений, это определение более соответствует исторической правде, нежели традиционная этикетка «марксизм-ленинизм».

Наиболее характерные черты троцкизма-ленинизма таковы:

1) выставление в качестве главной политической задачи революционного движения народных масс захват и удержание государственной власти исключительно одной политической партией;

2) акцентированное сознательное стремление к достижению «всеобщего равенства» через нивелирование всех прежних общественных классов, слоев и групп (за исключением партийно-советского руководства);

3) радикально-утопическая программа «введения коммунизма» путем тотального огосударствления экономики и природных ресурсов страны через их конфискацию;

4) ставка на маргинальные общественные группы (преимущественно из городского населения) как на ведущий субъект процесса разрушения традиционного аграрно-сословного общества;

5) приоритет насилия перед любыми другими методами социального контроля и управления;

6) ориентация на перманентные массовые репрессии как основную форму приведения общества в состояние полного повиновения и единой аморфной структуры;

7) ликвидация свободы информации и мнений, агрессивная социальная демагогия;

8) вера в возможность волевых («силовых») решений экономических проблем за счет «чрезвычайных мер» и массового применения принудительного труда.

9) сведение индивидуальных и общественных потребностей населения до прожиточного минимума;

10) утверждение «воинствующего материализма и атеизма» в качестве основы всей официальной идеологии, пропаганды, народного образования*.

Юлий Мартов

* Всемирная энциклопедия: Философия. Москва — Минск, 2001, с. 127.

Глава 6

ВСЕОБЩЕЕ ОГРАБЛЕНИЕ

Кадровые большевики-партийцы и до 7 ноября 1917 года не были идейными бессребрениками. Члены ЦК РСДРП(б) и ряд активных деятелей партии с апреля 1917 года ежемесячно получали жалованье из кассы ЦК (напомним, что эти деньги поступали из Германии через Швецию). Причем как в рублях, так и в валюте. Например, аванс за август Сталин получил в рублях, а «зарплату» за сентябрь — в шведских кронах.

В числе получателей «жалованья» в крупных размерах (от 500 до 4500 руб.) были Андрей Бубнов, Демьян Бедный (Придворов), Бронислав Весоловский, Георгий Сафаров (Вольдин), Яков Ганецкий (Фюрстенберг), И. Гуковская, Григорий Зиновьев (Радомысльский), Лев Каменев (Розенфельд), Александра Коллонтай, Георгий Ломов (Оппоков), Яков Свердлов, Ивар Смилга, Григорий Сокольников (Бриллиант), Иосиф Сталин (Джугашвили), Елена Стасова, Юрий Стеклов (Нахамкис), Иван Теодорович, Александр Шляпников и многие другие большевики. Все они оставляли расписки о получении денег из кассы ЦК. Не оставлял расписок только Ленин.

А получали большевистские лидеры по тем временам немалые деньги. Для сравнения отметим, что жалованье поручика российской армии составляло 55 рублей в месяц. Городовой (полицейский) получал 40 рублей в месяц. С апреля по ноябрь 1917 года большевистские лидеры под расписку получили из кассы ЦК несколько сот тысяч рублей, не считая валюты!

Один из вождей французской революции Жан-Поль Марат еще в конце XVIII века сказал, что суть всякой революции — передел собственности. Примерно то же самое в 70-е годы XIX столетия являл испанский революционер Франсиско Пи-и-Маргаль:

«В ходе политической борьбы победившие классы чувствуют естественную необходимость отнять у побежденных то, что составляет «власть властей» — богатство. Поэтому вслед за каждой политической революцией возникает вопрос о собственности»*.

* Франсиско Пи-и-Маргаль (1824—1901) — испанский социалист, выдающийся мыслитель, публицист, искусствовед, политический деятель. В 1851 году церковь запретила и предала анафеме его книгу «История живописи Испании»; в том же году за книгу «Этюды о средних веках» его отлучили от церкви. В период испанской революции 1868—74 гг. он был депутатом Учредительных кортесов, а в июне — июле 1873 года президентом первой Испанской республики. — *Прим. ред.*

Писатель Джордж Оруэлл в своей «Ферме животных» ту же самую мысль выразил образно:

«Все животные равны. Некоторые свиньи более равны».

Суть именно в этом. Большевики никогда не помышляли о равенстве для себя. Вспомним ленинское — «самое главное для нас удержать власть, удержать любой ценой». А чего ради? Есть только один ответ: ради обеспечения своего господства над многомиллионными массами, со всеми вытекающими из этого следствиями.

С первых дней своего правления большевики «железной рукой» начали осуществлять мероприятия по ограблению имущих слоев населения, необходимые для содержания партийно-советского аппарата и его репрессивных органов. Уже 13 ноября (31 октября) 1917 года Ленин издал следующий приказ:

«Служащие Государственного банка, отказавшиеся признать Правительство рабочих и крестьян — Совет Народных Комиссаров — и сдать дела по банку, должны быть арестованы.

(Подписали) Председатель Совета Народных Комиссаров: Вл. Ульянов (Ленин);

Секретарь Совета Народных Комиссаров: Н. Горбунов».

Персонал Государственного банка России не желал раскрывать двери своих хранилищ, а также немедленно начать перевод денег на зашифрованные именные счета за границей. Тогда их арестовали вместе со служащими Госбанка, не желавшими «сдавать дела», схватили также большинство сотрудников коммерческих и частных банков столицы. Было объявлено о «национализации» Государственного банка России, а также об экспроприации всех частных и коммерческих банков.

Дополнительным указом от 23 декабря 1917 года прекратилась выплата дивидендов по акциям и паям частных предприятий и остановлены все сделки с ценными бумагами. Все российские банки подлежали ликвидации, банковское дело объявлялось монополией большевистской партии в лице так называемого «народного банка».

Немного позже Ленин предписал Дзержинскому срочно взять на учет всех лиц, у кого потенциально могут иметься какие-либо фамильные ценности и сбережения. К таковым относились:

«1. Лица, принадлежавшие к богатым классам, то есть имеющие доход в 500 руб. в месяц и выше; владельцы городских недвижимостей, акций и денежных сумм свыше 1000 руб., а равно служащие в банках,

акционерных предприятиях, государственных и общественных учреждениях, обязаны в течение 24 часов представить в домовые комитеты в трех экземплярах заявления за своей подписью и с указанием адреса о своих доходах, службе и занятиях.

2. Домовые комитеты скрепляют эти заявления своей подписью, сохраняя один экземпляр у себя и представляя два остальных экземпляра в Городскую управу и в Народный Комиссариат внутренних дел (НКВД) /был создан, вместе с другими, 26 октября (8 ноября) 1917 г./

3. Лица, виновные в неисполнении настоящего закона (в непредставлении заявлений или в подаче ложных сведений)... наказываются денежным штрафом до 10 000 руб. за каждое уклонение, тюрьмой до одного года или отправкой на фронт, смотря по степени вины.

4. Лица, указанные в п. 1, обязаны постоянно иметь при себе копии с вышеуказанных заявлений, снабженные удостоверением домовых комитетов, а равно начальства или выборных учреждений.

5. Эти лица обязаны в недельный срок со дня издания настоящего закона обзавестись потребительскими рабочими карточками (образец прилагается) для ведения еженедельных записей доходов и расходов и для внесения в книжки удостоверений от комитетов и учреждений...».

Реально этим решением подводились под экспроприацию не только купцы и лица свободных профессий с достаточно высокими доходами, но и собственники недвижимости в 1000 рублей (т.е. мелкие буржуа).

14 декабря 1917 года Ленин утвердил решение ВЦИК «О ревизии стальных ящиков», где говорилось:

«1. Все деньги, хранящиеся в банковских стальных ящиках, должны быть внесены на текущий счет клиента в Государственном банке.

Примечание. Золото в монетах и слитках конфискуется и передается в общегосударственный золотой фонд.

2. Все владельцы стальных ящиков обязаны немедленно по вызову явиться в банк с ключами для присутствия при производстве ревизии стальных ящиков.

3. Все владельцы, не явившиеся в трехдневный срок, считаются злонамеренно уклонившимися от ревизии.

4. Ящики, принадлежавшие злонамеренно уклонившимся лицам, подлежат вскрытию следственными комиссиями, назначенными комиссарами Государственного банка, и все содержащееся в них имущество конфискуется Государственным банком в собственность народа».

Представители исполнительной власти на подконтрольной большевиками территории получили «право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области про-

изводства, распределения и государственного финансирования». Одновременно началась конфискация «в пользу народа» промышленных предприятий.

Русская писательница и мыслитель Зинаида Гиппиус (1869—1945) так описала ситуацию 1918 года:

«В силу бесчисленных (иногда противоречивых и путанных, но всегда угрожающих) декретов, все было «национализировано» — «большевизировано». Все считалось принадлежащим «государству» (большевику). Не говоря об еще оставшихся фабриках и заводах, — но и все лавки, все магазины, все предприятия и учреждения, все дома, все недвижимости, почти все движимости (крупные) — все это, по идее, перешло в ведение и собственность государства. Декреты и направлялись в сторону воплощения этой идеи.

Нельзя сказать, чтобы воплощение шло стройно. В конце концов, это просто было желание прибрать все к своим рукам. И большую часть кончалось разрушением и уничтожением того, что объявлялось «национализированным».

Захваченные магазины, предприятия и заводы закрывались, захват частной торговли привел к прекращению вообще всякой торговли, к закрытию всех магазинов и к страшному развитию торговли нелегальной, спекулятивной, воровской. На нее большевикам поневоле приходилось смотреть сквозь пальцы и лишь периодически громить и хватать покупающих-продающих на улицах, в частных помещениях, на рынках; рынки, единственный источник питания решительно для всех, тоже были нелегальщиной.

Террористические налеты на рынки, со стрельбой и смертоубийствами, кончались просто разграблением продовольствия в пользу отряда, который совершал налет. Продовольствие — прежде всего, но так как нет вещи, которой нельзя встретить на рынке, то забиралось и остальное: ручки от дверей, бронзовые подсвечники, древнее бархатное евангелие, обивка мебели... Мебель тоже считалась собственностью государства, а так как под полкой диван тащить нельзя, то люди сдирали обивку и норовили сбить ее хоть за полфунта соломенного хлеба...

Надо было видеть, как с визгами, воплями и стонами кидались торгующие врассыпную при слухе, что близки красноармейцы! Всякий хватал свою рухлядь... бежали, толкались, лезли в пустые подвалы, в разбитые окна. Туда же спешили и покупатели — ведь покупать в Совдепии не менее преступно, чем продавать, хотя сам Зиновьев отлично знает, что без этого преступления Совдепия кончилась бы, за неимением поданных, дней через десять.

Россией сейчас распоряжается ничтожная кучка людей, к которой вся остальная часть населения, в громадном большинстве, относится отрицательно и даже враждебно. Получается истинная картина чуже-

земного завоевания. Латышские, немецкие, австрийские, венгерские и китайские полки дорисовывают эту картину. Из латышей и монголов составлена личная охрана большевиков. Китайцы расстреливают арестованных, захваченных. (Чуть не написала «осужденных», но осужденных нет, ибо нет суда над захваченными. Их **просто так** расстреливают)... Чем не монгольское иго?».

Куда уходили экспроприированные средства? Ответ нашли ...за океаном. 24 января 1921 года американская газета «New York Herald Tribune» в материале «Самозванный посол выслан из США» сообщила:

«Похоже, что происходящая в России большевистская революция является на самом деле гигантской финансовой операцией, цель которой — переместить огромные денежные средства из-под русского контроля под контроль европейских и американских банков. Истинная причина подобных действий, видимо, известна только в Кремле, но уже сейчас можно сказать определенно: какие бы воинственные речи о мировой большевистской революции и неизбежном крушении капитализма не произносились мистером Лениным и К^о, они, возможно, сами того не сознавая, делают все, чтобы на долгие годы обеспечить процветание и стремительный рост нашей экономики и стабильность доллара. Мистер Людвиг Мартенс был выслан из Соединенных Штатов, хотя, по справедливости, ему должен был быть поставлен памятник ничуть не меньший, чем мемориал Линкольну».

Справка: Мартенс Людвиг Карлович (1874—1948), этнический немец, член РСДРП с 1895. В 1896—99 отбывал тюремное заключение за распространение нелегальной литературы. С 1899 в эмиграции в Германии, в 1906—16 в Англии, с 1916 в США. В январе 1919 Ленин назначил его официальным представителем РСФСР в США. Однако американские власти решили не признавать режим большевиков и не вступать в дипломатические и торговые отношения с ним. В январе 1921 Мартенса выслали. В Москве Мартенс не пропал. В 1927—41 Людвиг Карлович был главным редактором «Технической энциклопедии». Его уникальные знания о тайных финансовых операциях большевиков пригодились Сталину, когда он приступил к истреблению пресловутой «ленинской гвардии». Первым делом костоломы НКВД выбивали из «старых большевиков» номера счетов в зарубежных банках. (*Ред.*)

Газета «New York Times» в начале апреля 1921 года писала:

«Целью «рабочих» лидеров большевистской России, видимо, является маниакальное желание стать вторыми Гарун-аль-Рашидами с той лишь разницей, что легендарный калиф держал свои сокровища в подвалах принадлежащего ему дворца в Багдаде, в то время как больше-

вики, напротив, предпочитают хранить свои богатства в банках Европы и Америки. Только за минувший год, как нам стало известно, на счет большевистских лидеров поступило:

От Троцкого — 11 миллионов долларов в один только банк США и 90 миллионов швейц. франков в Швейцарский банк.

От Зиновьева — 80 миллионов швейц. франков в Швейцарский банк.

От Урицкого — 85 миллионов швейц. франков в Швейцарский банк.

От Дзержинского — 80 миллионов швейц. франков.

От Ганецкого — 60 миллионов швейц. франков и 10 миллионов долларов США.

От Ленина — 75 миллионов швейц. франков*.

Кажется, что «мировую революцию» правильнее было назвать «мировой финансовой революцией», вся идея которой заключается в том, чтобы собрать на лицевых счетах двух десятков человек все деньги мира. Из всего этого мы, однако, делаем скверный вывод о том, что Швейцарский банк все-таки выглядел с точки зрения большевиков гораздо более надежным, нежели американские банки»...

Та же газета «New York Times» спустя 4 месяца (в номере от 23 августа 1921 г.) информировала своих читателей:

«Банк «Кун, Лейба и Ко», субсидировавший через свои немецкие филиалы переворот в России 1917 года, не остался внакладе от своих благодарных клиентов. Только за первое полугодие текущего года банк получил от Советов золота на сумму 102 миллиона 290 тысяч долларов. Вожди революции продолжают увеличивать вклады на своих счетах в банках США. Так, счет Троцкого всего в двух американских банках за последнее время возрос до 80 миллионов долларов. Что касается самого Ленина, то он упорно продолжает хранить свои «сбережения» в Швейцарском банке, несмотря на более высокий процент годовых на нашем свободном континенте».

Как тут не вспомнить сказки для пионеров о «дедушке Ленине», который думал только о народном благе и отличался исключительным бескорыстием! Я сам читал в детстве трогательный рассказ о «дедушке Ленине», к которому в Смольный пришли крестьяне и угостили ржаным хлебом, а то, бедняга, пил чай с сахарином и закусывал черствым сухарём.

* Как видим, на счетах всего лишь шести «пламенных большевиков» имелось 470 млн франков и 21 млн долларов.

Глава 7

ОБЩЕСТВО ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА

А что получил народ? Тот самый, от имени которого большевики захватили власть?

Еще Маркс и Энгельс рекомендовали в числе первоочередных мер, которые необходимо осуществить после социалистической революции, ввести «одинаковую трудовую повинность для всех, создать трудовые армии, в особенности для земледелия».

В записке «Десять тезисов о советской власти», представленной VII съезду партии (июль 1918 г.), Ленин сформулировал задачу:

«Немедленный приступ к полному осуществлению всеобщей трудовой повинности, с наиболее осторожным и постепенным распространением ее на мелкое, живущее своим хозяйством без наемного труда крестьянство» [49, т. 36, с. 74].

Первоначально он планировал:

«Все граждане превращаются в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного государственного «синдиката»... Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы».

Однако жизнь быстро показала принципиальную нереальность демагогических лозунгов о «непосредственном участии» трудящихся в управлении. Тогда Ленин сформулировал тезис о позитивности «подчинения, притом беспрекословного, во время труда, единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выборных или назначенных советскими учреждениями, снабженных диктаторскими полномочиями». Вот так все граждане были отданы в полное распоряжение партийно-советского аппарата.

А еще он желал «полной и окончательной замены торговли планомерно организованным распределением», «принудительного объединения всего населения в потребительско-производственные коммуны», отмены денег — вплоть до «труда вне нормы, даваемого без расчета на вознаграждение» и «неуклонных, систематических мер к замене индивидуального хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей».

Показательно то, что, не зная идей Маркса (высказанных им в ранний период творчества) о противоположности прямого внеэко-

номического принуждения, с одной стороны, и опосредованного рыночного — с другой, Ленин повторил мысль Маркса о том, что отнимая власть у «вещей» (денег и товаров), необходимо «передать ее лицам, наделяя одних людей властью над другими людьми».

В сельском хозяйстве целью политики была объявлена полная коллективизация. В постановлении ВЦИК от 1 марта 1919 года «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» сказано: «...на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на переходящее и отмирающее».

Наилучшей формой организации крестьянского труда большевики объявили коммуны. В том же постановлении, в разделе об очередности отвода земли, совхозы и коммуны стоят на первом месте.

В резолюции «О коллективизации земледелия», принятой I Всероссийским съездом земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, говорится:

«Главнейшей задачей является проведение широкой организации земледельческих коммун, советских коммунистических хозяйств и общественной обработки земли, которые в своем развитии неизбежно приведут к единой коммунистической организации сельского хозяйства».

В коммуне обобществляли не только все средства производства: постройки, инвентарь, рабочий и продуктивный скот, семена и прочее, но также потребление и бытовое обслуживание. О том, как мыслилась жизнь в коммунах, можно судить по рассказам об образцовых коммунах, печатавшихся позже, в 1923 году, в газете «Известия», в разделе «Конкурс на лучший колхоз».

Там встречаются такие характеристики:

«Денег собственных никто не имеет, все они хранятся в общей кассе» (газета от 11 сентября). Члены коммуны живут в отдельных избах и столоются отдельно. Но с постройкой нового дома «все индивидуальное будет изжито. Внутренне оно уже почти изжито» (5 сентября). В коммуне общий дом для жилья, столовая и кухня (8 сентября). «О работе и еде извещают звонки». Едят в общественных столовых. Живут в общезитии, где каждая семья имеет свою комнату. «Пока что дети живут вместе с родителями, уходя только на день в детский сад. Только из-за отсутствия постельных принадлежностей не проведено в жизнь полное интернирование детей» (11 сентября). «Дети дошкольного возраста живут отдельно и отдельно же питаются».

На IX съезде партии (март 1919 г.), выступая с докладом от ЦК, Троцкий предлагал поставить рабочих и крестьян в положение мо-

билизованных солдат. Эта концепция заслуживает того, чтобы сказать о ней подробнее. Троцкий начал с полемики с Александром Смирновым (1877—1938), позицию которого изложил так:

«Поскольку мы перешли теперь к широкой мобилизации крестьянских масс, во имя задач, требующих массового применения, постольку милитаризация является, безусловно, необходимой. Мы мобилизуем крестьянскую силу и формируем из этой мобилизованной рабочей силы трудовые части, которые приближаются по типу к воинским частям. Мы даем командно-инструкторский состав, мы должны включить туда коммунистические ячейки, чтобы эти части не были бездушны, а были одухотворены желанием работать. Стало быть, это есть полное приближение к военной форме организации.

Здесь слово «милитаризация» уместно, но, говорит тов. Смирнов, если мы перейдем в область промышленности, в область квалифицированного труда, где имеются профессиональные и производственные организации рабочего класса, там нет никакой надобности применять воинский аппарат для формирования частей, там не может быть и речи о милитаризации в указанном смысле слова, там есть профсоюзы и они выполняют задачу организации труда. В такой постановке вопроса называется полное непонимание существа того хозяйственного перелома, который происходит в настоящее время.

В военной области имеется соответствующий аппарат, который пускается в ход для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Это должно быть, в том или в другом виде, и в области трудовой. Безусловно, если мы серьезно говорим о плановом хозяйстве, которое охватывается из центра единством замысла, когда рабочая сила распределяется в соответствии с хозяйственным планом на данной стадии развития, рабочая масса не может быть бродячей Русью. Она должна быть перебрасываема, назначается, командироваема точно так же, как солдаты.

Эта милитаризация немыслима без милитаризации профессиональных союзов как таковых, без установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит — он будет дезертиром, которого — карают!».

По поводу «карания» Троцкий развил целую теорию:

«Ибо те доводы, которые здесь были направлены против организации трудовой армии, они целиком направляются против социалистической организации хозяйства в нашу переходную эпоху. Если принять за чистую монету старый буржуазный предрассудок, или не старый буржуазный предрассудок, а старую буржуазную аксиому, которая стала предрассудком, о том, что принудительный труд не производителен, то

это относится не только к трудовой армии, но и к трудовой повинности в целом, к основе нашего хозяйственного строительства, а стало быть к социалистической организации вообще.

Если труд организован на неправильном принципе, на принципе принуждения, если принуждение враждебно производительности труда, значит мы обречены на экономический упадок, как бы мы ни изворачивались. Но это есть предрассудок, товарищи! Утверждение, что свободный труд, вольнонаемный труд производительнее труда принудительного, было, безусловно, правильно в применении к строю феодальному, строю буржуазному.

*С самого начала советской власти
была заложена традиция
строить коммунизм вручную
и обязательно — руками «врагов народа»*

Но это развитие производительности труда подготовило смену хозяйства капиталистического на новое коммунистическое, и по отношению к этому новому колоссальному историческому изменению применить то, что было правильно по отношению к старому положению, значит оставаться в рамках буржуазных и мешанских предрассудков. Мы говорим: это неправда, что принудительный труд при всяких обстоятельствах и при всяких условиях не производителен.

Еще на большую теоретическую высоту поднял вопрос о трудовых армиях Николай Бухарин в своей книге «Экономика переходного периода» (1920 г.). Внеэкономическое принуждение рассматривается в ней не как вынужденная мера военного времени, но как органическая черта всего переходного периода от капитализма к социализму. В главе X («Внеэкономическое принуждение в переходный период») говорится:

«По отношению к некулацкой крестьянской массе принуждение со стороны пролетариата есть классовая борьба, поскольку крестьянин есть собственник и спекулянт».

Но вопрос, оказывается, имеет еще и другой аспект:

«С более широкой точки зрения, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Все эти построения не остались в сфере чистой теории. Всеобщую трудовую повинность в РСФСР действительно объявили. К моменту введения НЭПа большевики успели создать 8 трудовых армий.

Кроме того, власть пыталась бороться с так называемым «трудовым дезертирством». В резолюции X съезда РКП(б), состоявшегося в марте — апреле 1921 года, сложившаяся ситуация была резюмирована следующим образом:

«Ввиду того, что значительная часть рабочих, в поисках лучших условий продовольствия... самостоятельно покидает предприятия, переезжает с места на место... съезд одну из насущных задач советской власти... видит в планомерной, систематической, настойчивой, суровой борьбе с трудовым дезертирством, в частности путем опубликования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь»...

Троцкий в своей книге «Терроризм и коммунизм. Анти-Каутский» (1920 г.) далее развивал идею милитаризации общества, и утверждал, что в условиях диктатуры пролетариата принудительный труд становится производительнее свободного. Он подкреплял свою идею многозначительной аналогией:

«Мы делаем первую в истории попытку организации труда в интересах самого трудящегося большинства. Это, однако, не исключает элемента принуждения во всех его видах, и самых мелких, и самых жестоких... Верно ли, что принудительный труд всегда непроизводителен? Приходится отметить, что это самый жалкий и пошлый либеральный предрассудок. Весь вопрос в том, кто, над кем и для чего применяет принуждение... Даже крепостная организация была при известных условиях прогрессом и вела к увеличению производительности труда».

Публицист, принадлежавший к партии конституционных демократов, А.С. Изгоев в 1918 году в журнале «Русская мысль» (выходил с 1880 года, закрыт в 1918) писал:

«Русский социализм был и остается по существу своему чисто противогосударственным, разрушительным учением, воспринятым интеллигенцией лишь как радикальное средство борьбы с самодержавием. Когда в этой борьбе социалисты силою немецких штыков одержали победу, они сразу поняли, что при помощи провозглашавшихся ими принципов нет возможности удержаться у власти. Им приходилось на практике учиться, что такое власть. И они, зачеркнувши все прошлое развитие государственности в России, в своих поисках могли схватиться

только за орудие Павла I или даже Ивана Грозного с его опричниной. Люди думали и говорили, что они осуществляют самый совершенный и передовой социалистический строй, тогда как на деле они деградировали власть к начальному периоду всякого самодержавия, когда произвол отдельных самодержцев неразрывно связан с произволом служащих ему толп».

В июле 1918 года большевики приняли свою первую Конституцию. В ее статье 3 (параграф «е») говорилось:

«В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность». Статья Основного закона гласит: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: Не трудящийся да не ест!».

В развитие этого тезиса Совнарком РСФСР издал 5 октября 1918 года декрет «О трудовых книжках для нетрудящихся». В нем сказано, что поскольку труд является обязанностью граждан республики, то вместо паспортов и удостоверений личности будут использоваться трудовые книжки («Статья I. Ввести трудовые книжки взамен прежних удостоверений личности, паспортов и проч.»).

Большевики уравнивали женщин с мужчинами, даровав им возможность укладывать шпалы, рыть каналы, забивать сваи...

Вместо паспортов попытались ввести трудовые книжки. В Москве и Петрограде всякий, выходя на улицу, был обязан иметь трудовую книжку при себе. Однако первые трудовые книжки получили не трудящиеся, а как раз «нетрудовые элементы». Объясняется это тем, что большевики были озабочены в первую очередь соблюдением принципа всеобщности трудовой повинности. Предполагалось, что победивший пролетариат соблюдает данный принцип, а в особом контроле нуждаются «нетрудовые элементы».

Таковыми, согласно декрету, являлись следующие категории населения:

«а) лица, живущие на нетрудовой доход, поступления с имущества, проценты с капитала;

б) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

в) члены советов и правлений акционерных обществ, компаний и всякого рода товариществ и директора этих обществ;

г) частные торговцы, биржевые маклеры, торговые и коммерческие посредники;

д) лица так называемых свободных профессий, если они не выполняют общественно-полезных функций;

е) всякие лица, не имеющие определенных занятий: например, бывшие офицеры, воспитанники юнкерских училищ и кадетских корпусов, бывшие присяжные поверенные и их помощники, частные поверенные и прочие лица данной категории».

Всем представителям перечисленных категорий населения предписывалось получить «трудовые книжки». Органы советской власти должны были ежемесячно вносить в книжки сведения о выполнении «общественных работ и повинностей» (расчистка улиц от снега, заготовка дров, ремонт железных дорог и т.п.). Лица, не занятые общественно полезным трудом, должны были отмечаться один раз в неделю в милиции. Выдачу трудовых книжек (в соответствии с инструкцией НКВД и НКЮ РСФСР «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции») возложили на милицию, а привлечение «нетрудовых элементов» к общественно полезному труду — на отделы управлений исполкомов советов.

Поскольку «трудовая книжка» получила статус основного документа (вместо упрядненных паспортов), без нее нельзя было перемещаться по стране, а главное, нельзя было получать продовольственные карточки, что в тех условиях грозило смертью от голода. В декрете сказано:

«Только при наличии трудовой книжки нетрудящиеся элементы пользуются правом передвижения и проезда как по территории Советской Республики, так и в пределах каждого отдельного поселения и правом получения продовольственных карточек» (статья 5)... «Трудовая книжка должна предъявляться во всех случаях, где требуется предъявление удостоверений о личности» (статья 8).

Этот необычный документ назывался «Временным трудовым свидетельством для буржуазии», но был украшен лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Абсурдность лозунга, адресованного «недобитым буржуям», уравновешивал более реалистичный тезис «Кто не работает, тот не ест!».

Лица из числа «нетрудовых элементов», не имеющие трудовой книжки, могли быть оштрафованы на тысячу рублей или же под-

вергнуты тюремному заключению на срок до полугода. Что касается «настоящих трудящихся», то у них роль документов выполняли про- довольственные карточки, которые выдавались на предприятиях.

Очень быстро выяснилось, что замысел с трудовыми книжками — заведомая утопия. Для его реализации требовались значительные организационные ресурсы, которыми новая власть просто не располагала. Кроме того, следует напомнить, что в те времена замужние женщины, проживавшие в городах, как правило нигде не работали, они растили детей и вели домашнее хозяйство. Поэтому даже сравнительно скромную задачу — ввести трудовые книжки в Москве и Петрограде — решить не удалось. Что делать в этом плане с крестьянством, составлявшем до 80 % населения страны, большевики вообще не представляли.

Поэтому к 1930-м годам они снова ввели в стране паспорта, а главное — придумали систему прописки, посредством которой контролировали перемещение городского населения.

ГОЛОД КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИКИ

В статье «Сумеют ли большевики удержать власть», написанной Лениным в 1917 году еще до Октябрьского переворота, многие последующие акции, осуществленные на практике, были заранее предопределены. Вот одна из основных мыслей Ленина из этой статьи:

«Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность является в руках пролетарского государства, в руках полновластных советов самым могучим средством учета и контроля. Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов Конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление. НАМ ЭТОГО МАЛО.

Нам надо не только запугать капиталистов в том смысле, чтобы чувствовали всеислие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно, еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломать какое-либо сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационных государственных рамках. И мы имеем средство для этого... Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность...

От трудовой повинности в применении к богатым власть должна перейти, а вернее, одновременно должна поставить на очередь применение соответствующих принципов (хлебная карточка, трудовая повинность и принуждение) к большинству трудящихся рабочих и крестьян... Следует добиваться подчинения, и притом беспрекословного единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выбранных или назначенных, снабженных диктаторскими полномочиями»...

Все предельно ясно. Захватить весь хлеб в свои руки, а затем распределять его таким образом, чтобы униженный, голодный и умирающий человек был готов согласиться за кусок хлеба на что угодно...

По мнению большевиков, установление контроля над продовольственными ресурсами страны давало возможность полностью подчинить ее население. Ленин объяснял своим соратникам:

«Легко сказать: хлебная монополия, но надо подумать, что это значит. Это значит, что все излишки хлеба принадлежат государству.., что каждый лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен... Потому что, распределяя его, мы будем господствовать над всеми областями труда!..

Ни один пуд хлеба не должен оставаться в руках держателей... Объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты, врагами народа, предавать их революционному суду с тем, чтобы виновные приговаривались к тюремному заключению на срок не менее 10 лет, изгонялись навсегда из общины, а все их имущество подвергалось конфискации».

Соответственно, большевики стремились исключить свободное передвижение продовольствия в любых — даже самых незначительных — количествах. Так, уже 10 февраля 1918 года декрет, подписанный Лениным, дал ясное указание: «...спекулянты... расстреливаются на месте преступления». В категорию спекулянтов зачислили всех без исключения торговцев, но в первую очередь — торговцев продуктами. Был также издан очередной приказ:

«Конфискация всего имущества и расстрел ждет тех, кто вздумает обойти существующие и изданные советской властью законы об обмене, продаже и купле...».

Суть ленинского плана, по замечанию писателя Игоря Бунича, заключалась в обеспечении «хлебной монополии» любой ценой, так как без нее невозможно было превратить в рабов многомиллионное население огромной страны.

Захват немцами основных хлебопроизводящих районов (Украины, Курской и Воронежской областей), откуда в Центральную Россию поступало много хлеба, вызвал некоторые трудности с обеспечением городов. Большевики решили использовать это обстоятельство в своих целях.

Для введения жесткого контроля над распределением продовольствия им требовался удобный повод. Почему бы его не создать? И вот два крупнейших города России, Петроград и Москва, поставлены на голодный паек. Норма — 100 грамм в день. Обезумевшие голодные люди стоят в огромных очередях. А раз голод, значит, объявляется борьба за хлеб во имя спасения голодающих. Хотя голод был инспирирован самими большевиками.

О том, что хлеба имеется достаточно, Ленин говорил неоднократно. Владимир Солоухин цитировал его слова в своей статье в журнале «Родина» (№ 10 за 1989 г.):

«Сейчас надвигается голод, но мы знаем, что хлеба вполне хватит и без Сибири, Кавказа, Украины. Хлеба имеется достаточное количество до нового урожая в губерниях, окружающих столицу, но он весь запрятан кулаками». «Недалеко от Москвы, в губерниях, лежащих рядом: в Курской, Орловской, Тамбовской, мы имеем по расчетам осторожных

специалистов еще теперь до 10 млн. пудов избытка хлеба» Ленин призывает: «Необходим военный поход против деревенской буржуазии, удерживающей излишки хлеба и срывающей монополию».

Суть этой мысли в том, что большевики боялись самостоятельной доставки хлеба «кулачем» в Москву и Петроград для продажи или обмена. Поэтому под предлогом борьбы с «мешочниками» они выставили на железных дорогах заградительные отряды Красной гвардии. Самым опасным в то время для большевиков стал именно тот союз, который они лицемерно провозгласили — союз рабочих и крестьян. Вступил в действие дьявольский план. Он позволил большевикам решить целый ряд крупномасштабных задач по укреплению гегемонии именно своей, а не рабоче-крестьянской, власти. Этот ряд задач заключался в следующем:

1) инспирировать в промышленных городах голод как повод для реализации плана хлебной монополии, которая как удавка задушит любое сопротивление;

2) озлобить и натравить рабочих на крестьян, столкнуть их лбами как ярых врагов. Организовать «крестовый поход» за хлебом. Тем самым будет подорвана мощь огромной крестьянской массы, которая всегда пугала большевиков;

3) тотальный голод даст хороший повод для реквизиции еще не разворованных и не разграбленных ценностей у церкви (к этому времени зажиточные слои населения, музеи, частные коллекции уже полностью ограбили), что позволит часть средств направить на финансирование экспорта революции в Европу;

4) реквизиции ценностей монастырей, храмов и церковнослужителей, естественно, вызовут резкую реакцию со стороны народа, а это позволит не только выявить «затаившихся врагов» советской власти, но и уничтожить тех, до кого еще не успели добраться;

5) на голоде можно сыграть перед Западом, используя гнилую сентиментальность и милосердие «буржуев», «подоить» их в части пожертвований и отправки продовольствия в Россию голодающим, а там мы сами решим, кто эту помощь получит.

Все эти звенья одной цепи позволят, наконец, сломить последнее сопротивление и окончательно подчинить Россию!

13 мая 1918 года был утвержден декрет ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О предоставлении народному комиссариату продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими».

27 мая последовал декрет «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов»,

предусматривавший централизацию всего продовольственного дела и неуклонное выполнение хлебной монополии.

На основании этих декретов Наркомпрод получил право применять вооруженную силу для отъема хлеба и приступил к организации продкомитетов и военизированной Продовольственно-реквизиционной армии. В июне появились первые продотряды, из них формировались продбатальоны и продролки.

Задачами подразделений Продовольственно-реквизиционной армии были объявлены следующие:

1) реквизиция «излишков хлеба у кулаков» (в действительности хлеб отбирали подчистую у всех, кроме самых бедных);

2) создание комитетов деревенской бедноты (в действительности натравливание сельских лодырей и пьяниц на работяг);

3) заградительная служба на транспорте (вылавливание людей, пытавшихся везти продукты из деревни на продажу или для своих семей);

4) подавление антисоветских мятежей (пресечение попыток крестьян защитить свое имущество от разграбления);

5) политико-просветительская работа в деревне (безудержное вранье селянам о той счастливой жизни, которая якобы ждет их в скором будущем).

Так большевистские карательные отряды из латышей и китайцев насильственно отбирают хлеб, разоряют деревни и расстреливают крестьян.

Большевистские каратели за работой. Плакат 1919 года

Ленин призвал «пегедовых габочих» самим организовывать «железные отряды» и брать под контроль «всякий пункт производства хлеба». К 15 октября 1918 года в продотрядах было 23.300 человек; к 1 декабря — уже более 41.250 человек. Сформированные из голодных рабочих-добровольцев, эти отряды беспощадно реквизируют хлеб (зерно) и другие продукты у сельского населения. Так началась еще одна страшная страница истории того времени — продовольственная диктатура.

Комиссары внушали рабочим, что их семьи голодают по вине мироедов-кулаков, прячущих хлеб. Ненавистью горели рабочие, записывавшиеся в продотряды. Доведенные до крайности голодом и науськанные комиссарами, они действовали против мужиков с невиданной жестокостью.

Формально продотряды оплачивали изъятые продукты. Но... по государственным ценам, в несколько десятков раз (!) более низким, чем цены рынка. Это значит, что фактически они просто отбирали их под угрозой смертной казни.

Насильственное изъятие хлеба волной прокатилось по всем губерниям Украины, Дона, Поволжья, Северного Кавказа, Алтая, Казахстана и другим местностям, где только могла родить земля. Грабители из продотрядов ставили крестьянские семьи с поднятыми вверх руками под стволы ружей и револьверов к стене дома и выгребали последний хлеб, даже семенной. Попытки сопротивления грабежу или укрытия хлеба от продотрядчиков заканчивались казнями.

Солоухин приводит выражение Ленина, которое раскрывает подлинную суть его фразеологии:

«Если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда, а теперь видит, что, может быть, что если он будет держать эти сотни пудов, то он может продать их не по шесть рублей, а дороже, такой крестьянин превращается в эксплуататора, хуже разбойника».

Итак, если крестьянин тяжким трудом вырастил и собрал хлеб, но хочет не отдать его бесплатно, а хочет продать — он преступник. То есть не те преступники, кто пришел в деревню с оружием в руках отбирать хлеб, кто убивает и грабит, а те, которые не хотят его бесплатно отдать. Зверства продотрядов и поголовная реквизиция хлеба привели к страшным последствиям. К 1921 году, по данным даже из «Краткого курса истории ВКП(б)», уровень производства зерна по сравнению с 1913 годом сократился на 25 %, технических культур — на 56 %.

Голод охватил города и деревни России, Украины и других регионов. Умиряли сотни тысяч, миллионы людей. Во многих населенных пунктах наблюдалось людоедство. В архивах хранится документ:

«Группа граждан в голодном 1921 году попросила официального разрешения у областного военкомата, исполкома... УБИТЬ своих детей, чтобы их СЪЕСТЬ».

Но когда голод уже начал косить сотни тысяч россиян, когда люди, обезумевшие от голода, превращались в зверей, а людоедство приобрело далеко не единичный характер, Совнарком в лице его руководителей, Ленина и других, начал поход против личных подсобных хозяйств, против кур и огородов! В марте 1919 года Ленин, несмотря на умирающих от голода людей, защищал закон:

«Никто из рабочих и служащих не имеет права заводить в хозяйствах собственных животных, птиц и огороды... А если снова заводить отдельные огороды, отдельных животных, птиц и т.д., то, пожалуй, все вернется к мелкому хозяйству, как было и до сих пор. В таком случае стоит ли и огород городить? Стоит ли устраивать советское хозяйство?»

Голодом было охвачено более 35 миллионов человек.

В то же самое время реквизированное зерно, собранное на многих станциях, гнило. Так, на железнодорожные станции одной только Курской губернии было свезено 86.250 тонн (1 млн. 380 тыс. пудов) ржи и овса, и весь этот хлеб погиб из-за отсутствия вагонов. То же самое происходило на десятках станций от Алтая до Днепра. Параллельно «Внешторг» вывозил зерно в Германию согласно условий Брестского мира.

Первыми жертвами голода повсеместно становились дети

В 1920 году удалось реквизировать 65 млн. пудов (4 млн 62,5 тыс. т) картофеля — в два раза больше, чем в 1919 году. Но если в 1919 году не дошло до населения 8 млн. пудов (500 тыс. т), то в 1920 году — все 60 млн. Сваленный в кучи на станциях картофель померз и после сгнил. Только в окрестностях голодной Москвы в декабре 1920 года скопилось несколько сотен вагонов мороженого картофеля, который затем отдали спиртовому тресту.

Потери от голода 1921—22 годов, по сведениям из книги С.Н. Прокоповича «Народное хозяйство в СССР» (том 1), составили 5 млн 33 тыс. человек. А с учетом голода в 1918—20 годах эта цифра увеличивается до 8 млн человек. К ним надо добавить около 3 млн человек, умерших от эпидемий, сопровождавших голод. В результате зверств продотрядов и подавления военной силой выступлений крестьян против большевистских грабежей по всей России погибло еще около 3 млн человек.

Крестьяне ответили большевикам сопротивлением двойного характера. С одной стороны — экономическим: сокращением запашки, укусов, поголовья скота; с другой стороны — по многим губерниям прокатились крестьянские восстания. 245 крестьянских восстаний вспыхнуло в 1918 году только в 20 районах центральной России. Все это очень скоро привело страну к гражданской войне.

Первым ее днем официальная советская историография всегда считала мятеж Чехословацкого корпуса, произошедший 25 (12) мая 1918 года. Но по настоящему война началась летом 1918 года, с июльского мятежа левых эсеров в Поволжье (они прекрасно знали, что изъятый хлеб эшелонами уходит в Германию) и с крестьянских восстаний.

Глава 9

АРМИЯ КОМИССАРОВ И БАНДИТОВ

Уничтожение старой армии

Вечером 7 ноября 1917 года генерал-лейтенант Н.Н. Духонин (1876—1917), который всего пятый день исполнял обязанности Верховного главнокомандующего и находился в Могилеве, получил приказ от абсолютно неизвестного ему «председателя Совета народных комиссаров Российской советской республики Ульянова-Ленина»: немедленно начать переговоры «с командованием австро-германских войск» о заключении перемирия. А на следующий день Л.Д. Троцкий, только что назначенный «народным комиссаром» иностранных дел, разослал ноту послам союзных держав Антанты с предложением объявить перемирие на всех фронтах.

9 ноября Ленин издал приказ о смещении генерала Духонина и назначении главнокомандующим вместо него прапорщика Николая Крыленко. Требовалось срочно «вырвать армию из рук реакционного генералитета». Командовать Московским военным округом «Ильич» назначил солдата автомобильной роты Н.И. Муралова*.

Одновременно во все корпуса и дивизии полетели из Петрограда телеграммы, призывавшие солдат через головы командиров самим начинать переговоры о перемирии на отдельных участках фронта и организовывать братание с неприятелем. В Берлине все поняли правильно: уже в конце ноября началась переброска немецких дивизий с Восточного фронта на Западный.

Ленину надо было как можно быстрее укрепить власть своей клики в огромной стране, сломать старый государственный аппарат, а главное — развернуть массовое истребление внутренних «контрреволюционеров». Для этого требовалось не только прекратить боевые действия против немцев, австрийцев и турок, как было заранее обещано германским спонсорам, но и ликвидировать прежние вооруженные силы.

Старая армия, насчитывавшая около 8 миллионов солдат и офицеров, в том числе более 6 миллионов на фронте, мешала и императору Вильгельму II, и председателю Совнаркома Ульянову. Нем-

* Прапорщик — самый младший офицерский чин в старой армии. К тому же 32-летний Крыленко был офицером «ускоренной подготовки» военного времени (надел погоны в 1916 г.), а службу проходил в запасных частях. То есть, не имел ни знаний, ни опыта, ни авторитета, необходимых для руководства огромными вооруженными силами России. Говорить о военном профессионализме Муралова вообще не приходится.

цам нужно было ликвидировать Восточный фронт. Большевикам — демобилизовать русскую армию, в целом настроенную враждебно в отношении переворота 7 ноября и самозванного правительства «народных комиссаров». Поэтому, объявив армию и флот «больной частью русского государственного организма», большевики немедленно приступили к ее «лечению» путем планомерного разложения и полной ликвидации.

10 ноября 1917 года Ленин издал декрет о демобилизации армии. Вдоволь навоевавшиеся окопники немедленно начали целыми ротами и батальонами разбегаться по домам: делить землю, громить помещичьи усадьбы и полицейские участки, «экспроприировать экспроприаторов».

21 ноября, сразу после прибытия в Могилев нового верховного главнокомандующего прапорщика Крыленко, генерала Духонина растерзали «революционные солдаты и матросы» (в тот же день, направляясь в Брест-Литовск, пересекла линию фронта делегация Совнаркома во главе с А.А. Иоффе). Еще долго, убивая офицеров, революционеры шутили: «отправили в штаб к Духонину».

Для разложения русской армии немцы и австрийцы широко использовали так называемое «братание» солдат. Скоро и русские стали замечать, что на братания «ходят к нам одни и те же лица». Со стороны германских и австро-венгерских войск переговоры о перемирии и братания вели особые парламентареры из специальных «пропагандных отделов». Спонтанное братание с неприятелем в германской и австро-венгерской армиях было строго запрещено и сурово каралось. Командующий 30-й дивизией германской армии написал в своем приказе от 19 (6) декабря 1917 года:

«Смена дивизии дает мне повод вспомнить о больших услугах, оказанных начальниками пропагандных отделов. Почти целый месяц, многие еще дольше, работали в этом деле и своей неустрашимостью и ловкостью оказали отечеству неоценимую услугу. Находясь постоянно на открытом поле против неприятельского огня и коварства, они все время с железной энергией и последовательностью пытались сблизиться с русскими. Успех явился. Они /.../ ловко использовали работу русской революции, вносили в русские войска нашу пропаганду. /.../ Бесспорно, им принадлежит львиная доля в разложении русской дисциплины».

22 ноября для «осуществления борьбы с контрреволюцией» при Ставке в Могилеве большевики создали Центральный революционный полевой штаб, который формировал экспедиционные отряды,

посылавшиеся в помощь местным советам рабочих и солдатских депутатов.

16 декабря Совнарком в целях «демократизации» принял декреты «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», а также «О выборном начале и об организации власти в армии». Были отменены чины, звания, титулы, награды и иные отличия — все стали носить «почетное звание солдат революционной армии», была утверждена выборность командного состава, то есть, обеспечен полный развал командования регулярной армией.

Были также разработаны «Общие соображения по формированию армии», согласно которым новые вооруженные силы следовало комплектовать на добровольческих началах из числа «истинных поборников свободы и революции», чья обязанность — «жить, сражаться и умереть в борьбе».

К концу 1917 года в большинстве воинских подразделений (от рот до армий) власть перешла в руки солдатских комитетов, а бывшей Ставкой верховного главнокомандующего стал управлять Военно-Революционный комитет. В середине января 1918 года Ленин доложил делегатам экстренного съезда советов:

«Старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами, отошла в прошлое. Она сдана на слом, и от нее не осталось камня на камне».

15 января 1918 года на заседании Совнаркома РСФСР был принят декрет «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Наркомат по военным делам учредил специальную коллегию для формирования РККА из числа добровольцев. По всей стране развернулась сеть вербовочных пунктов.

В ряды Красной Армии допускались «сознательные граждане» не моложе 18 лет. Им полагалось денежное довольствие (50 рублей в месяц), обеспеченное всеми активами Имперского Банка Германии («на уплату содержания Красной Гвардии и агитаторам в стране» только в январе 1918 года немцы перечислили через шведские банки 5 миллионов рублей золотом). Каждый доброволец должен был служить не менее 6 месяцев.

Главной задачей новых вооруженных сил провозглашалось «обеспечение всей полноты власти за трудящимися массами и устранение всякой возможности восстановления власти эксплуататоров». Вовсе не война с внешним врагом!

В апреле 1918 года руководство большевиков решило создать 58 пехотных дивизий с общим штатом 360 тысяч человек (в среднем,

по 6200 бойцов и командиров в каждой). Однако наплыва желающих воевать с собственным народом не произошло. В ряды «пролетарской армии» охотно вступали лишь оголтелые «борцы за социальную справедливость», всякого рода криминальные элементы и «революционные матросы». Поэтому Ленин решил использовать иностранцев.

В конце января — начале февраля 1918 года он несколько раз встречался с венгерским евреем Бела Куном (1886—1939), бывшим офицером австрийской армии, которому предложил заняться организацией интернациональных частей.

23 февраля Ленин опубликовал в газете «Правда» воззвание ко всем иностранцам — «сторонникам власти Советов», в котором призвал их немедленно начать формирование воинских частей. Разумеется, под руководством местных органов власти большевиков.

К началу 1918 года в России находилось около 5 миллионов иностранных граждан, в том числе 2,2 миллиона военнопленных — австрийцев, немцев, венгров, чехов, словаков, турок, болгар. Именно эти, по сути дела, вражеские солдаты (немецкие с разрешения германского командования), в компании с неприкаянными латышскими стрелками, нищими китайскими рабочими и авантюристами из разных стран (типа серба Олеко Дундича) в течение всего 1918 года составляли ударную силу нового режима. Они с удовольствием и не без прибыли устанавливали власть большевиков в стране, отданной им на разграбление и поругание.

В первых числах апреля Бела Кун провел в Москве Всероссийский съезд «революционных военнопленных-интернационалистов». Участники съезда приняли резолюцию, настоятельно рекомендовавшую их сослуживцам и землякам принять участие в формировании интернациональной пролетарской армии для защиты Республики Советов.

В марте — июне 1918 года в 90 российских городах были сформированы роты, батальоны и полки из числа бывших военнопленных и «иностранцев трудящихся». Этими войсками руководила Центральная федерация иностранных групп (ЦФИГ) при ЦК РКП(б) под председательством Бела Куна, созданная в мае.

«Всего в составе Красной Армии в разное время находилось до 300 тысяч интернационалистов», отмечает «Советская историческая энциклопедия» (том 6, с. 160). «Разное время» — это 1918 год и первая половина 1919, когда интернационалисты составляли более половины численности всей Красной Армии.

Газеты и журналы для «красноармейцев-интернационалистов» выходили на болгарском, венгерском, китайском, латышском, немецком, польском, румынском, сербском, турецком, финском, французском, чешском языках (там же, с. 158). Как видим, география происхождения этого сброда была весьма обширной.

Официальный источник сообщает:

«Вначале интернациональные формирования обычно состояли из представителей одной национальности, затем большинство их стали многонациональными. Всего было создано свыше 500 интернациональных формирований (отдельные подразделения, отряды, части, и даже целые соединения).

/Военный энциклопедический словарь. Том I, М., 2001, с. 635./

Как уже сказано, общее число «интернационалистов» превышало 300 тысяч человек. Это «красное воинство» рыскало по всей России и убивало «классовых врагов», в первую очередь офицеров. Логика большевиков в этом вопросе была очень простая — иностранцам совершенно наплевать на русских, а отечественных карателей еще требовалось подыскать.

Типичный «интернационалист»:

чех Эрнст Кужелло (1890—1934). Выпускник сельхозучилища, он затем окончил военное училище в Вене и служил в австрийской армии. Попал в плен к русским, в 1917 году вступил в Чехословацкий корпус, а в 1918 перешел к красным. До 1920 года воевал в Туркестане против местных повстанцев, где командовал отдельной интернациональной кавалерийской бригадой, а затем Катта-Курганской группой войск. В сентябре — декабре 1920 года командовал Отдельной интернациональной кавалерийской дивизией, проводившей исключительно карательные акции против украинских повстанцев. Затем вернулся в Среднюю Азию, во главе кавалерийского полка воевал с басмачами, то есть, с повстанцами, выступившими против большевиков под лозунгами ислама. Налицо портрет «экзекутора».

Лев Троцкий (Бронштейн) — создатель и руководитель Красной Армии

Настоящей находкой для Ленина и его поделщиков оказались хорошо вооруженные, спянные сознательной дисциплиной и зем-

лячеством, руководимые кадровыми офицерами полки латышских стрелков. Без них вряд ли они смогли бы удержать власть в 1918 году. Прежнюю русскую армию большевики сознательно разваливали, но латышские полки демобилизации не подлежали. Обещанную им независимость Латвии они должны были оплатить своей «интернациональной помощью». В конце 1917 — начале 1918 годов почти половина латышских стрелков (около 10 тысяч человек) приняла участие «в борьбе с контрреволюцией» вне территории Латвии. И не только стрелки. Красногвардейские отряды из латышей были созданы в Харькове, Екатеринославе, Одессе, Витебске и других городах.

*Латышские стрелки
(худ. И. Зариньш, 1967 г.)*

шими унтер-офицерами из крестьян*.

Вождь крестьянского восстания на Тамбовщине Александр Антонов имел полное право писать в своем воззвании:

«Правительство Ленина и Троцкого для подавления восстания рабочих и крестьян посылает наемных убийц — латышей и китайцев, которые истязают рабочих и крестьян хуже татар времен Тамерлана»...

* Весьма близок к истине старый анекдот, в котором говорится, что советская власть удержалась на латышских стрелках, еврейских языках и русских дураках.

Однако за время Брестского мира не только большевики получили «передышку»: на пути убийц из среды зарубежного и отечественного отребья встали «армии низвергнутых классов», небольшие по численности, но лучше организованные, с большим количеством офицеров в своих рядах. В боях против этих войск интернационалисты в своем большинстве проявили себя далеко не лучшим образом. К тому же многие иностранцы слабо владели (а то и не владели вовсе) русским языком. Фурманов в своем романе «Мятеж» писал о них:

«Только где-то... стоит 4-й кавалерийский — в нем больше десятка разных национальностей: немцы, мадьяры, киргизы, китайцы, текинцы..Кроме «пли... ложись... вперед» — вряд ли он разом понимает другие слова».

Пришлось большевикам срочно создавать «настоящую» армию — для войны на внешних фронтах. А интернационалистов они стали потихоньку распределять в новые стрелковые и кавалерийские дивизии: куда бригаду, куда полк или батальон. К 1921 году их почти не осталось.

2 сентября 1918 года был учрежден Революционный военный совет республики под председательством Л.Д. Троцкого. Он осуществлял общее руководство войсками и наиболее важными конкретными операциями вооруженных сил. Уже 11 сентября Реввоенсовет издал приказ о создании фронтов. А к январю 1919 года большевикам удалось развернуть 12 небольших армий — 285 тысяч бойцов (в среднем 23 тысячи на армию)*. «Интернационалисты» укомплектовали эти армии личным составом на две трети.

Создать действительно массовую Красную армию из соотечественников большевикам удалось только летом — осенью 1919 года, после того как VIII съезд их партии (18—23 марта 1919 г.) принял решение о «союзе с середняком». Иными словами, большевикам перед лицом неминуемого поражения пришлось совершить поворот на 180 градусов: они временно покончили с практикой обобществления сельского хозяйства и отдали землю крестьянам без всяких условий. Воевать за землю мужики согласились, хотя и без особой охоты.

По официальным данным, к 1 декабря 1920 года в Красной армии, включая запасные, вспомогательные и территориальные

* По штатам 1914 года 23 тысячи — это численность одной стрелковой дивизии.

формирования, насчитывалось до 5,5 млн человек. Из них крестьян — 77 % (4 млн 235 тыс. чел.). Однако добровольцы составляли только 16 % от всей численности РККА (около 880 тыс. чел.). Членов большевистской партии в армии было до 300 тысяч человек, т.е. всего лишь 5,45 % ее личного состава. Но эти 300 тысяч представляли собой свыше половины всей партии*.

Наивные селяне не догадывались, что большевистский поворот «лицом к деревне» есть всего лишь трюк, уловка, «временное тактическое отступление». И что через 9 лет начнется повальное ограбление и подавление деревни — пресловутая коллективизация со всеми ее ужасами.

Главными фигурами в «рабоче-крестьянской» армии были отнюдь не рабочие и крестьяне, и не «военспецы» — бывшие офицеры, а комиссары и политруки. Это публика особого рода. В качестве типичного примера приведу характеристику члена Реввоенсовета морских сил Черного и Азовского морей в 1921—22 годах Ивана Кожанова (1897—1938)**, которую подписал командующий этими силами А.П. Максимов:

«Обладает небольшой административной способностью, совершенно незнаком с морским делом, малый кругозор, мало развитой, болезненный, страдает манией величия, честолюбив, властолюбив, упрям и мало поддается резонному мышлению и пониманию при обсуждении тех или иных мероприятий в деле строительства флота. По натуре своей — ударник и не может отказаться от ударной системы даже тогда, когда ударность делу вредит. Во всех спехах видит контрреволюционеров. Не понимает технического вопроса — высказывает, настаивает на проведении в жизнь своей мысли, хотя было фактически не только неприемлемо, но даже неосуществимо, желая показать свою независимость и самостоятельность перед спецами. Всякий мелкий вопрос превращает в огромное дело, а огромной важности вопрос оставляет без внимания. Натура у него неуравновешенная и неустойчивая. За все с жаром принимается, но до конца не доводит, посылая всех к черту».

Эту характеристику без особых натяжек можно применить едва ли не ко всем красным комиссарам. Особенно такие ее пассажи:

* См.: «Советская историческая энциклопедия», том 13, ст. 127.

** Несмотря на столь убийственную характеристику, И.К. Кожанов и далее занимал ответственные посты. В 1922—24 гг. он был начальником морских сил Дальнего Востока, в 1928—30 гг. военно-морским агентом (атташе) в Японии, в 1930—31 гг. — начальником штаба морских сил Балтийского моря, в 1931—37 командовал морскими силами Черного моря. Наконец, в октябре 1937 года во время сталинской кампании «большого террора» его арестовали органы НКВД, а в августе следующего года пристрелили.

«Совершенно незнаком с ... делом, малый кругозор, мало развитой, ... властолюбив, ... мало поддается резонному мышлению и пониманию при обсуждении тех или иных мероприятий... не может отказаться от ударной системы даже тогда, когда ударность делу вредит. Во всех спецах видит контрреволюционеров. ... Всякий мелкий вопрос превращает в огромное дело, а огромной важности вопрос оставляет без внимания».

Подобные персонажи совали свое кувшинное рыло абсолютно во все сферы военной жизни. И не просто совали, а указывали всем, «как надо жить».

Для примера можно вспомнить Янкеля Гамарника. Этот недоучка (два курса университета) сначала был секретарем высших партийных органов, а затем 8 лет (1929—1937) возглавлял политуправление РККА и, одновременно, являлся заместителем председателя Реввоенсовета СССР.

Или армейского комиссара 1-го ранга Льва Мехлиса, возглавлявшего в 1938—42 годах политуправление РККА и, параллельно с 1940 по 1950 год наркомат госконтроля.

Или вице-адмирала Василия Гришанова — сей «ценный кадр» не имел даже среднего образования, но 30 лет, с 1958 по 1987 год, был начальником главного политуправления советского флота! Такого рода примерами легко можно заполнить толстую книгу.

Глава 10

ТЕРРОР — КВИНТЭССЕНЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ

С самого начала своего правления большевики развернули в широких масштабах истребление «врагов пролетариата».

Уже через две недели после государственного переворота — 20 (7) декабря 1917 года — они создали специальный орган террора — Всероссийскую Чрезвычайную комиссию (ВЧК) при Совнаркоме РСФСР. Ее председателем Ленин назначил Феликса Дзержинского (1877—1926), поляка по национальности, палача по убеждению, садиста по характеру. Еще через неделю, 28 (15) декабря Дзержинский обратился ко всем местным Советам с призывом организовывать собственные ЧК.

Несколько позже, 20 июня 1918 года были созданы транспортные отделы ЧК. Через месяц после этого появились фронтовые и армейские ЧК, которые в январе 1919 превратились в особые отделы воинских частей и формирований Красной Армии.

Один из руководителей ВЧК латыш Мартын Лацис еще 23 августа 1918 года заявил со страниц газеты «Известия»:

«Вырезать всех раненых в боях против тебя — вот закон гражданской войны».

В номере печатного органа ВЧК — газеты «Красный террор» от 1 ноября 1918 года — он же дал «идейное обоснование» массовому истреблению людей:

«Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Поэтому нет нужды доказывать, выступало ли то или иное лицо словом или делом против советской власти. Первое, что мы должны спросить у арестованного, это к какому классу он принадлежит, откуда происходит, какое воспитание он имел и какова его специальность? Эти вопросы должны решить судьбу арестованного. Это и есть квинтэссенция Красного террора».

В газете «Правда» от 25 декабря 1918 года Лацис повторил:

«Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора».

Четкая инструкция большевиков отбросам России и примкнувшим к ним интернациональным подонкам!

Особый уполномоченный Кунгурской ЧК (Урал) Моисей Гольдин выразился более лаконично:

«Для расстрелов нам не нужно ни доказательств, ни допросов, ни подозрений. Мы находим нужным и расстреливаем, вот и все».

Широко известен девиз этой преступной организации, которому ее сотрудники неукоснительно следовали:

«Лучше расстрелять сто невинных, чем оставить на свободе одного врага революции»!

Террор большевиков, развязанный ими после захвата власти в 1917 году, можно классифицировать по трем основным видам.

(1) Террор против вооруженной «контрреволюции» — в ряды которой большевики зачисляли абсолютно всех, кто проявлял недовольство их действиями.

(2) Террор против белого террора, ответного на преступления большевиков.

(3) Террор классовый, который очень быстро стал основным занятием комиссаров и чекистов.

Своими врагами большевики считали в первую очередь офицерство, дворянство, казачество, торгово-промышленную буржуазию, интеллигенцию, духовенство. Но не только их. Расстреливали также крестьян, не желавших бесплатно сдавать хлеб продотрядам, или просто взятых в заложники за действия односельчан, восставших против советской власти. Расстреливали и рабочих, пытавшихся отстаивать свои права.

Особенность террора большевиков заключалась в том, что он был направлен не против отдельных лиц, а против тех социальных слоев, которых большевики считали своими потенциальными противниками. Лишь немногие из жертв репрессий действительно участвовали в каких-либо формах протестах против советской власти. Трагизм ситуации состоял в том, что таковые составляли большинство населения страны.

Наибольшую ненависть у Ленина вызывали мелкие собственники, даже большую, чем крупная буржуазия и капиталисты. Тех легко было уничтожить, тем более что их в России было немного. Хуже обстояло дело с мелким собственником, которого одурачить было нелегко, еще тяжелей сделать послушным механизмом, и чис-

ленность их была в десятки миллионов, по сути, все самодеятельное население России. Солоухин, исследуя работы Ленина по этому вопросу, писал:

«Итак, главный враг социализма — это самодеятельные и самостоятельные люди. Кто же они? Ответ Ленина недвусмыслен. “Большинство, и громадное большинство земледельцев — мелкие товарные производители»: “Мелкие буржуи имеют запас деньжонок в несколько тысяч, накопленных “правдами» и особенно “неправдами»... Не дают вождю покоя деньжонок в чужих карманах... К людям, накопившим деньжонок, можно было отнести златошвеек, кружевниц, шорников, овчинников, кожемяк, сапожников, краснодеревщиков, чеканщиков, иконописцев, пыльщиков, угольщиков, стеклодувов, кровельщиков, печников — короче говоря, все самодеятельное население России».

Против этого большинства населения и был направлен террор. О массовом «красном терроре» можно говорить с самого начала 1918 года. Уже 8 января Совнарком РСФСР объявил о «создании батальонов для рытья окопов из состава буржуазного класса мужчин и женщин под надзором красногвардейцев. Лиц, сопротивляющихся мобилизации в эти батальоны, равно как и контрреволюционных агитаторов, расстреливать на месте». То есть смертная казнь без следствия и суда.

Одним из самых ярких вдохновителей кровавой вакханалии над русским и другими народами России был Ленин. Вот образчик одного из его приказов председателю Нижегородского губсовета Г. Федорову:

«Надо напрячь все силы... навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п.»

Выступая 5 июля 1918 года на V Всероссийском съезде советов с докладом о деятельности ЦИК, председатель этого органа Яков Свердлов одобрил усиление массового террора. В частности, он сказал:

«Если говорить сколько-нибудь серьезно о тех мероприятиях, к которым нам приходится прибегать в настоящее время, то ... мы можем указать отнюдь не на ослабление, но, наоборот, на самое резкое усиление массового террора против врагов советской власти... И мы глубоко уверены в том, что самые широкие круги рабочих и крестьян отнесутся с полным одобрением к таким мероприятиям, как отрубание головы, как расстрел контрреволюционных генералов и других контрреволюционеров».

Вот что пишут о причинах и сути «красного террора» доктора исторических наук Ю. Фельштинский и Г. Чернявский:

«Несмотря на все демагогические заявления и заверения большевистских лидеров, советская власть воевала не за интересы народа, а против народа.

Насильнический курс проводился в отношении почти всего крестьянства при опоре на сельских маргиналов — пьяниц, лентяев, проходимцев, которые были украшены регалиями «сельского пролетариата».

Смертельным врагом объявлялась вся буржуазия, включая «буржуазную интеллигенцию», то есть почти весь слой образованных, хозяйственно активных людей, несших на себе бремя экономического прогресса страны и являвшихся носителями ее культуры.

Впитав в себя наиболее неустроенную, неквалифицированную и подверженную низменным чувствам часть промышленных рабочих, то есть тех же маргиналов, но проживавших в городах и рабочих поселках, большевики именно в этом слое фактически видели воплощение «пролетариата», когда переходили от голых абстракций к реальному осуществлению своей политики. Той же его части, то есть абсолютному большинству, которая не поддерживала новую власть, относилась к ней равнодушно, или, тем более, кто находился под влиянием меньшевиков, была объявлена такая же смертельная война, как и другим общественным слоям.

Именно в таком отчуждении от основных социальных структур общества, во враждебности людям труда, знаний, общественной инициативы следует видеть **основную причину красного террора** /выделено автором/, который по своим масштабам, глубине, бесчеловечности никак не может быть уподоблен белому террору, являвшемуся вторичным, ответным и обусловленным перипетиями гражданской войны.

Большевистский террор и связанные с ним акции получали «высочайшее благословение» лидера партии и главы правительства В.И. Ленина. Кроважандность этого «самого человеческого человека» (по выражению В.В. Маяковского), его соратников и помощников становилась очевидной любому, кто брал на себя труд непредвзято и внимательно прочитать тщательно просеянные тома собрания его сочинений, относящихся ко времени после октября 1917 года.

Ныне же, когда снят покров секретности с ленинского архивного Фонда в Российском государственном архиве социально-политической истории, и появились первые сборники не публиковавшихся ранее рукописей и выступлений Ленина, становится еще более очевидным, что хрестоматийный образ мудрого государственного руководителя и мыслителя, который, якобы, только и думал о благе народа, был прикрытием реального облика тоталитарного диктатора, заботившегося только об упрочении власти своей партией и собственной власти, готового во

имя этой цели идти на любые преступления, неустанно и истерически повторявшего призывы расстрелять, повесить, взять заложников и т.п.».

/Красный террор в годы Гражданской войны. М., 2004, с. 8—9./

Поистине бесконечен перечень всякого рода зверств, убийств, массовых расправ, совершенных чекистами. Они достигли апогея в эпоху «красного террора», официально объявленного 5 сентября 1918 года по личной инициативе Дзержинского.

Через 12 дней после выхода этого постановления органы ЧК получили право приговаривать и казнить людей без передачи дел в революционные трибуналы. Дзержинский с гордостью за свое ведомство отмечал, что в большинстве случаев между арестом и вынесением приговора так называемой «тройкой» проходило не более 24 часов. Он же вполне откровенно определил суть «красного террора»:

«Красный террор был ни чем иным, как выражением непреклонной воли беднейшего крестьянства и пролетариата уничтожить всякие попытки восстания против нас».

Если учесть, что власть в России захватила шайка проходимцев, не имевших ничего общего ни с пролетариатом, ни с крестьянством, то всё сказано предельно ясно.

Механизм массового террора большевики тщательно продумали заранее, с учетом опыта Французской революции 1789 года. В самом деле: внезапно возникшая Чрезвычайная Комиссия, в отличие от других звеньев большевистского госаппарата, с первых дней своего существования действовала исключительно организованно, слаженно и четко. В кратчайший срок она охватила своими щупальцами всю территорию бывшей империи. Огромный штат сотрудников; специальные карательные войска (ЧОН — части особого назначения); концентрационные лагеря; разветвленная сеть доносчиков — и все это большевики создали в течение буквально нескольких месяцев!

С 8 по 11 июня 1918 года под председательством Дзержинского проходила первая конференция местных органов ВЧК. Провозгласив себя стоящей над Советами и даже, по словам некоторых большевиков, «над партией», конференция объявила, что принимает на себя «по всей территории республики тяжесть борьбы с контрреволюцией в качестве высшего органа административной власти».

На конференции присутствовало около сотни делегатов, представлявших 43 «чрезвычайки» на местах; на тот момент они насчи-

тывали уже 12 тысяч сотрудников. К концу года их стало 40 тысяч. К началу 1921 года на службе в органах ВЧК состояло около 32 тысяч гражданских сотрудников плюс к ним более 137 тысяч бойцов и командиров ЧОН, плюс многие десятки тысяч осведомителей.

Следует сказать несколько слов о том, из кого набирался персонал «чрезвычайка». Как и в Красную армию, первые два года в ЧК шли преимущественно «инородцы», в основном латыши и евреи. Печально знамениты своими кровавыми «подвигами» латыши Ян Берзин и Якоб Петерс, Карл Ландер и Мартын Лацис (Ян Судрабс), евреи Соломон Мессинг и Меер Трилиссер, Гирш Олькеницкий, Моисей Урицкий и Генрих Ягода (Енохим Негуда), поляки Феликс Дзержинский и Иосиф Уншлихт, армянин Георгий Атарбеков и многие сотни других. А в расстрельных командах и среди мастеров пыток подвизались китайцы.

Кровавая «методология» красного террора вобрала в себя все самое коварное, гнусное и жестокое из многовековой практики: культивирование всеобщего доноительства; ночные обыски; аресты по самым ничтожным поводам и вообще без повода (по спискам враждебных элементов); зверские пытки; массовые казни; конфискация всего имущества; заключение в тюрьмы и концлагеря, заложничество членов семей (в основном женщин и детей)... Нет ни одного преступления, известного в предыдущей истории человечества, которое не совершили бы чекисты хоть где-нибудь в несчастной России!

Что касается собственно казней, то дело далеко не ограничивалось одними только расстрелами! Вот что пишут об этом в своем исследовании Ю. Фельштинский и Г. Чернявский:

«Для красного террора были характерны не просто массовые бессудные убийства, но также массовый извращенный садизм насилия и надругательства над людьми.

...Результатами работы Особой комиссии /А.И. Деникина — Авт./ явились не только акты расследования и подобные им документы, но также многочисленные документальные фотографии, которые особенно ярко и наглядно демонстрируют зверства большевиков. ...Как видно на photographиях, на большинстве извлеченных трупов остались

*Главный
революционный палач
Ф.Э. Дзержинский*

следы пыток. ...При расследовании были найдены и засняты куски кожи, содранные с человеческих рук, перебитый шомполами крестец, отрезанные нос и губы, отрезанные женские груди. На многих трупах остались следы пыток над половыми органами. Фотографии поражают бессмысленной жестокостью, заставляют глубже осознать те мучения, которые испытали перед смертью жертвы террора. За сухой фразой «расстрел заложников» стояла намного более болезненная смерть, чем можно было бы представить.

Документы и фотографии говорят сами за себя и не требуют обширных пояснений. Однако нельзя не подчеркнуть еще раз, что жестокость, отраженная ими, не была вынужденной жестокостью, свойственной войнам вообще, тем более гражданским. Это была во многих случаях садистская жестокость, бесцельная и бесконтрольная, проистекавшая из преступной, мафиозной сущности той тоталитарной системы, которая ее разжигала, и бандитского характера конкретных носителей власти, набравшихся, как правило, из подонков общества».

/Цит. соч., с. 10—12./

Истязания, которые применяли большевики к своим жертвам, не поддаются человеческому осмыслению. Это были даже не палачи в обычном понимании смысла этого слова, а подлинные сатанисты, выродки человеческого племени. Даже профессиональным палачам не снились те изощренные зверства над людьми, которые осуществляли эти ублюдки по всей России. Нет, наверное, ни в одном языке мира таких эпитетов, которые можно было бы применить к этим отбросам человечества.

Павел Николаевич Милюков, министр иностранных дел России после Февральской революции, так описывал садизм комиссаров и ЧК того периода в своей книге «Россия на переломе» (два тома; Париж, 1927 г.):

«Освобожденные от всяких юридических норм, следователи изощрялись в изыскании способов получить признание всевозможными средствами пытки, а палачи устроили из казни своеобразный спорт опьяненных вином и кокаином людей, кончавших нередко свою карьеру в доме сумасшедших. У каждого провинциального отдела «Че-Ка» были свои излюбленные способы пытки. В Харькове скальпировали череп и снимали с кистей рук «перчатки». В Воронеже сажали пытаемых голыми в бочки, утыканные гвоздями, и катали, выжигали на лбу пятиконечную звезду, а священникам одевали венки из колючей проволоки. В Царицыне и Камышине пилили кости пилой. В Полтаве и Кременчуге сажали на кол. В Полтаве таким образом были посажены на кол 18 монахов и сожжены на колу восставшие крестьяне. В Екатеринославе распинали и добывали камнями. В Одессе офицеров жарили

в печи и разрывали лебедками пополам. В Киеве клали в гроб с разлагающимся трупом, хоронили заживо, потом через полчаса откапывали...»

Беспредельную жестокость чекистов описали авторы многих мемуаров. Приведем фрагмент подобных воспоминаний, принадлежащий перу знаменитого английского разведчика Сиднея Рейли (1874—1925), в 1917—18 годах нелегально работавшего в России:

«Налеты чекистов отличались такой дикостью и сопровождалась такими зверствами, что это просто не укладывается в голове цивилизованного человека. Однажды, когда обитатели квартиры не успели вовремя снять предохранительную цепочку с двери, чекист швырнул в щель бомбу. В другой раз на стук в дверь никто не ответил. В квартире находилась больная, прикованная к постели женщина, с которой случился удар /инсульт/, когда за год до того прямо на ее глазах большевики убили ее мужа. В квартире, кроме нее, никого не было, и один из чекистов, устав ждать, бросил под дверь гранату. Та, взорвавшись, убила и покалечила пятерых чекистов. Той же ночью чекисты вернулись в квартиру и убили старуху, «мстя» за своих товарищей».

/Цит. по книге: Полмар Н., Ален Т. «Энциклопедия шпионажа». М., 1999, с. 747./

Подлинное имя этого человека Зигмунд Розенблюм. Он родился в Одессе, от матери-польки и отца-еврея. С 1896 года являлся сотрудником британской разведки, а в 1898 году стал британским гражданином. В России Рейли работал и до революции. Большевиков он называл «главными врагами человечества», «извращенцами» и «чудовищами».

«Контрреволюционеров» арестовывали в столь больших количествах, что чекисты физически не успевали расстреливать их с помощью револьверов и винтовок. Тогда Дзержинский приказал выдать расстрельным командам пулеметы. Но и это не помогло. В Петрограде приговоренных к смерти было так много, что их связывали попарно, спина к спине, грузили на деревянные баржи, отвозили в Финский залив за остров Котлин и там топили.

В Москве только летом 1918 года чекисты казнили свыше 8 тысяч человек! После убийства в Петрограде 30 августа 1918 года председателя здешней ЧК Моисея Урицкого были расстреляны 900 заложников. В связи с убийством в Берлине (!) 15 января 1919 года лидеров немецких «левых» Розы Люксембург и Карла Либкнехта уже на следующий день Царицынский совет распорядился расстрелять всех находившихся под арестом заложников!

Чрезвычайка состояла из отбросов общества

Историк Сергей Петрович Мельгунов в эмиграции издал в 1924 году страшную книгу — «Красный террор в России». Она состоит из свидетельств тех зверств, которые практиковали чекисты на всей территории многострадальной России. Приведем несколько фрагментов из нее.

«В ночь на 18 января 1918 года в г. Таганроге началось выступление большевиков, состоящих из проникших в город частей Красной армии Сиверса... 20 января юнкера заключили перемирие и сдались большевикам с условием беспрепятственного выпуска их из города, однако это условие большевиками соблюдено не было и с этого дня началось проявление исключительной по своей жестокости расправы со сдавшими.

Офицеров, юнкеров и вообще всех выступивших с ними и сочувствующих им большевики ловили по городу и или тут же на улицах расстреливали, или отправляли на один из заводов, где их ожидала та же участь...

Большинство арестованных «контрреволюционеров» отвозилось на металлургический, кожевенный и главным образом, Балтийский заводы. Там они убивались, причем большевиками была проявлена такая жестокость, что рабочие заявили им протест. На металлургическом заводе красногвардейцы бросили в пылающую доменную печь до 50 человек юнкеров и офицеров, предварительно связав им руки и ноги, в полусогнутом положении. Впоследствии останки этих несчастных были найдены в шлаковых отбросах на заводе.

Около перечисленных заводов производились массовые расстрелы и убийства арестованных, причем тела некоторых из них обезображивались до полной неузнаваемости. Убитых оставляли подолгу валяться на месте расстрела и не позволяли родственникам убирать тела своих близких, оставляя их на съедение собакам и свиньям, которые таскали их по степи»...

После изгнания большевиков из Таганрогского округа, полицией в присутствии лиц прокурорского надзора, с 10 по 22 мая 1918 г. было совершено вырытие трупов погибших и произведен медико-полицейский осмотр и освидетельствование трупов, допрошены свидетели. На многих трупах, кроме обычных огнестрельных ранений, имелись колотые и рубленые раны прижизненного происхождения... иногда эти раны свидетельствовали о сплошной рубке всего тела; головы многих были совершенно разможены и превращены в бесформенные массы; были трупы с отрубленными конечностями и ушами».

(Из «Акта расследования по делу о злодеяниях, учиненных большевиками в городе Таганроге за время с 20 января по 17 апреля 1918 года». Мельгунов, с. 88—89).

«В Евпатории красные появились 14 января, начались массовые аресты офицеров, зажиточных лиц и вообще всех, на кого указывали как на контрреволюционеров... Казни происходили на транспорте “Трувор». Жертву, вызванную на палубу, под конвоем выводили на так называемое “лобное место». Тут жертву раздевали, связывали веревками и укладывали на палубу, а затем отрезали уши, нос, губы, половой член, а иногда и руки и в таком виде бросали жертву в воду. Казни продолжались целую ночь. На каждую казнь уходило 15—20 минут».

«Повсюду трупы с отрубленными руками и разможенными костями и оторванными головами, с переломленными челюстями, с отрезанными половыми органами». (с. 92).

«Тот же Эльстон пишет Бальфуру 14 января 1919 г.: “...Число зверски убитых в уральских городах неповинных граждан достигает нескольких сот. Офицерам захваченным тут большевиками, эполеты прибивались гвоздями к плечам; молодые девушки насильовались; штатские были найдены с выколотыми глазами, другие — без носов; двадцать пять священников были расстреляны в Перми, а епископ Андроник заживо зарыт»... (с. 95).

«В Екатеринодаре например, пытки производились следующим образом: жертва растягивается на полу застенка. Двое дюжих чекистов тянут за голову, а двое за плечи, растягивая таким путем мускулы шеи, по которой в это время пятый чекист бьет тупым железным орудием, чаще всего рукояткой нагана или браунинга. Шея вздувается, изо рта и носа идет кровь. Жертва терпит невероятные страдания...

В одиночной камере истязали учительницу Домбровскую за то, что нашли у нее чемодан с офицерскими вещами, оставленные случайно проезжавшим офицером, ее родственником... Ее предварительно изнасиловали, а потом пытали. Насиловали по старшинству чина. Первым насиловал, чекист Фридман, затем остальные. После ее подвергали пыткам, допытываясь, где у нее якобы спрятано золото. Сначала у голой надрезали тело ножом, затем железными шипцами, плоскогубцами отдавливали конечности пальцев... вечером ее расстреляли». (с. 120).

«В станице Кавказской при пытке пользуются железной перчаткой. Это массивный кусок железа, надеваемый на правую руку, со вставленными в него мелкими гвоздями. При ударе, кроме сильнейшей боли от массива железа, жертва терпит невероятные мучения от неглубоких ран, которые скоро покрываются гноем.

В газете “Общее дело» корреспондент рассказывал: “В Симферополе применяют новый вид пытки, устраивая клизмы из битого стекла, и ставят горящие свечи под половые органы. В Царицине имели обыкновенные ставить пытаемого на раскаленную сковородку...» (с. 121).

Когда 30 августа 1919 года деникинцы под Броварами разбили красных, и те спешно покинули Киев, многие жители бросились в здания ЧК искать родных и близких. Жуткое зрелище представилось их глазам. Вот что рассказала свидетельница Екатерина Гауг, стенографистка нарвоенкома:

«Сильный трупный запах ударила лицо. Все стены были забрызганы кровью... Пол на несколько вершков был залит кровью. На полу, точно на прилавках мясной лавки, лежали человеческие мозги. Посреди гаража было углубление, куда раньше обычно спускался шофер во время починки автомобиля /«яма»/... Перед отверстием стоял огромный сруб дерева, весь окровавленный. На нем лежала шашка, тоже вся в крови. Здесь рубились головы или применялись какие-то кровавые пытки... Отверстие же, точно водою было заполнено кровью. На стене огромная петля и лежал кусок железа — как оказалось, это было орудие пытки каленным железом.

Изувеченные трупы родные пытались опознать хотя бы по зубам — но золотые зубы и мосты были вырваны чекистами... на лбу жертв-мужчин были вырезаны офицерские значки, на груди португепя, на плечах погоны». Среди жертв были интеллигенты, буржуазия, гимназистки, крестьяне окрестных сел, рабочие завода «Греттера и Криванок», восставшие против диктатуры пролетариата... (с. 135).

«Такое творилось почти во всех городах, где бесчинствовало ЧК. В Одессе широко была известна палач, молодая девушка Вера Гребеннюкова (Дора). О ее тиранстве ходили легенды. Она буквально терзала свои жертвы: вырывала волосы, отрубала конечности, отрезала уши, выворачивала скулы и т.д. Достаточно сказать, что в течение двух с половиной месяцев ее службы в чрезвычайке ею одной было расстреляно более 700 человек.

В Вологде свирепствовала Ревекка Пластинина (Майзель), бывшая фельдшерица, собственноручно расстрелявшая более 100 человек. Эта бывшая жена Кедрова затем свирепствовала в Архангельской губернии. Газета «Голос России» в 1922 году сообщала, что Майзель-Кедрова расстреляла собственноручно 87 офицеров, 33 обывателей, потопила баржу с 500 беженцами и солдатами армии Миллера.

...Как правило, все эти недоноски употребляли кокаин, это облегчало им в состоянии невменяемости терять человеческий облик» (с. 141—142).

Тогда же большевики изобрели концентрационные лагеря. Первые три были созданы по приказу Троцкого летом 1918 года — в Муроме, Арзамасе и Свияжске. Большевики объявили, что в такие лагеря «будут заключаться агитаторы, контрреволюционные офи-

церы, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте преступления».

В августе 1918 года Дзержинский объяснял сотрудникам ВЧК:

«Самая действенная /мера/ — взятие заложников среди буржуазии, исходя из списков, составленных вами для взыскания наложенной на буржуазию контрибуции..., арест и заключение всех заложников и подозрительных в концентрационных лагерях».

5 сентября того же года Совнарком издал постановление об усилении террора, в котором было, в частности, сказано:

«...Необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в **концентрационных лагерях**. (Известия ВЦИК, 1918, № 195, 10 сент.)»

Законодательно концлагеря узаконило постановление ВЦИК от 11 апреля 1919 года. Согласно этому документу, лагеря планировались создать во **всех** губернских центрах. Напомним, что в Российском государстве к 1917 году была 101 губерния, считая в качестве таковых и генерал-губернаторства*.

Широкие слои населения поначалу были растеряны и буквально оцепенели от ужаса. Но довольно скоро они взялись за оружие. Сегодня нет ни малейших сомнений в том, что гражданскую войну в бывшей империи спровоцировали именно «революционеры». Спровоцировали своей «продовольственной диктатурой» и своим оголтелым террором.

Первым масштабным антибольшевистским выступлением народа стало восстание в Ярославле летом 1918 года. К тому времени антибольшевистские настроения распространились практически во всех слоях общества. «Союз защиты родины и свободы» во главе с Борисом Савинковым подготовил восстания в Ярославле, Рыбинске и Муроме.

6 июля началось выступление в Ярославле, 8 июля поднялся Рыбинск, где отряд повстанцев вел лично Савинков, 9 июля — Муром. Однако успехом увенчалось лишь восстание в столице Верхнего Поволжья — в Ярославле.

Утром 6 июля группа численностью свыше 100 бойцов во главе с полковником А. Перхуровым, называвшаяся «Ярославский отряд

* Забегая вперед отметим, что в скором будущем Сталин значительно превзошел этот план. К 1940 году в СССР насчитывалось свыше 500 концлагерей для «врагов народа», в которых находилось не менее 10 млн человек!

Северной Добровольческой армии», собралась на Леонтьевском кладбище на окраине города. Из оружия у них было всего лишь 12 револьверов. Однако смелость и боевая ярость повстанцев были столь велики, что вскоре они захватили склад с оружием (караул склада присоединился к восставшим). А к полудню, после нескольких стычек с большевистским отрядом, взяли под контроль весь центр города.

Вслед за этим последовало стихийное выступление населения. Народный гнев обрушился на председателя исполкома горсовета Семена Нахимсона и комиссара Ярославского военного округа Закейна. Но вскоре Перхуров прекратил бессудные расправы:

«Приказываю твердо помнить, что мы боремся против насильников за правовой порядок, за принципы свободы и неприкосновенности личности».

В объявлении также подчеркивалась недопустимость необоснованных арестов. Цели восстания формулировались ясно и кратко: спасение «нашей родины и нашего народа от позора, рабства и голода». Парламентаризм, политические и гражданские свободы, земля — крестьянам в полную собственность — такова была программа повстанцев.

Уже 8 июля была восстановлена деятельность городского самоуправления. «Ярославский отряд» начал пополняться добровольцами. За родину и свободу выступила ярославская конная милиция; почти все ее участковые комиссары встали в ряды антикоммуни-

*Лозунгом Бориса
Савинкова и его
сподвижников было:
«Советы трудящихся —
без коммунистов!»*

стов. Восставших поддержали ярославские рабочие, ремонтировавшие для повстанцев броневики и бронепоезд, окрестные крестьяне, доведенные до отчаяния комбедами и продотрядами, наконец, православное духовенство, превратившее Толгский монастырь в один из плацдармов выступления.

Широтой своей социальной базы Ярославские события предвосхитили знаменитое антисоветское рабочее восстание на ижевско-воткинских заводах. Вскоре реальные силы повстанцев достигли примерно 2000 штыков; число записавшихся добровольцев составило 6000 человек.

Но вокруг Ярославля большевики быстро стянули кольцо превосходящих сил. Их действиями руководил военно-революционный комитет во главе с латышом Яном Ленцманом. Карательный корпус почти полностью состоял из «интернационалистов» — латышей, мадьяр, австрийцев, поляков, китайцев...

Журналист С. Веревкин пишет в статье «Хиросима в Ярославле»:

«В своих действиях против восставшего населения большевики применяли такие методы и такие средства, которые еще никогда в мировой истории не применялись. Впервые город бомбардировала авиация. Каждый день на город сбрасывались бомбы — пудами. По данным «Чрезвычайного штаба по ликвидации мятежа», только «...за два полета сброшено было 12 пудов динамитных бомб... Лётчиками замечены сильные повреждения зданий и возникшие пожары... В настоящее время, ввиду упорства противника, решено усилить бомбардировку, применяя для этой цели наиболее разрушительной силы бомбы...

Впервые город подвергся артиллерийскому расстрелу «по площадям». Уничтожались полностью улицы, целые кварталы... В охваченной восстанием части города было уничтожено до 80% всех строений, в том числе знаменитый Демидовский лицей с его известной на всю страну библиотекой, 15 фабрик, 9 зданий начальных училищ, городская больница, гостиный двор... Ныне Ярославль включен в список ЮНЕСКО в качестве памятника культуры мирового значения. А ведь наиболее ценные объекты архитектуры и зодчества были уничтожены коммунистами в июле 1918 года!».

Телеграммы из Москвы требовали:

«Пленных расстреливать: ничто не должно остановить или замедлить применения суровой кары... Террор применительно к местной буржуазии и её прихвостней... должен быть железным и не знать пощады. Не присылайте пленных в Москву, так как это загромождает путь, расстреливайте всех на месте, не разбирая, кто они. В плен берите только для того, чтобы узнать об их силах и организациях»...

В первый же день после подавления восстания мадьяры расстреляли 428 человек, в основном офицеров, студентов, кадетов и лицестов. В том числе весь штаб повстанцев — 57 человек. Общее число только «официально» расстрелянных красными в период с 6 по 22 июля составило 870 человек.

Еще несколько сот человек были убиты в первые часы после сдачи города, когда по всему городу каратели творили самосуд. В указанную цифру не входят несколько сот расстрелянных крестьян, выступивших на помощь горожанам.

Кроме того, германская военная комиссия в Ярославле (согласно картотеке ее комендатуры) выдала большевикам в июле — августе 1918 года 5247 человек, которые были все казнены*.

Среди «классово чуждых» сословий в наибольшей мере пострадали дворянство и казачество. Так, 24 января 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло специальное циркулярное письмо о казачестве, где сказано:

«Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти. Конфисковать хлеб и заставлять ссыпать все излишки в указанные пункты...

Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно. Уравнивать пришлых иногородних с казаками в земельном и во всех других отношениях. Провести полное разоружение, расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних».

Немедленно началась кампания по уничтожению казачьего сословия. Директива о расказачивании проводилась в жизнь крайне жестоко. Например, Донецкое бюро РКП(б) в ее развитие предписало:

«Во всех станицах, хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, и отправить как заложников в революционный трибунал. (Уличенные, согласно директивам ЦК, должны быть расстреляны...) Составлять по станицам... списки всех бежавших казаков (то же относится и к кулакам) и всякого без исключения арестовывать и направлять в трибуналы, где должна быть применена высшая мера наказания».

* По условиям Брестского мирного договора в ряде городов России в апреле — октябре 1918 года действовали комиссии Германии и Австро-Венгрии по возвращению военнопленных, имевшие свои комендатуры. В Ярославле ее возглавлял лейтенант Бланк, ему подчинялись полторы тысячи вооруженных (!) немецких солдат и офицеров. Повстанцы сдавались «германцам», надеясь таким образом спастись от «большевистской сволочи». Откуда им было знать, что большевики — марионетки Германии?!

Органами власти в захваченных красными районах Дона являлись ревкомы, в которых не было ни одного казака. Они превратили Дон в кровавый омут. Московский большевик В. Нестеров, командированный на Дон, с возмущением доложил во ВЦИК:

«Расстрелы там были ужасные, ревтрибунал расстреливал казаков-стариков, иногда без суда, по донесению местного трибунала или по наговору соседей. Расстреливались безграмотные старики и старухи, которые еле волочили ноги, расстреливались казацкие урядники, не говоря уже об офицерах... Иногда в день расстреливали по 60—80 человек, Руководящим принципом было: «Чем больше вырежем, тем скорее утвердится советская власть на Дону».

Из станиц вывозили хлеб и угоняли скот, убивая при этом сопротивлявшихся владельцев. На Дон целыми эшелонами гнали голодную ораву «иногородних» из соседних губерний. Хутора переименовывали в деревни, станицы — в волости, запрещали казакам носить фуражки и штаны с лампасами.

Как и следовало ожидать, все это привело к массовому выступлению казачества. Оно началось в ночь на 12 марта 1919 года в станице Вешенской. Восстание вспыхнуло после бессудного расстрела еще 500 казаков в станицах Казанская, Мигулинская и Шумилинская. В нем приняло участие около 30 тысяч казаков, которые сразу же организовались в сотни и полки. Они уничтожили 36-ю стрелковую дивизию красных, а затем в районе Миллерово соединились с конным корпусом белого генерала Секретева.

В результате политики «красного террора» большевикам пришлось полтора года сражаться на юге страны с объединенными силами белогвардейцев и казаков...

По мере утверждения своей власти большевики уничтожали казачье сословие путем целого ряда карательных и социально-экономических мероприятий. Их суть заключалась в лишении казаков всех вековых привилегий, уничтожении специфики их жизни и, наконец, в физическом истреблении. С осени 1920 года на казачьи районы были распространены общероссийские положения о землеустройстве и землепользовании, и одновременно обрушились массовые репрессии.

К марту 1923 года от 4-х миллионов казаков осталось всего полтора. Как именно окончили свои жизни два с половиной миллиона казаков, могли бы рассказать некоторые «фурии революции», например, такие как Розалия Залкинд (Землячка) или Елена Бош, но они давно в могиле.

Печальна и весьма показательна судьба российских рабочих, поддержавших поначалу большевиков. В марте 1919 года рабочие многих городов РСФСР, работавших за скудный продовольственный паек, попытались прибегнуть к мирным забастовкам.

В Астрахани собрался 10-тысячный митинг, на котором рабочие местных заводов и рыбных промыслов обсуждали свое тяжелейшее материальное положение. Едва начали выступать первые ораторы, как площадь оцепили отряды чекистов и красногвардейцев. Они без предупреждения открыли огонь из пулеметов и винтовок, забросали площадь ручными гранатами. Рабочие разбежались, оставив на площади около 2000 человек убитыми и ранеными (которых тут же всех добили). Большинство участников митинга арестовали и разместили в подвалах шести комендатур, на баржах, в трюме парохода «Гоголь».

О произошедшем сообщили в Москву. Оттуда пришел ответ за подписью Троцкого: «Расправиться беспощадно». Рабочих расстреливали в подвалах и во дворах комендатур, бросали в Волгу, привязав к шее камень, забивали до смерти дубинами. Трупы не успевали свозить на кладбище, каждое утро астраханцы находили на улицах полураздетые трупы, залитые кровью.

13—14 марта убивали только рабочих, но затем власти спохватились, начали хватать и казнить домовладельцев, рыбопромышленников, лавочников, интеллигентов. Вывешенные списки расстрелянных «буржуев» насчитывали сотни фамилий. Рабочих убивали без всяких списков. Только по официальным данным, опубликованным самими большевиками, они казнили в городе 4 тысячи человек, фактически — вдвое больше. К 15 апреля в Астрахани не осталось ни одного дома, где бы ни оплакивали отца, мужа, брата или сына...

Крупные расстрелы забастовщиков происходили в Петрограде, Туле и Брянске. По данным, опубликованным в Англии, только за три первых месяца 1919 года в России большевики казнили 138 тысяч человек. «Однако эта цифра, — отмечал С. Мельгунов, — в действительности дает лишь бледное представление о том, что происходило в России».

Кстати говоря, согласно постановлению ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 года в 33-х губерниях РСФСР были сформированы части особого назначения (ЧОН) из «коммунистов, комсомольцев и наиболее сознательных рабочих». Они подчинялись только губернскому партийному руководству, не воевали на фронте против белогвардейцев

и интервентов. Их основной задачей являлась «борьба с контрреволюцией», вспомогательной — охрана партийных учреждений. В 1925 году войска ЧОН были преобразованы в войска ГПУ (с 1934 года — НКВД).

Массовые расправы с населением, которые большевики оправдывали тезисом «удержать власть любой ценой», они без малейших колебаний применяли не только против «представителей свергнутых эксплуататорских классов», но и для подавления трудового крестьянства. Так, в ходе борьбы с восстанием крестьян в Тамбовской губернии широко применялись следующие меры:

«Приказ командующего войсками Тамбовской губернии № 0171.

г. Тамбов

11 июня 1921 года

1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. В селениях, в которых скрывается оружие... объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае не сдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте старшего работника в семье.

4. Семья, в которой скрывается бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется. Старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

Один из плакатов Белого движения, адекватно иллюстрирующий суть режима большевиков

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно. Председатель полномочной комиссии ЦИК Антонов-Овсеенко Командующий войсками Тухачевский».

Между тем крестьяне-повстанцы во главе с эсером Александром Антоновым (1888—1922) создали Республику Тамбовского края и сформировали две армии. В отряды местной самообороны вступили практически все мужчины, негодные к строевой службе. Повстанцы требовали упразднения большевистской партии и Совнаркома, ликвидации госхозов, совхозов и коммун, раздела всей пахотной земли между крестьянами, установления свободы слова, печати, профсоюзов и собраний. Они образовали собственные суды, милицию и прокуратуру. Был восстановлен российский триколор, разрешена деятельность всех политических партий, кроме большевистской.

Ряд подразделений Красной Армии перешел на сторону повстанцев. Поэтому для борьбы с ними большевики направили части «интернационалистов», укомплектованные латышами, мадьярами и китайцами, а также «идейных» карателей из войск ЧОН. По собственному признанию Тухачевского, приходилось бороться «со всем местным населением поголовно». Большевики действовали как на оккупированной вражеской территории. Повстанцев загоняли в леса и там травили их хлором:

«Приказ командующего войсками Тамбовской губернии № 0116 о применении против крестьянских повстанцев ядовитых газов.

г. Тамбов

12 июня 1921 года

Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на местных жителей.

Для немедленной очистки лесов ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами. Точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальниками боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести.

Командующий Войсками: Тухачевский

Наштавойск Генштаба Какурин»

(РГВА, ф. 34228, оп. 1, д. 3, л. 1)

Число убитых и казненных повстанцев достигло 150 тысяч человек, а Тамбовскую губернию большевики вообще ликвидировали. Лишь в 1937 году была вновь создана Тамбовская область, но ее площадь (34,3 тыс. кв. км) почти в три раза меньше прежней губернии.

Советская пропаганда неизменно представляла красный террор как реакцию на белый террор. Да, в ходе Гражданской войны в России был и террор против большевиков и им сочувствующих, а также против мирных граждан, чем-либо не угодивших солдатам и офицерам белых армий. Однако ни одно антисоветское правительство никогда не провозглашало террор своей официальной политикой, и потому от белого террора людей погибло в несколько раз меньше, чем от красного.

Эмигрантский историк Сергей Мельгунов (1879—1956), сам приговоренный большевиками к смерти, но чудом избежавший казни, писал:

«Нельзя пролить более человеческой крови, чем это сделали большевики; нельзя себе представить более циничной формы, чем та, в которую облечен большевистский террор. Это система, нашедшая своих идеологов; это система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства, как орудия власти, до которого не доходила еще ни одна власть в мире...

«Белый» террор явление иного порядка — это, прежде всего, эксцессы на почве разнузданности власти и мести. Где и когда в актах правительственной политики и даже в публицистике этого лагеря вы найдете теоретическое обоснование террора как системы власти? Где и когда звучали голоса с призывами к систематическим официальным убийствам?.. Слабость власти, эксцессы, даже классовая месть и апофеоз террора — явления разных порядков».

В конце 1919 года специальная комиссия, созданная генералом А.И. Деникиным, определила число жертв террора на территории, подконтрольной большевикам не менее чем 1 млн 766 тысяч человек. Это всего за два года, с ноября 1917 по ноябрь 1919: в среднем 73600 человек в месяц, 2453 человека в день!

От рук «красных» палачей за указанный период погибли 815 тысяч крестьян и 193 тысячи рабочих, до 355 тысяч представителей буржуазии, около 59 тысяч бывших полицейских разных чинов и полицейских агентов, 54650 офицеров, 12950 помещиков и членов их семей, 8800 врачей, 6775 учителей и преподавателей вузов, 28 епископов и 1215 священников.

Но эти цифры относятся только к той части европейской территории России, где действовали комиссии Деникина. Они не отражают истинных масштабов зверств большевиков. Остались без подсчета массовые убийства и казни в дни вступления красных в города и на территориях, занимаемых до того белыми, когда происходили массовые расстрелы прямо на улицах, когда людей пачками топили в реках и прорубях. То есть фактическое число жертв террора ЧК, красногвардейцев, красноармейцев и комиссаров за время Гражданской войны значительно превышает приведенные выше числа. А там, где большевики были постоянно, никто не мог сосчитать жертв их террора, еще и поэтому приводимые цифры занижены.

Более 80 % казненных и замученных большевиков уничтожили без следствия и суда. Только в одном Киеве, в шестнадцати киевских «чрезвычайках» погибло в 1919 году не менее 12 тысяч человек, в Одессе только за три месяца 1919 года — 2000 жертв. В Туркестане, при усмирении восстания в январе 1919 года лишь за одну ночь было перебито свыше 2500 человек. В Петрограде, в связи с наступлением генерала Юденича, расстреляны в 1919 году почти 5000 человек. В районе Архангельска после ухода англичан было уничтожено до 8000 человек. В Екатеринодарской тюрьме с августа 1920 по февраль 1921 года (за 7 месяцев) большевики расстреляли почти 3000 человек.

То же самое происходило в Сибири, Грузии, Казахстане, Туркестане. По мере расширения территории, захватываемой «советами», страну заливала кровь ее граждан.

Деникинская комиссия не могла учесть несколько сотен тысяч лиц, расстрелянных в 1920—22 годы на Северном Кавказе (в т.ч. около 100 тысяч в районе Новороссийска в 1920 г.), в Крыму (не менее 40 тысяч в 1920 г.), в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке при ликвидации белых фронтов (в 1921—22 гг.), тысячи казненных моряков Кронштадта (в 1921 г.), десятки тысяч крестьян, уничтоженных при подавлении антибольшевистских восстаний в 1921—22 гг. (только в Тамбовской губернии до 150 тысяч), сотни тысяч граждан Грузии, Азербайджана, Армении и стран Средней Азии, ставших жертвами бессудных расправ большевиков в 1920—22 гг.

Общее число людей, погибших от рук «революционеров» за 5 лет (1917—1922), определяется в диапазоне от 3 до 5 миллионов человек!

Несомненно, что «красный террор» помог большевикам выиграть гражданскую войну. И он же решающим образом повлиял на характер режима, установленного Лениным и конституированного Сталиным. 1 июня 1922 года был принят Уголовный кодекс РСФСР, в котором впервые появилась трагически известная статья 58 —

«Контрреволюционные преступления»: она содержала 14 пунктов, 13 из которых предусматривали «высшую меру социальной защиты» — смертную казнь!

Можно без всякой натяжки сказать, что именно убийства людей по любому поводу стали «визитной карточкой» советской власти. В своей звериной ненависти к людям эта власть «уголовников от политики» отвергала даже элементарные проявления человечности. Напомним факты: к «высшей мере наказания» за политические преступления в СССР в 30-е годы приговаривали с 12 лет! То же самое относилось к беременным женщинам и беспомощным старикам. Больных людей, не способных стоять на ногах, убивали в положении лежа. Такого изуверства не было нигде в мире!

И хватит об этом. Для нормальных людей сказано достаточно. А идейным наследникам большевиков на постсоветском пространстве все равно ничего доказать нельзя. Они — неменяемые, ибо таково врожденное состояние души маргиналов.

«ДАЕШЬ МИРОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ!»

Большевики с первых дней захвата власти в России твердили о том, что их главной целью является победа революции «в мировом масштабе». Иными словами, цель и смысл всей своей внешней и внутренней политики они видели в собственном безграничном воспроизводстве. Ну, а Россия — как это обговаривалось еще в давних беседах с Парвусом — только плацдарм и «ресурс» для захвата всего мира. В ноябре 1917 года «Ильич» сказал своему старому знакомому Г. Соломону, другу семьи по Симбирску:

«Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, это только этап, через который мы проходим к мировой революции».

Брестская капитуляция заставила руководство большевиков на время забыть о подобных намерениях. Но как только в Германской империи в ноябре 1918 года произошла революция, Троцкий и Ленин немедленно реанимировали и поставили в план практической реализации идею перманентной революции.

Именно для реализации бредовой идеи «мировой революции» Ленину и Троцкому требовалось превратить людей, проживающих в стране, фактически в рабов («белых негров»). Далее путем безжалостной эксплуатации населения и полного ограбления страны обеспечить ресурсами мероприятия по созданию «мировой республики Советов».

Отныне внешняя политическая активность РСФСР была подчинена сценарию установления коммунистической гегемонии (на словах — во всем мире, реально — в Европе). Все богатства ограбленной страны большевики бросили на раздувание хаоса в разоренной войной Европе. Золото, оружие и пропагандистскую литературу их эмиссары доставляли в Германию, Венгрию, Австрию, Болгарию и другие страны.

С целью продвижения революции на Запад 4 марта 1919 года в Москве представители 34 «левых» партий и групп учредили так называемый Коминтерн — Третий, Коммунистический Интернационал. Любопытен состав делегаций: Австрия, Азербайджан, Англия, Армения, Балканская социалистическая федерация, Венгрия, «Восточные народы России», Германия, Грузия, Китай, Корея, Латвия, Литва и Белоруссия, «Народы Востока», «Немецкие колонии в России», Норвегия, Персия, Польша, Россия, США, Туркестан, Тур-

ция, Украина, Франция, Финляндия, Циммервальдская комиссия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония, Югославия. Большинство делегаций состояло из одного — двух человек.

Это детище Ленина фактически стало всемирной коммунистической партией, подрывной организацией с неограниченными финансовыми возможностями. Верный ленинец Лев Каменев (Розенфельд), в то время — председатель Московского совета, определяя главную задачу Коминтерна, заявил:

«Отныне наряду со всеми официальными правительствами Европы существует еще одно правительство, правительство восставшего рабочего класса. Оно называется III-й, Коммунистический интернационал. Его задача заключается в непосредственном низвержении всех буржуазных правительств Европы. Его метод — метод боевых действий».

Реальной программой приверженцев идеалов новой эпохи был не лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Идея была другой — «Проходимцы всех стран, соединяйтесь!» Все ловцы счастья и чинов, не обремененные жаждой преодоления многотрудных демократических маршрутов к вершине властной пирамиды, примкнули к новому радикальному движению. Послевоенные лишения, патогенность бациллы большевизма, распространяемой в благоприятной среде, без счета выделяемые деньги делали свое дело.

24 марта 1919 года была провозглашена Советская республика в Венгрии, которую возглавил эмиссар Ленина — Бела Кун, а через две недели то же самое произошло в Баварии, где восставшими руководил бывший российский эсер, вступивший в компартию Германии, Максим Левин*.

Справка: Бела Кун (1886—1938), венгерский еврей. В 1914 призван в австрийскую армию, с 1916 — в плену в России. В 1917 примкнул к большевикам. С марта 1918 формировал части «красных интернационалистов». В декабре 1918 учредил компартию в Венгрии. В 1919 был наркомом по иностранным и военным делам в советском правительстве Венгрии, сыграл видную роль в непродолжительной, но чрезвычайно кровавой гражданской войне. После разгрома «красных» бежал в Австрию, оттуда в РСФСР.

* Баварская советская республика существовала в Мюнхене и его окрестностях с 6 апреля до 1 мая 1919 г. «Союз Спартака» — боевая революционная организация немецких левых социал-демократов. Союз был учрежден 11 ноября 1918 на базе пропагандистской группы «Спартак», существовавшей с января 1916. Всегерманская конференция спартаковцев и левых радикалов в Берлине объявила себя 30 декабря 1918 Учредительным съездом компартии Германии.

Отличался крайней жестокостью. В 1918 руководил расправами с пленными «белочехами» и левыми эсерами, в 1919 пытался организовать «красный террор» в Венгрии (были казнены 590 человек), в 1920 вместе с Р.С. Землячкой (Залкинд) и Г.Л. Пятаковым организовал массовые казни пленных белогвардейцев и гражданского населения в Крыму (были казнены свыше 40 тысяч человек!). В 1921—36 член исполкома Коминтерна и руководитель нелегальной венгерской компартии. В 1937 арестован органами НКВД, в следующем году казнен.

Максим Левин (1885—1937), московский еврей, после 1905 эмигрировал в Германию. В ноябре 1918 возглавил в Мюнхене «Союз Спартака» и Совет революционных солдат. Был делегатом учредительного съезда КПГ. Совместно с Евгением Левинэ руководил Баварской советской республикой. После ее разгрома бежал в Вену. С 1921 работал в аппарате Коминтерна в Москве. В 1937 арестован и казнен органами НКВД.

Вот он, «мировой пожар», ликовали в Москве. Ведь именно Германия, с ее могучей промышленностью и организованным пролетариатом, считалась наиболее «подходящей» страной для марксистских экспериментов. Троцкий мечтал вслух:

«Советская Германия, объединенная с Советской Россией, вместе взятые оказались бы сразу сильнее всех капиталистических государств!»

По требованию Ленина и Троцкого главком Красной армии Иоаким Вацетис дал директиву командованию Украинского фронта о прорыве в Европу. Передовые части «красных» вышли на рубеж реки Збруч. Направление удара 1-й советской украинской армии планировалось через территорию Галиции в Венгрию (центром прорыва являлся город Коломыя); 3-я Советская украинская армия должна была идти в Бесарабию, с форсированием Днестра, оттуда в Румынию и далее — в Болгарию.

В самой Венгрии началось ускоренное формирование интернациональных частей, в которые вступили свыше 10 тысяч иностранцев. В июне 1919 года венгерская Красная армия в результате так называемого «Северного похода» (главком — полковник бывшей австро-венгерской армии Аурел Штрумфельд) захватила восточную часть территории Чехословакии, где была провозглашена Словацкая Советская республика и начато формирование словацкой Красной армии (главком Ференц Мюнних) — 12 тысяч штыков.

Параллельно с этим, в марте 1919 года из Москвы в Киев переехала Центральная секция федеральных групп РКП(б). Она приступила к формированию в Киеве 1-й Интернациональной советской

дивизии, а в Одессе 1-й Бесарабской стрелковой дивизии (успели сформировать только две интербригады и одну бесарабскую). В эти части охотно вступали бывшие военнопленные — румыны, болгары, венгры, сербы, хорваты, чехи, словаки.

Ободренный успехами своих агентов, председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев (Радомысльский) выступил в апреле 1919 года на страницах 1-го номера журнала «Коммунистический Интернационал» с обширной статьей, где заявил:

«Теперь III-й Интернационал имеет своей главной базой три советских республики: Россию, Венгрию и Баварию. Старая Европа бешеными темпами мчится навстречу пролетарской революции... ибо через год вся Европа будет коммунистической. Борьба за коммунизм перенесется уже в Америку, а может быть, и в Азию, и в другие части света».

Однако вся эта гигантская затея большевиков с треском провалилась. Правительство Польши, используя помощь стран Антанты, действовало быстро и решительно. Оно перебросило в Восточную Галицию прибывшую из Франции польскую добровольческую армию генерала Юзефа Галлера, которая разгромила войска созданной здесь Западно-Украинской республики (ЗУНР) и тем самым преградила путь 1-й украинской советской армии.

А начавшееся в Бесарабии наступление 3-й украинской советской армии сорвало восстание ее 6-й дивизии во главе с комдивом Н.П. Григорьевым.

Вскоре последовало успешное наступление войск «Юга России» под командованием генерала А.И. Деникина, которое привело к краху всего Украинского фронта и к развалу советской власти в Украине.

Не дождавшись помощи от «красной России», Баварская, Словацкая и Венгерская советские республики одна за другой пали «под ударами реакции». Несостоявшийся венгерский диктатор Бела Кун снова появился в Москве и в 1920 году «прославился» массовыми расправами над русскими офицерами и «враждебным населением» Крыма. Несомненно, он, как и многие другие революционеры, был одержим жадной постоянной жаждой убийств.

Программа «мировой революции» дала первый сбой. А в самой России в полную силу разгорелась гражданская война, ибо народ уже нахлебался «пролетарской диктатуры». Ильичу с товарищами по партии пришлось, временно отложив глобальные планы переустройства человечества, заняться работой по «очистке земли российской от всяких вредных насекомых». Европа тем временем от-

гораживалась от зараженной Совдепии санитарным кордоном национальных государств, возникших в Восточной Европе и признанных Антантой по Версальскому договору.

Однако курс на «экспорт революции» пока оставался неизменным. Выступая в конце июля 1920 года на 2-м конгрессе Коминтерна, председатель его исполкома Григорий Зиновьев заявил: «Годом раньше или годом позже, мы будем иметь международную Советскую республику». Эти слова отражали настроения, господствовавшие в то время как в ЦК РКП(б), так и в Коминтерне.

Сторонники большевиков к этому времени убедились, что политическая игра такого рода с лихвой окупает любые преступления. Абсолютная бесконтрольность представителей новой власти, цинизм и необузданность их фантазий, а также перспективная несменяемость — произвели мощное впечатление на радикалов всего мира. Поэтому во Втором конгрессе участвовало в два раза больше делегаций, чем в первом — 68.

Правда, от 16 стран было сразу по несколько делегаций. Например, из Германии — три: от Коммунистической партии, от Союза свободной социалистической молодежи, от Независимой социал-демократической группы. Из Франции — шесть: Комитет 3-го Интернационала, Коммунистическая федерация советов, Коммунистическая группа, Коммунистическая партия, Социалистическая партия, Союз молодежи. Все они были немногочисленны. Так, в шести французских делегациях насчитывалось 13 человек. Только РСФСР представляли 65 делегатов.

Руководство Коминтерна считало, что не следует пассивно ждать начала восстания европейского пролетариата. Надо всячески подталкивать его к решительным выступлениям. Они верили, что революционный пожар очень скоро охватит те страны Европы, которые в наибольшей мере экономически пострадали от мировой войны — Германию, Австрию, Венгрию, Италию, Францию, Бельгию, Болгарию, Чехословакию...

События 1919 года, на первый взгляд, свидетельствовали о верности подобных суждений: произошли революционные выступления в Австрии (март — июль), Венгрии (март — июль), Баварии (апрель), Словакии (июнь — июль), с провозглашением советских республик. Правда, их быстро подавили, но руководство Коминтерна считало, что провалы обусловили в первую очередь ошибки и недостатки в организации революционной деятельности местного пролетариата. Принятая 2-м конгрессом резолюция об основных задачах Коминтерна гласила:

Примерно так большевики представляли себе «советизацию» Европы: по мановению руки вождя, победным маршем, под радостные крики «освобожденных» трудящихся (худ. М. Авиллов, 1933 г.)

«Только насильственное свержение буржуазии, конфискация ее собственности, разрушение всего буржуазного государственного аппарата снизу доверху, парламентского, судебного, военного, административного, муниципального и пр. могут обеспечить торжество пролетарской революции».

А в резолюции, посвященной созданию в Коминтерне «военного отдела», участники конгресс констатировали:

«Самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка... Красная Армия, главное оружие рабочего класса, должна быть подготовлена так, чтобы выполнить свою наступательную миссию на любом участке будущего фронта... Границы же этого фронта, в ближайшую очередь, определяются пределами всего материка Старого Света».

В 1920 году большевики попытались вторгнуться в Польшу, а через нее — в Германию. Командующий Западным фронтом красных Михаил Тухачевский писал в своем приказе войскам от 3 июля 1920 года:

«Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад!... На Вильну, Минск, Варшаву — марш».

И эта попытка завершилась оглушительным провалом. В грандиозной битве на подступах к Варшаве 14—16 августа Красная армия потерпела сокрушительное поражение. Она потеряла убитыми, ранеными, пленными и интернированными до 120 тысяч человек и откатилась на линию Гродно — Брест. Поляки 12 сентября сами пошли в наступление, снова разгромили «красных» в сражениях на реках Неман и Щара. Потери войск большевиков составили еще 50 тысяч человек.

Но уроки 1919—1920 годов не пошли впрок. Коминтерн инспирировал через свои региональные секции (национальные компартии) попытки революции в Болгарии (14—30 сентября 1923 г.), Германии (20—23 октября 1923 г.), Эстонии (30 ноября — 5 декабря 1924 г.). Однако все они провалились, несмотря на тщательную подготовку, включавшую засылку в эти страны больших групп «профессиональных революционеров», доставку оружия, массовую агитацию, щедрое финансирование подпольных мероприятий и т.п.

Тем не менее, политический курс на «экспорт революции» оставался неизменным вплоть до конца 1925 года.

Бывшая Российская империя надолго превратилась в державу космополитов, стремившихся превратить разноцветье разнообразных наций мира в планетарное стадо, управляемое пастырями-пастухами из одного центра.

Коммунистические поэты публично предвещали времена, когда их новая Родина будет цвести «от Японии до Англии», а политики тщательно продумывали наименование новорожденного субъекта международной политики. Имя — «СССР» — было выбрано удачно: без какого-либо упоминания о географическом месторасположении. 30-й советской республикой могла стать Финляндия, 48-й — Бирма, а уж 68-й — Уругвай...

Гости из мусульманских стран тогда были робкими учениками, но спустя три поколения они подхватили знамя всемирного террора, выпавшее из ослабевших рук красных вождей. Современные аналитики не правы, когда говорят, что феномен «Аль-Кайды» — явление рубежа XX—XXI веков. Ситуация, когда фанатики овладевали экономической и военной базой крупной державы, уже имела место. Только вместо ислама тогда был марксизм-ленинизм, на месте Афганистана находилась Россия, а «джихад» именовался стратегией «мировой революции».

Глава 12

«СВОБОДА СЛОВА» ПО-ЛЕНИНСКИ

Большевики до 1917 года активнее всех призывали к гарантиям свободы печати, собраний, объединения в партии и профсоюзы.

Но уже 9 ноября (27 октября) 1917 года, когда о сколько-нибудь серьезном вооруженном сопротивлении народа узурпаторам власти еще не было и речи, они обнародовали Декрет о печати.

В нем говорилось:

«В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный революционный комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков.

Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати.

Рабочее и Крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов, захватив в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс.

Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших орудий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса.

Как только новый порядок упрочится, — всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону. Считаюсь, однако, с тем, что стеснение печати, даже в критические моменты, допустимо только в пределах абсолютно необходимых, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Закрывать подлежат лишь органы прессы:

— призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству;

— сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов;

— призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно наказуемого характера.

2) Запрещения органов прессы, временные или постоянные, проводятся лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров.

3) Настоящее положение имеет *временный характер* и будет *отменено* особым указом *по наступлении нормальных условий общественной жизни* /выделено мной. — *Авт./*.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Владимир Ульянов-Ленин».

Риторический вопрос: когда же в СССР наступили «нормальные условия общественной жизни», позволившие отменить это временное положение? Ответ общеизвестен — никогда!

Большевики применили поистине иезуитский ход с целью достижения идеологической монолитности

своего государства: они массово ликвидировали безграмотность, но одновременно уничтожили навсегда свободу «прессы».

Глава 13

РАЗГРОМ ЦЕРКВИ

Святейший Патриарх Тихон (Василий Белавин; 1865—1925) осенью 1918 года сурово осудил большевистский режим. Вот текст его послания большевистскому Совнаркому, в котором он детально проанализировал суть новой власти:

«13 (26) окт. 1918.

Послание Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров.

«Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Матф 26, 52).

Это пророчество Спасителя обращаем Мы к вам, нынешние вершители судеб нашего Отечества, называющие себя «народными» комиссарами. Целый год держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды. Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Матф 7: 9 — 10). Народу, изнуренному кровопролитной войною, вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже вы сами не решались обнародовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставить защиту Родины, бежать с полей сражения. Вы угасили в сердцах воодушевлявшее их сознание, что «больше сея любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други свои» (Иоан 15, 13).

Отечество вы подменили бездушным интернационализмом, хотя сами отлично знаете, что когда дело касается защиты Отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями. Отказавшись защитить Родину от внешних врагов, вы, однако, беспрепятственно набираете войска.

Против кого вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду.

И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции.

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью, часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не виновны, а взяты лишь в качестве «заложников», этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем невинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной «контрреволюционности». Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Святыми Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Не есть ли все это верх бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когда-то много потерпели от жестоких властей? Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братскою кровью: прикрываясь различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализаций, — вы толкнули его на самый открытый и беззащитный грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду.

Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных; потом, под именем «кулаков», стали уже грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмщении грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу...

Великое благо — свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной

гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, когда семья, а иногда население целых домов, выселяются, а имущество выкидывается на улицу, и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и разграбление? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения попасть под обвинение в контрреволюции?

Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного осуждения и обличения заглушен; печать, кроме узко большевистской, задушена совершенно. Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства.

Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа.

Патриарх Тихон

Вы разрушаете исконную форму церковной общины — приход, уничтожаете братства и другие церковно-благотворительные просветительные учреждения, разгоняете церковно-епархиальные собрания, вмешаетесь во внутреннее управление Православной Церкви. Выбрасывая из школ священные изображения и запрещая учить в школах детей вере, вы лишаете их необходимой для православного воспитания духовной пищи.

«И что еще скажу. Не достанет мне времени» (Евр 11: 32), чтобы изобразить все те беды, какие постигли Родину нашу.

Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в деревнях. Все это у всех на глазах. Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ божий и запечатлев в ней образ зверя.

Сбываются слова пророка — «Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; мысли их — мысли нечестивые; опустошение и гибель на стезях их» (Ис 59, 7).

Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения Нас в противлении власти, но чем выше будет подниматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет оно свидетельством справедливости наших обличений.

Не наше дело судить о земной власти, всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину явилась «Божиим слугой» на благо подчиненных и была «страшная не для добрых дел, но для злых» (Рим 13: 3 — 4). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лук 11: 51) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Матф 26: 52).

Тихон, Патриарх Московский и всея Руси».

История подтвердила верность прогноза духовного лидера России: число бедствий и лишений, испытанных населением СССР, не имеет аналогов в мировой истории.

Большевики жестоко отомстили владыке (и всей церкви) за принципиальность. Вскоре они экспроприировали достояние Русской православной церкви... Эта предельно циничная и предельно варварская кампания началась в мае 1919 года. Тогда Ленин отправил товарищам по разбою весьма показательный документ:

«Товарищу Молотову для членов Политбюро.

Строго секретно. Просьба ни в коем случае копии не снимать...

... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавле-

нием какого угодно сопротивления. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей.

...А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс...

Ленин».

В общей сложности, сумма изъятых советским правительством церковных ценностей в 100 раз (!) превысила сумму годового бюджета страны.

Верующих и священнослужителей, пытавшихся протестовать против грабежа достояния церкви, большевики предавали смерти. Например, когда в городе Шуя верующие выступили на защиту церкви, Ленин потребовал «любым способом подавить сопротивление духовенства». Он прямо указал якобы «независимому» советскому суду, как следует поступить в данном случае:

«Политбюро дает детальную директиву судебным властям, чтобы процесс против шуйских мятежников был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуя, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров».

Именно так — с максимальной быстротой и жестокостью — большевики уничтожали церковь по всей стране. До революции в России было 360 тысяч священнослужителей различных конфессий, 4 духовные академии, 58 семинарий, 1250 монастырей, 55173 православных церквей и часовен, 4200 католических храмов, 25000 мечетей, 6000 синагог, более 4000 молитвенных домов. До конца 1919 года они успели убить не менее 12 тысяч священников и монахов.

В исследованиях, посвященных тем жутким временам, после каждой фамилии указан вид мученической кончины: «расстрелян, утоплен, исколот штыками, забит прикладами, задушен епитрахилью, прострелен и заморожен, изрублен саблями»... Часто встречаются такие примечания: «сам себе рыл могилу, утоплен после долгих мучений, после жестоких мучений». Встречаются и пояснения, за что принял лютую смерть тот или иной служитель церкви: «за

проповеди, за колокольный звон, за отказ сражаться в армии красных»...

После декрета об изъятии церковных ценностей прошли массовые процессы в ряде городов, показательные процессы в Москве и Петрограде. По суду было расстреляно: белого духовенства (священников) — 2691 человек, монахов и послушников — 1962, монахинь и послушниц — 3447, итого 8100 человек. Кроме того, без всякого суда большевики истребили тогда же еще не менее 15 тысяч белого и черного духовенства.

В 1921 году власти РСФСР ликвидировали 722 монастыря. В 1922 году они превратили Соловецкий монастырь в концлагерь.

Чуть позже грабеж приобрел более системный характер. В марте 1922 года, накануне XI съезда партии, Ленин направил в Политбюро ЦК РКП(б) письмо, в котором предлагал:

«На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам поэтому расстрелять, тем лучше, надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т.е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей во всех операциях было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях».

За первые десять лет своего существования советская власть из 78 тысяч православных храмов и скитов закрыла свыше 48 тысяч (62 %).

А впереди церковь еще ждал «большой террор». В 1937–1941 годы органы НКВД арестовали 175.800 служителей церкви, из которых были казнены или погибли в лагерях 110.700 (63 %).

Помимо физической интервенции против церкви (ограбление храмов, закрытие церквей и монастырей, уничтожение священно-

служителей), большевики настойчиво осуществляли интервенцию духовную.

Во-первых, они отделили церковь от государства, а школу — от церкви. Отныне вместо основ христианского вероучения студенты вузов изучали основы марксизма. В школе специальный предмет такого рода отсутствовал, но «воспитание в духе коммунизма» было предусмотрено всем содержанием программ обучения и внеклассной работы.

Во-вторых, программа партии, принятая на ее VIII съезде в 1919 году, запланировала развертывание широкой атеистической пропаганды. Последующие съезды тоже уделяли серьезное внимание этому вопросу. Так, 12 съезд РКП(б) (1923 г.) принял постановление «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды». XVI съезд (1930 г.) указал, что «партия должна закрепить и развить значительные успехи, достигнутые в деле освобождения масс от реакционного влияния религии».

В развитие партийных решений в 1925 году было создано добровольное общество «Союз безбожников» (с 1929 года — «Союз воинствующих безбожников»). Все его руководство состояло из евреев, а председателем был Миней Израилевич Губельман (1878—1943), укрывшийся под псевдонимом Емельян Ярославский.

В стране выходили центральные газеты «Безбожник» (1922—41 гг.) и «Безбожник у станка» (1923—31 гг.), журналы «Антирелигиозник» (1926—41 гг.) и «Атеист» (1922—30 гг.). Огромными тиражами в Москве и на местах печаталась антирелигиозная литература.

Атеистическая пропаганда в этих изданиях осуществлялась в грубой форме, оскорблявшей чувства верующих, а ее суть сводилась преимущественно к «разоблачению реакционной общественной сущности всякой религии», якобы «обосновывающей и защищающей эксплуатацию человека человеком».

Глава 14

УНИЧТОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Писатель Максим Горький (Пешков) уже в 1918 году в своих «Несовременных мыслях» четко сформулировал суть проблемы:

«Если я вижу, что политика советской власти *глубоко национальна*, — как это иронически признают и враги большевиков, — а национализм большевистской политики выражается именно *в равнении на бедность и ничтожество*, — я обязан с горечью признать, что враги правы: большевизм — национальное несчастье, ибо он грозит уничтожить слабые зародыши русской культуры в хаосе возбужденных им грубых инстинктов».

Более глубоко уже в наше время эту проблему изложил православный автор Антон Кузнецов:

«С самого начала большевики показали себя как антирусская власть, для которой не существует понятий *Родина, Отечество, честь и долг*; у которой святыни русского народа вызывают ненависть; которая слово *Россия* заменила словом *Интернационал*, а русский национальный флаг — красным знаменем; которая и по своему национальному составу была, очевидно, нерусской: в ней преобладали евреи (составлявшие громадный процент, первое время казалось, что речь идет о чисто «жидовской власти») и инородцы.

За 24 года своего владычества /имеется в виду до июня 1941 г. — *А. Т./* большевицкая («советская») власть добилась огромных успехов в деле уничтожения исторической России. Были последовательно истреблены все сословия: дворянство, купечество, духовенство, образованный слой (в том числе поголовно русское офицерство) и разрушены все государственные институты прежней России: армия, полиция, суд, местное самоуправление, благотворительные учреждения и т.д.

Проводилось систематическое уничтожение русской культуры — взрывались церкви, разграблялись музеи, переименовывались города и улицы, вытравливались русские семейные и бытовые традиции, ликвидировались русские наука и школа, была зачеркнута и оплевана вся русская история. Вместо уничтоженного русского создавалось красное и советское, начиная от Красной армии и красной профессуры и кончая советской орфографией и советским спортом.

Наше земное Отечество — Россия была фактически уничтожена, её террором превращали и превратили в Совдепию, которая была полным отрицанием России, анти-Россией. Русский человек не имеет права забывать, что последовательное отрицание русской государственности —

это то, на чем стоял и чем подчеркнuto хвалился советский режим». (А. Кузнецов. «О советско-германской войне». Интернет).

Фактически то же самое, только намного раньше сказал знаменитый английский писатель Герберт Уэллс, посетивший в 1920 году Петроград:

«Смертность среди русской творческой интеллигенции невероятно высока. В большой степени это, несомненно, вызвано общими условиями жизни, но во многих случаях, мне кажется, решающую роль сыграло трагическое сознание бесполезности большого дарования. Они не смогли жить в России 1919 года, как не смогли бы жить среди кафров» (Г. Уэлс, «Россия во мгле»).

После революции в рамках социалистической идеологии не раз возникали более или менее разработанные теории и проекты уничтожения культуры, науки, искусства *как таковых*.

Чрезвычайно плодовитые в то время авторы — анархисты-сионисты братья Гордины (Аба и Зеев) провозгласили лозунг «Долой науку!», расшифровывая его как призыв к освобождению от угнетения человечества логикой — :

«Долой и духовное угнетение, насилие наукою, обманом, лжеубеждением!» «Долой науку — духовное государство и ее логическую власть и армию, логическое насилие...».

Они увлеченно сопоставляли и разоблачали «два суеверия» — религию и науку:

«История культуры однажды исполнила свою высокопочтенную роль могильщицы религии, служа ей и гробницей. Она должна будет это исполнить и по отношению к науке. После краха науки, после разочарования в ней как в истине, после ее угашения как «цивилизации» она должна стать «культурой», отправиться на покой в архив человеческого суеверия»...

Большевики, силой захватив власть и жесточайшим террором заставив народ повиноваться, повели его неизвестно куда, помахивая перед носом морковкой «светлого будущего» и приставив пистолет к затылку. А для того, чтобы как можно скорее и надежнее оболванить людей своими идеями, они всячески заботились об ограждении их от тлетворного влияния посторонних идей.

В решении этой задачи важную роль играл наркомат просвещения. В рамках этого комиссариата 12 ноября 1920 года был образован Главный политико-просветительный комитет РСФСР. Его бес-

сменным председателем в течение 10 лет была Надежда Крупская (Фридберг) — гражданская жена Ленина, страдавшая базедовой болезнью и истерией. Известный российский историк Юрий Готье однажды побывал на заседании сего учреждения, после чего записал в своем дневнике:

Надежда Крупская

«Я был водим в Комиссариат Народного просвещения на заседание коллегии комиссариата... На заседании присутствовала Н.К. Крупская-Ульянова, без 5 минут русская императрица; я не ожидал видеть ее такой, какая она есть — старая, страшная, с глупым лицом тупой фанатички, причем ее уродство подчеркивается ясно выраженной базедовой болезнью. Остальные присутствовавшие были Познер, Шапиро, Маркс и другие представители господствовавшего племени...

Оказалось, что мне не нужно было вовсе приезжать. Я однако не раскаиваюсь, что потерял здесь время; картина убожества и неумения ничего сделать, разве что утопать в словах, была так ярка, что оставила во мне неизгладимое впечатление и убедила еще раз, что эти существа, имеющие от людей только образ, ничего создать не могут»*.

Разработанная Крупской инструкция предписывала развернуть работу по очищению библиотек страны от «вредной литературы». На ее основе Наркомпрос издал в 1923 году секретную директиву. Согласно ей, изъятию и уничтожению подлежала литература «следующих типов»: патриотическая, черносотенная, враждебная передовым идеям, религиозно-нравственная, историческая беллетристика, проповедующая мещанскую мораль, сентиментальная, «бледная, не художественная», пошлая юмористика, «литература надрыва и упаднического настроения», мистика, романы приключений.

Далее документ уточнял:

* Ю.В. Готье (1873—1943) начал вести свой дневник 8 июля 1917 г.: «этому побудило ощущение рокового для России характера происходящих событий и чувство ответственности профессионального историка...». Последняя запись датируется 23 июля 1922 г.

Опасаясь обысков, Готье передал дневник на хранение американскому профессору Ф. Гольдеру, находящемуся в то время в Москве. После смерти Гольдера дневник лежал никем незамеченным до 1982 года, когда американский библиотекарь Э. Касинц случайно обнаружил его. Дневник был издан в Москве в 1997 г. издательством ТЕРРА под названием «Мои заметки» (590 стр.) и представляет собой уникальный документ описываемого в нем времени.

«Так как под эти рубрики можно подвести почти всю старую литературу, то Главполитпросвет вырабатывает примерные списки изымаемой литературы, которые в течение ближайшего времени будут периодически высылаться, чтобы места имели более конкретные представления о том, что допустимо в библиотеках... Списки эти примерные и потому отнюдь не будут исчерпывать всего, что надо изъять».

Новая власть крайне враждебно воспринимала отражение в литературе человеческой личности, любой «психологизм» считался «буржуазным». Вот несколько типичных суждений. Литературный критик Осип Брик в статье «Разгром» Фадеева» писал:

«Нужно поставить перед литературой задачу: давать не людей, а дело, заинтересованность не людьми, а делами. Мы ценим человека не по тому, что он переживает, а по той роли, которую он играет в нашем деле. Поэтому интерес к делу для нас основной, а интерес к человеку — производный».

Борис Кушнир в статье «Причины отставания»:

«При всех трансформациях лозунг «живого человека» всегда сохранял неизменной свою классовую сущность... Согласно этому учению, автор должен не только продумать психологию и систему своих персонажей, но и поставить себя на место каждого из них, как бы в них «перевплотиться». Дело это, очевидно, тяжелое, длительное и очень вредное. Такое перевоплощение в природу своих персонажей едва ли может содействовать обострению классовой бдительности и классовой зоркости автора. Персонажи-то ведь разные бывают. Попадают среди них и прямые враги рабочего класса».

Натан Альтман в статье «Из биографии живого человека»:

«...Разоблачить до конца оппортунистическое содержание лозунгов психологизма, «живого человека», мешающих решительному и победоносному продвижению вперед пролетарской литературы».

В число авторов, мешающих советскому строительству, первыми зачислили почти всех философов, социологов и психологов: Платона и Аристотеля, Декарта и Беркли, Канта и Юма, Шопенгаура и Ницше, Спенсера и Маха... Их заменяли сочинениями Маркса, Энгельса и доморощенных марксистов, якобы аккумулировавшими в себе всю «сумму человеческих знаний». Следом запретили Льва Толстого (хотя он был, по словам Ленина, «зеркалом русской революции») и Достоевского, Лажечникова и Загоскина, Сенкевича и Аверченко, обоих Дюма (отца и сына), Майн Рида, Фенимора Купера и сотни других авторов. Взамен подлежали распространению

брошюры типа «Всемирный Октябрь», «Уничтожайте вошь» и «Гигиена половой жизни».

Как известно, халиф Омар в 642 году изрек — «Зачем нужны все эти книги, если есть Коран?!», после чего велел сжечь Александрийскую библиотеку. Перефразируя его слова, суть позиции большевиков в 1920—30-е годы можно выразить словами: зачем нам все эти книги, если есть «Капитал» Маркса, «Анти-Дюринг» Энгельса и «Что делать» Ленина?!

Разумеется, лица, «виновные в сокрытии запрещенных книг», подлежали революционному суду. Между прочим, в 1923 году, когда Ильич впал в маразм и решил заняться ...разведением кроликов, книгу по кролиководству для него пришлось выписать из Германии. Свои уже сожгли. Отметим также, что списки литературы, подлежащей изъятию и уничтожению, поступали в библиотеки СССР вплоть до момента его распада в декабре 1991 года!

Далеко не случайно великий английский философ Бертран Рассел еще в 1920 году написал в своей книге «Практика и теория большевизма», что те люди, которые воспринимают большевизм всерьез, «невосприимчивы к доказательствам науки и совершают интеллектуальное самоубийство».

«Существа, внешне походившие на людей», превосходно умели делать только — разрушать. В одной Москве большевики уничтожили 476 памятников мирового значения! В их числе — церковь Успения в Покровке, над входом в которую была надпись: «Входящий, удивись — дело рук человеческих». В их числе — обелиск, поставленный над могилой генерала Багратиона и гренадеров, павших вместе с ним на Бородинском поле. В их числе — храм Христа-Спасителя на Волхонке. Кстати, американская фирма предложила за собор 15 миллионов рублей золотом, чтобы разобрать и перевезти в США. Но советское правительство отказалось, несмотря на свою любовь к валюте. Оно сочло, что воспитательное значение подрыва главного храма «старой России» важнее, чем тихое его исчезновение*.

Историк Андрей Буровский обратил внимание еще на один любопытный факт, имеющий прямое отношение к содержанию той «культуры», что пришла на смену прежней:

* В постсоветской России храм восстановили в рекордно короткие сроки. Не надо обольщаться по этому поводу. Бетонная коробка, отлитая на деньги главного московского «мафиози», всего лишь муляж. Храм делает местом встречи с Богом не его форма, а содержание. Прежний был духовным центром страны, нынешний стал местом великосветской московской «тусовки», вдруг «запавшей» на православие. — *Авт.*

«Вот наглядно свидетельство, которое заставляет задуматься: сам факт построения Мавзолея Ленина и его мумия внутри. Вдумайтесь: посреди Первопрестольной, в окружении христианских храмов стоит не что-нибудь, а зиккурат. Точно такой же, какие стояли в Шумере и Вавилонии, во времена Хаммурапи и Ашшурбанипала. А в этом зиккурате лежит не что-нибудь, а мумия. Как в Древнем Египте, как в некоторых других странах Древнего Востока.

Я ничего не утврждаю, читатель. Я только глубоко задумываюсь и советую вам тоже подумать».

/Буровский А.М. Евреи, которых не было. Книга II. М., 2004, с. 249./

Помимо искусства и литературы, уничтожению подлежала вся «старая» школа — и средняя и высшая. По мнению наркома просвещения РСФСР и СССР Анатолия Луначарского (занимал этот пост с 1917 по 1929 год), средняя школа «вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов», а прежние университеты институты он объявил «кучей мусора».

В «новой школе» главной задачей стало формирование у детей классового сознания. От учителей требовали воспитывать в детях «чувство ненависти к социально чуждым элементам». Специальные комиссии проверяли школы на предмет того, все ли ученики дали подписку о непосещении церкви, как проходят антирождественские кампании, проводится ли «обработка ребят, отрицательно настроенных со стороны общественно-политической».

Шкрабам (учителей переименовали в «школьных работников» — шкрабов), учившимся своей профессии в дореволюционную эпоху, ставили в вину «увлечение общепросветительскими задачами в ущерб интересам пролетариата». Высказывания вроде того, что «учитель должен учить» расценивались как «вражеская диверсия» и «кулацкая пропаганда». От учителей требовалось не учить, а «идеологически воспитывать у учащихся вражду к чуждым им классам».

Сотрудник Наркомата просвещения, некий Шульгин писал:

«Борясь за темпы коммунистического воспитания, мы должны освободиться от традиционных излишеств... Надо выкинуть все излишнее из программ, надо пересмотреть их под углом зрения ускорения темпа».

И пересматривали, и выкидывали. Большевики, выдвинув лозунг о ликвидации безграмотности, вовсе не собирались просвещать массы, видя в этом угрозу своей диктатуре. Ленин, позируя художнику Юрию Анненкову, высказался вполне определенно:

«Я, знаете, в искусстве не силен... Искусство для меня это... что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандная роль,

необходимая нам, будет сыграна, мы его — дзык! дзык! — вырежем. За ненужностью... Вообще к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг *ликвидировать безграмотность* отнюдь не следует толковать как стремление к народению новой интеллигенции. Ликвидировать безграмотность следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель — вполне практическая. Только и всего».

«Вождю мирового пролетариата» требовалась серая малограмотная масса, которой легко манипулировать в своих интересах. Рядовым явлением стало назначение злобствующего матроса директором завода, полуграмотного рабочего — управляющим местным банком, безграмотному крестьянину (притом наихудшему, пьянице и лодырю) — вверялись судьбы людей целой деревни.

Даже значительно позже низкая грамотность руководящих кадров оставалась массовой. Так, к 1940 году начальное образование имели 70 % секретарей райкомов и горкомов партии, 40 % секретарей обкомов, крайкомов и секретарей ЦК компартий республик!

Реализация программы пролетарской перестройки высшего образования началась с того, что в августе 1918 года новые власти специальным декретом разрешили всем лицам старше 16 лет поступать в высшие учебные заведения без представления каких-либо документов об окончании какой-либо школы.

В октябре 1920 года Ленин сформулировал принципы реформы системы высшего и специального образования: 1) наука только для бедных; 2) никакой свободы преподавания; 3) повышение материального обеспечения сотрудников, преданных советской власти.

Политбюро ЦК ВКП(б) 8 июня 1922 года приняло постановление «Об антисоветских группировках среди интеллигенции», которое разработал заместитель председателя ГПУ Иосиф Уншлихт. В нем в отношении студентов было сказано:

«Образовать комиссию из представителей Главпрофобра, ГПУ и представителей Оргбюро ЦК для разработки мероприятий по вопросам:

- а) фильтрации студентов к началу будущего учебного года;
- б) об установлении строгого ограничения приема студентов непролетарского происхождения;
- в) об установлении свидетельств политической благонадежности для студентов, не командированных профессиональными и партийными организациями и не освобожденных от взноса платы за право учения»...

Вскоре было сделано дополнение к этим пунктам:

«До начала учебного года все студенты (кроме членов РКП и РКСМ) обязаны представить отзыв ГПУ по месту нахождения вуза о лояльном отношении к советской власти».

В 1924 году Н.К. Крупская довела до сведения педагогической общественности следующие задачи: 1) учиться марксизму и ленинизму; 2) дополнить пролетарское происхождение усвоением пролетарской идеологии; 3) вооружившись такой идеологией, преобразовать все без исключения сферы общественной жизни. При этом она пояснила:

«Пусть мы проиграем в квалификации красных специалистов, зато у нас будет прочная гарантия того, что поезд пойдет по надежным рельсам и не съедет где-нибудь под откос».

Абитуриентов до лета 1937 года отбирали по классовому признаку. «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» предписывало принимать на учебу детей рабочих и крестьян, имеющих направления от партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, независимо от уровня их подготовки. ЦК ВЛКСМ в циркулярном письме указал:

«Основной задачей вузов должна быть подготовка специалистов, преданных партии и советской власти. Эта основная задача может быть достигнута, если командирующие организации проведут тщательный отбор кандидатов в вузы».

Одновременно производилась «чистка» учебных заведений от «социально чуждых элементов». Так, в 1925 году из высших и средних специальных учебных заведений СССР изгнали 40 тысяч студентов!

Вступительные экзамены отныне не имели никакого значения. Важны были «чистота анкеты» и благословение партийно-чекистского аппарата. При наличии этих условий еще одним подспорьем становилась «пролетарская» внешность и манера поведения. Известный деятель кино Андрей Москвин (1901—1961), снявший свой первый фильм в 1926 году, позже вспоминал о студенческих годах:

«Чем более пролетарски вы выглядите, чем грубее ваша речь и тупее ответы, тем больше шансов на то, что именно вы будете грызть гранит науки».

В 1925 году в вузах страны удельный вес выпускников так называемых рабфаков (рабочих факультетов) составил уже 43 %. В июле

1928 года пленум ЦК ВКП(б) потребовал поднять этот показатель до 65 %.

Однако в результате такого подхода приходилось адаптировать учебные программы к уровню катастрофически безграмотных молодых пролетариев города и деревни. Например, в Московском высшем техническом училище (МВТУ) исключили из программы курсы по сопротивлению материалов (сопромат), по теории машин и механизмов (ТММ). В ряде университетов упразднили физико-математические, исторические, философские и юридические факультеты — как «бесполезные для диктатуры пролетариата».

Тщетно взывал в своем обращении к Совнаркому 8 февраля 1922 года коллектив преподавателей МВТУ:

«Прием... массы неподготовленных, иногда почти безграмотных лиц, заставил столь немногочисленный и потому особенно ценный для нее персонал научных работников расточать силы на элементарную подготовку принятых лиц и притом несомненно с худшим результатом, чем это могла бы сделать правильно поставленная средняя школа».

Что ж, «товарищи» вошли в положение. Старорежимных профессоров и приват-доцентов, возомнивших себя «ценным персоналом», повсеместно заменяли «красными профессорами». Их в «ускоренном темпе» готовили Коммунистическая академия, Коммунистический университет имени Свердлова, Коммунистический университет трудящихся Востока, Институт красной профессуры и им подобные заведения — аналоги рабфаков, только выше рангом.

Но и в упрощенном варианте качество приобретаемых знаний оставляло желать много лучшего. Так, в МВТУ в 1926 году не успевали 38 % студентов, а из 378 выпускников 262 (69,3 %) являлись второгодниками. В средних технических училищах число второгодников составляло более 55 % всех студентов. Сам А.В. Луначарский однажды признался:

«Вузы готовят “дефективных” инженеров и врачей, и их дефективность не заметна потому, что эти инженеры ничего не строят, а врачи работают в условиях эпидемий, косящих людей».

Инженеры, не умеющие строить; врачи, не умеющие лечить; военные командиры, не умеющие воевать — все это стало стойкой советской традицией.

Глава 15

НЭП — «СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ» БОЛЬШЕВИКОВ

Начало 1921 года для большевиков было страшнее весны 1918 года, когда их власть распространялась только на центральную Россию. Мощные народные выступления потрясали все регионы страны. Против народа приходилось бросать регулярную армию и под контролем комиссаров и чекистов в крови топить эти выступления. Голод сковал Россию и парализовал ее. Нависла реальная угроза катастрофы для большевиков.

В такой ситуации в марте 1921 года открылся X съезд РКП(б). Опасность потери власти заставила большевиков перейти от продовольственной разверстки, когда отбирали почти все, к продовольственному налогу: после сдачи указанной часть зерна все остальное разрешалось продавать или менять на промышленные изделия.

Ленин новую экономическую политику рассматривал только как временное отступление, как тактический маневр, как передышку:

«Если мы окажемся не в состоянии произвести отступление, то нам угрожает гибель»

А 17 октября 1921 года он абсолютно откровенно заявил:

«Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение... Если мы эту задачу пробовали решить напрямик, так сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу... не удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и сапой».

Особо показательно то, что в авангарде борьбы против Ленина и его партии выступили рабочие Петрограда и моряки-балтийцы — былая опора большевиков.

28 февраля 1921 года в Кронштадте распространились слухи о стачках в Петрограде. Взволнованные матросы решили послать в город делегацию, чтобы получить информацию из первых рук. Вернувшись, делегаты выступили с отчетом перед экипажами линкоров «Петропавловск» и «Севастополь». На общем собрании матросы приняли резолюцию о своей солидарности с бастующими и выразили протест против действий Петроградского совета и ЧК по подавлению движения рабочих. На следующий день было намечено всеобщее собрание на Якорной площади.

В этом собрании 1 марта приняли участие несколько тысяч моряков, красноармейцев и рабочих; они заслушали отчет делегации, вернувшейся из Петрограда. Выступавшие выражали резкое негодование действиями властей против голодающих питерских рабочих. Представители режима — председатель ВЦИК Михаил Калинин и комиссар Балтийского флота Кузьмин — заявили, что забастовки в Питере и резолюция моряков «Петропавловска» и «Севастополя» «контрреволюционны». Однако их заявления были отвергнуты.

Участники собрания одобрили резолюцию, содержащую их программу:

«1. Поскольку нынешние Советы более не отражают волю рабочих и крестьян, немедленно провести новые, тайные выборы и для избирательной кампании предоставить полную свободу агитации среди рабочих и солдат;

2. Предоставить свободу слова и печати рабочим и крестьянам, а также всем анархистским и лево-социалистическим партиям;

3. Гарантировать свободу собраний и коалиций всем профсоюзам и крестьянским организациям;

4. Созвать надпартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов Петербурга, Кронштадта и Петербургской губернии, которая должна состояться самое позднее 10 марта 1921 г.;

5. Освободить всех политических заключенных, принадлежащих к социалистическим партиям, и освободить из заключения всех рабочих, крестьян и матросов, которые были арестованы в связи с рабочими и крестьянскими волнениями;

6. Для проверки дел остальных заключенных тюрем и концлагерей избрать ревизионную комиссию;

7. Ликвидировать все политотделы, поскольку ни одна партия не вправе претендовать на особые привилегии для распространения своих идей или на финансовую помощь для этого со стороны правительства; вместо этого образовать комиссии по вопросам культуры и воспитания, которые должны быть избраны на местах и финансироваться правительством;

8. Немедленно распустить все заградительные отряды;

9. Установить равные размеры продовольственного рациона для всех работающих, за исключением тех, чей труд особо опасен с медицинской точки зрения;

10. Ликвидировать специальные коммунистические отделы во всех формированиях Красной Армии и коммунистические охранные группы на предприятиях и заменить их, где это необходимо, соединениями, которые должны будут выделяться самой армией, а на предприятиях — образовываться самими рабочими;

11. Предоставить крестьянам полную свободу распоряжаться своей землей, а также право иметь свой скот, при условии, что они обходятся своими собственными средствами, то есть, не нанимая рабочую силу;

12. Просить всех солдат, матросов и курсантов поддержать наши требования;

13. Позаботиться о том, чтобы эти решения были распространены в печати;

14. Назначить разъездную контрольную комиссию;

15. Допустить свободу кустарного производства, если оно не основано на эксплуатации чужой рабочей силы».

Эти 15 пунктов резолюции ясно показывают, какие именно действия большевиков вызвали массовое недовольство в стране.

8 марта 1921 года в Москве открылся X съезд большевистской партии. Увидев в Кронштадтском восстании страшную угрозу своей власти, более 300 делегатов съезда отправились в Петроград, чтобы лично участвовать в подавлении этого выступления. Среди них было немало членов «рабочей оппозиции», которые хотели таким образом смыть обвинение Ленина в том, что их лозунги близки кронштадтским.

Еще 7 марта Петроградская ЧК получила приказ «предпринять решительные действия на заводах». За 24 часа она арестовала более двух тысяч рабочих, членов социалистических партий и анархистских групп, а также сочувствующих им. В отличие от восставших моряков, у рабочих не было оружия, чтобы оказать сопротивление чекистам.

Большевики решили взять Кронштадт штурмом. Проведение этой операции они поручили Михаилу Тухачевскому. «Красный генерал», проваливший Польскую кампанию 1920 года, изо всех сил стремился реабилитировать себя. В качестве карателей он использовал «красных курсантов» военных училищ и «красных жандармов» — войска ЧОН.

Операция началась 8 марта, но только на десятый день Кронштадт удалось взять ценой нескольких тысяч убитых и раненых с обеих сторон. Расправа с восставшими была безжалостной. В апреле — июне 1921 года власти казнили 2103 мятежников, еще 6459 отправили в тюрьмы и концлагеря.

Перед самым падением Кронштадта около 8-и тысяч человек ушли по льду замерзшего залива в Финляндию. Там их интернировали в Териоки, Выборге и Ино. Но, обманутые обещанной амнистией, многие из них в начале 1922 года вернулись в Россию, где тотчас же были арестованы и отправлены в лагерь на Соловецкие ост-

рова или в Холмогоры (вблизи Архангельска). По сведениям, опубликованным в изданиях анархистов, из пяти тысяч участников восстания, отправленных в эти лагеря, к лету 1922 года в живых осталось не более полутора тысячи.

И все же Кронштадтский мятеж, а также мощное восстание крестьян летом в Тамбовской губернии показали большевистскому руководству, что терпение народа — особенно крестьянства — истощилось. Стремительно назревала угроза всероссийского бунта. В поисках выхода из сложившейся ситуации делегаты того же X съезда РКП(б) одобрили предложение Ленина о замене продразверстки продналогом. В сельском хозяйстве были разрешены наемный труд (батрачество) и аренда земли, в городах — частная торговля, частные мелкие и средние промышленные предприятия.

После введения НЭПа мелкотоварные производители деревни и города начали стихийно пробивать себе дорогу, вместо планировавшегося «товарообмена» развивалась торговля сельскохозяйственными продуктами. Благодаря этому всего за 5—7 лет были восстановлены сельское хозяйство, мелкая и средняя промышленность.

Таким образом, отказ от политики «военного коммунизма» и определенную либерализацию большевистского режима вызвали массовые выступления народа. НЭП был вынужденной и временной мерой, призванной спасти большевистскую диктатуру от закономерного краха, а ее лидеров — от заслуженной физической расправы.

Часть III

ТОРЖЕСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ: СТАЛИНИЗМ

Крушение коммунистического режима в СССР создало возможности для всестороннего анализа того многофакторного и комплексного по своей природе феномена, который получил название «сталинизм».

Впервые в истории появилась возможность исследования архитектоники бесчеловечной машины тотального подавления, нравственного обескровливания, интеллектуального опустошения и физического истребления собственного народа, творцом которой были Ульянов-Ленин и Джугашвили-Сталин.

Глава 1

ЧТО ТАКОЕ СТАЛИНИЗМ

Я считаю, что Сталин был чудовищем, духовным уродом, который создал жуткую, античеловеческую систему управления страной, построенную на лжи, насилии и терроре.

Он развязал геноцид против народа своей страны и несет личную ответственность за смерть миллионов безвинных людей. В этом плане Сталин вполне сопоставим с Гитлером. Оба они принесли в этот мир столько горя, что никакими военными или политическими успехами нельзя искупить их вину перед человечеством.

Нет никакой существенной разницы между Бутовским полигоном и Бухенвальдом, между ГУЛАГом и гитлеровской системой лагерей смерти. И количество жертв сталинских репрессий вполне сопоставимо с нашими потерями в Великой Отечественной войне

*Илларион (Алфеев), архиепископ Волоколамский,
интервью от 15 июня 2009 г.*

В 1922 году Иосиф Сталин занял пост генерального секретаря ЦК партии большевиков. В следующие 7 лет он сосредоточил в своих руках неограниченную власть и фактически установил в

стране режим личной диктатуры. Решив эту главную проблему, Сталин приступил к решительной трансформации всего общества. Наиболее существенные особенности осуществленной им в 30-е годы радикальной смены политического курса правящей партии (и государства в целом) таковы:

(1) Прежнюю большевистскую шайку (РКП) с ее постоянными дискуссиями и борьбой между фракциями Сталин заменил принципиально иной политической организацией (ВКП), основанной на принципах преданности лично ему и абсолютного повиновения решениям высшего руководства. В ходе такой трансформации было физически уничтожено до 90 % «старых большевиков».

(2) Полностью сформировался новый правящий класс — партийно-советская номенклатура. Его специфика заключалась в том, что в нем не было личных собственников. Номенклатура коллективно владела всеми ресурсами страны и бесконтрольно распоряжалась ими.

(3) Население страны новые господа фактически превратили в крепостных. И крестьянство, и промышленный пролетариат, и научно-техническая интеллигенция утратили право распоряжения средствами производства и природными ресурсами, свободного выбора места работы и места жительства, форм организации труда, права на организованный протест.

(4) Массовый террор стал постоянным модусом бытия людей. После истребления активных врагов большевистского режима острие террора Сталин направил на врагов потенциальных. В качестве таковых рассматривались представители всех классов, всех социальных и национальных групп населения. То есть, террор стал основным средством превращения населения в покорную, легко управляемую массу.

(5) Стратегию ограбления «эксплуататорских и паразитических классов» для нужд «мировой революции» заменила стратегия беспощадной эксплуатации «внутренней колонии» с целью создания гигантского военно-промышленного комплекса и огромных вооруженных сил.

(6) В качестве этой «внутренней колонии» Сталин рассматривал крестьянство (ограбленное путем коллективизации), промышленных рабочих (утративших все права, завоеванные в 1917 году) и многомиллионную армию рабов (заключенных, работавших за порцию хлеба и миску супа).

Весь этот ужас Сталин лицемерно называл «строительством социализма в «одной, отдельно взятой стране».

(7) Целью внешней политики Сталина поначалу являлось возвращение утраченных территорий Российской империи (стран Балтии, Финляндии, западных областей Беларуси и Украины, Тувы, Южного Сахалина, Курильских островов), а в последующем распространение коммунистического режима на весь Евразийский континент путем военной экспансии.

В 1940-е годы идеология и практика сталинизма приобрела еще две важные черты:

— Был фактически возрожден великодержавный российский шовинизм и православный русский национализм.

— Из рядов партийно-советской номенклатуры изгнали евреев. В Москве их заменили русскими, в национальных республиках — «шестерками» коренной национальности.

Перечисленное и есть главное в сталинизме. А рассуждения об «отходе Сталина от ленинских норм партийной жизни», о «массовых нарушениях социалистической законности», о «перегибах и извращениях, связанных с культом личности» демонстрируют либо полное непонимание сути явления, либо сознательное желание не прояснять эту суть.

Сталин отличался от Ленина лишь тем, что был более нетерпим к чужим мнениям. (Известно его любимое выражение: «Есть два мнения. Одно — товарища Сталина, другое — неверное»). Что же касается двуличия, демагогии и жестокости, то в этом плане принципиальные различия между ними не просматриваются.

Критической точкой, означавшей наступление собственно сталинской эпохи, обычно считают 1929 год. Основные «трещины», составившие «великий перелом» очевидны:

- установление личной диктатуры Сталина;
- резкое, катастрофическое по ближайшим последствиям прекращение НЭПа;
- начало несбалансированной ускоренной индустриализации;
- принудительная тотальная коллективизация крестьянских хозяйств, осуществленная в форме грабежа;
- начало методической подготовки «большого террора» через серию фальсифицированных политических процессов;
- установление курса на предельную милитаризацию страны;
- изменение национальной политики (свертывание «коренизации», истребление национал-коммунистов и национальной интеллигенции).

Сталин считал, что надо как можно быстрее полностью разрушить «старый мир», чтобы на его руинах построить по своему замыслу новый — свой собственный. Поэтому он максимально торопил процесс, абсолютно не считаясь ни с нравственной стороной дела («революции не делают в белых перчатках»), ни с числом жертв («гибель одного человека — трагедия, гибель тысяч — статистика»), ни с гигантскими материальными и людскими издержками («лес рубят — щепки летят»). В «свой» новый, далеко не прекрасный мир Сталин и его поделщики гнали миллионы людей «дубиной», то есть, всей мощью репрессивного аппарата.

Образно выражаясь, Сталин стал «красным царем» на всесоюзном престоле, с тем отличием, что на царство его повенчала не церковь, а псевдомарксистская идеология, известная под названием «ленинизм». Соответственно, появились новые господа (номенклатура), новые опричники (пресловутые «чекисты») и новые рабы (все остальные слои населения).

Один из лидеров российских социал-демократов Лев Мартов справедливо утверждал, что такая линия развития была обусловлена изначально, так как большевики попытались осуществить неосуществимое — «европейский идеал насадить на азиатской почве». В итоге вполне закономерно в России произошло соединение «аракчеевского понимания социализма» с «пугачевским пониманием классовой борьбы».

Иначе говоря, умер бы Сталин в 20-е годы, его роль примерно с таким же результатом сыграл бы кто-то другой. Троцкий или Бухарин, Зиновьев или Фрунзе, Киров или Пятаков... Иного пути для России просто не существовало — это была крестьянская страна, где господствовала азиатская ментальность с присущим ей обожествлением персоны царя, неважно — «белого» или «красного», с традиционным презрением к естественным правам и свободам личности, с массовым холуйством «низов» перед «верхами».

Термин «сталинизм» используется также в отношении стран, политические системы которых подражали той, что существовала в СССР в конце 40-х — начале 50-х годов. Это режимы Мао Цзедунa в КНР, Ким Ир Сена в КНДР, Хо Ши Мина во Вьетнаме, Энвера Ходжи и Мехмета Шеху в Албании, братьев Кастро на Кубе.

Наконец, термины «сталинизм» и «сталинисты» применяют для характеристики политических партий и отдельных лиц, идеализирующих политическую систему, созданную Сталиным.

Глава 2

КАК СТАЛИН СТАЛ «КРАСНЫМ ЦАРЕМ»

*Моему отцу нравилось,
когда его называли «красным царем»*

(Светлана Аллилуева)

30 апреля 1922 года на пленуме ЦК Сталин был утвержден генеральным секретарем партии. С этого момента начался его путь к установлению режима личной диктатуры.

Сталин перенял от Ленина ряд идей, которые легли в основу его теоретической платформы. Одна из центральных — идея диктатуры. Но не пролетариата, и даже не единственной легальной партии, а партийного аппарата. Еще в 1921 году он назвал его «своеобразным орденом меченосцев внутри государства».

В апреле 1923 года в отчетном докладе ЦК, с которым выступил Григорий Зиновьев перед XII съездом РКП(б), прозвучала формулировка — «диктатура партии». В резолюцию съезда вошло соответствующее объяснение:

«Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т.е. Компартии».

Чем все это завершилось, ныне общеизвестно: «диктатура партии» очень быстро сменилась «диктатурой Политбюро», а она, в свою очередь, диктатурой одного человека.

Еще в 1926 году Киров в застольной беседе сказал Сталину, что смерть Ленина стала невозполнимой утратой и теперь ЦК надо всем коллективом заменить Ленина. На это Сталин ответил: «Да, ЦК, коллектив — это очень хорошо. Но русский мужик — царист, ему нужен один». При этих словах он поднял верх указательный палец*.

«Подбор и расстановка кадров»

Партия большевиков, захватившая власть осенью 1917 года, правила страной через административные органы — народные комиссариаты, исполнительные комитеты, различные ведомства. Их было много. Партийный центр (ЦК) должен был направлять и контроли-

* Из воспоминаний П.И. Чагина, присутствовавшего на этой встрече в квартире Кирова.

ровать не только их все, но и то, что туда не вмещалось: Коминтерн, Профинтерн, вооруженные силы, аппарат пропаганды, профсоюзы и, конечно же, органы государственной безопасности.

В связи с этим аппарат ЦК быстро вырос и стал громоздким. С целью «улучшения руководства» VIII съезд РКП(б) в марте 1919 года постановил создать в ЦК партии высшие руководящие органы: Политбюро, Оргбюро и Секретариат. Функции между ними разделялись следующим образом. Политбюро решало самые важные политические вопросы. Оргбюро решало организационные вопросы и занималось подбором кадров. Секретариат решал текущие вопросы, а более важные готовил для рассмотрения на заседаниях Политбюро или Оргбюро. Все эти органы избирались членами ЦК, а секретари отчитывались перед ними.

До VIII съезда в ЦК были два секретаря — Елена Стасова (технический секретарь) и Яков Свердлов (политический секретарь). После смерти Свердлова в марте 1919 года секретарями стали Леонид Серебряков и Николай Крестинский. В марте 1921 года ответственным секретарем ЦК избрали Молотова. В 1922 году на Пленуме ЦК избрали трех секретарей: Иосифа Сталина, Вячеслава Молотова и Льва Михайлова (его вскоре сменил Валериан Куйбышев).

Сталин стал первым секретарем вместо Молотова по настоянию Зиновьева и Каменева. Сталин был врагом Троцкого, против которого они вели яростную борьбу. В Сталине они видели своего верного соратника.

Политбюро очень скоро превратилось в настоящее правительство, упорядочившее дело государственного управления. Власть все более сосредотачивалась в руках партии, хотя само управление по-прежнему осуществлялось через исполнительные органы советов разных уровней.

С 1922 года формированием аппарата ЦК, краевого и губернского партийного руководства занималось Оргбюро ЦК, которым руководил Молотов.

Секретари краевых и губернских партийных бюро играли первые роли в системе власти на периферии. Именно они были хозяевами положения, а не председатели краевых и губернских исполкомов советов. С самого начала господства большевиков вместо «власти советов» реально существовала «власть партийных секретарей».

В марте 1920 года X съезд РКП(б) принял резолюцию о том, что борьба фракций якобы угрожает единству партии. Поэтому съезд постановил распустить все без исключения группы, образовавшиеся в партии на любой платформе, и запретить фракционную борьбу

как таковую. В результате власть Политбюро в партии стала абсолютной. А в нем самом развернулась жестокая борьба за политическое наследство Ленина, который вследствие прогрессирующей болезни головного мозга (на почве наследственного сифилиса) все больше отходил от дел.

Зиновьев при поддержке Каменева пытался занять место лидера, считая, что Политбюро уже у него в руках. Сталин и Молотов думали иначе. Политбюро избирают члены ЦК. Кто держит в руках ЦК, тот выбирает Политбюро так, как считает нужным. Поставьте всюду своих секретарей крайкомов и губкомов, и большинство съезда будет ваше, а съезд избирает ЦК. Так можно регулировать избрание ЦК и, соответственно, Политбюро.

Зиновьев и Каменев не хотели этого видеть. Их настолько поглотила война с Троцким и грызня внутри ЦК, что они не обращали внимания на скрупулезную работу Сталина и Молотова по подбору своих людей в аппарат партийных органов.

Победа над Троцким

В начале 1920-х годов на небосклоне советской иерархии сияли две звезды: Ленин — создатель и руководитель партии, и Троцкий — создатель и руководитель Красной армии. Троцкий одновременно занимал две должности: председателя Реввоенсовета республики и наркома по военным и морским делам.

Ближайшими помощниками Ленина в тот период были Зиновьев, Каменев и Троцкий. К Сталину он относился сдержанно. Особые революционные заслуги имел только Троцкий. Зиновьев и Каменев в октябрьском перевороте 1917 года не участвовали. Сталин после февральской революции, вопреки Ленину, отстаивал политику поддержки Временного правительства и продолжения участия России в мировой войне.

Ленин, предвидя усиление борьбы в партии за лидерство, в марте 1922 года обратился ко всем членам ЦК с предостережением, в котором писал:

«...в настоящее время (...) политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией».

Он предупреждал:

«...достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое и авторитет его будет если не подорван, то, во всяком случае, ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него».

Сталин хорошо запомнил предупреждение Ленина и взял его на вооружение. В дальнейшем он изображал споры и дискуссии между руководящими деятелями партии, имевшими разные взгляды на пути решений насущных проблем страны, как проявление внутрипартийной борьбы, приклеивал им ярлыки антипартийной и даже антисоветской деятельности.

И Троцкий, и Зиновьев, и Каменев смотрели на Сталина как на серого провинциала, назначенного для исполнения технической работы. Его притязания на нечто большее казались им тогда смешными, ибо не были подкреплены ни настоящей школой работы в подполье, ни талантом, ни интеллектом. Его просто не принимали всерьез.

Только Ленин видел диктаторские замашки Сталина, его склонность к интригам, зависть к тем партийным деятелям, чьи заслуги перед революцией, следовательно — авторитет в партии — были выше, чем у него. Поэтому 4 января 1923 года Ленин обратился с письмом к предстоящему XII съезду партии с предложением об устранении Сталина с поста генерального секретаря. Но делегаты съезда к совету своего вождя не прислушались. Особенно рьяно выступили против этого предложения Зиновьев и Каменев, которые больше всего боялись усиления позиций Троцкого.

Зиновьев люто ненавидел Троцкого. Корни их неприязненных отношений уходили в 1919 год, к дням обороны Петрограда от войск Юденича. Каменев личной неприязни к Троцкому не питал. Он просто всегда следовал за Зиновьевым. Сталин испытывал к Троцкому смешанные чувства зависти, страха и ненависти. Он завидовал его авторитету вождя революции и создателя Красной армии, боялся огромной популярности в партии и народе, ненавидел как первого среди претендентов на роль лидера партии после Ленина.

Суть борьбы между Сталиным и Троцким заключалась в схватке за власть в партии и в государстве. Каждый из них пытался повергнуть противника. Но внешне оба делали вид, будто бы происходит схватка идей, и что от того либо иного решения спорных вопросов зависит судьба революции, партии, государства. Формально все споры между ними были связаны с противоречием между теорией Троцкого о «перманентной мировой революции» и сталинским планом «построения социализма в одной отдельно взятой стране».

Троцкий, развивая идею «перманентной революции» (предложенную Парвусом) рассматривал Россию как базу для подготовки революции в других странах. Он утверждал, что в одиночку «красная» Россия не устоит перед натиском остальных капиталистиче-

ских стран, которые обязательно постараются свергнуть власть большевиков. Ленин это мнение поддерживал. Сталин же после провала в 1920 году похода Красной армии в Польшу оценивал перспективы мировой революции довольно скептически.

К январю 1923 года ведущую роль в Политбюро ЦК РКП(б) играли Зиновьев, Каменев и Сталин. «Главным» среди них считался Зиновьев, возглавлявший одновременно Исполком Коминтерна. Каменев фактически заменял больного Ленина как руководителя Совнаркома и председателя Совета Труда и Оборона. Сталин руководил Секретариатом ЦК партии, и на первую роль еще не претендовал. Он был поглощен созданием послушного аппарата, иначе говоря, готовил основу для будущей победы в борьбе за власть. А пока представлял коллегам по «правлящей тройке» возможность вести политическую дискредитацию Троцкого.

Сталин бороться с Троцким в одиночку просто не мог. Не тот уровень интеллекта, не те способности оратора и публициста, не та популярность в партии. Зато он обладал железной волей и непреклонной целеустремленностью.

Сталин понял: чтобы занять вершину пирамиды власти, надо располагать большинством в ЦК. Чтобы добиться этого, надо получить большинство на съезде, избирающем ЦК. А для этого — получить «свое» большинство делегаций на съезд от республиканских, губернских и краевых партийных организаций. А там членов этих делегаций подбирают руководители местного партийного аппарата. Следовательно, надо повсюду сделать руководителями таких организаций своих людей.

Именно этим и занимался Сталин вместе с ближайшими помощниками — Молотовым и Кагановичем, вторым и третьим секретарями ЦК. Через выездных инструкторов они подбирали на местах подходящих, лично им преданных людей, помогали им делать политическую карьеру в периферийных партийных организациях. Затем по рекомендации ЦК, то есть Сталина, этих людей избирали делегатами на съезды партии, обеспечивая генеральному секретарю большинство при решении интересующих его вопросов.

Сталин под предлогом «демократизации» провел решением XIV съезда партии (в декабре 1925 г.) увеличение численности ЦК более чем в два раза, в основном — за счет своих сторонников. Кроме того, ему удалось организовать перевод из кандидатов в члены Политбюро своих «шестерок» Ворошилова, Молотова и Калинина, чем укрепил собственные позиции и в Политбюро.

В отличие от Сталина, Зиновьев и Каменев по-прежнему делали ставку на мировую революцию, то есть насильственное продвижение ее на Запад. При этом они предлагали осуществить ускоренную индустриализацию СССР (с целью создания мощной военной промышленности) за счет беспощадного выколачивания средств из крестьян. Эту идею Сталин перенял именно от них.

В 1924 году, сразу после смерти Ленина, Сталин вместе с Зиновьевым и Каменевым, напуганные огромной популярностью Троцкого, объявили так называемый «ленинский призыв» в партию. В результате в партию хлынула масса рабочих и служащих, не участвовавших ни в революции, ни в Гражданской войне. В этом потоке преобладали приспособленцы, карьеристы, всякого рода проходимцы, желавшие с помощью партбилетов хорошо устроить свою жизнь. Эта масса новых партийцев наполнила низовые звенья партийно-государственного аппарата.

Сталин, хотя и укрепил свое положение в Секретариате и Оргбюро ЦК, однако еще не мог блокировать решения Политбюро ЦК. Поэтому он создал настоящую фракцию для борьбы с Троцким — так называемую «семерку», в которую вошли шесть членов Политбюро и Председатель Центральной контрольной комиссии (Куйбышев). «Семерка» собиралась раз в неделю и предварительно обсуждала основные вопросы, а затем на официальном заседании Политбюро, уже с участием Троцкого, разыгрывала спектакль по согласованному сценарию. Таким образом, Сталин и его сторонники сами встали на путь фракционной борьбы в партии, официально запрещенной.

К концу 1924 года позиции Троцкого в партии и в Коминтерне существенно ослабли. Но к тому времени и в правящей тройке возникли трещины. Зиновьев и Каменев, заметив рост влияния Сталина в партии, стали сначала завуалировано, а затем явно бросать ему вызов как руководителю партийного аппарата, и одновременно Бухарину, как выразителю партийной идеологии и политики.

В ответ Сталин в начале 1925 года стал заигрывать с Троцким, вынудив Зиновьева и Каменева защищаться в весьма невыгодных условиях. Им пришлось пойти на сговор со своим недавним противником Троцким, что повлекло их изоляцию как в ВКП(б), так и в Коминтерне.

Однако альянс недавних союзников (Сталин — Зиновьев — Каменев) распался не сразу. По некоторым вопросам они продолжали действовать в одном направлении. Такова была логика фракцион-

ной борьбы, в которой Сталин оказался мастером интриги и переиграл всех своих противников.

Троцкий выступал за продолжение фракционной борьбы мнений. Он напоминал, что решение о запрете фракций X съезд партии принял в условиях политического и экономического кризиса в стране, и утверждал, что фракционность в форме дискуссий является залогом развития партии. Сталин же и его приверженцы превратили запрещение фракций в инструмент завоевания власти, в абсолютное условие. Фактически они ставили каждого партийца перед альтернативой: либо подчиняться решениям ЦК и Политбюро, либо оказаться вне партии.

В январе 1925 года пленум ЦК РКП(б) рассмотрел статью Троцкого «Уроки Октября» и объявил ее антибольшевистской платформой нового течения — «троцкизма». На Троцкого обрушилась вся партийная пресса. Кампанию открыл Зиновьев статьей «Большевизм или Троцкизм». За ним последовал Каменев со статьей «Ленинизм или Троцкизм». Появились также статьи Сталина, Молотова и других руководящих работников партии. В них Троцкому приписывали все действительные и мнимые погрешности.

С того времени вошли в обиход термины «троцкизм» и «троцкист». В недалеком прошлом мы часто их слышали. Троцкизму были посвящены большие статьи во всех советских энциклопедических изданиях, в которых ничего нельзя было понять.

Что же такое «троцкизм» и «троцкисты»? Очень просто. Троцкистом стали называть любого коммуниста, несогласного со взглядами и действиями Сталина.

Устранение потенциального «Бонопарта»

В том же январе 1925 года Сталину удалось решением пленума ЦК убрать Троцкого с поста председателя Реввоенсовета СССР. Это лишило его возможности опоры на командные кадры РККА, среди которых у него было много сторонников. Вместо Троцкого наркомом по военным и морским делам еще в марте 1924 года был назначен Михаил Фрунзе (ранее занимавший пост начальника штаба РКА), а в январе 1925 он возглавил и РВС.

У Фрунзе за спиной были два смертных приговора, восемь лет каторги и бегство из сибирской ссылки. Он прославился разгромом Колчака и Врангеля, успехами на фронтах в Средней Азии. Фрунзе немедленно упразднил политкомиссаров, ввел в армии единоначалие, в кратчайший срок перетасовал командные кадры. Одновременно в Реввоенсовет СССР были введены И. Уншлихт, А. Бубнов,

К. Ворошилов и М. Буденный, которые тоже ненавидели Троцкого. Заместителем Фрунзе Сталин назначил своего человека — Ворошилова.

А когда утихли политические страсти, связанные со снятием Троцкого, Сталин убрал со своего пути и Фрунзе. Сталин хорошо знал, что Фрунзе имеет огромный авторитет и в партии, и в армии, поэтому видел в нем своего конкурента. Со своей «колокольни» он вполне адекватно уяснил ситуацию. Уже немало авторов высказали в разное время мнение о том, что Фрунзе потихоньку готовил в стране военный переворот, а себя — на роль «спасителя нации».

Устранить столь популярного человека было не просто. Сталин придумал для этого поистине иезуитский ход. У Фрунзе была застарелая язва желудка. Летом 1925 года он дважды попадал в автомобильные аварии, в результате которых получил сильные ушибы ноги, руки и головы. Это повлияло на желудок, началось кровотечение. К осени язва зарубцевалась, но Сталин, якобы «заботясь» о здоровье своего «друга», добился того, что Политбюро специальным решением обязало Фрунзе сделать операцию! Тот не хотел ее делать, но подчинился решению Политбюро.

Подготовкой операции занимались некий Каннер, секретарь Сталина, очень темная личность, и его друг — врач Погосянц. Все прошло по заранее продуманному сценарию. При операции Фрунзе дали в качестве анестезии большую дозу хлороформа, которого его организм вообще не выносил. В итоге Фрунзе скончался 1 октября 1925 года на операционном столе. Врачебная экспертиза при вскрытии тела после смерти показала, что язва давно затянулась, в операции он не нуждался. Жена Фрунзе вскоре после этого застрелилась. Сына Тимура взяла к себе семья Ворошилова. В 1942 году он погиб на фронте.

Так Сталин избавился еще от одного соперника в борьбе за власть. Он был гением интриги и подлинным мастером избавления от недругов.

А за три месяца до смерти Фрунзе, в ночь на 6 августа 1925 года, в окрестностях Одессы при загадочных обстоятельствах был убит член ЦИК СССР, Украины и Молдавии, выдающийся полководец Гражданской войны, командир 2-го конного корпуса Григорий Котовский — кавалер трех орденов Красного знамени.

Котовский командовал одним из самых крупных и важных соединений РККА, являлся членом Реввоенсовета СССР. Фрунзе высоко ценил военный талант Котовского. Известно, что он предлагал

ему пост наркома по военным и морским делам. Котовский пользовался большой популярностью в армии и в народе.

Кто организовал убийство Котовского? Несомненно, то же лицо, которое стремилось устранить Фрунзе. Ведь их тандем был абсолютно неуязвим. Уничтожение этих двоих выдающихся военачальников открыло бесконечную череду политических убийств неугодных Сталину партийных и военных деятелей.

После смерти Фрунзе и Котовского Сталин выдвинул на пост председателя РВС Климента Ворошилова (1881—1969), в то время командовавшего Московским военным округом. Этот бывший слесарь из Луганска в годы Гражданской войны никаких успехов на военном поприще не добился. Все рассказы о его «выдающихся» достижениях являются вымыслами сталинских пропагандистов. Зато Ворошилов был полностью предан Сталину.

Разгром «новой оппозиции»

Николай Бухарин (1888—1938), которого Ленин называл «главным теоретиком» и «любимцем партии», к 1925 году занимал сразу три высших поста. Он был членом Политбюро ЦК ВКП(б), редактором газеты «Правда» — центрального печатного органа партии, членом Исполкома Коминтерна.

Бухарин имел массу сторонников. В партии существовала так называемая «школа Бухарина», объединявшая его сторонников из числа выпускников Института красной профессуры, Коммунистической академии и других «кузниц партийных кадров». Без него и его сторонников одолеть таких интеллектуалов, как Троцкий, Зиновьев и Каменев, Сталин не мог, несмотря на созданный им аппарат партийных чиновников.

Поэтому он вступил в коалицию с Бухариным. Опираясь на своих сторонников, они принимали важнейшие решения по вопросам внешней и внутренней политики страны, а делегация ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна проводила их в жизнь в международном коммунистическом движении.

До 1925 года Сталин делами Коминтерна серьезно не занимался. Но он прекрасно понимал — чтобы прослечь «наследником Ленина», недостаточно руководить своей партией и страной. Надо еще стать признанным вождем мирового коммунистического движения. Вот почему с весны 1925 года Сталин стал активно участвовать в его работе. Одновременно он создал в своем личном Секретариате специальный сектор для контроля работы Исполкома Коминтерна (ИККИ). Кто входил в состав этого сектора, до сих пор остается тай-

ной. Но совершенно ясно, что его сотрудники собирали «компромат» на всех руководителей Коминтерна.

Между Сталиным и Бухариным сложилось определенное распределение обязанностей. Сталин занимался организационными вопросами в партии и стране, Бухарин — вопросами теории марксизма и политики Коминтерна. В таких условиях Сталину и Бухарину пришлось скрывать свои разногласия. Хотя на многие политические и экономические вопросы они смотрели по-разному, временно их противоречия отошли на второй план. Главным для себя они считали борьбу с «левой объединенной оппозицией». В тот период казалось, что Сталин сам превратился в убежденного «правого». По крайней мере, тогда был заметен явный поворот партийной и государственной политики «вправо».

Летом 1925 года, разуверившись в возможности немедленной революции на Западе, Сталин в своем выступлении на V Расширенном Пленуме ИККИ выдвинул лозунг о «построении социализма в одной, отдельно взятой стране».

В этом докладе и ряде других выступлений Сталин заявлял, что надежд на самостоятельные восстания пролетариата в капиталистических странах Европы нет. Поэтому надо создать в СССР мощные вооруженные силы, оснащенные по последнему слову техники, а за его пределами развернуть через Коминтерн сеть тайной агентуры, опирающейся на местные компартии. Затем в удобный момент (когда «капиталисты передерутся между собой») организовать в тех или иных странах революционные выступления пролетариата и под видом помощи братьям по классу осуществлять прямую военную интервенцию. Соответственно, чтобы реализация такого плана стала возможной, необходимо как можно быстрее превратить Советский Союз из аграрной страны в индустриальную.

Зиновьев тоже признал, что коммунисты в своей оценке перспектив и сроков мировой социалистической революции допустили ошибку. В Европе, вопреки прежним прогнозам, произошла относительная стабилизация капитализма. Возможность скорой революции исчезла. Так был внесен корректив в первоначальную установку Коминтерна на неизбежность мировой революции в ближайшем будущем.

В декабре 1925 года в Москве прошел XIV съезд партии большевиков. Зиновьев на этом съезде выступил с докладом по отчетному докладу ЦК. Он открыто критиковал Сталина, его методы руководства партией, предлагаемые им пути развития народного хозяйства страны. Именно в ходе дискуссии по этому вопросу за сторонни-

ками Зиновьева и Каменева (Г.Е. Евдокимов, П.А. Залуцкий, С.С. Зорин, А.С. Куклин, М.М. Лашевич, И.К. Наумов, Г.И. Сафаров, Г.Я. Сокольников, М.М. Харитонов и другие) закрепилось название «новой оппозиции».

Принципиальных различий между сторонниками «новой оппозиции» и «истинными большевиками», как называли себя сторонники Сталина, не было. Однако «новая оппозиция», выступая с критикой деятельности Сталина, предлагала сместить его с поста генсека ЦК. Поэтому Сталин усмотрел в действиях Зиновьева и его сторонников опасность лично для себя. Он мобилизовал все силы, чтобы расправиться с ними.

25 декабря 1925 года Сталин изложил на съезде свою теорию построения социализма в «отдельно взятом» СССР, ранее представленную в Коминтерне. Тогда же съезд одобрил курс на индустриализацию страны как генеральную линию партии. Правда, для этого требовались огромные средства, которые отсутствовали в бюджете.

Троцкий и «новая оппозиция» выступили против этого решения, но потерпели сокрушительное поражение. Резолюцию ЦК поддержали 559 делегатов, а резолюцию «новой оппозиции» только 65 (11,4 %). Сталинская политика «подбора и расстановки кадров» дала весьма ощутимый результат.

Съезд осудил «новую оппозицию», но пока тем и ограничился. Окончательную расправу с ней Сталин отложил на будущее.

В январе 1926 года на пленуме ЦК ВКП(б) Сталин провел решение о переводе Каменева из членов Политбюро в кандидаты, а также о снятии его с постов заместителя председателя Совнаркома и председателя Совета труда и обороны СССР. Он остался лишь председателем ИККИ. С этого момента Сталин стал бороться с Зиновьевым, сначала осторожно, затем все более наглядно и, наконец, перешел в открытую драку с ним за овладение ИККИ.

В июле 1926 года очередной пленум ЦК рассмотрел и осудил фракционные действия лидеров «новой оппозиции» Зиновьева и Каменева. Этот пленум вывел Зиновьева из состава Политбюро, а следующий (в октябре того же года) устранил с поста председателя Исполкома Коминтерна. На том же пленуме Троцкого вывели из Политбюро, а Каменева — из кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б). В результате всех этих перестановок руководителем Коминтерна стал Николай Бухарин.

Летом того же года сторонники Троцкого, Зиновьева и остатки других оппозиционных групп объединились в единый блок на основе платформы Троцкого. Тогда в ноябре 1927 года Сталин и Буха-

рин на совместном заседании ЦК и ЦКК ВКП(б) добились исключения Троцкого, Зиновьева и Каменева из партии. Вот так Троцкий потерпел окончательное поражение в борьбе за власть. Его политическая карьера в СССР завершилась.

Сталин немедленно организационно закрепил совершенный им переворот. В декабре 1927 года на XV съезде партии, опираясь на «своих делегатов», он убрал с руководящих постов 98 своих активных противников (75 из «новой оппозиции», 23 из группы Т. Сапронова), некоторых даже исключили из партии. Сразу началась чистка партийно-государственного аппарата, в том числе армии и органов госбезопасности от сторонников «новой оппозиции» и «сапроновцев».

Разгром «правого уклона»

Итак, в ходе борьбы с Троцким и «новой оппозицией» Сталин поддержал позицию «правых». И сразу же резко изменил курс. В декабре 1927 года он без малейшего смущения принял тезисы Троцкого, Зиновьева и Каменева, которые сам еще вчера осуждал. Теперь уже и он выступил за ускоренную индустриализацию и насильственную коллективизацию. Под его давлением XV съезд ВКП(б) принял соответствующее решение. Правда, это решение пока осталось только на бумаге. Но лозунг был сформулирован.

В начале 1928 года при обсуждении положения в народном хозяйстве, в связи с трудностями, возникшими в развитии промышленности и заготовках хлеба, в ЦК начались споры о методах решения назревших проблем. Бухарин и его сторонники считали, что темпы индустриализации непомерно завышены. Бухарин вполне обоснованно заявлял:

«Темп развертывания нашей промышленности по сравнению с капиталистическими странами неслыханно высок. (...) Пятилетний план нереален. (...) Из кирпичей будущего нельзя строить настоящие фабрики, темпы надо сузить (...) Коллективные хозяйства это (...) не столбовая дорога, не главный путь, по которому крестьянство придет к социализму».

Бухаринцы доказывали, что основой для развития общества по пути социализма является союз рабочего класса с крестьянством. А главную ставку в сельском хозяйстве надо делать на развитие высокоотоварных частных хозяйств («фермерских», как сказали бы сейчас). Они утверждали что курс, предлагаемый Сталиным (ставка на чрезвычайные меры при проведении индустриализации и коллек-

тивизации) политически опасен, экономически губителен и в основе своей, как опирающийся исключительно на методы принуждения, несовместим с социализмом.

Их собственный план индустриализации основывался на продолжении НЭПа, на двойственной (государственно-частной) экономике с рыночными отношениями между государственной промышленностью и частным крестьянским хозяйством, на принципах гражданского мира в обществе, на постепенном характере реформ. По всем этим позициям «бухаринцы» и «сталинисты» придерживались диаметрально противоположных взглядов. Сталин не только повторил обвинения, ранее предъявленные Бухарину «новой оппозицией», но и придал им характер политических обвинений. Он назвал идеи группы Бухарина «правым уклоном» в партии.

Группа Бухарина представляла собой серьезную силу, с которой Сталину приходилось считаться. Трое ее лидеров (Бухарин, Рыков и Томский) были членами Политбюро. Николай Угланов являлся членом Оргбюро ЦК и кандидатом в члены Политбюро, а также секретарем Московского горкома и членом ЦК. Кроме того, Алексей Рыков был председателем Совнаркома СССР и РСФСР, Михаил Томский возглавлял профсоюзы, Михаил Фрумкин являлся заместителем наркома финансов.

Однако в Политбюро к тому времени одни влиятельные члены были исключены, другие опорочены. Сталин понял, что настал удобный момент для захвата власти. Он объединил в Политбюро вокруг себя лично преданных ему членов этого органа — Молотова, Кагановича, Ворошилова и Калинина. Отныне именно эта «пятерка» вырабатывала решения по важнейшим вопросам внутренней и международной политики, а затем их предложения формально утверждал полный состав Политбюро. Так высший руководящий орган партии превратился в совещательный орган при генеральном секретаре ЦК. Сталин стал единоличным правителем в партии и государстве.

Но правитель — еще не вождь. Чтобы утвердиться в этом качестве, требовалось признание вождем международного коммунистического движения. Поэтому Сталин уже вплотную занялся Коминтерном. Он хотел иметь со стороны руководства Коминтерна надежную поддержку очередному повороту своей внутренней политики. Иными словами, он требовал от ИККИ полной покорности. Началась чистка аппарата ИККИ. На замещение освободившихся мест сотрудники личного секретариата Сталина специально подбирали людей послушных, услужливых и преданных лично ему. Всемирные

конгрессы Коминтерна мешали Сталину. Поэтому промежутки между ними с каждым разом увеличивались. А заседания руководящих органов Коминтерна проходили уже в кабинете генсека.

К лету 1928 года Бухарин понял, что Сталин «выдавливает» из партийных органов всех уровней «старых большевиков», соратников Ленина, и фактически создает собственную партию — партию Сталина. Забыв о недавних расправах, он стал искать понимания у своего бывшего противника Каменева.

Сталин, узнав о контактах между ними, пришел в дикую ярость. Он принял немедленные контрмеры. Троцкого отправили в ссылку в Алма-Ату, более 30 его наиболее активных сторонников выслали из Москвы*. Зиновьева и Каменева выслали в Калугу.

Все эти события стали репетицией будущих фальсифицированных политических процессов. Сталин хотел посмотреть, как его действия воспримут в партии и в обществе. Что ж, и партийцы, и рядовые граждане безмолвствовали.

К концу 1928 года Сталин открыто отрекся от своих недавних соратников по борьбе с «левой объединенной оппозицией», уже разгромленной с их помощью и объявил им войну, назвав ее борьбой с «правым» уклоном. Теперь в прицеле маячил Бухарин со своими сподвижниками.

Сталин дрался за абсолютную власть. А суть такой власти — насилие. Но над кем? Главными врагами Сталина стали инакомыслящие, не адаптирующиеся к новому режиму, создаваемому им. В первую очередь — старые большевики. Они мозолили ему глаза. Их трудно было обвинить во вредительстве и шпионаже. И тогда он придумал своим личным недругам другое обвинение: каждого, кто не был с ним согласен, обвинял в «троцкизме».

Он уже объявил всему народу, что Троцкий выступает против партии. Следовательно, его сторонники выступают не только против партии, но и против советского народа (ведь партия — его авангард, не так ли?) Дальше шла расшифровка, что это означает: они вредители, шпионы, террористы, пособники и агенты империали-

* Тогда Сталин не решился на физическое устранение Троцкого. В 1929 году он выслал его за границу. Но в марте 1939 года Сталин приказал убить своего давнего соперника. 20 августа 1940 года агент НКВД «Раймонд» (испанский коммунист Рамон Меркадер) убил Троцкого в Мексике, куда тот перебрался. Это убийство (операция «Ута») организовал сотрудник советской внешней разведки Наум Эйтингон при содействии видного деятеля мексиканской компартии, известного художника Давида Сикейроса.

стов. Немного позже, с легкой руки восходящей звезды сталинского аппарата Маленкова этой категории людей приклеили другой ярлык, более понятный простым людям — «враги народа». Он надолго укрепился в массовом сознании.

В конце 1928 года на VI конгрессе Коминтерна «гвоздем программы» стало устранение Бухарина от политического руководства Коминтерном. Сталин остался при этом в тени. На конгрессе он даже не появился.

Немедленно после этого Сталин развязал кампанию идеологического террора против всех бухаринцев, а также против НЭПа, названного им «прогнившим либерализмом». Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 года осудил идеи «правых» о путях, методах и темпах построения основ социализма. Пленум обвинил Бухарина, Рыкова и Томского во фракционной деятельности и принял решение об освобождении их всех от занимаемых должностей*. В конце того же месяца состоялась XVI всесоюзная партконференция, на которой Сталин развил и закрепил свой успех.

«Я вас всех имел в виду...»

Из партийных верхов борьбу с «правым уклоном» партаппарат немедленно перенес в низовые организации. Критически мыслящих большевиков сотнями исключали из партии.

Так, ловко маневрируя большинством в ЦК ВКП(б), опираясь на созданный им и верный ему бюрократический партаппарат, Сталин успешно бил своих политических противников группами и по одиночке. И это несмотря на то, что интеллектуально они были выше него, да и численно превосходили его группу. Но сталинская фракция была лучше организована, и действовала бесчестными методами. Все это обеспечило ей победу.

С 1929 года в партии и в стране установился террористический режим партийного аппарата во главе с единоличным руководителем — Сталиным.

* Томский застрелился в 1936 году, Рыкова, Бухарина и Фрумкина казнили в 1938.

Фальсификация «антисоветских организаций»

Итак, по признанию самого Сталина, с организованной оппозицией в стране было покончено. Между тем народное возмущение быстро возрастало, особенно в деревне. Насильственная коллективизация, лишившая крестьян земли, за которую они воевали в Гражданскую войну, фактически означала контрреволюционный переворот, который Сталин и его приспешники осуществляли под прикрытием лозунгов строительства социализма в деревне.

Неумелое планирование, административный нажим, поголовная некомпетентность руководителей, отсутствие квалифицированных кадров привели к провалам в экономике и сельском хозяйстве. Это вызывало недовольство голодного народа и резкий ропот в партии.

Сталин отреагировал стремительно. Как всегда, собственные ошибки он списал на других. А все экономические провалы пропаганда объясняла повальным вредительством враждебных элементов и недобитых классовых врагов, направляя недовольство народа на честных специалистов.

В апреле 1929 года XVI партконференция одобрила первый пятилетний план. Ныне специалисты считают, что он завышал реальные возможности страны как минимум на 25 %. Против явно завышенных показателей плана были настроены многие. Одним из первых выразил свое несогласие председатель Совнаркома РСФСР С. Сырцов, его темпераментно поддержал В. Ламинадзе. Они не были согласны с генсеком и сказали ему это в лицо. Но, чтобы скрыть от партии суть их возражений, Сталин объявил о раскрытии... «террористической группы Сырцова, Ламинадзе, Шацкина и Стэна». Всех их арестовали и расстреляли, только Ламинадзе, предвидя свою судьбу, сумел застрелиться.

Очередной пленум ЦК ВКП(б) осенью 1929 года направил директиву партийным организациям всех уровней с указанием — искать вредителей во всех отраслях экономики. На протяжении двух лет страну сотрясали громкие компании разоблачения «вредителей» в промышленности, в сельском хозяйстве, снабжении и т.д.

Один за другим следовали фальсифицированные процессы: «Шахтинское дело», «Дело Промпартии», Дело «Союзного бюро ЦК меньшевиков», «Дело Трудовой крестьянской партии» и другие. Подсудимых по этим делам обвиняли во вредительстве, саботаже и в содействии в подготовке вооруженного нападения на СССР. Жестким психологическим давлением и избиениями у них вырывали

«признания», после чего следовали приговоры якобы «независимых» судов.

В июле 1930 года состоялся XVI съезд партии. Один из его участников (Христиан Раковский), критически настроенный по отношению к Сталину, опубликовал за границей следующее мнение о съезде:

«Задача съезда заключалась в том, чтобы своим авторитетом он укрепил организационные «достижения» сталинской фракции, закрепил аппарат над партией, сталинскую группу над аппаратом и самого Сталина, как признанного вождя, который венчает всю аппаратную машину, удобно обосновавшуюся на шее партии...

Этот съезд явился одним из важнейших этапов на пути дальнейшей (если это только возможно) бонапартизации партии. От решения политических вопросов устранена не только партия, но оно не доверяется уже и тщательно профильтрованному и подобранному съезду. Безоговорочное одобрение задним числом, лишенной всякого конкретного содержания генеральной линии, не может означать ничего иного, как столь же безоговорочного одобрения наперед любой политики, любого поворота, в любую сторону».

/«Бюллетень оппозиции». 1931 г. № 25—26, с. 9—10./

В 1932—33 гг. в СССР начался голод. Крестьяне умирали сотнями тысяч. А в это же время по указанию Сталина, утвержденному Политбюро, хлеб вывозился за границу. Индустриализация требовала больших денег. Расплачиваться пришлось крестьянам. В стране произошло более двух тысяч разрозненных вооруженных выступлений против принудительной коллективизации. Это вынудило Сталина срочно опубликовать программную статью «Головокружение от успехов». Виновными в перегибах, естественно, он объявил в ней местных руководители. Последовали новые репрессии.

Бухарин и его соратники осудили политику насилия в деревне. Сталину требовалась поддержка Московского комитета ВКП(б). Он предложил Мартемьяну Рютину, секретарю Краснопресненского райкома партии, члену Московского горкома и Президиума ВСНХ выступить против Бухарина. Рютин не только отказался, но и написал обращение «Ко всем членам ВКП(б)», в котором обвинил Сталина в узурпации власти и «извращении ленинизма». Немедленно Рютин арестовали и казнили.

Но оппозиционные настроения существующему режиму, несмотря на постоянные репрессии, не утихали. В большинстве случаев они исходили из среды партийной интеллигенции. Так, в 1932 году В.Н. Каюров создал нелегальный «Союз марксистов-ленин-

цев». ГПУ раскрыло эту группу. Последовали аресты, все 24 члена организации были репрессированы.

В январе 1933 года по указанию Сталина объединенный пленум ЦК и ЦКК осудил видных партийцев А.П. Смирнова, В.Н. Толмачева и Н.Б. Эйсмонта. Их «преступление» состояло в том, что они в тесном дружеском кругу говорили о возможности замены Сталина на посту генерального секретаря партии другим политическим лидером. Это крамольное высказывание стоило им жизни.

XVII съезд и устранение Кирова

Незадолго до начала XVII съезда партии Серго Орджоникидзе собрал у себя на квартире тайное совещание группы «старых большевиков». На нем присутствовали Киров, Микоян, Петровский, Постышев, Шеболдаев, Шандорович, Эйхе и некоторые другие члены ЦК. Участники совещания решили внести предложение съезду об освобождении Сталина с поста генерального секретаря ЦК. Они хотели перевести его на пост председателя Совнаркома СССР, а Кирова избрать генеральным секретарем ЦК.

Выбор этот не был случаен. Киров играл в Политбюро заметную роль и пользовался в партии большим авторитетом. Он выступал против массовых репрессий, примирительно относился к другим мнениям своих товарищей по партии. Но на предложение участников совещания заменить Сталина на посту генсека Киров ответил категорическим отказом.

Узнал о совещании и Сталин. Узнал и затаил злобу на всех, кто участвовал в этой сходке. Их дальнейшая участь была предопределена. Сталин никогда ничего не забывал и никогда ничего никому не прощал.*

26 января 1934 года в Москве открылся XVII съезд ВКП(б). Его работа продолжалась две недели, до 10 февраля.

Еще раньше Каганович подал Ежову идею использовать органы ГПУ для контроля за ходом подготовки и за самим съездом, чтобы предотвратить создание фракций оппозиции. Ежов понял, что это предложение исходит от Сталина и разработал план мероприятий, в соответствии с которым сотрудники ГПУ негласно следили за процедурой голосования и за подсчетом голосов. Уже на съезде Ежова

* Следует отметить в данной связи, что уцелел только А.И. Микоян (1895—1978), единственный из 27-и бакинских комиссаров, арестованный, но не расстрелянный в 1919 году. Приходит на ум мысль, что Орджоникидзе плохо разбирался в товарищах по партии.

избрали председателем Мандатной комиссии. 1 февраля он доложил съезду о результатах работы комиссии.

На выборах нового состава ЦК против Сталина были поданы 300 голосов, а против Кирова только 3. Это показало значительный потенциал сопротивления сталинскому руководству. Только посредством аппаратных махинаций и подтасовок Сталину удалось сохранить за собой пост генерального секретаря ЦК ВКП(б).

По настоянию Сталина съезд избрал членами нового ЦК будущих палачей советского народа Николая Ежова и Лаврентия Берия, а кандидатами в члены ЦК работников своего секретариата Льва Мехлиса, Николая Поскребышева и Бориса Двинского.

Подлинные результаты выборов, о которых Сталину доложили председатель счетной комиссии съезда Затонский и уполномоченный Политбюро в этой комиссии Каганович, стали для него сигналом опасности. Сталин дал им указание уравнивать число голосов, поданных за Кирова и за него — Сталина. При этом он заявил, что неважно то, как голосуют, а важно как подсчитывают результаты голосования.

Выборы нового состава ЦК убедили Сталина в том, что в партии зреет мощная оппозиция лично ему, и он решил нанести по ней упреждающий удар.

На XVII съезде партии Сталин весьма нелестно отозвался о старых партийных кадрах:

«Эти люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков... Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов... Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на заслуги в прошлом. Их надо смещать с понижением по должности и публиковать об этом в печати. Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож — бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину во всей нашей работе».

Действительно, на руководящих постах в партии и государстве было немало таких «вельмож», к тому же малограмотных и некомпетентных. От них действительно следовало избавиться. Но Сталин преследовал другую цель. Он стремился укрепить свою единоличную власть.

Он не опасался своего ближайшего окружения. Это были его ставленники, всецело обязанные ему и высоким положением, и не-

померно раздутой славой. Они крепко держались за Сталина, понимая, что без него они ничто.

Сталина беспокоили другие партийные функционеры. Те, кто не были склонны безропотно во всем потакать ему, имели собственное мнение и при определенных условиях могли открыто выступить против него. Эти люди хорошо знали истинную роль Сталина в создании партии большевиков, в подготовке революции, в Гражданской войне. Сталин хотел избавиться именно от таких партийных деятелей. Ему нужны были люди без прошлого, такие, которых он сам подобрал и поднял на высоты власти. Они смотрели на него только снизу вверх, без колебаний исполняли любые его приказы.

С конца 20-х годов ближайшими сподвижниками Сталина были Молотов, Каганович, Ворошилов и Калинин. Двое последних — полные ничтожества, одобрявшие все действия Сталина и беспрекословно их выполнявшие. Эти сталинские марионетки в Политбюро обеспечивали Сталину большинство при голосовании по любому вопросу.

Другое дело Молотов и Каганович. Их роли в секретариате ЦК распределялись следующим образом: Сталин ставил задачу, Каганович разрабатывал подробный сценарий, Молотов проводил его в жизнь.

После XVII съезда партии Сталин взмог на вершину власти. Как противники, так и соперники были разгромлены политически и организационно. Они признали свое поражение и утратили политическое влияние. Культ вождя расцвел в полную силу. Весь пропагандистский аппарат партии был брошен на восхваление «гения». Здравницы и ссылки на его высказывания стали обязательным атрибутом любого публичного выступления по любому вопросу.

Но именно тогда проблема власти стала особенно жгучей для Сталина. Провалы в промышленности и сельском хозяйстве, общее недовольство населения, выступления оппозиции в начале 30-х годов, критические настроения в партии, проявившиеся на только что прошедшем съезде — все это выявило уязвимость его позиций. Власть, добытую ценой огромного напряжения сил, интриг и провокаций, можно было легко потерять, если вдруг взбунтуется очередная племена или съезд. Он понимал, что следующий съезд может стать для него последним. Пока в партии происходит брожение, спать спокойно Сталин не мог.

Верхушка партаппарата, сплотившаяся вокруг вождя, тоже опасалась, что оппозиционные группы могут возглавить проявления

всеобщего недовольства народа. Поэтому расправы с несогласными стали проводить без особых дискуссий.

После XVII съезда была ликвидирована Центральная контрольная комиссия партии, что имело для Сталина принципиальное значение. ЦКК был учрежден X съездом партии в 1921 году для предупреждения фракционной борьбы в партии, злоупотреблений отдельными руководителями своим партийным положением в целях личной выгоды. ЦКК избиралась на съезде партии наравне с ЦК. Более того, она контролировала работу ЦК и его руководство. Такие же права имели ее местные органы по отношению к местным комитетам партии.

И вот теперь Сталин ликвидировал ЦКК (формально оформив это как решение съезда), а вместо нее создал Комиссию партийного контроля (КПК), но уже при ЦК и подотчетную ЦК. Одновременно была ликвидирована Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин), созданная в свое время по настоянию Ленина. Она подчинялась и была подотчетна только ВЦИК советов — высшему органу советской власти. И вот решением XVII съезда ее преобразовали в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, подчиненной Совнаркому СССР. Так были устранены последние юридические преграды на пути к личной диктатуре Сталина в партии и государстве.

Маховик «большого террора» начал раскручиваться со дня убийства Кирова. Достаточно вспомнить о так называемом «кировском потоке» арестованных и репрессированных советских граждан.

Отношения между Сталиным и Кировым внешне выглядели хорошо. Сталин называл его «мой любимый друг и брат». Он всячески старался приручить Кирова, привлечь к борьбе со своими политическими противниками. Но из этого ничего не получилось. Киров перевоспитанию не поддавался.

*«...Слышно только кремлевского
горца — душегуба и мужикоборца»...
(Осип Мандельштам)*

После XVII съезда партии Киров в глазах Сталина из друга превратился в соперника. Сталин уже знал о тайном совещании на квартире Серго Орджоникидзе, и хотя Киров отклонил предложение товарищей, Сталин заявил, будто бы он сам своими действиями вызвал такое предложение товарищей. Став членом Политбюро, Киров своим «политическим весом» значительно уступал сталинским «доверенным лицам» — Молотову, Кагановичу и Ворошилову. Но вместе с тем, он заметно отличался от всех других членов Политбюро демократизмом и ораторским талантом. Историк В.З. Роговин в своей книге «Сталинский неонэп» приводит новую информацию о позиции Кирова в последние месяцы его жизни. Он пишет :

«Киров был умеренным политиком. Он хотел положить конец внутренней борьбе в партии и стране. Киров и его единомышленники хотели вернуться к более гуманной политике, близкой к той, которую предлагал Ленин во время нэпа и отказаться от жестокой коллективизации в деревне. Киров хотел восстановить внутрипартийную демократию и свободное выражение каждого течения в партии, включая течение троцкистов».

Сказанное косвенно подтверждается тем фактом, что в 1932 году Киров вместе с Орджоникидзе и некоторыми другими выступил против казни Рютина и за более мягкую политику в голодной деревне.

После окончания работы XVII съезда Сталин часто вызывал Кирова в Москву. Он и раньше резко критиковал его за разные упущения. Теперь же устраивал ему настоящие разносы. Каждый раз Киров возвращался домой в ужасном настроении. Сталин обвинял его в том, что он в Ленинграде не борется с остатками приверженцев Зиновьева в своем аппарате, не всегда точно выполняет директивы ЦК, пытается проводить в Ленинграде собственную политику. Однажды, встретившись со своим старым другом Севастьяновым, Киров сказал ему буквально следующее: «Алеша, моя голова уже на плахе. Меня убьют!» Другому своему другу П. Смородину незадолго до гибели Киров сказал: «Мне все равно не жить. Он /Сталин/ не простит мне»*.

В конце ноября 1934 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором присутствовал С.М. Киров. Это была его последняя встреча со Сталиным. Несмотря на ухудшение отношений

* Он имел в виду обсуждение вопроса о замене Сталина на посту генсека и результаты голосования на XVII съезде партии.

между ними, оба они вечером посетили Большой театр, после чего Сталин проводил Кирова на вокзал к поезду, чего уже давно не делал. Именно тогда он инициировал ликвидацию соперника.

Утром 1 декабря 1934 года в здании Ленинградского Обкома ВКП(б) в Смольном некий Николаев застрелил Кирова из револьвера. Якобы в отместку за то, что его жена была любовницей Кирова.

Убийство члена Политбюро ЦК Сталин использовал как решающий предлог к проведению «Великой чистки» в своей стране, точно так же как Гитлер использовал поджог Рейхстага как повод для расправы с немецкими коммунистами.

Историю этого преступления официальные источники до сих пор преподносят противоречиво и запутанно. Уж больно не хочется «маститым ученым» прямо говорить о том, что оно было осуществлено по приказу Сталина. Но независимые исследователи путем сопоставления различных документов и воспоминаний очевидцев давно доказали, что убийство Кирова организовали, в соответствии с указанием Сталина, сотрудники секретно-политического отдела Ленинградского управления НКВД.

Благодаря убийству Кирова, немедленно возведенного в ранг великомученика, Сталин не только избавился от опасного соперника, но и начал кампанию массового террора. Самыми первыми жертвами «кировского потока» стали все родственники и знакомые убийцы Кирова — Николаева, а также его подстрекатели — агенты НКВД. Около ста человек были расстреляны немедленно.

Сталин спешил извлечь из убийства Кирова максимум политических выгод. С помощью органов пропаганды (пресса, радио, массовые митинги и т.д.) народ быстро довели до массовой истерии. По всей стране собрания невежественных, оболваненных пропагандой трудящихся одобряли резолюции, требовавшие казни «врагов народа».

Уже вечером 1 декабря Президиум ЦИК СССР принял постановление «О внесении в действующие уголовно-процессуальные кодексы изменений по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актов против работников советской власти». Оно предписывало:

«1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней;

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дел в суде;

3. Дела слушать без участия сторон;

4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании не допускать;

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесению приговора».

Постановление вступило в силу без предусмотренного действующей конституцией утверждения сессией ЦИК СССР.

Когда Сталину позвонили из Смольного, сообщив о случившемся, он принял меры для того, чтобы отвести от себя подозрение и направить его на тех, кого решил сделать первыми жертвами.

Поздно вечером, 1 декабря 1934 года, захватив с собой Молотова, Ворошилова, Жданова, Ежова, Вышинского, Ягоду и Агранова, Сталин специальным поездом выехал в Ленинград. Другим поездом туда же выехала бригада работников НКВД и союзной прокуратуры. Председателем следственной комиссии Сталин назначил председателя КПК при ЦК ВКП(б) Николая Ежова. Именно он руководил фабрикацией дела, согласно которому в убийстве Кирова обвинили бывших лидеров «левой» оппозиции.

15 декабря в Москве арестовали 15 человек, в том числе Григория Зиновьева, Льва Каменева, Петра Залуцкого и Г.Е. Евдокимова. Все они входили в число создателей большевистской партии. Их «дело» рассмотрело сначала Особое совещание при НКВД СССР. Обвинение основывалось на столь абсурдных доказательствах, что члены этого внесудебного органа порой затруднялись определить состав преступления.

25 декабря состоялось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством Василия Ульриха. На скамье подсудимых среди 14 обвиняемых был и убийца Кирова — Л. Николаев. Всех их обвинили в создании контрреволюционной группы, которая ставила своей целью дезорганизовать управление страной путем террористических актов против руководителей партии и государства, приговорили к смертной казни и немедленно убили.

Чистка партии

Еще в ноябре 1932 года Сталин провел через Политбюро ЦК решение о создании Центральной комиссии по чистке рядов партии. Руководителем комиссии стал секретарь ЦК, председатель Комитета партконтроля Лазарь Каганович (1893—1991), а членами — его заместитель в КПК Николай Ежов (1895—1940) и заведующий отделом руководящих партийных органов Георгий Маленков (1902—1988). Эта комиссия составила так называемый «треугольник».

Сталин определил лишь общее направление работы комиссии, тогда как «треугольник» находил конкретные методы проведения в жизнь указаний Сталина. Главным пунктом в выпущенной для чистки анкете стал вопрос «участвовал ли коммунист в оппозициях, и в каких именно?»

Генеральная чистка проходила в три этапа. Сразу же после окончания первого этапа началась новая кампания. Второй этап, получивший название «проверки партийных документов», целью которой было установить правильность сведений о лицах, внесенных в партийные документы. Эту проверку проводили в 1935 году скрыто, без проверяемых, молодые люди, вступившие в партию лишь недавно, но в момент проверки уже возглавлявшие парткомы. Основная цель чистки заключалась в уничтожении наиболее идейной, критически мыслящей части партии. Именно она представляла для Сталина определенную опасность. Чистка захватила сначала верхний эшелон партии, но, постоянно расширяясь, увлекла в свои жернова и партийные массы. Более того, кампания чисток перешла на аппарат и национальные секции (партии) Коминтерна.

В начале 1935 года в состав Центральной комиссии вошли также Сталин, Молотов, Андрей Андреев (1895—1971), Матвей Шкирятов (1883—1954), Андрей Вышинский (1883—1954) и Лев Мехлис (1889—1953).

Вся эта гигантская работа, продолжавшаяся до 1937 года, по своей сути была лишь подготовкой третьего — главного — этапа чистки, осуществленного силами НКВД и вошедшего в историю под названием «большой террор».

Сталин создал свой собственный оперативный штаб, свой мозговой центр, который стал кухней всех задуманных им политических авантюр. Назывался этот орган «Секретариатом товарища Сталина». В его штат Сталин подбирал молодых, лично преданных ему людей. Вот лишь некоторые: Андриянов, Бажанов, Бауман, Двинский, Ежов, Каннер, Логинов, Маленков, Мехлис, Петросян, Поскребышев, Пospelов, Смиттен, Тевмосян, Товстуха, Чесноков, Шуб. Были и другие, менее известные.

Состав «теневого кабинета» постоянно менялся. Из него, как из заранее подготовленной колоды, генсек черпал кадры для высших партийно-государственных структур. Взять, к примеру, Ежова и Мехлиса, Маленкова и Пospelова, Чеснокова и Андриянова. Эти молодые, практически неизвестные в партии люди обладали колоссальными возможностями. Ведь они «готовили вопросы» по заданию самого Сталина. А рассмотрение любого вопроса начинается с

того, что заложено в подготовленном проекте документа. Это и есть могучий рычаг влияния маленького человека на вопрос любой важности.

Любой вопрос внутренней политики сначала всесторонне обкатывался в «теневом кабинете» генсека, потом передавался для доработки в соответствующие отделы ЦК и только после этого поступал на утверждение в Секретариат, Оргбюро или Политбюро ЦК. Так создавался миф о коллегиальности принятия решений.

А в действительности именно в личном секретариате Сталина закладывался фундамент всех основных решений партии и советской власти, готовились все кампании, проводимые в партии и стране: партийные чистки, политические судебные процессы, кадровые перемещения, списки жертв очередных репрессий и тому подобные мероприятия.

В 1930 году структура секретариата выглядела примерно так: помощником генсека и руководителем секретариата был Иван Товстуха (1889—1935), его помощником и руководителем Особого сектора сначала Мехлис, затем его сменил Поскребышев. Помощником Поскребышева, выполнявшим некоторое время одновременно функции секретаря Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б) был Бажанов, а после его бегства за границу — Маленков. Позже он стал заместителем Поскребышева по Особому сектору, затем заменил Ежова в руководстве сектора кадров.

Особый сектор осуществлял надзор за верхними эшелонами партийных, государственных и военных структур. В его состав входил специальный сектор персональных дел и партийной статистики.

Сектором кадров руководил Ежов, затем Маленков, он занимался проверкой, подбором и расстановкой кадров. Сектор пропаганды возглавлял Пospelов, после него Мехлис, он осуществлял надзор за культурной жизнью страны и за прессой. Национальным сектором, контролировавшим национальные отношения в стране, руководил Тевмосян.

Политико-административный сектор, руководителем которого был Борис Шуб, осуществлял контроль за органами советской власти и госаппарата. В 1935 году он был превращен в отдел ЦК ВКП(б), сохранив свое название. Руководителем этого отдела Сталин назначил Осипа Пятницкого (1882—1938), а Б. Шуб стал его заместителем.

Работники особого сектора занимались сбором компромата, цензурой личной переписки высших государственных деятелей и тому подобными делами. По мере накопления материалов они го-

товили для генсека проекты необходимых решений. Карьера и даже жизнь любого функционера из высшей партийной и государственной номенклатуры зависела от соответствующего работника «теневых кабинета» Сталина.

На неугодных, по указанию Сталина, готовились представления в соответствующую его рангу инстанцию: в Секретариат, Оргбюро и Политбюро ЦК или в Президиум ЦКК, которые завершали дело. Так особый сектор освобождал места, которые сектор кадров немедленно заполнял людьми из заранее подготовленного личного резерва Сталина.

Примерно так выглядела технология вытеснения прежних большевистских деятелей из руководства партией и государством, замены их молодыми, еще более беспринципными и властолюбивыми бюрократами сталинской выучки. «Старых большевиков» повсеместно выводили «в тираж», после чего их дальнейшая судьба решалась уже в подвалах Лубянки, Лефортовской тюрьмы или в зале Военной коллегии Верховного суда СССР.

Надо попутно отметить, что пресловутые «старые большевики» в своем большинстве не пытались вести борьбу против нового узурпатора власти. Они сами были отъявленные мерзавцы, с ног до головы залитые кровью соотечественников. Единственное, что их волновало — сохранение собственного привилегированного положения. Отнюдь не оправдывая террор, скажем, что никого из них не жалко.

Принцип работы особого сектора секретариата Сталина был перенесен в нижние этажи партийных структур, начиная с обкомов (крайкомов) и вплоть до райкомов, а также парткомов крупнейших промышленных предприятий. Там тоже были созданы свои особые секторы, которые формально подчинялись первым секретарям, но фактически управлялись из кабинета Сталина.

Для этого имелась сеть специальных агентов — «политинформаторов». Никакими особыми правами эти люди не пользовались. Однако, постоянно присутствуя на всех мероприятиях в качестве технических работников, они всегда были в курсе всех событий, и доводили информацию о них по своим каналам непосредственно в особый сектор секретариата Сталина. И наоборот, все директивы ЦК местным органам, партийному руководству на местах шли через этих скромных людей. В распоряжении особых секторов имелись для этого средства связи, начиная от специальных телефонных линий и кончая фельдъегерской службой НКВД.

К 1935 году процесс перестройки аппарата партии по сталинскому плану завершился. К тому времени кадры партийных руководителей низшего и среднего звена в основном состояли уже из людей, прошедших через фильтр особого сектора секретариата Сталина. Таким образом, новая партия (партия сталинистов) со старым названием ВКП(б) явилась детищем двух человек — Сталина и Маленкова. Первый был ее главным архитектором, второй — прорабом-строителем.

Начало «большого террора»

Тем временем в Германии возникло другое тоталитарное государство, во главе с национал-социалистической рабочей партией. Партия нацистов как по своей внутренней сути, так и по организационной структуре была чрезвычайно близка сталинской ВКП(б).

Сталин пристально наблюдал за событиями, происходившими в Германии. «Ночь длинных ножей» — великой чистки высшего эшелона нацистов — произвела на него неотразимое впечатление. Он тщательно изучал сообщения прессы и секретные донесения агентуры, связанные с физическим устранением начальника штаба штурмовиков Эрнста Рема и 180 человек из руководства штурмовых отрядов. Узнав о расправе Гитлера над своими противниками, Сталин воскликнул:

«Слышали новости из Германии! Молодец этот Гитлер! Он показал, что надо делать с политическими противниками».

Но Гитлер разгромил организованную оппозицию, которая бросила ему вызов. Сталин прекрасно знал, что в СССР организованной оппозиции больше нет, что он столкнулся с общим недовольством народа. И вот, глядя на Гитлера, он задумал провести «великую чистку» в партии и стране по-другому.

В начале 1935 года на передний край борьбы с так называемой «контрреволюцией» Сталин выдвинул Ежова. Он был идеальной фигурой для такой миссии, ибо вскормленный Сталиным, смотрел на мир его глазами, а подозрительностью и жестокостью не уступал «хозяину». Сталин увидел в Ежове, кроме очевидной исполнительности, еще и задатки палача-садиста, испытывающего наслаждение от страданий людей, оказавшихся его жертвами. В марте 1935 года он ввел Ежова в состав Секретариата ЦК ВКП(б).

Еще в январе Сталин решил устроить судебный процесс над так называемым «Ленинградским центром». Суду предали руководите-

лей ленинградского комсомола и сторонников Зиновьева. Это была первая попытка привязать Зиновьева и его сторонников к убийству Кирова. Всех фигурантов этого дела казнили. Едва успели их расстрелять, как было объявлено о новом судилище, теперь уже над «Московским центром».

Сталин долго размышлял, к какому из этих двух «центров» привязать Зиновьева и Каменева и, наконец, остановил выбор на «Московском центре».

Как продолжение этого кровавого спектакля, по поручению Сталина было сфабриковано дело о «Террористических заговорах против руководителей украинской компартии». Были «оформлены» несколько таких групп. Всех их «участников» приговорили к смертной казни и немедленно расстреляли.

Судебный процесс над Зиновьевым и Каменевым состоялся 15–16 января 1935 года. Люди они были нестойкие, подвергшись жесткому психологическому давлению следователей, быстро «сознались» в том, что как бывшие руководители оппозиции, несут моральную ответственность за это убийство. Их осудили, соответственно, на 10 и 5 лет заключения.

15 января 1935 года руководство ЦК ВКП(б) разослало местным партийным руководителям директиву «мобилизовать все силы на уничтожение всех вражеских элементов». Расплывчатая формулировка «вражеские элементы» дала НКВД неограниченную свободу действий.

Как рассказал в своей книге «Тайная история сталинских преступлений» Александр Орлов, в начале 1935 года Сталин приказал ответственным работникам НКВД Агранову и Миронову очистить Ленинград от «кировцев»*. В Ленинградское управление НКВД вызвали сотни видных партийных, комсомольских, профсоюзных, советских работников. Каждому из них предложили в течение недели

*Николай Ежов,
по прозвищу «кровавый
карлик». С его фамилией
прочно связан термин
«ежовщина»*

* Майор НКВД А.М. Орлов (1895—1973) в июле 1938 года бежал из Испании, где он был советником органов госбезопасности республики, в США. Указанную книгу он опубликовал в 1955 году.

покинуть Ленинград и переехать на новые места работы, в отдаленные районы Урала и Сибири. Позже многих из них тоже казнили.

В марте 1935 года Сталин назначил прокурором СССР Андрея Вышинского. В 1917-м Вышинский состоял в рядах меньшевиков. Сталин любил окружать себя людьми с замаранным прошлым, чтобы при случае использовать старые грехи как инструмент шантажа. Вышинский полностью оправдал его надежды. Он выступал в качестве государственного обвинителя на многих фальсифицированных политических процессах.

В мае 1935 года по решению Сталина, проведенному через Политбюро, были распущены общества «Старых большевиков» и «Политкаторжан». Эти организации давно мозолили ему глаза.

В середине 1935 года последовало «дело» секретаря Президиума ЦИК СССР Авеля Енукидзе (1877—1937). Он был другом Сталина по работе на Кавказе до революции. Но когда написал книгу об истории большевистской партии Закавказья, не упомянув в ней Сталина, то из друга превратился во врага. Сталин так и сказал ему во время их последнего разговора: «Авель, кто не со мной, тот мой враг!» Енукидзе сначала исключили из партии и ЦИК СССР, сняли со всех должностей и на время оставили в покое. Но через два года арестовали и расстреляли. Сталин никогда не забывал своих «обидчиков».

В это же время СССР продал Японии свою долю акций Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Советских служащих, обслуживавших эту дорогу, организовано вывезли на родину. Вскоре тюрьмы и лагеря страны пополнили 50 тысяч «японских шпионов» — мужчин, женщин и детей.

В том же 1935 году в Высшей партийной школе в Москве была раскрыта группа оппозиционно настроенных слушателей. Среди них ходили по рукам листовки с изложением троцкистской программы. Слушателям, изучавшим по первоисточникам работы Маркса, Энгельса и Ленина, стало ясно, что троцкизм в действительности лишь вариант марксизма-ленинизма. Трагическая развязка наступила мгновенно.

Одновременно с этой акцией в Москве начались аресты лиц, обвинявшихся в подготовке «террористических актов» против руководителей партии. Данная кампания получила название «Кремлевского дела». По нему проходили 110 человек из состава обслуживающего персонала. Их обвинили в связях с зарубежной троцкистской организацией. Приговор и поварам, и шоферам, и электрикам, и уборщицам был один и то же — расстрел.

Сталин стремился под лозунгом борьбы с «троцкизмом» ликвидировать не только старшее поколение партии, но и вообще всех людей, потенциально способных к какому-либо сопротивлению. Поэтому он объявил терроризм неотъемлемой принадлежностью троцкизма, а Троцкого — непосредственным руководителем террора против руководителей партии и, прежде всего, против него — Сталина. Он приписывал Троцкому то, что творил сам. Это одна из основных черт диктаторов — все свои ошибки и преступления перекладывать на других людей.

Новый царь

По свидетельству своей дочери Светланы Аллилуевой (1926—2011), Сталин во всех отношениях считал себя русским царем-самодержцем, только коронованным не церковью, а марксизмом. Да не просто царем, а почти что богом!

Повсеместно висели его портреты, в каждом мало-мальски крупном поселке, не говоря уже о городах, возвышались его статуи, в любом учреждении — от школы до бани — стоял его гипсовый бюст. Пресса в течение двух десятилетий ежедневно была переполнена подобострастными, до предела угодливыми восхвалениями Сталина:

«Правда», 8 января 1935 г.: «Да здравствует тот, чей гений привел нас к невиданным успехам, — великий организатор побед советской власти, великий вождь, друг и учитель — наш Сталин!»

«Правда», 30 декабря 1936 г.: «Да здравствует наш гениальный вождь, творец Конституции, первый и лучший друг науки — товарищ Сталин!»

«Правда», 17 октября 1938 г.: «Да здравствует вождь и учитель, наш отец и друг, наша радость и надежда — родной, любимый, великий Сталин!»

«Правда», 8 марта 1939 г.: «Пусть живет отец, да здравствует наш отец родной — Сталин-солнышко!»

«Правда», 21 декабря 1939 г.: «Ленина нет, Сталин стал для нас учителем и другом. ...Высоко парит орел, видя с высоты то, что не видят в долине, и смело ведет человечество к коммунизму».

Что ж, надо признать очевидное — Сталин, нерусский человек (наполовину осетин, наполовину грузин) вполне закономерно занял русский престол. Он идеально соответствовал духу истории Московского государства, где «володеющие и княжошие» её землёй «великой и обильной» в течение столетий были жестокими чужеземными деспотами — начиная с варягов, продолжая татарскими ханами и кончая царями-немцами.

Соответственно, он полагал, что имеет полное право вытворять с доставшейся ему страной и ее народом все, что взбредет в голову. Далеко не случайно Сталин восхищался двумя страшными деспотами и самодурами — Иваном Грозным и Петром Первым.

*Гениальный вождь
и учитель всего прогрес-
сивного человечества,
а также отец народов
Иосиф Джугашвили
по кличке «Сталин»*

Об этом можно судить хотя бы по тому, как он поощрял историков, писателей, деятелей кино покончить с давней традицией изображения Грозного психопатом и кровавым преступником. Весьма характерно и то, что царского палача-садиста Малюту Скуратова, одного из самых страшных персонажей русской истории, Сталин называл не иначе как «крупным военачальником, героически погибшим в войне с Ливонией».

Коснувшись ошибок Ивана Грозного, Сталин отметил, что одна из них состояла в том, что он не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семей... Если бы он это сделал, то на Руси не было бы «смутного времени». Поразительно откровенная экстраполяция: Грозный не до конца истребил потенциальных противников, отсюда смута: что не удалось ему, удалось мне — поэтому у нас нет оснований для смуты.

«Новгородский погром» в январе 1570 года был самым жутким, но всего лишь эпизодом в той вакханалии садистски изощрённых казней, которая продолжалась в Московии на протяжении двух десятков лет — с 1564 по 1584 год. Сталин в течение двадцати лет делал то же самое: начал с раскулачивания в 1929 году, кончил «ленинградским делом» в 1949.

Следует также напомнить настойчивое возвеличивание персоны царя Петра при Сталине. Это и кинофильм «Петр Первый» (1939 г.), и одноименный роман Алексея Толстого, и целая серия предельно тенденциозных исторических трудов. Все они являли собой подлинный гимн жестокому царю-реформатору, переделывавшему «замшелую Русь» по своему «революционному замыслу». На создателей этих поделок пролился дождь наград — Сталинские премии, ордена,

почетные звания, материальные блага (квартиры, дачи, продукты из правительственного распределителя, персональные машины, обслуживание в «кремлевской» поликлинике, бесплатные путевки на лучшие курорты).

Повторяя Ивана Грозного и Петра Первого, Сталин заставлял всех должностных лиц выполнять любые свои приказы, а несогласие со стороны специалистов, выраженное вслух, жестоко карал. Например, на заседании Главного Военного Совета РККА весной 1941 года командующий ВВС генерал-лейтенант Павел Рычагов в ходе обсуждения вопроса о росте аварийности при подготовке летчиков дерзко заявил Сталину: «Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах». Буквально на следующий день его арестовали и через пару месяцев расстреляли.

Смысл этих рассуждений достаточно прост. Несмотря на колоссальные различия во внешних формах жизни общества, произошедшие в следующие столетия, сталинский режим по своей глубинной сути был чем-то средним между режимами царя Ивана и царя Петра. Первого из них он напоминал своей беспредельной жестокостью, лживостью и цинизмом. Второго — тем, что после революции снова превратил Россию вместе с ее колониями («союзными республиками») в военно-полицейское государство.

Глава 3

СТАЛИНСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Ныне миф о преимуществах якобы бескризисной плановой экономики над «неизлечимо больным капиталистическим хозяйством» преодолен во всем, за исключением периода индустриализации. И сегодня большинство российских граждан верит в успешность пятилеток 1930-х годов.

Подобные оценки базируются не только на ложных представлениях о характере и результатах сталинской индустриализации, но и на слабом знании истории России начала XX столетия.

Россия вступила в процесс индустриального развития на два поколения позже, чем Франция и Германия, на поколение позже, чем Италия и США. Однако темпы индустриализации в России были высокими. По расчетам немецкого Конъюнктурного института, продукция русской промышленности возросла с 1860 по 1900 год в 7 раз (для сравнения: промышленное производство Германии уве-

личилось за тот же период почти в 5 раз, Франции — почти в 2,5 и Англии — в 2 раза).

В начале XX века по объемам промышленного производства Российская империя занимала 5-е место среди ведущих мировых держав. Уступая в этом отношении США, Великобритании, Германии и Франции, она обгоняла их по темпам роста. В 1900—1913 годы промышленное производство в России ежегодно возрастало в среднем на 5,7 %, тогда как в США — на 5,2 %, в Германии — на 4,5 %, в Англии — на 2,1 %. В 1913-м году доля России в мировом промышленном производстве составила 5,3 % (пятое место) вслед за Францией (6,4 %), а доля в мировой торговле — почти 4 %. Для сравнения: в 1938-м году доля СССР в мировой торговле была 1,1 %.

Столыпинские реформы, открывшие дорогу развитию индивидуальных крестьянских хозяйств, не связанных общинными ограничениями, привели к росту продуктивности сельского хозяйства и, соответственно, аграрного экспорта. Среднегодовой урожай зерновых в 1911—13 гг. вырос по сравнению с 1901—05 гг. почти на 20 млн тонн. В 1913 году Россия была одним из крупнейших производителей зерна в Европе и основным поставщиком молочных продуктов для стран северной части Европы.

Но Первая мировая и гражданская войны перечеркнули надежды на эволюционную трансформацию политической системы и модернизацию народного хозяйства России. Даже в 1928 году 5,5 млн крестьянских хозяйств все еще использовали соху вместо плуга. Половину урожая зерновых крестьяне убирали серпом или косой.

Во времена НЭПа положение крестьянства значительно улучшилось, оно полностью обеспечивало города и вооруженные силы продовольствием. Но объем экспорта зерна сократился с 12 млн тонн в 1913 году до 300 тысяч тонн в 1927/28, то есть в 40 раз. Так возникла нехватка валюты, что ограничивало закупки, необходимые для развития промышленности — проблема, ставшая постоянной для советской экономики вплоть до ее краха в 1991 году.

Снова встал вопрос: за счет каких ресурсов преодолевать возросшее за время гражданской войны отставание от наиболее развитых государств мира? Традиционно в России источником накопления капитала для развития экономики служили крестьянские хозяйства. Но позиция большевиков, рассматривавших все трудовое крестьянство как мелкую буржуазию, принципиально исключала политику развития богатых крестьянских хозяйств, ориентированных на рыночные поставки зерна.

Вообще говоря, план индустриализации первым выдвинул еще Троцкий, а затем его противники Зиновьев и Каменев, осуществил же этот план их общий враг Сталин. Но все варианты плана индустриализации в качестве основного источника средств называли деревню. «Качать» из нее как можно больше, не останавливаясь ни перед чем. Явно или неявно крестьянство рассматривалось как чуждая социализму и опасная для него масса, годная лишь для того, чтобы извлечь из нее средства для развития социалистической индустрии; все эти планы исходили из того, что индустрия является целью, тогда как крестьянство — только средством.

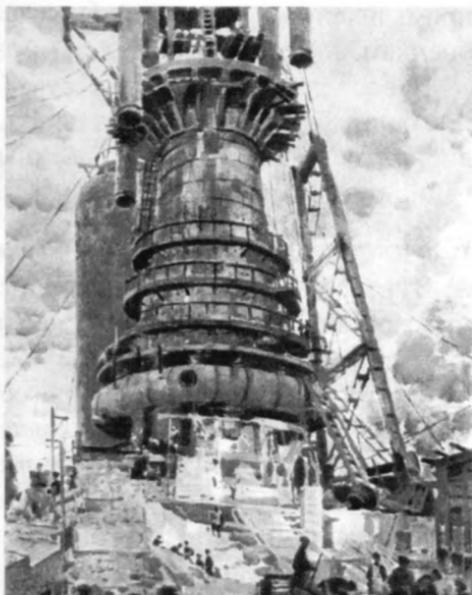
Одна из главных целей форсированной индустриализации, инициатором которой в апреле 1929 года выступило высшее руководство ВКП(б) во главе со Сталиным, заключалась в том, чтобы в кратчайшие сроки преодолеть отставание от капиталистического мира.

Каковы же были результаты первой пятилетки?

За счет форсированного создания новых промышленных предприятий (по плану 1-й пятилетки планировалось построить 300 крупных и тысячу менее крупных объектов) была заложена база для роста советской экономики, которая с 1928 по 1939 год выросла примерно в 2 раза. Среднегодовые темпы роста составили 5,8 %. Но такие же

ежегодные темпы роста демонстрировала экономика столыпинской России. Кроме того, огромное большинство в спешке возведенных промышленных объектов страдало высокой аварийностью, так как они возводились ускоренными темпами, а эксплуатировались с грубым нарушением правил техники безопасности.

Установленные плановые задания были провалены: к 1933 году тракторов выпустили 53 тысячи (31,2 % от 170 тысяч по плану); ав-

*В эпоху индустриализации главным объектом советской живописи вместо человека стало железо.
Картина художника П. Котова
«Кузнечная домна»*

томобилей — 24 тысячи (12 % от 200 тысяч по плану); железных дорог построили 5,5 тысяч км (34,4 % от 16 тысяч по плану). Столько железных дорог каждые четыре года строили в России в период 1907—17 гг. Производство угля и стали едва превысило уровень 1913 года.

Итак, первая пятилетка была провалена по всем основным показателям плана. Несмотря на это Сталин пришел к выводу, что избранные им методы индустриализации работают. Пусть грубо, пусть с огромными издержками, но работают. Они действительно работали до тех пор, пока доля трудящихся, занятых вне сельского хозяйства, не превышала 45—50 %. Среднегодовые темпы прироста промышленного производства в СССР в 1928—41 годы, по разным оценкам, составляли от 5,8 до 17,0 % в год.

Невосполнимое изъятие ресурсов сельского хозяйства, разорение более 7 миллионов крестьянских хозяйств, перемещение миллионов людей в ссылку в отдаленные районы страны и в концентрационные лагеря, — такова цена сталинской индустриализации.

Коллективизация – основа индустриализации

В январе 1928 года Сталин подписал директиву ЦК ВКП(б) местным организациям. В ней он ориентировал их на применение жестких мер против тех, кто укрывает хлеб. К декабрю 1929 года сталинские «экстраординарные меры» по хлебозаготовкам трансформировались в принудительную коллективизацию 125 миллионов крестьян и в тотальную войну против всех, кто этому противился.

Вооруженные отряды реквизируют не только излишки хлеба, но и домашний скот. По распоряжению Сталина, 75 % конфискованного хлеба шло в распоряжение государства, 25 % распределялось среди бедноты по государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита. Сталин был откровенен, когда в 1928 году на июльском пленуме ЦК ВКП(б) сказал, что политика советской власти по отношению к крестьянству предполагает введение своего рода дани, изъятие которой необходимо для финансирования социалистической индустриализации.

Официальные нормы сдачи зерна, установленные в СССР в апреле 1930 года, напоминают максимальные нормы изъятий, встречающиеся в истории аграрных обществ. В зерновых районах они составляли от 1/4 до 1/3 валового урожая (25—33 %), в прочих — примерно 1/8 (12,5 %). Однако фактические нормы изъятия были выше. Так, в 1930 году на Украине власти изъяли 30,2 % валового

сбора зерновых, в 1931 году — 41,3 %; на Северном Кавказе — 34,2 и 38,3 %; на Нижней Волге — 41,0 и 40,1 %.

В результате государственные заготовки зерна в 1932 году составили 18,5 млн тонн, а в 1933 году возросли до 22,6 млн.

За пять лет (1929—33 гг.) в СССР около 1 млн крестьян было арестовано и приговорено (в основном, внесудебными органами) к отправке в исправительно-трудовые лагеря (т.е. на «стройки коммунизма»), а значительная часть их (до 18 %) к смертной казни. Примерно 1,8 млн было «раскулачено» и сослано в отдаленные районы Севера, Сибири, Казахстана и Дальнего Востока, где их заставили заниматься добычей древесины либо освоением ранее безлюдных территорий. Не менее 1 млн крестьян было «раскулачено» без высылки (т.е. у них отобрали практически все имущество). Таким образом, речь идет, как минимум, о 3,8 млн взрослых мужчин и женщин! Добавив к ним детей (в среднем, трое несовершеннолетних на семью), получим 11 млн 400 тысяч сельских жителей, прямо пострадавших от сталинских репрессий.

Причем это была лучшая часть крестьянства — самая трудолюбивая и хозяйственная! Вот всего один пример. По официальным данным, к началу 1929 года в Украинской ССР было около 5,2 млн крестьянских хозяйств. В том числе 65 % середняцких (3,38 млн), 31 % (1,612 млн) бедняцких и 4,5 % (234 тыс.) кулацких.

Имея в своем распоряжении только 16 % рабочего скота (лошадей и быков) и 20 % посевных площадей, эти 4,5 % лучших крестьян производили 25 % всего товарного зерна. Согласно логике Сталина, за это их следовало уничтожить.

Вот что пишет Ян Рачинский, член правления всероссийского общества «Мемориал»:

Плакат 1930 года

«К 1930 году сельское хозяйство в СССР развивалось вполне успешно, урожайность и поголовье скота росли. Никаких экономических предпосылок к тому, чтобы стогнать крестьян в колхозы, не было. Зато были политические.

Развитие частной инициативы в деревне требовало и других форм управления страной. Рано или поздно (и коммунистическое руководство это прекрасно понимало) встал бы вопрос о правомерности однопартийной системы»...

/«Аргументы и факты», 2010, № 5, с. 7/

Насчет отсутствия экономических предпосылок он не прав. Такие предпосылки были, но — со знаком «минус».

Во-первых, в результате коллективизации государство получило в свое распоряжение более 4-х млн рабов — вчерашних крестьян, превращенных в заключенных и ссыльных (спецпоселенцев), работавших за пайку хлеба и миску баланды. Именно такие рабы вручную, без всякой механизации, построили все промышленные гиганты первых трех пятилеток.

Во-вторых, в промышленности и на транспорте за счет массового бегства крестьян в города появилось много дешевых рабочих рук.

В-третьих, за счет экспорта зерна и мяса, беспощадного изымавшихся из деревни, правительство обеспечивало свои нужды в валюте, а также снабжало продуктами партийно-государственный аппарат, вооруженные силы, репрессивные органы.

И все же теория, в соответствии с которой из деревни можно качать и качать средства на индустриализацию, словно из бездонного резервуара, оказалась несостоятельной. Да, государство забирало дешевое зерно для продажи на внешних рынках. Но массовое создание предприятий по принудительной обработке земли (колхозов) потребовало встречных поставок из промышленности в разоренную коллективизацией деревню, и, следовательно, огромных государственных расходов. Колхозам требовались сотни тысяч тракторов и другой техники, прочий инвентарь, удобрения. Иного способа восполнения потерь тягловой силы, трудолюбивых хозяев, семенного фонда просто не было.

В попытке «решить проблему» были приняты законы от 13 сентября 1932 года и от 17 марта 1933 года. Они прикрепили крестьян к земле, запретили им искать другую работу без разрешения колхозного руководства. Крестьян, стремившихся вырваться из своих де-

ревень, чтобы не умереть от голода, насильно возвращали к месту проживания.

Сельское хозяйство после событий 1929—33 гг. стало нерентабельным и требовало постоянной государственной поддержки. Очевидно, что столь катастрофические потери никак не в пользу тезиса о «бескризисном» развитии советского хозяйства в тот период.

Коллективизация на десятилетия подорвала продовольственную безопасность страны. В 1913 году крестьянин собирал с одного гектара более 800 кг зерна, а в 1932 году не собирал и 600 кг. Ежегодное производство мяса упало до 3,3 млн тонн по сравнению с 4,2 млн тонн в период НЭПа (на 21,43 %).

С 1928 по 1933 год поголовье лошадей сократилось на 51 % (на 77 млн голов), коров — на 42 %, свиней — на 40 %, овец и коз — на 66 %. Всего в годы первой пятилетки погибло 152 млн голов скота. Потери деревни от гибели лошадей и скота в годы первой пятилетки составили 3,4 млрд рублей в ценах 1913 года. Это вполне сопоставимо со стоимостью возведенных «гигантов индустрии».

Другим последствием коллективизации стал голод, более масштабный чем в 1921—22 гг. В 1931—33 годы голод охватил Украину, Северный Кавказ, Дон, Кубань, бассейн Волги, некоторые регионы Казахстана и Западной Сибири. Такого голода в царской империи не знали никогда. От него погибли миллионы сельских жителей России и Украины. Сколько — не установлено до сих пор. Разные исследователи называют разные цифры. Оценки колеблются в пределах от 6 до 16 млн человек. Наиболее распространенная оценка — 7,5 млн человек, из них 3 млн — в Украине*.

Но количество жертв голода 1932—33 гг. мало волновали высшее руководство партии и государства. Система репрессивных органов, сформированная и доведенная до совершенства еще при Ленине, позволила избежать всесоюзного бунта и сохранять информацию о голоде в секрете на протяжении десятков лет.

Катастрофически упал уровень жизни населения. Уровень личного потребления (питание, товары широкого потребления и т.п.) советских граждан оказался ниже не только уровня 1913 года, но и уровня 1926—27 гг. Средняя зарплата рабочего в 1933 году составляла 125 рублей в месяц, служащего — от 70 до 90 рублей, при коммерческой цене 4 рубля за 1 кг хлеба. В 1912—13 годы батрак на подённой работе у зажиточного кубанского казака получал на хозяйских хар-

* Итоговый отчет Международной комиссии по расследованию голода 1932—1933 гг. на Украине.

чах 1—1,5 рубля в день (между тем, корова на рынке в 1913 году стоила не дороже 50 рублей). Спустя 20 лет «трудодень» кубанского колхозника стоил в 5 раз меньше, не говоря уже о нищенском характере окружавшей его жизни.

За период с 1926 по 1939 год производство продовольствия на душу населения сократилось примерно на 15 %, что, в свою очередь, предопределило голод военных и послевоенных лет. Отметим, что поставки западными союзниками в годы войны мясных консервов в СССР превышали собственное производство таких в 4,8 раза! Плюс сахар. Плюс яичный порошок. Плюс крупы. Колхозы и совхозы во время войны с огромным трудом обеспечивали военнотружущих, персонал промышленных предприятий и транспорта только хлебом.

Вот норма отпуска продуктов по карточкам жителям города-героя Ленинграда в феврале 1946 года на один месяц: мясо — 600 грамм, жиры (как правило, растительное масло) — 600 грамм, макаронные изделия или крупа — 2 кг, кондитерские изделия или сахар — 900 грамм, хлебобулочные изделия: рабочим и служащим — 12 кг, домохозяйкам и студентам — 6 кг. Разделите эти цифры на 30 и подумайте о калорийности и биологической ценности такого ежедневного пайка: 400 грамм хлеба, 67 грамм крупы, 30 грамм сахара, 20 грамм мяса, 20 грамм подсолнечного масла. Вместо мяса можно было отовариваться рыбой — 400 грамм трески, один кусок в месяц! Или американским яичным порошком — 80 грамм (не 800) на 30 дней*.

Разумеется, речь идет о «рядовых» гражданах. У номенклатуры были совсем другие нормы. Даже во время блокады, когда тысячи ленинградцев ежедневно умирали от голода, партийно-советские работники кушали в своих закрытых (от пролетариев) столовых апельсины и шоколад, шпроты и балыки, которые доставляли им самолетами с «большой земли»!

Цель индустриализации

Что же являлось целью огромных человеческих жертв и лишений? Желание доказать преимущества социалистической экономики или повысить уровень жизни населения? Нет. Приоритетом стал военно-промышленный комплекс (ВПК).

В 1932 году военные расходы СССР по сравнению с 1929 годом возросли на 34 %. Если к 1 января 1932 года в РККА было 1446 тан-

* Хлопотов О.Д. Кровавая тропа к Великой Победе. Ростов-на-Дону, 2008, с. 338.

ков и 213 броневых автомобилей, то к 1 января 1934 — 7574 танка и 326 броневых автомобилей (увеличение в 4,73 раза всего за 2 года!). Это больше бронетехники, чем в то время имели армии Великобритании, Франции и Италии вместе взятые.

Еще в 1931 году, задолго до прихода Гитлера к власти, цели создания и содержания огромных вооруженных сил, крайне обременительных для страны, недвусмысленно сформулировали документы мобилизационно-организационного управления Штаба РККА:

«Наша партия... будет всё более активно выполнять свою роль международного двигателя пролетарской революции, толкающего пролетариат всех стран к захвату власти».

Наряду с созданием ВПК, другая цель индустриализации заключалась в переводе всего населения СССР в условия принудительного труда на государство.

Только такая экономическая система гарантировала партийной номенклатуре удержание власти внутри страны, а также открывала перспективы для реализации внешнеполитических планов, связанных с «советизацией» Европы.

Однако подневольный труд во все времена отличался низкой производительностью и невысоким качеством. Кроме того, крепостных не волнует рациональное расходование ресурсов.

Сверхэксплуатация под маской энтузиазма

Во второй половине 1930 года сообщения советских газет, напоминавшие военные сводки, всё чаще говорили о «прорывах» на «трудовом фронте». Это вызвало раздражение Сталина, который в сентябре приказал Молотову одернуть редакции центральных газет

Главной целью сталинской индустриализации являлась подготовка к войне с «империалистами».

*«Передача танков»
(худ. Е. Зернова, 1931 г.)*

за сообщения о падении темпов производства и катастрофической текучести рабочих из-за плохого снабжения:

«Уйми, ради бога, печать с её мышиным визгом о “сплошных прорывах», “нескончаемых провалах», “срывах» и тому подобной брехне. Это — истерический троцкистско-правоуклонистский тон».

В речи «О задачах хозяйственников», произнесённой 4 февраля 1931 года, Сталин признал, что в 1930 году прирост промышленной продукции составил 25 % вместо 32 % по годовому плану. Тем не менее, он по-прежнему призывал обеспечить в 1931 году 45 % прироста и добиться выполнения пятилетки за 4 года, а в основных, решающих отраслях промышленности — даже за 3 года.

Тяжёлые последствия исключительного напряжения, которое переживала страна, обнаружились уже в конце 1930 года. Раньше хозяйственный год начинался в октябре. Столкнувшись с фактом невыполнения плановых заданий на 1929—1930 хозяйственный год, правительство ввело «особый квартал 1930 года» (октябрь — декабрь), к концу которого предполагалось достичь показателей, намеченных планом на сентябрь.

Но его введение не могло остановить снижение темпов промышленного роста и ухудшение всех других экономических показателей, оказавшихся в 1931 году — несмотря на призывы Сталина — намного ниже плановых заданий. Главными причинами провала явились непрерывное увеличение числа начатых строек, несоответствие между огромными инвестициями в строительство предприятий и реальными возможностями поставок сырья и оборудования, отставание развития производственной инфраструктуры, прежде всего транспорта и энергетики, а тем более социальной инфраструктуры (жилья, магазинов, поликлиник, школ и т.п.)*.

С 1931 года советская промышленность стала нерентабельной и оставалась таковой до начала 1950-х годов. Строительство многочисленных предприятий затягивалось. Невыносимые условия труда и быта рабочих порождали текучесть, прогулы, небрежную работу, поломки машин, высокий процент брака, низкие темпы роста производительности труда.

Если сам поворот к индустриализации и коллективизации происходил в обстановке административной паники, то дальнейшее развитие этих процессов возрождало атмосферу военного времени.

* Доля объектов социально-культурного назначения в объёме основных фондов составила в 1930 году 4,9 %, в 1931 году — 6 %.

Об этом свидетельствовала терминология советских газет, в которых трудовые процессы описывались языком формул и лозунгов гражданской войны: «фронт», «мобилизация», «прорыв», «легкая кавалерия» и т.д.

Такая терминология отражала фактическую замену предусмотрительного, делового и гибкого планирования волюнтаристским, при котором корректировка планов осуществлялась методом приказов, а трудящимся отводилась роль объекта непрерывного подлёстывания.

Находившийся в эмиграции Л.Д. Троцкий вполне обоснованно подверг резкой критике выдвинутый Сталиным на XVI съезде партии тезис о «вступлении страны в социализм». По поводу этого тезиса, повторявшегося в бесчисленных официальных статьях и речах, он писал:

«Не чудовишно ли: страна не выходит из товарного голода, перебои снабжения на каждом шагу, детям не хватает молока — а официальные филистеры провозглашают: “страна вступила в период социализма”. Разве можно более злостно компрометировать социализм?... Сказать рабочим-строителям, которые карабкаются по лесам с кирпичами и цементом, часто полуголодные и нередко срываются вниз, что они уже могут обосноваться в здании, — “вступили в социализм!” — значит издеваться над строителями и над социализмом».

/ Бюллетень оппозиции.
1930, № 17—18, с. 8./

Истинные критерии победы социализма — достижение более высокой производительности труда, более высокого материального и культурного уровня жизни, чем в передовых капиталистических странах, — подменялись чисто количе-

«Все выше!»
(худ. С. Рянгина, 1934 г.)

ственными критериями: числом коллективизированных крестьянских хозяйств, построенных заводов, электростанций, железных дорог и т.д. При этом подразумевалось, что «вступление страны в социализм» уже в ближайшие годы приведет к крутому подъему благосостояния трудящихся. Обманывая трудящихся радужными, но нереальными обещаниями, бюрократия жестоко эксплуатировала энтузиазм их передовой части, увлечённой идеей социалистического строительства.

Энтузиазм и самоотверженность миллионов людей в годы первой пятилетки — не выдумка сталинской пропаганды, а несомненная реальность того времени. Свидетельства атмосферы массового трудового воодушевления можно найти не только в художественной литературе 30-х годов, но и во многих «человеческих документах». Так, А.М. Исаев, будущий конструктор космических кораблей, отправившийся в конце 1930 года добровольцем на Магнитогорский комбинат, писал оттуда родителям:

«Недавно нам в силу образовавшегося прорыва хотели поднести рогатое знамя /одна из форм моральных санкций, применявшихся в те годы на предприятиях и стройках — *Авт.*/ Так знайте, что многие горняки плакали на собрании и поклялись не допустить позора! Я никогда не думал, что рабочий (конечно, постоянный, а не сезонник) выглядит так, как он на самом деле выглядит. Если нужно, рабочий работает не 9, а 12—16 часов, а иногда и 36 часов подряд — только бы не пострадало производство! По всему строительству ежедневно совершаются тысячи случаев подлинного героизма».

/«Правда», 1988, 28 октября./

Официальная пропаганда всячески рекламировала факты трудового героизма, даже в тех случаях, когда он оплачивался прямым иттощением и инвалидностью рабочих. Например, в докладе на XII пленуме Исполкома Коминтерна видный партийный чиновник Отто Куусинен с гордостью привел следующий пример:

«На постройке Сталинградского тракторного завода надо было при 40-градусном морозе застеклить крышу. Эту работу добровольно взяла на себя бригада стекольщиков-комсомольцев. Многих из них пришлось с отмороженными руками и лицами свезти в больницу. Крыша была застеклена к установленному сроку». (Аплодисменты)*.

/XII пленум ИККИ. Стенографический отчёт. Том 1. М., 1933, с. 9./

О трудовом энтузиазме как важном факторе успехов индустриализации неоднократно упоминали корреспонденты «Бюллетеня оппозиции». Так, в одном из писем из СССР говорилось:

«На каждом шагу наталкиваешься на беззаветно преданных рабочих, старых и молодых, отдающих себя целиком тому делу, которое составляет содержание их жизни. Квалифицированные рабочие, особенно коммунисты, работают нередко 10 и 12 часов в день, стремясь заткнуть собою все дыры и выгнать необходимые проценты».

/Бюллетень оппозиции. 1932, № 29-30, с. 14./

Вместе с тем авторы писем подчеркивали, что рабочих, проявляющих такую самоотверженность, всё сильнее изматывают нехватка продуктов питания, крайне скверные жилищные условия и отвратительная организация производства. «Даже в передовых ударных отрядах пролетариата чувствуется глубокая усталость».

Одним из важных способов подхлестывания трудового энтузиазма стало «социалистическое соревнование», организуемое административными методами. Рассматривая этот вопрос, Троцкий справедливо подчеркнул несостоятельность ставки на энтузиазм как на долговременный фактор социалистического строительства:

«Кадры Днепростроя» (худ. К. Трохименко, 1938 г.)

Картина отражает тот факт, что строительство осуществлялось вручную — киркой и лопатой, топором и пилой. Однако художник не мог изобразить истинных строителей Днепрогэса — заключенных.

Он нарисовал крестьян-добровольцев

«Героический энтузиазм может охватывать массы в течение сравнительно *коротких* исторических периодов. Небольшое *меньшинство* способно проявлять энтузиазм в течение целой исторической эпохи: на этом основана идея революционной партии, как отбора лучших элементов класса».

Однако энтузиазм трудящихся не может сохраняться годами в условиях непрекращающихся материальных тягот, нехваток и лишений:

«...социалистическое строительство есть задача десятилетий. Обеспечить её разрешение можно только систематическим повышением материального и культурного уровня масс. Это есть главное условие, более важное, чем срочный успех Днепростроя, Турксиба, Кузбасса и пр. Ибо при упадке физической и моральной энергии пролетариата все гигантские начинания могут оказаться не доведёнными до конца».

/ Бюллетень оппозиции. 1931. № 23, с. 6./

Ограниченность материальных средств поощрения труда партийная бюрократия пыталась компенсировать мерами «морального поощрения». Были учреждены несколько орденов, вручавшихся за «ударный труд»*.

Но главным методом форсирования индустриализации оставался грубый административный нажим на рабочих с целью усиления интенсивности их труда и сокращения текучести рабочей силы. Этот нажим выразился, в частности, во введении непрерывной рабочей недели и трудовых книжек, прикреплявших рабочих к предприятиям. Рабочим, перешедшим на другие заводы, запрещалось платить больше тех сумм, которые они получали на прежнем месте (заработки проставлялись в трудовых книжках).

Решающая помощь Запада

Технический прогресс немыслим без новейших технологий, многочисленных усовершенствований и изобретений. Все это является следствием прекрасного образования инженеров, изобретателей, большого опыта в развитии индустриального производства. Ничего подобного в 20-е и 30-е годы, после погрома остатков дореволюционной интеллигенции и катастрофического падения уровня высшего и среднего образования, в СССР не было в помине.

Советскую индустриализацию следует без всякой иронии назвать «западной». Ее осуществляли своими проектами, технологиями, ма-

* Орден Трудового Красного Знамени был учрежден 7 сентября 1928 г.; ордена Ленина и Красной Звезды — 6 апреля 1930 г.; орден Знак Почета — 25 ноября 1935 г.

пинами, специалистами американские компании (General Electric, Ford, Cooper Engineering Corporation, The Coppers Corporation of Pittsburgh, Standard Oil of New York, International Harvester, Dupont de Nemours, Radio Corporation of America...) и немецкие (Siemens-Schuckert-werke, Demag AG, Krupp AG, German Koppers AG engineers...). В качестве примера покажем участие американских компаний в строительстве советских индустриальных гигантов.

ДнепроГЭС. Главный инженер-консультант проект — американец Хью Купер, награжденный за свою работу орденом Трудового Красного Знамени. Турбины для Днепровской гидроэлектростанции построила американская компания «Ньюпорт Хьюз» (технический консультант проекта Томпсон). Плотины и гидротехнические сооружения проектировали (а затем контролировали ход строительства) американская инженерно-строительная фирма «Cooper Engineering Company» и германская компания «Siemens-Schuckert».

Сталинградский тракторный завод. Технологическую и строительную части проекта этого крупнейшего в Европе тракторного завода выполнили американские фирмы «International Harvester» и «Albert Kahn, Inc.». Сам завод построили в Чикаго, затем разобрали и перевезли в СССР. Он был оснащен станками и оборудованием от 102 американских фирм («Bullard Company», «Ingersoll Milling Company» и т.д.).

Челябинский тракторный завод (ЧТЗ). Строился при непосредственном участии специалистов фирмы «Caterpillar». Генеральный проект ЧТЗ разрабатывало проектное бюро Челябинтракторостроя, находившееся в Детройте и укомплектованное американскими инженерами. А первенец завода, трактор «Сталинец-60» был точной копией трактора «Caterpillar-60».

Магнитогорский металлургический комбинат. Разработчик генерального проекта — американская компания «Arthur McKee of Cleveland». Все сложное оборудование для комбината было поставлено из США.

Автозавод АМО-ЗИЛ. До революции этот завод построили специалисты итальянской фирмы «FIAT». В 30-е годы он был капитально переоборудован по проекту и при участии американской компании «Arthur Brandt».

Автозавод КИМ (позже АЗЛК). Построен с участием американских инженеров как точный аналог одного из заводов компании «Ford». После войны восстановил свои производственные мощности за счет вывезенных из Германии оборудования, технологий и специалистов немецкой фирмы «Opel».

Автозавод ГАЗ. Проект разработала инженерно-строительная фирма «Austin» (Кливленд, штат Огайо). Оборудование поставило предприятие «Ford make». Первый горьковский грузовик ГАЗ-А («полуторка») — точная копия грузовика «Ford-A», лицензию на производство которого купили в 1929 году у компании «Ford». Грузовик ГАЗ-АА — копия «Ford-АА».

В военной промышленности (включая авиационную, судостроительную и производство боеприпасов) главной была помощь из Германии и Италии.

Новые образцы технически сложного оружия (танки, самолеты, авиамоторы, корабли, подводные лодки, катера, торпеды, системы управления артиллерийским огнем и пр.) — за редкими исключениями — представляли собой или лицензионные изделия, или копии купленных образцов, или подражания удачным иностранным аналогам.

С 1923 по 1933 год только по линии Наркомата тяжёлой промышленности было заключено 170 договоров о техпомощи (из них 37 пришлось расторгнуть вследствие нехватки средств). На зарубежную производственную практику были направлены 2572 советских специалистов.

В 1931 году в СССР работали до 20 тысяч иностранных специалистов (к ним надо добавить 15 тысяч членов семей). Иностранных инженеров, техников и рабочих высшей квалификации насчитывалось в начале 1934 года 5149 человек (в январе 1933 года — 6550 человек).

«Зэки», или современные рабы

Огромную роль в выполнении сталинской программы индустриализации сыграл труд заключенных. В первую очередь они обеспечивали трудовыми ресурсами крупные инфраструктурные проекты. Заключенные более чем 500 лагерей (з/к, или «зэки») по всему Советскому Союзу строили железные и шоссейные дороги, рыли каналы и котлованы, возводили фундаменты и здания, дамбы и плотины, заготавливали лес, добывали руды металлов и каменный уголь. Короче, их использовали на самых тяжелых работах, не требовавших высокой квалификации.

По данным Главного управления лагерей (ГУЛаг) НКВД СССР, только объем капитальных работ, выполнявшихся заключенными в 1930—39 гг., составлял 58 % от всего объема капитальных работ в Советском Союзе. Примеры такого капитального строительства — транспортные коммуникации и промышленные предприятия в глу-

хих районах СССР. Например, Туркестано-Сибирская железная дорога, Беломоро-Балтийский канал, Лениногорский свинцовый завод (в Восточно-Казахстанской области), Карсакпайский медеплавильный завод (в Карагандинской области), верфь в Комсомольске-на-Амуре, Байкало-Амурская магистраль.

Общая протяженность гидротехнических сооружений Беломоро-Балтийского канала — 227 км. Он полностью построен вручную. За время строительства погибло свыше 100 тысяч заключенных Белбаллага. Как минимум 440 человек на каждый километр.

Город Комсомольск постепенно сформировался вокруг военного судостроительного завода № 199, построенного заключенными в 1930-е годы. Сталинская пропаганда твердила, будто бы «город в тайге» строят комсомольцы. Комсомольцы там тоже были, но не более 10 % от общей численности «рабсилы».

Байкало-Амурскую магистраль построили в 1934—39 гг. заключенные десятка лагерей, объединенных общим названием Амурлаг. Они протянули линию от Улан-Удэ через Читу до Тынды. Но во время войны рельсы, шпалы и оборудование этой магистрали было демонтировано и вывезено в западную часть СССР — для восстановления разрушенных линий.

И так далее. Детальному рассмотрению этого вопроса пришлось бы посвятить толстенную книгу.

Отношение «нового класса» — партийно-советской номенклатуры — к собственному народу напоминает характерные черты аграрных государств, завоеванных группами иного этнического происхождения, где жестокость режима в отношении покоренного местного населения максимальна. Распространенная в советском обществе конца 1920-х — 1930-х годов характеристика Сталина как «Чингисхана с телефоном» более чем красноречива.

Угроза жестоких репрессий заставляла десятки миллионов людей, находившихся вне лагерей, вести себя подобно жителям древних государств, поработанным свирепыми пришельцами. Они смирялись с тем, что у них нет права выбора места работы и жительства, что личное потребление сведено до минимума, необходимого для обеспечения основ физического существования, что они не могут даже мечтать о личных правах и свободах, и что все это — повседневная жестокая реальность.

Глава 4

ИЗБИЕНИЕ НАРОДА

Карать, не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете был заметен прирост населения благодаря деятельности нашего ОГПУ.

(Сергей Киров, 1923 г.)

Террор... удерживает массы в состоянии стада, в котором каждый индивид сжат настолько, что невозможно никакое личное пространство, невозможен даже малейший потенциал свободы.

(Ханна Арендт, 1951 г.)

Всех, кто думает иначе – истреблять!

Не Сталин положил начало массовым репрессиям. Как уже показано в предыдущем изложении, физическое уничтожение людей, несогласных с действиями большевиков, началось в широких масштабах с 1918 года.

Если репрессии уместны по отношению к детям, имевшим несчастье родиться престолонаследниками, то почему нельзя их применить к бывшим товарищам по борьбе с царизмом, которые угрожают революции? А если можно применить репрессии к революционерам-эсерам, имеющим свое понимание задач революции, то почему нельзя сделать то же самое с революционерами-большевиками, отстаивающими свое понимание путей построения социализма?

Например, в 1924 году Л.Б. Каменев выступал за расправу с руководителями троцкистской оппозиции. А экономист Л. Крицман в книге «Героический период великой русской революции», которая буквально воспевала революционное насилие, предлагал измерять нравственный уровень революции ...числом жертв в процессе физического уничтожения непролетарских классов. Он заявлял:

«Социальное уничтожение классов эксплуататоров было источником великого нравственного подъема, источником страстного энтузиазма пролетариата и всех эксплуатируемых.

...Клеймо принадлежности к классу эксплуататоров могло открыть лишь дорогу в концентрационный лагерь, в тюрьму и, в лучшем случае, в лачуги, оставленные переселившимися в лучшие дома пролетариями».

Вот где истоки сталинского террора. Это убеждение того времени, что революция сама себе указ и закон.

И все же террор сталинщины нельзя обосновать, так же, как нельзя обосновать предшествовавший ему террор эпохи гражданской войны. Потому что террор — по определению — применяется к гражданскому населению. «Красный террор» большевиков состоял в расстреле ни в чем не повинных людей (заложников), во введении принципа коллективной ответственности целых социальных групп, в массовых убийствах лиц непролетарского происхождения. Убивали офицеров бывшей царской армии только за то, что они были офицерами, священников за то, что они были священниками, казаков — за то, что они были казаками, и так далее.

Вожди большевиков маниакально видели в трудовом крестьянстве не кормильцев страны, а только мелкую буржуазию, социальную силу, которая, видите ли, препятствует прогрессу истории, мешает созданию бесклассового общества. Отсюда и убеждение, что все человеческое, не согласующееся с желанным движением к бесклассовому обществу, не есть истинно человеческое, а лишь нечто ненастоящее, а значит временное на этой земле. Это напоминало типичное религиозное мировоззрение, когда иноверцев просто не считают за людей, не распространяют на них свою мораль. Так и представителей всех классов и слоев кроме пролетариев большевики не считали, по сути дела, людьми. Они не видели нужды отягощать себя совестью или моралью в отношениях с ними — с хозяином-крестьянином, частником, торговцем, священнослужителем, позже — с нэпманом, кооператором, кустарем, одним словом, с теми, кто составлял 80 процентов населения России.

Сегодня мы понимаем, что классовый подход по своей природе односторонен. Он выставляет на первый план лишь те качества человека, которые нужны для решения задачи захвата власти, то есть — для разрушения. И неизбежно притупляет интерес к человеческим качествам, необходимым для созидания. Поэтому при классовом подходе готовность человека к разрушению имеет большее значение, чем его готовность (и способность) к эффективному осмысленному труду.

Террор выступал в качестве главного средства поддержания необъятной личной власти Сталина. Он давал возможность ему и его окружению осуществлять непрерывные репрессии, направленные не столько на сокрушение реальных или мнимых противников,

сколько на поддержание атмосферы всеобщего страха. А такая атмосфера, в свою очередь, требовалась для обеспечения господствующего положения правящей верхушки, ее абсолютного всевластия в обществе.

Деспотический политический режим позволял тем, кто стоял тогда у руководства страной, творить любое беззаконие и любой произвол, избегая ответственности за совершение и повторение самых губительных ошибок и промахов. Репрессии, стоившие жизни миллионам, стали наиболее страшным выражением политической сущности сталинизма.

Успешных земледельцев большевики ненавидели лютой ненавистью — самим фактом своего существования они опровергали их бредовую идею о том, что в коллективных хозяйствах якобы увеличится производительность труда.

Эпизод суда над так называемыми «кулаками» (фото 1929 г.)

низким уровнем политической культуры населения, а с другой — субъективными причинами, связанными с особенностями личности самого Сталина.

С точки зрения его личных эгоистических интересов, репрессии были необходимы и объяснялись очень просто. Психологически их тоже можно объяснить, хотя трудно сказать, что именно было главным — крайний эгоцентризм, когда интересы общества отождествляются с собственными интересами, или же бесчеловечно холодный дальний расчет самовлюбленного властолюбца. А может быть, все дело в мании преследования и подозрительности параноика, како-

Сначала насилие было направлено против реальных врагов режима большевиков, затем последовала ликвидация личных противников Сталина, а дальше началась расправа с народом. Сталин хотел превратить весь народ в толпу бессловесного покорного скота, принципиально неспособного к какому-либо сопротивлению власти.

Массовые репрессии осуществлялись в СССР в огромных масштабах (миллионы жертв!) и с чрезвычайной жестокостью. Это было обусловлено, с одной стороны, традициями азиатского деспотизма и крайне

вым Сталин являлся по диагнозу не только Н. Бехтерева, но и других психиатров, например, А. Ноймайра, Г. Кноппа, В. Райха?

В 1931—33 гг. Сталин учинил первое грандиозное, массовое, целенаправленное и планомерное уничтожение людей — в виде голодомора, охватившего наиболее хлебные районы России (Поволжье, Дон, Кубань), Украины и Казахстана.

В 1937—38 гг. он повторил бойню, на этот раз в виде всесоюзной кампании по истреблению так называемых «врагов народа».

Разумеется, виновен во всем произошедшем в те страшные годы не он один. Не бывает массовых гекатомб без беспринципных местных руководителей (уменьшенных копий «великого вождя»), без множества ревностных исполнителей (палачей по призванию) и без широких человеческих масс с их тупым преклонением перед «хозяйном» и верой в реальность существования «врагов народа» (шпионов-интеллигентов, вредителей-руководителей, мироедов-кулаков).

Кстати говоря, чем выше находился тот или иной советский гражданин на лестнице социальной иерархии, тем больше у него была вероятность стать жертвой репрессий. По приблизительным расчетам (иных нет, но общая картина понятна), в 30-е годы рядовой гражданин имел шанс оказаться за колючей проволокой с вероятностью порядка 5 % (трехкратное опоздание на работу, мелкое хищение и т.п.). У рядового члена партии такая вероятность составляла уже 15—20 %, у кадрового работника партийно-советского аппарата достигала 30—40 %, у члена республиканских партийных органов — 80 %. Ну, а ЦК ВКП(б) до 1939 года (когда Сталин завершил создание под старой вывеской фактически новой партии) вообще являл собой клуб самоубийц: эту публику истребили едва ли не поголовно*.

Репрессивная машина

К тому моменту, когда встал вопрос об ускоренной индустриализации страны и коллективизации крестьянства, Сталин и его окружение уже знали, кто будет «мотором» этого дьявольского механизма. Центральную роль в проведении индустриализации и коллективизации должен был сыграть репрессивный аппарат — органы ОГПУ (с декабря 1934 г. — НКВД), исправительно-трудовые лагеря

* Например, из 1966 делегатов XVII съезда ВКП(б), состоявшегося в 1934 г., были казнены 1108 (56,4 %), из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на этом съезде — 98 (70,5 %). Это не считая тех, кто попал за решетку, но остался жив.

(ИТЛ), трудовые колонии (поселения спецпоселенцев), комендатуры.

С этого времени всех людей, приговоренных к лишению свободы более чем на три года, отправляли в ИТЛ, а ссыльных — подчиняли комендатурам.

К 1930 году были образованы 6 региональных управлений лагерей: 1) района Белого моря и Карелии; 2) Вышнего Волочка; 3) Сибири; 4) Дальнего Востока; 5) Казахстана; 6) Северного Кавказа. Круг замкнулся в июле 1934 года: с созданием общесоюзного наркомата внутренних дел все советские лагеря и колонии вошли в единую систему Главного управления лагерей (ГУЛаг).

Параллельно была создана отлаженная и технически хорошо обеспеченная система судебных и внесудебных органов.

К судебным органам относились Военная коллегия Верховного суда СССР, трибуналы военных округов и различных военных формирований, Верховные и областные суды союзных республик, суды экстерриториальных хозяйственных образований (например, суды железных дорог, морских и речных пароходств).

К внесудебным органам — сначала судебная коллегия ОГПУ (существовала с 1923 г.), а затем Особые совещания ОГПУ (с 1934 г. — НКВД). Особые совещания действовали при всех республиканских наркоматах и региональных управлениях ОГПУ/НКВД.

Наконец, с апреля 1931 года по всей стране на районном, городском и областном уровнях начали действовать так называемые «тройки». Эти внесудебные органы состояли из трех человек: один — от карательных органов, один — от партийных или советских органов, еще один — от прокуратуры.

Именно Особые совещания и «тройки» сыграли наиболее зловещую роль в кампании «раскулачивания» (1929—32 гг.) и в кампании «большого террора» (1937—38 гг.).

По официальным данным, на 1 марта 1940 года ГУЛагу подчинялись 53 лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний (в т.ч. 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных, 172 «контрагентских» — узники последних работали на стройках), 50 колоний для детей «врагов народа». При этом термин «лагерь» означал лишь руководство десятков так называемых «лагерных пунктов» — собственно лагерей в точном смысле слова.

В этих 528 учреждениях по состоянию на 22 июня 1941 года отбывали наказание в виде лишения свободы сроком от 5 до 25 лет не менее 2 млн 300 тыс. человек.

Число людей, имевших статус «ссыльных» либо «спецпоселенцев», точно не установлено. Известно только, что их было значительно больше, чем заключенных.

Кроме того, во всех союзных и автономных республиках, краях, областях имелись тюрьмы для арестованных лиц, дела которых находились в стадии рассмотрения, а также исправительно-трудовые колонии для осужденных на срок до трех лет. Например, в БССР имелись 32 тюрьмы. В них к 22 июня 1941 года содержалось более 30 тысяч заключенных. В 24 исправительно-трудовых колониях республики находилось еще 8544 человека.

Согласно оценке исследователей, общее число людей в тюрьмах, колониях, лагерях, на поселениях или в ссылке к июню 1941 года превышало 6 миллионов! Подавляющее большинство их (за исключением тех, кого режим предполагал «ликвидировать»), представляло собой бесплатную рабочую силу.

Этот факт чрезвычайно важен для понимания цели работы огромной репрессивной машины при Сталине. Она сводилась к двум взаимосвязанным аспектам. Как уже сказано, с одной стороны требовалось превратить многомиллионное население в абсолютно покорное стадо баранов, легко подчиняющееся малейшему мановению пальцев «пастухов». С другой стороны — все это стадо должно было непрерывно работать за скудное питание, притом работать, не щадя своих сил и здоровья.

Общее число жертв репрессий, осуществленных при Сталине, можно подсчитать лишь очень приблизительно: «плюс — минус несколько миллионов человек». Например, невозможно точно определить число жертв голода, инспирированного «раскулачиванием» и коллективизацией в России и Украине. Трудно скалькулировать количество людей, погибших в лагерях ГУЛага. После многолетних дискуссий, историки определяют общее число людей, репрессированных в СССР за период с 1922 по 1953 год в диапазоне от 12 до 35 миллионов человек! Как видим, «разбежка» в оценках огромная.

Кто руководил отрицниками?

20 июля 1926 года умер Феликс Дзержинский. На протяжении ряда лет его мучила «грудная жаба» (теперь эту болезнь называют стенокардией). Он умер от острого ее приступа во время работы очередного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

Смерть Дзержинского оказалась неожиданной. Но она была на руку Сталину. Сразу же встал вопрос, кому поручить руководство ГПУ? Когда этот вопрос рассматривался на Политбюро, Сталин ре-

комендовал Вячеслава Менжинского, заместителя Дзержинского. Поскольку Дзержинский с 1924 года в основном занимался работой в ВСНХ, то Менжинский фактически руководил ГПУ*. Сталин мотивировал свой выбор тем, что этот человек знает специфику работы органов госбезопасности, старый большевик и большой интеллигент, владеет 14 иностранными языками. Все это правда. Но Менжинский обладал мягким характером и слабым здоровьем, поэтому Сталин не сомневался, что он станет лишь номинальным руководителем.

У Дзержинского в ГПУ были еще два заместителя: Генрих Ягода, руководивший контрразведкой и старый большевик Меер Трилиссер, начальник иностранного отдела (внешней разведки). Сталин сделал ставку на Ягodu, примкнувшего к революции уже после ее победы и являвшегося беспринципным приспособленцем. Сталин не сомневался, что при больном Менжинском реальным руководителем ГПУ станет Ягода.

10 июля 1934 года ЦИК СССР принял постановление о создании Общесоюзного комиссариата внутренних дел — НКВД СССР. ГПУ вошло в его состав в качестве Главного управления государственной безопасности (ГУГБ).

Генрих Ягода, он же Енохим Негуда

Наркомом внутренних дел стал Г. Ягода (в действительности — Енохим Негуда), его заместителем — Яков Агранов. К тому моменту Ягода уже сформировал свою команду. Это происходило по «схеме пирамиды». Каждый руководитель подбирал лично преданных ему лиц. При этом стремились подбирать людей молодых и беспринципных.

Итак, Сталин подмял под себя армию, поставив ее руководителем «карманного» безвольного началь-

* Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) в декабре 1922 г., в связи с образованием СССР, была преобразована в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ).

ника, командарма первого ранга К.Е. Ворошилова и карательные органы страны, утвердив их руководителем мастера грязных дел Г.Г. Ягоду.

В 1936 году его сменил Николай Ежов, а Ягоду вскоре казнили. Он слишком много знал. Осенью 1938 года пришла очередь и Ежова. «Злобный карлик», сделавший свое дело, сначала был освобожден от должности народного комиссара внутренних дел СССР, затем расстрелян. Вакантное место занял Лаврентий Берия.

Но смена «первых лиц» в палаческом ведомстве абсолютно не отражалась на характере его деятельности. И при Ягоде, и при Ежове, и при Берии «чекисты» ежегодно хватали, пытали, убивали или лишали свободы сотни тысяч лучших людей страны.

Азиатская ненависть к людям

Кстати говоря, дьявольскую систему ГУЛага детально разработал проходимец по имени Нафталий Френкель. Он был родом из Одессы, но жил в Николаеве, где занимался строительством. С 1927 года Френкель работал в ГПУ*. Каким-то образом его заметил Сталин.

Как установил А.И. Солженицын, именно Френкель придумал систему сокращения и без того скудных пайков заключенных в случае невыполнения ежедневной нормы выработки*. Тем самым он хотел заставить их работать с полной самоотдачей. Его тезис сводился к тому, что заключенные приносят пользу только первые три месяца пребывания в лагере, потом они слабеют и уже не способны выполнять «нормы» несмотря на все старания. Так зачем кормить досыта?! Отсюда — ужасающая смертность во всех «исправительно-трудовых лагерях».

Вообще, Сталин и его режим поражают и потрясают своей истине азиатской жестокостью и ненавистью к людям. Например, 7 августа 1932 года ЦИК Советов и Совнарком СССР издали совместное постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Текст постановления написал лично Сталин. В народе он известен как «закон о пяти колосках».

В нем было сказано, что «люди, которые покушаются на общественную собственность, должны рассматриваться как враги на-

* Н.А. Френкель (1883—1960) благополучно прожил 77 лет и умер в своей постели. Он был награжден тремя орденами Ленина, имел звание генерал-лейтенанта интендантской службы. Кстати говоря, именно он с августа 1933 по май 1938 г. был начальником БАМлага, построившего первую очередь Байкало-Амурской магистрали.

рода», то есть как политические преступники. Сталин требовал применять к ним «в качестве меры судебной репрессии за кражу колхозной и кооперативной собственности высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всей собственности, и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией всей собственности».

В одной только в БССР за два года (1933—34) на основании этого постановления были осуждены свыше 10 тысяч человек!

Уголовная ответственность за политические преступления в СССР была установлена с 12-летнего возраста! Известно множество случаев (еще больше осталось неизвестными), когда детей 12—15 лет бросали в специальные лагеря для несовершеннолетних (колонии) за кражу куска хлеба из «общественной столовой», ибо это считалось «покушением на социалистическую собственность»! Между тем смертность в таких лагерях была еще выше, чем во «взрослых»!

Выселение «кулаков» точно так же сопровождалось ужасающей детской смертностью. Из записки инструктора Наркомата земледелия СССР Снеткова «О размещении и устройстве кулаков, высланных в пределы Северного края»:

«К половине апреля (по справке краевых организаций) всего в Северный край прибыло до 75 тысяч кулацких семейств /около 375 тыс. чел. — *Авт.*/ В настоящее время они размещены в городах, прижелезнодорожной полосе, во временных бараках, и только незначительная часть отправлена к месту поселения. Размещенные кулацкие семейства в церквях и бараках живут весьма скученно, на каждого человека приходится примерно 1 кв. метр площади. Санитарное состояние бараков и церквей далеко неудовлетворительное, поэтому сейчас увеличивается среди них смертность и в первую очередь среди детей».

Характерная черта насилия, применявшегося в СССР, — распространение репрессий не только на обвиняемых, но и на членов их семей.

Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 года:

«Установить впредь порядок, по которому все жены обвиняемых в неблагонадежности или нелояльности к режиму, избалованных изменников Родины, право-троцкистских шпионов подлежат заключению в лагеря не менее как на 5 — 8 лет.. Предложить Наркомвнуделу разместить детей в существующей сети детских домов и закрытых интернатах наркомпросов республик. Все дети подлежат размещению в городах вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тифлиса, Минска, приморских городов, приграничных городов».

Большевикам мало было уничтожить ни в чем не повинного человека, чем-либо не угодившего им. Обязательно требовалось растоптать еще и его семью.

Душегубки

С 1942 года немцы стали использовать для уничтожения «нежелательных элементов» пресловутые душегубки — автофургоны, в закупоренных кузовах которых люди погибали от выхлопных газов. Однако в этом мероприятии они всего лишь следовали «передовому советскому опыту».

Придумал душегубку начальник административно-хозяйственного отделения (комендант) Управления НКВД по Москве и Московской области И.Д. Берг. Это были фургоны на шасси ГАЗ-АА и ЗИС-5, замаскированные под хлебовозки или продуктовые фургоны, с выводом выхлопной трубы в кузов, где перевозились заключенные (20—30 человек).

Впервые такая машина для умерщвления заключенных была применена в 1936 году*. Самого И.Д. Берга арестовали осенью 1938 года и весной следующего расстреляли. Однако его изобретение не пропало. Со второй половины 30-х годов душегубки на шасси полупороков с надписями на кузовах «Хлеб» либо «Фрукты-овощи» имели в своем распоряжении все республиканские наркоматы внутренних дел. Немцы захватили несколько таких машин в Беларуси, Прибалтике, Украине и оценили по достоинству. Более того, они использовали трофейные машины по прямому назначению!

Мнение Солоневича

В одной из первых (и, безусловно, лучших) книг на тему сталинского избиения народа — «Россия в концлагере» (1936 год), писатель и журналист Иван Солоневич писал:

«Эпоха коллективизации довела количество лагерей и лагерного населения до неслыханных цифр. Именно в связи с этим лагерь перестал быть местом заключения и истребления нескольких десятков тысяч контрреволюционеров, каким были Соловки, и превратился в гигантское предприятие по эксплуатации даровой рабочей силы, находящейся в ведении Главного Управления Лагерями ГПУ — ГУЛАГа.

Границы между лагерем и волей стираются все больше и больше. В лагере идет процесс относительного раскрепощения лагерников; на воле идет процесс абсолютного закрепощения масс. Лагерь вовсе не изнанка, а просто отдельный и даже не очень своеобразный кусок со-

* См. Л.М. Шугуров. Автомобили России и СССР. Часть первая. М., 1993.

ветской жизни. Если мы представим себе лагерь несколько менее голодный, лучше одетый и менее интенсивно расстреливаемый, чем сейчас, то это и будет куском будущей России».

Заключенные лагерей страдали от голода и холода, надрывались от непосильного труда. Одежд у них не было, поэтому люди спали, не раздеваясь (фото 1930-х гг.)

Солоневич уже тогда диагностировал главные тенденции будущей эволюции СССР:

«Не меньше одной десятой части взрослого мужского населения страны находится или в лагерях или где-то около них. Это, конечно, не европейские масштабы. Системы советских ссылок как-то напоминают новгородский «вывод» при Грозном, а еще больше — ассирийские методы и масштабы. Ассирийцы... додумались до системы, которая обещала их завоеваниям большую прочность: там, где они наталкивались на упорное сопротивление или повторные восстания, они парализовали силы побежденного народа таким путем, что отымали у него голову; то есть отымали у него господствующие классы — самые знатные, образованные и боеспособные элементы и отсылали их в отдаленную местность, где они, оторванные от своей подпочвы, были совершенно бессильны... Все более или менее хозяйственно устойчивое, способное мало-мальски самостоятельно мыслить и действовать, короче говоря, все то, что оказывает хоть малейшее сопротивление всеобщему нивелированию, подвергается выводу, искоренению, изгнанию».

Однако сталинский террор, в отличие от изобретения ассирийцев, был направлен не только против политических оппонентов и проштрафившихся коммунистов. Солоневич специально подчеркнул:

«Какая в сущности это ерунда, какая мелочь эта травля интеллигенции. Не помещики, не фабриканты, не профессора оплачивают в основном эти страшные «издержки революции», их оплачивает мужик. Это он, мужик, дохнет миллионами и десятками миллионов от голода, тифа концлагерей, коллективизации и закона о «священной социалистической собственности», от всяких великих и малых строек Советского Союза, от всех этих сталинских хеопсовых пирамид, построенных на его мужицких костях».

Солженицын изображал главными противниками лагерного режима «прозревших коммунистов», якобы способных обустроить жизнь советских граждан. Солоневич увидел совсем иное:

«В общих камерах, на этапах, отчасти и в лагерях... всякой случайной и разрозненной публике, попавшей в пещеры ГПУ, противостоит спаянная и классово-солидарная стая урок. У них есть своя организация, и эта организация давит и грабит. Впрочем, такая же организация существует и на воле. Там она давит и грабит всю страну».

Он понял главное: большевизм — это политическая уголовщина, это террористическая организация, захватившая власть на 1/6 части земной суши:

«Реалистичность большевизма выразилась, в частности, в том, что ставка на сволочь была поставлена прямо и бестрепетно».

Страницы, где он описывает сущность так называемого «актива» («твердой души прохвостов») — это подлинный шедевр политического и социально-психологического анализа.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СЛУЖАНКУ «НОВОГО КЛАССА»

Внутреннюю политику большевиков определяли люди, имевшие в своем большинстве низкий уровень образования и общей культуры, либо ограниченные догматики, чей прагматизм и цинизм не укладывался ни в какие рамки.

Самодовольно утверждая «мы университетов не кончали», захватившие власть неучи и недоучки уже с первых послереволюционных лет преследовали интеллигенцию, устраивали над ней массовые расправы. Первая из них произошла в 1922 году, когда по прямому указанию Ленина из России выслали большую группу интеллигентов — выдающихся ученых, писателей, артистов (150 человек). Вот что он писал Сталину 16 июля 1922 года:

«Надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго... Делать это надо сразу. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов... Чистить надо быстро...»

Вот так: сотнями, «сразу», «быстро» и «без объявления мотивов!» В результате страна потеряла своих самых ярких и самобытных мыслителей.

Когда-то знаменитый российский адвокат Оскар Грузенберг сказал: «Жизнь чего-нибудь стоит только тогда, когда она не рабская». Большевики обрекли советскую интеллигенцию именно на рабскую жизнь, страхом жестоких наказаний подавляя ее способность к самостоятельному мышлению.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» (8 июня 1922 г.) ставило целью загнать ученых и специалистов за жесткие барьеры. Вот фрагмент из этого документа:

«Поручить ГПУ через аппарат Наркомвнудела произвести с 10.VI. перерегистрацию всех обществ и союзов (научных, религиозных, академических и пр.) и не допускать открытия новых обществ и союзов без регистрации ГПУ. Незарегистрированные общества и союзы объявить нелегальными и подлежащими немедленной ликвидации.

Установить, что ни один съезд или всероссийское совещание спецов (врачей, агрономов, адвокатов и проч.) не может созываться без соответствующего на то разрешения НКВД. Местные съезды или совещания спецов разрешаются губисполкомами с предварительным запросом заключения местных отделов ГПУ (губотделов)»...

Причину ненависти новых хозяев России к интеллигенции еще в 1923 году ясно указал известный российский философ Федор Степун (1884—1965) — один из 150 высланных:

«Большевикам, очевидно, мало одной только лояльности, т.е. мало приятия советской власти как факта и силы. Они требуют еще и внутреннего приятия себя, т.е. признания себя и своей власти за истину и добро... Очень часто чувствовал я в разговорах с большевиками их глубокую уязвленность тем, что, фактические победители над Россией, они все же духовные отщепенцы. Что, несмотря на то, что они одержали полную победу над русской жизнью умелой эксплуатацией народной стихии, — они с этой стихией все-таки не слились, что она осталась под ними краденым боевым конем, на котором им из боя выехать некуда».

Страх перед свободной мыслью, ненависть к инакомыслию, органично присущим интеллигентам, особенно представителям академических кругов и творческих профессий, толкали «вождя народов» на массовые репрессии даже в тех случаях, когда он заведомо знал, что это причинит серьезный ущерб государству. Не случайно в народе ходила мрачная шутка, приписываемая Сталину:

«Даже если бы Пушкин родился в XX веке, он бы все равно погиб в тридцать седьмом году» (как известно, Пушкин погиб в 1837 году).

А еще периодические погромы среди научной, технической, творческой интеллигенции наверняка были обусловлены подозрительностью и чувством собственной неполноценности малообразованных руководителей сталинской империи. Достаточно напомнить хотя бы некоторые массовые кампании травли интеллигентов:

Шахтинское дело (1928 г.). Суду были преданы 53 инженера и техника, работавшие в угольной промышленности Донецкого бассейна, а также в Харькове и Москве. Их обвинили в том, что они якобы «вели подрывную деятельность в интересах своих бывших хозяев, сбежавших за границу и получая от них за это деньги».

Другими словами, на «спецов-вредителей» большевистские хозяйственники списали все свои промахи. И аварии, происходившие ввиду грубых нарушений правил безопасности из-за требований увеличивать добычу угля «не считаясь ни с чем», и отсталое техническое оснащение шахт, и допотопную организацию труда, и недоброжелательство шахтеров низкими заработками, тяжелыми условиями труда и быта.

Верховный суд СССР 6 июля 1928 года приговорил 5 человек к смертной казни (С.З. Будного, Н.А. Боярского, Н.Н. Горлецкого, Н.К. Кржижановского, В.Я. Юсевича); 40 человек — к лишению

свободы на срок от 10 лет до одного года; 4-х человек — к условному наказанию; 4-х суд оправдал.

Этот процесс знаменателен тем, что стал первым в серии множества аналогичных процессов 30-х годов. Кроме того, готовя «Шахтинское дело», сталинские палачи впервые опробовали метод фальсификации подпольных антисоветских организаций. В данном случае они придумали два «подпольных центра» — Харьковский (во главе с Ю.Н. Матовым) и Московский (во главе с Л.Г. Рабиновичем), якобы курировавшие «вредительство» на местах.

Академическое дело (1930—31 гг.). В рамках этой полностью фальсифицированной кампании были арестованы, обвинены в участии в некоем антисоветском заговоре и отправлены в ссылку наиболее крупные российские историки, получившие известность и признание еще до революции. Это Сергей Платонов (1860—1933), Матвей Любавский (1860—1936), Николай Лихачев (1862—1936), Сергей Рождественский (1868—1934), Алексей Яковлев (1871—1951), Юрий Готье (1873—1943), Евгений Тарле (1875—1955), Дмитрий Егоров (1878—1931), Владимир Пичета (1878—1947), Сергей Бахрушин (1882—1950), Борис Греков (1882—1953), Александр Андреев (1887—1959) и ряд других.

Дело Промпартии (1930 г.). Согласно сценарию этой фальсификации ГПУ, в СССР якобы существовала нелегальная «Промышленная партия», объединявшая то ли 2, то ли 3 тысячи представителей инженерно-технической интеллигенции (в разное время назвались разные цифры).

Их назвали «вредителями» и обвинили в том, что они «пытались создать диспропорции между отдельными отраслями народного хозяйства, «омертвить» капиталы, сорвать снабжение», а тем самым «снизить темпы социалистического строительства и вызвать недовольство трудящихся». То есть, как и в Шахтинском деле, вину за собственные ошибки и глупости большевики переложили на «спецов».

В руководителей Промпартии сталинские опричники определили авторитетных инженеров: И.А. Калининкова, В.А. Ларичева, Н.К. Мекка, П.А. Пальчинского, Л.К. Рамзина, А.А. Федотова, Хренникова и Н.Ф. Чарновского. Пятерых из них «самый справедливый в мире» советский суд приговорил к смертной казни, еще троих — к 10 годам лишения свободы.

Но поскольку никаких преступлений в действительности они не совершали, тот же самый суд легко удовлетворил ходатайство осужденных, заменив казнь на 10 лет заключения, и сократив сроки

остальным. Ведь главная цель процесса состояла в том, чтобы запугать интеллигенцию.

Дело Трудовой Крестьянской Партии (1930—31 гг.). Под названием «Трудовая Крестьянская Партия» фальсификаторы из ГПУ искусственно объединили 46 видных ученых — экономистов и аграрников, выступавших против форсированной коллективизации и «раскулачивания». Ее руководителями они объявили крупных экономистов сельского хозяйства Н.Д. Кондратьева (автор идеи НЭПа!), А.В. Чаянова и Л.Н. Юровского, а также профессора-агронома А.Г. Дояренко.

Всего по этому «делу» в 1930 году были арестованы 46 человек, которые весной 1931 года предстали перед судом. Всех их приговорили к ссылке на разные сроки. Но в 1937—38 годах они были повторно арестованы и в кратчайшие сроки казнены.

Дело бюро ЦК партии меньшевиков (1930—31 гг.). По этому делу перед судом в марте 1931 года предстали профессора, литераторы, организаторы народного хозяйства. В том числе В.Г. Громан — член президиума Госплана СССР, В.В. Шер — член правления госбанка СССР, М.П. Якубович — ответственный сотрудник Наркомата торговли, писатель Н.Н. Суханов, а с ними еще 10 человек. Суд приговорил их к лишению свободы на срок от 5 до 10 лет.

Дело «Союза освобождения Украины» (1930 г.). В апреле 1930 года был разыгран гнусный спектакль под названием «Дело Союза освобождения Украины» — мифической контрреволюционной организации украинской национальной интеллигенции. По нему проходили 42 человека — видные деятели украинской науки и культуры. Их обвинили в национализме, а также в тайной деятельности в пользу Польши и Германии. Приговор был стандартный: ссылка в удаленные районы СССР, подальше от родной Украины. В 1937—38 годах все они вместо возвращения домой были отправлены на тот свет.

Союз освобождения Белоруссии (1930—31 гг.). Жертвами этой фальсификации стали 108 деятелей белорусской науки и культуры. Среди них ученые из Академии Наук, преподаватели высших учебных заведений, литераторы, журналисты, театральные деятели и даже бывшие наркомы БССР.

Их обвинили в том, что они поставили своей «окончательной целью отрыв Белоруссии в этнографических границах от Советского Союза и создание так называемой Белорусской Народной Республики».

В марте — апреле 1931 года коллегия ОГПУ БССР приговорила 4-х обвиняемых к 10 годам лишения свободы, 8 человек — к 5 годам, одного — к трем годам. Еще 77 человек были приговорены к ссылке сроком на 5 лет (в том числе один — условно). На 18 человек у чекистов не нашлось абсолютно никакого «компромата», пришлось их оправдать.

Никто из высланных и посаженных домой не вернулся. После отбытия сроков заключения или ссылки все они без следствия и суда получили новые приговоры. Почти все эти люди погибли. Вернуться домой через 25 лет довелось лишь нескольким.

Дело «Организации профессора Рязанова». Профессор-марксист Давид Борисович Рязанов (Гольдендах) с 1921 года возглавлял Институт Маркса и Энгельса в Москве.

В феврале 1931 года его исключили из партии, уволили с работы, а затем арестовали и предали суду. Вместе с ним по делу проходили его заместители, руководители ряда отделов и секторов института. Все они оказались «троцкистами», «двурушниками» и «вредителями». Ученые не успели опомниться, как уже их повезли в ссылку. В 1937—38 годах их тоже расстреляли, в частности Рязанов-Гольдендах получил пулю в Саратове.

«Дело славистов» (или «Российской национальной партии», 1933—34 гг.) Это расправа властей с большой группой ученых-гуманитариев, среди которых преобладали московские и ленинградские филологи-слависты, искусствоведы и этнографы. Кроме них массовости арестовали группу интеллигентов разных профессий (геологов, архитекторов и других).

Чекисты обвинили всех их не только в «контрреволюционном заговоре», но и в «создании повстанческих ячеек», подготовке убийства Молотова и в других невероятных преступлениях. Зарубежными вдохновителями и руководителями вымышленной РНП назвали ученых-эмигрантов Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона, П.Г. Богатырева и знаменитого немецкого лингвиста Макса Фасмера.

В марте — апреле 1934 года 70 ни в чем не повинных интеллигентов были осуждены. В частности, 12 человек получили по 10 лет лагерей, пятеро — по 9 лет, один — 8 лет, 12 человек — по 5 лет, 13 человек — по 3 года лагерей. Остальных 27 отправили на 3 года в ссылку.

Но в 1937—38 гг. чекисты казнили 14 человек из осужденных в 1934 году: А.А. Автономова, Н.Н. и А.Н. Дурново, В.В. Дроздовского, Г.А. Ильинского, Б.Г. Крыжановского, Р.Ф. Куллэ, В.Э. Ро-

зенмейер, А.А. Синцова, В.В. Трубецкую, В.С. Трубецкого, Г.А. Тюрка, А.А. Устинова, Ф.И. Шмит.

Еще 14 фигурантов погибли в лагерях. Излишне говорить о том, что все они давным-давно полностью реабилитированы. Только вот жизнь невинно убиенным не вернуть, сломанные судьбы не починить.

Упомянутые и другие «дела» стали прологом к множеству аналогичных расправ по всей стране в период «большого террора» 1937—38 годов, когда большевики истребили почти всю дореволюционную интеллигенцию и в немалой степени — свою собственную, советскую.

Вполне закономерно параллельно с разгромом науки процветали всякого рода шарлатаны. Все, кто пишет о взаимоотношениях Сталина с учеными, обращают внимание на то, как легко было соблазнить его фантастической, изначально не реализуемой идеей. В этом сказывались не только недостаток знаний и некомпетентность «вождя всего прогрессивного человечества», но и его убежденность в том, что природу и технику можно насиловать точно так же, как людей — беспредельно.

Широкую известность получила история разгрома советской генетики. Она была связана с тем, что в авторитеты биологической науки в 30-е годы выдвинулся проходимец Трофим Лысенко (1898—1978). Он отрицал классическую генетику (которой обозвал «менделизмом-вейсманизмом-морганизмом») как «идеалистическую» и «буржуазную». Вместо генетики Лысенко предложил придуманное им псевдонаучное «мичуринское учение»*. Его суть заключалась в утверждении возможности наследования растениями и животными приобретенных признаков, а также «перерождения» одних видов организмов в другие.

Многочисленные практические рекомендации Лысенко были абсолютно несостоятельны (например, по сверхскоростному выведению новых сортов семян), так как основывались на прямой подтасовке результатов экспериментов и селекционной работы. Однако рекомендации «школы» Лысенко внедрялись административными

* Грегор Мендель (1822—1884) — австрийский монах и ученый, основоположник генетики. Август Вейсман (1854—1914) — немецкий зоолог, автор теории наследственности. Томас Морган (1866—1945) — американский биолог, создатель хромосомной концепции наследственности, нобелевский лауреат 1933 г. Иван Мичурин (1855—1935) — российский садовод, селекционер-самоучка.

методами, ибо были направлены на «революционную переделку природы» и сулили быстрое решение продовольственной проблемы. Но в действительности они причинили большой экономический ущерб сельскому хозяйству.

Параллельно были разгромлены научные школы в советской генетике, ошельмованы честные ученые (многие из них стали жертвами репрессий), деградировало биологическое и сельскохозяйственное образование.

Менее известна история Ольги Лепешинской (1871—1963). Врач по образованию, жена профессионального революционера Пантелеймона Лепешинского, она увлеклась изучением проблемы происхождения жизни. В 1949 году эта «старая большевичка», случайно уцелевшая в 37-м году, возглавила отдел развития живого вещества в Институте экспериментальной биологии АН СССР. Уже в следующем году на совместной сессии Академии наук и Академии медицинских наук СССР 79-летняя бабуля потрясла ученый мир сенсационным докладом — тайна происхождения жизни на Земле открыта! Живые клетки — при соответствующих условиях, экспериментально выявленных исследовательницей — образуются из бесструктурного вещества (бульона).

Лысенко немедленно поддержал Лепешинскую. Вот он, триумф передовой советской науки! На Ольгу Борисовну посыпались награды — Сталинская премия, орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени, ученая степень доктора наук (минуя кандидатскую степень), почетное звание заслуженного деятеля науки. Однако «гнилые» буржуазные специалисты высмеяли этот бред сивой кобылы. В 80-е годы пришлось и советским специалистам не только отвергнуть выдумки Лепешинской, но и квалифицировать их как «политизированное направление в советской биологии».

В своих мемуарах «Непридуманное» писатель Лев Разгон (1908—1999), который 17 лет, с 1938 по 1955 год «отбухал» в лагерях, рассказывает, как благоденствовали в сталинскую эпоху руководители бурно вознесшегося вверх ВИЭМа — Всесоюзного института экспериментальной медицины. Их «революционные идеи» настолько соответствовали стремлениям и желаниям начальников, в том числе самого Сталина, что могучая подъемная сила стремительно несла их вверх.

Они полагали, что им очень скоро удастся найти в человеческом организме «нечто такое», на что можно целенаправленно воздействовать и таким способом побороть болезни, в том числе самую вредную — старость. Цель эта была не только крайне соблазни-

тельна, но и совершенно в духе времени: мало покорить пространство и время, надо еще подчинить принципиально неуправляемое — саму жизнь. Разгон пишет:

«Это полностью совпадало с желанием Сталина, который не мог примириться с существованием чего-то такого, над чем он не властен».

Шарлатаны процветали не только в биологии и медицине, но и в других сферах, включая технику. Типичным проходимцем в области техники был некий Леонид Курчевский (1891—1939). Образование — два курса физико-математического факультета МГУ, то есть недоучка. Но это не мешало ему изобретать в 20-е и 30-е годы все что угодно.

*Андрей Жданов — главный сталинский надзиратель в сфере культуры и искусства дает «ценные указания» музыкальным деятелям
(худ. Л. Шиповский, 1950 г.)*

Вот далеко не полный список его работ: полярная лодка-вездеход с авиамотором; автомобиль-вездеход с колесно-гусеничной ходовой частью; специальная эмульсия, затягивающая пулевые пробоины в автомобильных шинах; электрическая машина, работающая на энергии «малых течений»; новый вид топлива — смесь эфира со спиртом-сырцом; вертолет; реактивная торпеда с крыльями; целая серия безоткатных пушек для армии, авиации и флота... Вдобавок, Курчевский известен как автор научно-фантастических повестей и охотничьих рассказов.

На реализацию его проектов были истрачены большие средства и много времени, а результат вполне закономерно оказался нуле-

вым. Ни один из десятков предложенных им новых образцов оружия и техники не приняли на вооружение, не запустили в серийное производство.

Но это, так сказать, кустарь-одиночка. В Ленинграде с 1921 по 1939 год существовал целый институт, объединявший десятки «технических авантюристов», подобных Курчевскому. Он назывался Особое техническое бюро по военным изобретениям специального назначения (Остехбюро).

Чего там только не придумывали! Подземные танки («стальные кроты»); самолеты, погружающиеся в воду и сверхмалые подводные лодки, совмещенные с торпедными катерами; радиостанции разного диапазона волн; радиоуправляемые мины-фугасы и торпеды; пресловутые «лучи смерти», радиоуправляемые катера, танки и даже паровозы, а также «летающие танки».

Почти для всех разработок Остехбюро было характерно то, что заложенные в них идеи настолько обгоняли время, что реализации не поддавались. Нашли применение всего несколько проектов: морская мина «Мираб» с взрывателем магнитного действия, аппаратура для постановки дымовых завес, пара — тройка радиопередатчиков, радиовзрыватель для фугасов. Вот и все достижения за 18 лет. Гора родила мышь!

Глава 6

РЕШЕНИЕ

«НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА»

Формально основания национальной политики в СССР определялись тезисами Ленина в его дореволюционной работе «К вопросу о национальностях, или об «автономизации», где он провозгласил необходимость «защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса, шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ». Там же он заявил о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения».

Но в стране «победившего пролетариата» национальный вопрос решался диаметрально противоположным образом. Как подчеркнул А. Авторханов, Ленин был «больше великодержавник, чем все русские цари, вместе взятые, и больше империалист, чем любой император в истории». Так, в своей послереволюционной статье «О национальном и национально-колониальном вопросе» он утверждал:

«Разграничение наций в пределах одного государства вредно. Мы, марксисты, стремимся сблизить и слить их. А так как слияние народов возможно только при ассимиляции нерусских народов в русском, значит, именно в этом и должна заключаться национальная политика большевиков».

Правда, Ленин понимал, что на начальном этапе строительства советской империи насильственная русификация нерусских народов может привести их к открытому сопротивлению, усилить тягу сначала к национально-культурной автономии, а затем и к отделению от России. Поэтому он предпочитал, по возможности, мирный путь русификации:

«Мы, разумеется, за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента принудительности».

Соответственно, в середине 20-х годов Москва инициировала в союзных и автономных республиках так называемую «коренизацию». Она состояла в расширении сферы употребления языков «коренного» населения этих административных образований. Цель заключалась в том, чтобы донести идеи большевизма до всех сельских жителей, многие из которых не знали русского языка.

Но к 1929 году руководство партии большевиков увидело, что «коренизация» стимулирует местный национализм. И тогда они пришли к мысли о необходимости подавления национального самосознания всех народов в СССР.

Сталин, которого бывший советский дипломат Григорий Беседовский назвал «воплощением самого бессмысленного типа восточного деспотизма», оказался тем самым «истинно русским человеком, великороссом, шовинистом, в сущности подлецом и насильником» (формулировка В.И. Ленина), от которого следовало защитить российских инородцев*.

Например, в Беларуси проявления национального самосознания были объявлены, по требованию Сталина, «мелкобуржуазным на-

* Г.З. Беседовский (1896—1951) в 1921—22 был консулом, затем послом УССР в Австрии. В 1923—24 работал в постпредстве СССР в Польше. В 1925—26 член Правления советско-американской торговой организации в США. В 1926—27 советник посольства СССР в Японии. С 1927 советник советского посольства во Франции. 3 октября 1929 бежал из посольства (перелез через стену) и получил политическое убежище во Франции. Сотрудничал в газетах «Возрождение», «Последние новости» и других. Основатель и редактор газеты «Борьба» (1929—32). В годы Второй мировой войны участвовал во французском Сопротивлении.

ционализмом» и «национал-демократизмом». Резолюция XI съезда КП(б)Б (ноябрь 1927 г.) по этому вопросу гласила:

«В прошлом /они/ были прогрессивным явлением, боролись с самодержавием и давали отпор угнетению русского царизма, но в условиях диктатуры пролетариата сделались контрреволюционным явлением».

В результате к концу 1920-х годов акценты в национальной политике сместились. Если прежде приоритет отдавался национальной составляющей (коренизации), а ее недооценка расценивалась как русский великодержавный шовинизм, то к 1930 году ведущей стала социальная составляющая, а преданность национальной идее стала расцениваться как государственное преступление.

Иван Майстренко, автор изданной в 1978 году в Мюнхене книги «Национальная политика КПСС» писал:

«Когда /Сталин/ возглавил партийный аппарат и увидел, что ему, как нерусскому, не удержать власть, если он не поддержит этот аппарата в его великодержавном национализме и нетерпимости к возрождению нерусских народов СССР, он сделал ставку на великодержавие и русский национализм».

Подавляя «местный национализм», московское руководство фактически пыталось уничтожить национальное самосознание десятков миллионов людей. Расправы с национальными меньшинствами длились несколько десятилетий. Уже в предвоенные годы началось массовое выселение целых народов. Жертвами депортаций стали поляки, курды, корейцы, персы (иранцы), ассирийцы (айсоры), буряты и другие. Цифрой 3,5 миллиона исчисляется число людей, репрессированных исключительно по национальному признаку с середины 1940-х по 1961 год. Были выселены из родных мест калмыки, вайнахи (чеченцы), крымские татары и другие народы. Депортация коснулась 14 народов целиком и 48 — частично!

Безумная национальная политика ВКП(б) — КПСС сыграла очень важную роль в распаде СССР. Вспомним в этой связи прогноз 1938 года. Находившийся в эмиграции украинский общественный деятель Максим Славинский (1868—1945) квалифицировал попытку создания в СССР единой имперской нации («советского народа») как «нациологический курьез» и отметил:

«Такой народ не способен на благоразумный отказ от своих претензий на властвование. И особенно не могут сделать этого его командные слои, бывшие и настоящие, ибо эти претензии стали органической

частью в составе их национального мироощущения, а то или иное изменение этого мироощущения требует, как известно националогам, весьма длительного времени...

Подкомандным нациям на этот счет не годится создавать никаких иллюзий. Борьбой и кровью окрашен их отрыв от имперской России, в той же атмосфере произойдет и их освобождение от СССР. Других путей к разрешению национально-государственной проблемы на востоке Европы история не знает, а современная действительность не указывает».

Авторханов охарактеризовал результат национальной политики Сталина и его преемников следующим образом:

«История страны и партии на протяжении десятилетий подвергалась фальсификации и извращению. Это в первую очередь относится к истории национального вопроса... Ведущая идея фальсификации — выдавать советский тип колониализма за идеальное решение национального вопроса, а советскую великодержавную политику русификации нерусских народов — за политику «интернационализации».

Анализируя все то, что произошло в полиэтнической и поликонфессиональной России за 70 лет советской власти, академик Андрей Сахаров писал:

«Мы получили в наследство от сталинизма национально-конституционную структуру, несущую на себе печать имперского мышления и имперской политики разделай и властвуй. Жертвой этого наследия являются малые союзные республики и малые национальные образования...

Но жертвой этого наследия стали и большие народы, в том числе русский народ, на плечи которого лег основной груз имперских амбиций и последствий авантюризма и догматизма во внешней и внутренней политике».

Глава 7

СТАЛИНИЗМ — ЭТО МИЛИТАРИЗМ

*Запад с его империалистическими людоедами
превратился в очаг тьмы и рабства.
Задача состоит в том, чтобы разбить этот очаг
на радость и утешение трудящихся всех стран.
(Иосиф Сталин)*

Стратегия Сталина

Сталин уничтожил в стране все партии, кроме большевистской. Разгромил явную и вымышленную оппозицию. И начал готовиться к «Великому походу» в Европу. Именно с этой целью в стране проводились индустриализация, коллективизация и культурная революция. Ради великой цели «победивший пролетариат» получил семидневную рабочую неделю и был прикреплен к станку с 14 лет. Ради ее у крестьян отобрали хлеб, землю и паспорта, загнали в колхозы и совхозы. Для этого ускоренными темпами развивалась тяжелая промышленность, топливно-энергетическая база, а параллельно усиливалась эксплуатация всех слоев населения.

В военной стратегии Сталина можно условно выделить три этапа.

На первом целью являлось возвращение под власть Москвы всех бывших колоний империи. Эта задача в основном была решена в период 1939—1945 годов. Удалось снова захватить страны Балтии (Эстонию, Латвию, Литву), западные области Беларуси и Украины, Бессарабию, Туву, южный Сахалин, Курильские острова и Квантунский полуостров в Китае. Монголия фактически превратилась в 17-ю республику СССР (достаточно сказать, что там размещались несколько лагерей ГУЛага). Не удалось «наложить лапу» на Финляндию и Польшу.

На втором этапе (1946—1949 годы) Сталин установил марионеточные коммунистические режимы в пяти странах восточной Европы — Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Кроме того, была превращена в формально независимое государство (ГДР) советская зона оккупации Германии. На Дальнем Востоке северную половину Корейского полуострова Сталин преобразовал в «народно-демократическую республику», во главе которой он поставил политработника Красной армии Ким Ир Сена.

Еще в двух странах — Югославии и Албании — тоже пришли к власти коммунисты, однако они не плясали под дудку Кремля. Со-

вершено независимо вели себя с момента прихода к власти китайские коммунисты во главе с Мао Цзедуну.

На третьем этапе Сталин планировал всем «социалистическим лагерем» вступить в «последний и решительный бой» с мировым «империализмом». К счастью, до этого дело не дошло. Иначе некому было бы читать книги, в том числе и эту.

Гигантская военная машина

Как уже сказано, главной, можно даже сказать единственной целью индустриализации являлось создание огромных вооруженных сил.

Уже к 1935 году Красная Армия (РККА) представляла собой внушительную силу. В сухопутных войсках было 119 дивизий (87 стрелковых, 32 кавалерийских) и 17 отдельных бригад (12 танковых, 5 стрелковых). Личный состав этих войск насчитывал 980 тысяч человек, они имели 4400 танков, танкеток и броневедомостей. В авиации и на флоте служили еще 220 тысяч человек. Армию и флот существенно дополняли пограничные и внутренние войска НКВД.

Военные заводы работали в три смены без выходных. Масштабы производства были огромны. Покажем это на примере авиации и бронетехники.

За 15 лет (1925—1939) авиационная промышленность выпустила более 15 тысяч истребителей, свыше 9 тысяч бомбардировщиков, примерно 7 тысяч разведчиков и около 12 тысяч учебных машин. К ним надо добавить до 2-х тысяч самолетов гидросамолетов (1365 бомбардировщиков-разведчиков МБР-2 и почти 700 легких амфибий Ш-2). В сумме — свыше 45 тысяч самолетов!

Теперь рассмотрим производство танков. МС-1 по 7 тонн (выпускался до 1931 г.) — 950 единиц; танкетка Т-27 по 2,7 тонны (до 1933 г.) — 3300 единиц; Т-37 по 3,2 тонны (до 1936 г.) — 2627 единиц; Т-38 по 3,3 тонны (до 1939 г.) — 1382 единицы; Т-26 по 8—10 тонн (до 1941 г.) — 11218 единиц; БТ по 11—13 тонн (до 1941 г.) — 8060 единиц; Т-24 по 18,5 тонн (до 1933 г.) — 25 единиц; Т-28 по 27,8 тонн (до 1940 г.) — 523 единицы; Т-35 по 50 тонн (до 1939 г.) — 61 единица.

Итого — 28146 бронированных гусеничных машин. Желающие могут сами подсчитать, сколько понадобилось для их выпуска металла, электроэнергии и человеко-часов.

В 1934—39 годы советская промышленность ежегодно выпускала более 5000 артиллерийских орудий и минометов.

В отношении военного флота господствовала концепция «легких сил»: подводные лодки + торпедные катера + морская авиация.

Было построено (спущено на воду) за 11 лет (1 ноября 1928 — 1 сентября 1939 г.г.) 189 подводных лодок. В том числе 34 большие, 94 средних, 61 малая. Для сравнения: флоты «владычицы морей» Англии, а также Франции и Нидерландов, обладавших обширными колониями, вместе взятые, имели к 1 сентября 1939 года только 170 субмарин (69 + 77 + 24). А флоты Германии и Италии — 157.

В строю к июню 1941 года было около 270 торпедных катеров, значительно больше, чем во всех флотах мира, вместе взятых. На втором месте находился итальянский флот — 60 катеров.

Пушек, минометов, пулеметов, винтовок у большевиков тоже было больше всех в мире. Одним словом, «генеральный секретарь ЦК ВКП(б) товарищ Сталин» выполнил свои обещания «партии и народу» — создал самую большую в мире военную машину. Осталось только дождаться удобного момента («когда империалисты передерутся между собой»), чтобы направить эту машину в Европу.

Сначала — успех

Поначалу события развивались таким образом, что Сталин имел все основания быть довольным собой. В самом деле, благодаря сговору с Гитлером в августе 1939 года, Советский Союз в период с сентября 1939 по август 1940 года захватил Западную Беларусь и Западную Украину, Бессарабию и Северную Буковину, Эстонию, Латвию и Летува. Потери в войсках были только в западной Беларуси и Украине, но небольшие.

Правда, с Финляндией произошла осечка. Финны сопротивлялись столь яростно и умело, что пришлось отказаться от плана оккупации всей страны и ограничиться Карельским перешейком*. Но все же приличия были соблюдены и здесь — Финляндия войну проиграла.

Далее свежеиспеченные союзники поссорились — не сошлись в цене. В ноябре 1940 года Гитлер предложил Сталину и Молотову принять участие в войне против Англии. В качестве платы за это он выставил Иран и Ирак. Однако Сталин потребовал еще и Финляндию, Румынию, Болгарию, а также черноморские проливы.

Германское руководство не могло согласиться с такими претензиями. Финляндия обеспечивала Германию древесиной и никелем, Румыния — нефтью, Болгария — продовольствием и табаком. Ра-

* Генштабу РККА пришлось сосредоточить против Финляндии половину всех сухопутных войск РККА. Потери тоже впечатляют: 130 тысяч красноармейцев погибли, еще 320 тысяч были ранены, контужены или обморожены. Итого 450 тысяч «советских» против 66 тысяч «финских» (23 тысячи убитых, 43 тысячи раненых и контуженых).

зумеется, Сталин обещал немцам полную компенсацию путем поставок из СССР, но Гитлер не хотел зависеть от коварного восточного хитреца.

Сталин был уверен, что немцы в конце концов согласятся на его условия. Но ответ оказался иным. 18 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву № 21, более известную как «План Барбаросса».

Разгром «непобедимой» Красной Армии

К настоящему времени доказано, что Сталин готовил удар в спину своему союзнику. Он решил, что пришло время для долгожданного «Великого освободительного похода» в Европу. Правда, точная дата удара РККА, как и его основное направление по плану «Гроза», пока не установлены. Возможно, что в мае — июне 1941 года Сталин еще не принял окончательного решения.

Одни исследователи доказывают, что главной целью являлся Берлин, другие — что Красная Армия должна была устремиться через Балканы в район проливов Босфор и Дарданеллы. Вторая точка зрения представляется мне более вероятной, так как наибольшее количество войск и техники было сосредоточено к июню 1941 года на территории Украины.

Немцы не хотели воевать на два фронта. Но иного выхода у них просто не было. Высшее руководство Третьего рейха в общих чертах знало о подготовке советского вторжения (в частности, об этом говорил фельдмаршал Вильгельм Кейтель на Нюрнбергском процессе). Оставалось только одно: атаковать первыми.

Для нападения на СССР германское командование развернуло в районах, непосредственно прилегающих к границе, 128 расчетных дивизий. В них состояло 3 млн 562 тыс. человек, 37100 орудий и минометов, 3865 танков и штурмовых орудий. Армию поддерживали три воздушных флота — 1-й (для поддержки группы армий Север»), 2-й (группа армий «Центр») и 4-й (группа армий «Юг»). В сумме 3909 самолетов всех классов и типов.

Союзники Германии — Финляндия, Венгрия, Румыния — развернули 38 расчетных дивизий. В них было около 745 тысяч человек, 5502 орудия и миномета, 306 танков и 886 самолетов.

Таким образом, общие силы вторжения Германии и ее союзников насчитывали около 4 млн 307 тыс. человек (166 расчетных дивизий), 42600 орудий и минометов, 4170 танков и штурмовых орудий, 4846 самолетов.

Кроме того, в резерве находились еще 27 германских расчетных дивизий и артиллерийские части Главного командования. Позже на

фронте появились итальянские войска (62 тыс. чел.), словацкие (42,5 тыс. чел.) и хорватские (1,5 тыс. чел.).

К этому времени армия и авиация СССР были крупнейшими в мире. Сухопутные войска РККА насчитывали 4 млн 605 тыс. чел., войска НКВД — 340 тыс. (пограничники — 168 тыс., внутренние войска — 172 тыс.). В авиации служило почти 476 тыс. чел., на флоте — до 354 тыс. Все эти войска имели на вооружении 25886 танков (больше, чем у вооруженных сил Германии, Италии, Великобритании и Франции, вместе взятых), более 5000 броневедомоцилей, 117580 орудий и минометов, 24488 самолетов.

В состав РККА входили 27 армий и 100 корпусов (62 стрелковых, 29 механизированных, 5 воздушно-десантных, 4 кавалерийских).

В свою очередь, эти армии и корпуса состояли из 303 дивизий (198 стрелковых, 61 танковой, 31 моторизованной, 13 кавалерийских) и 32 бригад (16 воздушно-десантных, 10 противотанковых артиллерийских, 5 стрелковых, 1 танковой).

Кроме того, имелись 3 корпуса и 9 бригад ПВО, 40 бригадных районов ПВО;

45 отдельных зенитно-артиллерийских дивизионов;

94 корпусных, 29 гаубичных, 14 пушечных артполков большой мощности резерва Главного командования;

29 мотоциклетных полков;

34 отдельных инженерных полка и 20 батальонов;

8 дивизионов бронепоездов.

В военно-воздушные силы входили 5 корпусов дальней бомбардировочной авиации, 79 авиадивизий, 5 отдельных авиабригад, 218 авиаполков.

Официальная версия гласит, что войска Германии и ее союзников имели огромное численное превосходство над войсками СССР:

«Враг превосходил советские войска по численности личного состава в 1,8 раза, по танкам — в 1,5 раза, по боевым самолетам новых типов — в 3,2 раза, по орудиям и минометам — в 1,25 раза, на главных направлениях было еще большее превосходство».

/Советская Историческая Энциклопедия, том 13. М., 1971, ст. 617./

Но это — вранье.

В пяти приграничных округах дислоцировались 174 дивизии из 303 (57,4 %).

Войска НКВД имели 14 дивизий, 18 бригад и 21 отдельный полк. Из них 7 дивизий, 2 бригады и 11 отдельных полков находились в

западных округах. На основе этих частей накануне войны были сформированы еще 3 дивизии НКВД.

Советские войска первого стратегического эшелона на западном направлении насчитывали в мае 1941 года около 3 млн 88 тыс. человек (2 млн 719 тыс. в сухопутных войсках, около 154 тыс. — в войсках НКВД, до 216 тыс. в ВМФ). Они имели 57040 орудий и минометов, 13924 танка, 8974 самолета (плюс к ним 1769 самолетов трех флотов — Балтийского, Северного, Черноморского и нескольких речных флотилий, всего 10743 самолета).

Но и это еще не все. С мая 1941 года началось выдвижение в западные округа войск второго стратегического эшелона из внутренних военных округов, с Дальнего Востока и Средней Азии. К 22 июня уже прибыли 16 дивизий — 10 стрелковых, 4 танковые и 2 механизированные. Они насчитывали 202 тысячи человек личного состава, 1763 танка, 2746 орудий и минометов.

И если 4170 танков немцев и их союзников — инструмент агрессии, то что такое 15687 советских? Неужели средство обороны? Сам термин «оборона» применим к танку лишь для обозначения тех боевых порядков, которые он должен прорывать. Сравним также соотношение самолетов — 4846 и 10743, орудий и минометов — 42600 и 59786.

Совершенно верно историк Владимир Бешанов подчеркнул:

«Никогда, ни до войны, ни в ходе ее Красная Армия не была так хорошо укомплектована, оснащена, вооружена и материально обеспечена, как в начале лета 1941 года».

/Бешанов В.В. Танковый погром 1941 года. Минск, 2007, с. 117./

Куда же подевалась эта гигантская масса войск, это огромное количество техники, горы боеприпасов и снаряжения? Первым, будучи потрясен катастрофой на фронте, дал ответ на этот вопрос сам Сталин. 28 июня, осознав полное крушение своего плана «Великого освободительного похода» в Европу, он грубо сказал соратникам на заседании Политбюро: «просрали!»

Возьмет для примера танки. К тем 25886, что имелись в войсках на 22 июня 1941 года, советская промышленность до конца года прибавила еще 4742 машины. Но к январю от этих более чем 30 тысяч танков осталось в строю всего лишь 1730. Элементарная арифметика показывает, что за 6 месяцев и одну неделю боевых действий РККА потеряла около 28 тысяч танков! Меньшая часть их погибла в боях, но основную массу советские танкисты бросили из-за

невозможности пополнить топливо и боеприпасы. Немцы подо-брали и отправили в рейх на переплавку.

Из 134 подводных лодок, имевшихся в строю к 22 июня в запад-ной части страны, за тот же срок были потеряны 37 (27,6 %), из 48 эскадренных миноносцев — 22 (45,8 %), из 130 торпедных катеров — 33 (25,4 %),

Успехи своего флота в 1941 году оказались микроскопически-ми — на Балтике советские подводники потопили 1 немецкую суб-марину и 1 пароход (бывший советский, захваченный немцами), на Черном море — 3 парохода (1 румынский, 2 итальянских), на Севе-ре — ничего. Экипажи торпедных катеров и самолетов морской авиации не могли похвастать даже такими «достижениями».

Советская авиация только в первые сутки войны потеряло около 1200 самолетов, причем 960 из них (свыше 80 %) были уничтожены на аэродромах, остальные 240 сбили германские истребители либо зенитная артиллерия. До конца года погибли две трети всей авиации страны. А всего за 46 месяцев войны с Германией и месяц войны с Японией советская авиация потеряла около 106 тысяч машин — цифра, которую трудно с чем-нибудь сравнить. Достаточно ска-зать, что ВВС Германии потеряли за 68 месяцев боевых действий около 97 тысяч самолетов, ВВС США (за 45 месяцев) 59 тысяч.

По официальным советским данным, за 3 недели боевых дей-ствий (с 22 июня по 12 июля) войска группы «Север» продвинулись на 500 км, группы «Центр» — на 550 км, группы «Юг» — на 350 км. За указанный срок они полностью захватили Летува, Латвию и Мол-давию, две трети Беларуси, половину Украины.

Войска Северо-Западного фронта и Балтийского флота потеряли безвозвратно убитыми, пропавшими без вести, славшимися в плен) за 18 дней 75202 человека; войска Западного фронта — 341073 чело-века; Юго-Западного фронта — 173323 человека; Южного фронта и Черноморского флота — 8519 человек. В сумме — 598 тыс. 117 че-ловек. Но это — по официальным данным, как доказано ныне — сильно заниженным, особенно в отношении пленных.

Красноармейцы сдавались в плен сотнями тысяч, не желая вое-вать за Сталина и большевиков. Общий счет пленных шел на мил-лионы. Ныне установлено, что все время войны сдались противнику 5 млн. 734 тыс. 528 бойцов и командиров РККА — больше всего ее численного состава на июнь 1941 года. При этом около 3 млн 800 тысяч (66 %) сдались в плен в 1941 году!

Иван Солоневич оказался прав и в своих прогнозах относительно новой мировой войны. Предсказал ситуацию, которую современ-

ные авторы назвали «бунтом» посредством «дезертирства и массовой сдачи в плен» (к началу 1942 года немцы зафиксировали в своих учетных документах свыше 3 миллионов 800 тысяч советских военнослужащих, бросивших оружие и поднявших руки вверх). Солоневич подчеркивал:

«Ни о какой защите «социалистического отечества» со стороны народных масс не может быть и речи. Наоборот, с кем бы ни велась войнами, какими бы последствиями ни грозил военный разгром, все штыки и все вилы, которые только могут быть воткнуты в спину красной армии, будут воткнуты обязательно. Каждый мужик знает это точно так же, как это знает и каждый коммунист! Каждый мужик знает, что при первых же выстрелах войны он в первую голову будет резать своего ближайшего председателя сельсовета, председателя колхоза и т. д., и эти последние совершенно ясно знают, что в первые же дни войны они будут зарезаны, как бараны».

*Фантастическая сцена —
Ворошилов, Сталин и Рокоссовский
на оборонительном рубеже под Москвой
(худ. К. Финогенов)*

Только тупоумная оккупационная политика нацистов и политическая изворотливость Сталина, сумевшего в считанные месяцы заменить лозунг войны как начала «всемирной революции» на «войну отечественную, освободительную», не позволили осуществиться предсказаниям Солоневича до конца.

И вот такой разгром, такое повальное бегство и повальную сдачу в плен Сталин уже после войны назвал «планомерным отходом наших войск на заранее подготовленные позиции». Ничего себе отход! Как тут не вспомнить Энгельса, утверждавшего, что Россию в критические моменты ее истории всегда спасали необъятные просторы и численное преимущество населения.

Германские войска демонстрировали полное превосходство в оперативном искусстве. В 1941—42 годах было правилом, что не-

мецкий батальон (неважно, пехотный, моторизованный или танковый) громил советский полк; немецкий полк — советскую бригаду или даже дивизию, немецкая дивизия — советский корпус, немецкий корпус — советскую армию!

Не обращая внимания на разрозненные части РККА, оставшиеся у них в тылу, немецкие войска стремительно рвались вперед.

Итог 1941 года известен: войска Германии и ее союзников вышли примерно на линию Ленинград — Тихвин — Новгород — Осташково — Калинин (Тверь) — Вязьма — Елец — Белгород — Харьков — Ворошиловград (Донецк) — Ростов-на-Дону. В течение 10 месяцев 1942 года немцы продолжали наступать, они добрались до Волги и Северного Кавказа. Напомним, что красный флаг Третьего рейха был водружен на вершине Эльбруса!

В мою задачу не входит описание и анализ боевых действий. Смысл приведенных фактов в ином. Самая большая в мире армия и самая крупная в мире авиация оказались мало пригодными для использования по прямому назначению. Гигантский военный монстр развалился у всех на глазах.

К январю 1942 года, то есть через 6 месяцев после начала немецкого вторжения, войска кадровой Красной Армии в западной части страны либо погибли, либо сдались в плен. Кадровые части остались только в Закавказье, в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

*Советский плакат 1942 года
(худ. И. Тондзе)*

К весне 1942 года у Сталина фактически не было ни авиации, ни бронетехники, ни кадровой армии. В армию пришли миллионы резервистов, штатских людей. Именно они сумели добиться перелома в ходе войны. Но сначала Сталину пришлось изгнать из войск ненавистных комиссаров (в октябре 1942 г.), выпустить из лагерей и тюрем еще уцелевших командиров РККА, реабилитировать священнослужителей и казаков, за-

явить всей стране, что война идет не за какую-то «мировую революцию», и не за родную «коммунистическую партию», а за Отчизну!

Кроме того, совершенно бесценную помощь оказали союзники. Но об этом — ниже. Только после этого и многого другого, о чем нет возможности рассказать здесь, советские граждане в своем большинстве действительно начали воевать с врагами*. Но и на сторону противника перешло огромное войско — свыше 1 млн 600 тысяч человек! Столь массового сотрудничества с врагом не знает ни одна страна в мире!

Ну, ладно, — скажет здесь какой-нибудь «ура-патриот». Может быть, все это и так. Но войну-то мы выиграли! Да, выиграли. Но за счет чего?

Сталин утверждал, что победу обеспечили преимущества социалистического устройства общества. Этот тезис давно похоронен. Не было никаких преимуществ. Семьдесят лет во главе государства стояли бандиты. Но во время войны интересы сатрапов власти и народа временно совпали. И народ ценой невероятных жертв, обусловленных в первую очередь потрясающей некомпетентностью партийно-советских чиновников и военных командиров всех уровней, отстоял Отечество! Однако, спасая свою родину от внешних поработителей, народ тем самым сохранял поработителей внутренних — клику уголовников-большевиков во главе с преступником № 1 — Сталиным. Вот в чем заключается истинная трагедия Великой Отечественной войны!

Нынешние российские идеологи (историки, публицисты, политологи) утверждают, что победу обеспечил «подвиг» народа. Смее думать, что это объяснение далеко от истины. Как «подвиг» в России обычно квалифицируют тот факт, что Советский Союз понес наибольшие людские и материальные жертвы в войне. Да, числом погибших солдат и гражданского населения он действительно превзошел всех. Но кто виноват в том, что Красная Армия не могла воевать так, как обещал до войны «непобедимый маршал рабочего класса Клим Ворошилов» — «малой кровью, могучим ударом»?! Кто виноват в том, что война стала бойней, беспощадно истреблявшей народы СССР?

* Демографические потери СССР за период 1941—45 гг. сегодня оцениваются в 27 млн человек, в том числе безвозвратные потери вооруженных сил — до 19,5 млн. Демографические потери Германии за период 1939—45 гг. — до 6 млн, в том числе безвозвратные потери вооруженных сил — 4,3 млн человек. Потери вооруженных сил США в 1941—45 гг. (при отсутствии погибших гражданских лиц) — 350 тыс. человек.

Ответ может быть только один: виновна сама СИСТЕМА советской власти, виновна диктатура преступного сообщества негодяев — партии большевиков (или коммунистов, как они предпочитали себя называть).

Факторы победы давно «вычислены»:

«Гигантские горы трупов красноармейцев, искореженного советского оружия, разбитой советской техники, под которыми погибали враги. Соотношение 1 : 10 до 1943 года, 1 : 5 в последующий период войны в пользу противника.

— Боевые действия на Западе и сверхценная материальная помощь союзников, спасшая СССР в самый критический период войны — с осени 1941 по лето 1943 года.

— Режим всеобъемлющего беспощадного террора на фронте и в советском тылу, не оставлявший людям никакого иного выбора, кроме смерти (на фронте) или труда на износ (в тылу).

— Нехватка живой силы и материальных ресурсов у противника.

— Серьезные стратегические ошибки верховного германского командования.

— Предельно недальновидная политика немцев по отношению к населению оккупированных территорий.

Наконец, огромные пространства Страны Советов, ее бездорожье и климат (зимой — лютые морозы, весной и осенью — распутица».

/Захаревич С.С. Большая кровь: как СССР победил в войне 1941—1945 гг. Минск, 2009, с. 6./

Где тут «преимущества социалистического строя»? И при чем здесь «подвиг»? Океан пролитой крови — да; океан пролитых слез — да. Десятки миллионов загубленных жизней и растоптанных судеб — да. Но подвиг? Нормальные люди воюют, потому что у них нет другого выбора, и меньше всего стараются совершать при этом что-нибудь «героическое».

Ложка дорога к обеду: помощь Запада

Почти 90 % танков были уничтожены, либо захвачены немцами за первые 6 месяцев войны. Истребительную авиацию немцы тоже почти всю уничтожили. И так по всем пунктам.

Но воевать чем-то надо было. Воевать пришлось в значительной мере продукцией американско-английского ВПК. В начале сентября 1941 года президент США Ф.Д. Рузвельт подписал распоряжения о военно-технической помощи СССР. Не отставал от него и премьер-министр Великобритании У. Черчилль.

Острейшую нехватку современных самолетов в 1941—42 гг. восполнили поставки союзников. Уже в конце сентября 41-го на Северный фронт прибыли две эскадрильи английских истребителей «Харрикейн». Вот конкретные цифры поставок авиатехники в СССР за время войны (с сентября 1941 по май 1945). Истребители — 14178 машин (9895 американских, 4283 английских). Бомбардировщики — 4735. Самолеты других классов — 1016, из них 709 транспортных. В общей сложности за 45 месяцев было поставлено 20129 самолетов. Плюс к ним моторы, запасные части, вооружение и боеприпасы. Напомню для сравнения, что в июне 1941 года ВВС Германии и ее союзников сосредоточили против СССР 4622 самолета всех классов (включая разведчики, связные и транспортные).

Потребность пехоты в бронетранспортерах (которых в РККА вообще не было) на 100 % обеспечили американские и английские машины. Всего — 9739 единиц (7179 американских и 2560 английских).

Танков большевики получили 9816 единиц (5741 американских «Шерман» и «Стюарт», 4075 английских «Валлентайн», «Матильда» и «Черчилль»). В 1943 году многие советские танковые части были укомплектованы американскими и английскими машинами на 65—70 %.

Зенитные американские самоходные установки М15 и М17 (1000 ед.) на базе полугусеничных бронетранспортеров были единственным мобильным средством ПВО в танковых и механизированных частях РККА. К ним надо добавить 650 полугусеничных самоходных орудий Т48.

Артиллерийских орудий было поставлено около 8 тысяч разного калибра. Значительную часть их составляли зенитные и противотанковые пушки.

Военно-морской флот СССР получил 210 боевых кораблей (1 линкор, 1 крейсер, 9 эскадренных миноносцев, 4 подводные лодки, 28 сторожевых кораблей, 89 тральщиков, 78 больших охотников за подводными лодками), 267 боевых катеров (205 торпедных, 62 сторожевых), 106 десантных судов, 33 вспомогательных судна. Всего — 616 выпелов. Из них около 80 % кораблей, катеров и судов приняли участие в боевых действиях против флотов Германии и Японии.

Советская промышленность новых кораблей в годы войны не строила. Были достроены 2 крейсера (на Дальнем Востоке), 14 эскадренных миноносцев (из них 8 на Дальнем Востоке), 2 сторожевика и 58 подводных лодок, спущенные со стапелей на воду до 22

июня 1941 года. Отечественные заводы пополняли флот только катерами (торпедными, сторожевыми, «охотниками», бронированными) и малыми тральщиками.

И все же, несмотря на солидные объемы, главная ценность «ленд-лиза» — не в поставках военной техники. Американцы и англичане поставляли то, чего в тот период в СССР не хватало катастрофически — порох и взрывчатые вещества, паровозы, вагоны и железнодорожные платформы, современные автомобили и трактора, промышленные станки, средства связи...

Еще немного статистики:

Союзники поставили в СССР 1981 паровоз и 11156 вагонов разного назначения, что составило абсолютное большинство (почти 90 % подвижного железнодорожного состава). В СССР за годы войны построили всего лишь 92 паровоза (!) и чуть более тысячи грузовых вагонов.

Связисты получили до 1945 года 420 тысяч полевых и обычных телефонов, свыше 670 тысяч миль (1 млн 78 тыс. км) телефонного провода (поставки провода в 1943 году в три раза превысили его производство в СССР). Были получены 9350 американских радиостанций для установки на истребителях советского производства, а также тысячи единиц навигационного авиаоборудования (радиоконпасы, автопилоты, радары, секстанты, авиагоризонты).

Для наращивания в СССР выпуска танков Т-34 в феврале — марте 1942 года союзное руководство приняло решение о поставках большого количества станков, оборудования, инструмента, сырья и материалов, в том числе станков для нарезки конических спиральных шестерен. Число ввезенных в страну станков в первой половине 1942 года (2994 штук) было равно их производству в СССР до войны за год. Например, благодаря 40 импортным станкам, поступившим в июле 1942 года на авиазавод в Ступино, за 2 месяца удалось вывести его на проектную мощность.

Взрывчатых веществ было поставлено 344 тысячи тонн.

Чрезвычайно важными для армии и хозяйства были поставки новейших автомобилей. Мобильность войск РККА обеспечили американские автомобили — Studebaker, Ford, Dodge, Willys — всего 477.785 штук. Эти автомобили составили почти 70 % всех автомобилей (!), которыми располагала Красная Армия за все время войны. Подавляющее большинство знаменитых «катюш» и «ванюш» (систем залпового огня) монтировалось на американских «студебеках».

Специалисты подсчитали: чтобы в условиях войны наладить выпуск на отечественных предприятиях 400 тысяч автомобилей, потребовалось бы в 4 раза больше материалов, станков, электроэнергии и специалистов, которые были задействованы для выпуска 130 тысяч самолетов!

Поставки союзников не ограничивались оружием. Если сравнить показатели обеспечения сырьем, топливом, продовольствием, обмундированием (в процентах) с собственным производством, получается просто потрясающая картина:

- мясные консервы (знаменитая тушенка) — 480,2 % от их производства в СССР (!!!);
- олово — 223,1 % (!!!);
- кобальт — 138,2 % (!!);
- алюминий — 106,4 % (!);
- медь — 77,1 %;
- автопокрышки — 73,4 %;
- сахар — 66,1 %;
- железнодорожные рельсы — 56,5 %;
- авиационное топливо — 23,1 %.

Что касается продовольствия, то США, Канада и Великобритания за период с 6 сентября 1941 по 20 сентября 1945 отгрузили в СССР 4.915.818 нетто-тонн продовольствия, общая калорийность которого составила около 67.502.474,4 млн. ккал. Если учесть, что максимальная калорийность суточного рациона бойца действующей армии не превышала 4000 килокалорий в сутки (обычно меньше), то выходит, что продовольствия, поставленного в СССР по ленд-лизу, с избытком хватало на обеспечение продуктами питания 10-миллионной армии в течение 1688 суток (56 месяцев). Между тем общая продолжительность войны СССР против Германии и Японии составила 50 месяцев!

Союзники поставили 15 млн пар сапог и ботинок для военнослужащих, а также 50 тысяч тонн кожи для пошива обуви. Иными словами, они обули, как минимум, 30 млн советских людей — не только все армию и флот, но и миллионы «гражданских» лиц.

Эти цифры более чем красноречивы. О том, что значил Lend-Lease для СССР, вполне ясно заявили в свое время первые лица страны.

И.В. Сталин:

«Соглашение, на основе которого США на протяжении всей войны в Европе поставляли СССР в порядке ленд-лиза стратегические мате-

риалы и продовольствие, сыграло важную роль и в значительной степени содействовало успешному завершению войны против общего врага — гитлеровской Германии» (выступление 11 июня 1945 г.).

Г.К. Жуков:

«Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листового стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью? А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии».

Банков (зам. начальника Главного управления Государственных материальных резервов при Совмине СССР):

«Из военных лет работы на Дальнем Востоке мне хочется рассказать об операциях, связанных с поставками по ленд-лизу через Владивосток-

*Американские джипы «Виллис» с 1942 года
являлись основным легковым транспортом Красной Армии*

ский порт. В мои обязанности начальника базы госрезервов входило обеспечение разгрузки продовольственных товаров и стратегических материалов, в частности дюралюминия, ежедневно до 5—6 воинских маршрутов. Да-да, до 5—6 железнодорожных маршрутов в сутки!»

А.И. Микоян:

«Когда к нам стали поступать американская тушенка, комбиджир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу весомые дополнительные калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепало и тылу.

Или возьмём поставки автомобилей. Ведь мы получили, насколько помню, с учётом потерь в пути около 400 тысяч первоклассных по тому времени машин типа «Студебеккер», «Форд», легковые «Виллисы» и амфибии. Вся наша армия фактически оказалась на колёсах, и каких колёсах! В результате повысилась её маневренность и заметно возросли темпы наступления. Без ленд-лиза мы бы наверняка ещё год-полтора лишних провоевали».

Но, разумеется, большевики не были бы самими собой, если бы уже два года после окончания войны не начали утверждать, что «поставки западных союзников, хотя и оказали некоторую помощь СССР, в целом были невелики, не сыграли и не могли сыграть решающей роли в обеспечении перелома в ходе военных действий». То же самое сталинисты талдычат сегодня. Спорить с ними абсолютно бесполезно. Они — невменяемые.

ОБВИНЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА

Известный российский писатель, поэт и публицист Владимир Солоухин (1924—1997) в 1995 году опубликовал книгу «Последняя ступень». Она посвящена вершителям и антигероям исторической трагедии России в XX веке. Позволю себе завершить эту часть своего исследования заключением из указанной книги.

«На Ленина ложится вина не только за все, что он натворил лично с 1917 по 1924 год, но за все, что, идя по его пути, исполняя его заветы, натворила созданная им партия. Партия большевиков РКП(б), ВКП(б), КПСС, созданная Лениным как инструмент власти и насилия, виновна:

I. В том, что ее именем группа революционеров-экстремистов 25 октября 1917 года арестовала Временное правительство, а позднее разогнала Учредительное собрание, то есть насильственным путем захватила власть в Российской демократической республике.

II. В том, что власть этой группой была захвачена не только насильственным, но и обманным путем, не ради благополучия и процветания многочисленных народов, населяющих страну, но ради проведения в стране социально-политического эксперимента, ради использования населения и всех богатств страны как ресурсов, материала, сырья, массы для этого эксперимента...

III. В том, что, увидев, что 90 процентов населения участвовать в этом утопическом эксперименте не хотят, захватившие власть вместо того, чтобы отказаться от эксперимента и самоустраниться, развязали в стране чудовищный, невиданный террор, в результате которого была уничтожена примерно третья часть населения...

IV. В том, что именем партии была развязана кровопролитная братоубийственная война, а цвет нации, если и уцелел частично в этой войне, был выброшен за пределы страны...

V. В том, что, ради удовлетворения своих политических амбиций, именем партии была осуществлена вандалистская акция убийства Царской семьи, невинных детей и женщин...

VI. В том, что на протяжении своего властвования властители, отнимая у крестьян весь хлеб, многократно инспирировали голод, уносивший миллионы жизней, доводивший до людоедства и детоедства...

VII. В том, что многочисленные восстания, естественно вспыхивавшие против жестокого насилия, буквально топились в крови: восстания Путиловское, Колпинское, Ижорское, Кронштадтское, Ярославское, Рогачевское, Астраханское, Ижевское, Пермское, Пензенское, Тамбовское, восстания по всей Сибири и по всей Средней Азии...

VIII. В том, что именем партии было произведено массовое истребление донских и кубанских казаков (расказачивание), когда войска

ЧОН уничтожали целые станицы с женщинами и детьми...

IX. В том, что под предлогом борьбы с голодом (вызванным самой же властью) были ограблены, вывезены и проданы за рубеж несметные богатства, накопленные веками в церквах и монастырях...

X. В том, что в местах, где живут мусульмане, были уничтожены сотни мечетей и медресе, а также муллы и учителя...

XI. В том, что в одной только Бурятии в 1936 году сожгли 36 буддийских монастырей (дацанов) вместе со старинными (тибетскими) библиотеками, историческими и художественными ценностями...

XII. В том, что по всей стране было разрушено более 90 процентов монастырей и храмов, а в одной только Москве 450 храмов, включая великую святыню России — Храм Христа Спасителя...

XIII. В том, что в 1929—1930 годах была проведена насильственная коллективизация крестьян с уничтожением 6 миллионов наиболее крепких хозяйств (около 15 миллионов человек), с уничтожением, например, в Казахстане, многомиллионных табунов, отар и стад...

XIV. В том, что коллективизация привела к отчуждению крестьянина от земли, от заинтересованного труда, к тому, что мы теперь называем раскрестьяниванием России, к запустению деревни, зарастанию земли сорняками, а плодородных лугов — кочками и кустарником...

XV. В том, что, имея целью не процветание своего государствами народа, а призрачную мировую революцию, и для того используя порабощенную, изнасилованную страну лишь как источник средств и ресурсов для осуществления утопической идеи, именем партии на протяжении десятилетий шло разграбление богатейшей страны.

Шло варварское сведение лесов, происходил варварский сплав древесины по всем рекам, текущим на север, что вело к гибели древесины (топляк) и к гибели рек, дно которых выслано топляком в 30 слоев; шло опустошение недр, хищническое выкачивание нефти, газа, золота, якутских алмазов, уральских самоцветов, редких руд, серебра, и все — на продажу; шло выкачивание из наших лесов пушнины, из рек — благородных рыб, и все — на продажу, все — мимо коренного населения; шло маниакальное строительство гигантских плотин, маниакальное создание гигантских водохранилищ (водогноилиц), что вело к затоплению миллионов гектаров плодородных лугов и полей; шло погубление уникальных воронежских черноземов, отравление Байкала, полное погубление Аральского моря, погубление в Казахстане, на Алтае, в Хакасии до 30 миллионов [га] травянистых пастбищных степей (целина)...

XVI. В том, что страна в течение десятилетий была покрыта сетью лагерей, перемоловших десятки миллионов человеческих жизней...

XVII. В том, что система насилия, угнетения, беззакония разрушила общество, привела его к дефициту нравственности, человечности, духовности, что, в свою очередь, привело к тотальному алкоголизму и к небывалому расцвету преступности...

XVIII. В том, что, поразив людей параличом страха, каждого пятого человека завербовывали в тайные доносители (сексоты, стукачи), и таким образом пятая часть населения была дополнительно изнасилована и нравственно развращена, ибо нельзя считать нравственно полноценной личностью тайного доносителя, стукача... (Насчет каждого пятого обнародовал Хрущев, разоблачая деятельность Берии...)

XIX. В том, что, начав лгать с первого дня господствования в стране, партия лгала на протяжении семидесяти с лишним лет и, продолжая во многом лгать и сегодня, приучила население ко лжи, сделав ложь законом жизни в стране и тем самым дополнительно, сверх всяких мер развратив население нравственно и морально. Ложь была нужна партии и состояла в том, что диктатура группы революционеров-экстремистов выдавалась за диктатуру пролетариата, что эта группа интеллигентов (полуинтеллигентов) — экстремистов сама провозгласила себя авангардом рабочего класса и крестьянства.

Ложь состояла в том, что ограбление страны выдавалось за заботу о благе народа, что невиданное порабощение человека (людей) выдавалось за невиданную свободу, что обнищание населения выдавалось за процветание, что, короче говоря, все черное выдавалось за белое...

XX. В том, что правящая группа людей именем партии и от имени партии на протяжении десятилетий навязывала населению страны свою волю, не терпя никакого непослушания и даже инакомыслия, тем самым извратив психологию людей, превратив их в покорных и безмолвных рабов (непокорные и безмолвные изымались и уничтожались)...

XXI. В том, что именем партии целые народы были выброшены из своих исторических мест обитания в казахстанские степи, в пустыни и в тайгу, где эти народы на 3/4 погибли: немцы Поволжья, чечены, ингуши, карачаевцы, крымские татары, балкарцы, грузинские турки...

XXII. В том, что, имея целью утопическую (то есть неосуществимую) идею мировой революции и мировой коммунистической системы, партия содержала десятки «дочерних» партий и режимов с их партийными газетами, тоталитарными структурами в различных странах мира, пытаясь разложить народы, натравить одну часть народа на другую, что приводило к братоубийственным кровопролитиям, террору, дестабилизации, а там, где удавалось добиться хоть частичного успеха, — к развалу экономики, голоду, обнищанию...

XXIII. В том, что в результате всех своих действий партия (а она всегда была у нас правящей и ведущей народы вперед) довела страну до последней черты, ввергнув ее в такую пучину экономических, демографических, социальных, межнациональных, экологических бедствий, что теперь неизвестно, как из этой пучины выкарабкаться.

Итак, двадцать три пункта обвинения.

Встать, суд идет!»

Часть IV

КРАХ СОВЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (РЫБА ГНИЕТ С ГОЛОВЫ)

Эту народную мудрость надо понимать двояко: во-первых, как морально-политическое разложение нового господствующего класса (партийно-советской номенклатуры), во-вторых, как полную деградацию советско-коммунистической идеологии.

Глава 1 НОВЫЙ КЛАСС ГОСПОД

Вместо прежней структуры общества, определявшейся отношениями между собственниками средств производства, между капиталом и трудом, в СССР сформировалась принципиально иная. Она дифференцировалась по принципу распределения власти. Отныне основой для социальной стратификации, обладания экономическими и социальными благами и привилегиями стала степень властных полномочий.

В 1957 году в США вышла в свет книга бывшего югославского коммуниста Милована Джиласа «Новый класс: Анализ коммунистической системы»*. В ней он дал глубокий анализ природы партийно-политической номенклатуры СССР — нового правящего класса при социализме. В этой главе изложены основные идеи Джиласа.

По Джиласу, тезис о том, будто бы в связи с индустриализацией и коллективизацией, т.е. с окончательной ликвидацией частной

* Милован Джилас (1911—1985) являлся членом ЦК КПЮ, имел звание генерала, был Героем Югославии. Однако в 1954 г. за критику правящего режима его сместили со всех постов, лишили званий и наград, неоднократно подвергали судебным преследованиям. В тюрьме он написал знаменитую книгу «Новый класс». Широкую известность получили его книги «Беседы со Сталиным» (1961 г.) и «Несовершенное общество. Теоретическая критика современного социализма» (1969 г.).

собственности, Советский Союз превратился в бесклассовое общество — не только иллюзия, но и прямой обман.

Когда в декабре 1936 года Сталин в связи с принятием новой Конституции заявил, что в СССР нет больше эксплуататорских классов (помещиков, предпринимателей, банкиров), на самом деле уже сформировался новый класс, ранее неизвестный в истории. Этим классом стала политическая бюрократия (партийно-советский аппарат, или номенклатура).

Этот класс (подобно любому другому до него) воспринял установление собственного господства как торжество всеобщего счастья. Именно эту идею идеологи указанного класса внушали всем остальным гражданам. Причем в отличие от прежних классов они более нетерпимо относились к любым попыткам оспорить насаждаемые ими выдумки и свое «право» на господство.

Класс «новых господ» отличался определенной самобытностью. Уже само его появление имело свои особенности. Другие классы в большинстве случаев тоже приобретали могущество и власть революционным путем, разрушая прежние политические, общественные и экономические отношения. Но все они добивались власти уже после того, как в старом обществе брали верх новые формы экономики. Иное дело — новый класс в СССР: к власти он пришел не за тем, чтобы завершить преобразования, а с намерением заложить фундамент принципиально новых экономических отношений.

В прежние эпохи приход к власти нового класса являлся итоговым актом формирования его самого и сознания тех, из кого он состоял. В СССР произошло обратное: новый класс сформировался уже после того, как захватил власть. Более того, оформление партийной бюрократии в господствующую силу происходило с опережением экономических и даже физических возможностей государства.

Профессиональные революционеры как ядро «нового класса»

В силу того, что новый класс не сформировался в недрах реальной общественно-экономической организации общества, его зачатки могли находиться только внутри организации особого рода, опирающейся на дисциплинированность и идейное единообразие в своих рядах. Именно «железной» дисциплиной и единством коллективного сознания новый класс на первых порах компенсировал свои объективно слабые позиции в экономической и других сферах жизни общества.

Основу нового класса составил слой профессиональных революционеров, образовавшийся еще до захвата ими власти в стране. Не случайно Ленин после поражения революции 1905 года утверждал, что только профессиональные революционеры, т.е. люди, для которых революционная деятельность есть занятие, исключаящее все прочие, в состоянии создать партию нового типа. Еще менее случаен тот факт, что Сталин представлял собой тип такого профессионального революционера. Этот узкий слой революционеров и развился постепенно в новый правящий класс.

Л.Д. Троцкий сказал однажды, что в дореволюционных профессиональных революционерах кроется зародыш будущего сталинского бюрократизма. Он не понял лишь, что речь на деле шла о зародыше нового правящего эксплуататорского класса.

Все это не означает, что новая партия была идентична новому классу. Партия была его ядром и основанием. На практике трудно точно определить границы нового класса и назвать всех, кто к нему принадлежал. Обобщая, к новому классу можно отнести тех, кто получил материальные преимущества и особые привилегии исключительно в силу монополии на управление. Следовательно, не каждый член компартии был представителем этого класса — ведь далеко не каждый партиец являлся в то же время и руководителем.

В общем, происходило следующее: по мере укрепления нового класса, когда все отчетливее вырисовывался его облик, роль самой партии неуклонно убывала. Внутри ее и на ее вершине вызревало ядро нового класса. Некогда инициативная, живая и, что существенно, количественно небольшая партия с неизбежностью превращалась для олигархов «нового класса» в обширный, но аморфный довесок. Этот паразитический «аппендикс» все сильнее втягивал в свои ряды всех жаждущих пробиться наверх (войти в новый класс) и отторгавший тех, кто продолжал верить в красивые идеалы.

Итак, партия профессиональных революционеров составила ядро нового класса. Затем этот класс рос уже и собственными силами, используя партию как основание. Класс усиливался, партия слабела — такова неотвратимая судьба любой правящей коммунистической партии.

В отличие от компартии, любая другая партия в России, не имевшая своего материального интереса в организации процесса производства и распределения материальных благ, не смогла бы заниматься такой идейной и моральной эквилибристикой, а тем более так долго оставаться у власти.

После завершения первой пятилетки Сталин громогласно заявил, что, мол, не создай мы аппарат, мы бы провалились! Если бы он сказал вместо «аппарат» — «новый класс», все было бы ясно. Тем более, что первая пятилетка в действительности была провалена по всем основным показателям. Но «класс» сумел удержать власть в своих руках, несмотря на массовое недовольство населения, массовое стихийное сопротивление ликвидации НЭПа и коллективизации.

В силу специфики возникновения на базе одной партии новый класс вынужден был прибегнуть к максимально возможной организованности. В этом смысле он был более сознательным и организованным, чем все его исторические предшественники. Ни один класс в истории не был настолько сплочен в защите своего объединяющего начала — коллективной монопольной собственности и всеобъемлющей власти без конкурентов — как большевистский парт-аппарат.

Не случайно Сталин представлял себе партию коммунистов-большевиков своего рода военной организацией. Он сам сказал:

«В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство».

Если проводить аналогию с классом феодалов, то партийные «генералы» — это крупные помещики, владевшие десятками и даже сотнями деревень; партийных «офицеров» следует назвать помещиками «средней руки»; партийное «унтер-офицерство» можно приравнять к мелким помещикам, которым принадлежали одна — две небольшие деревеньки.

Пролетариат — основа нового класса

Не так важно, каким именно образом коммунисты-утописты планировали обустроить счастье будущих поколений. Важно то, КАКОЙ человеческий материал был призван стать движущей силой этого общественного эксперимента. И почему все иные социальные группы неумолимо оказывались чужими на социалистическом «празднике жизни».

В социальном плане новый класс — пролетарского происхождения. Как из крестьянства вышла аристократия, а из среды средне-

вековых торговцев, менял и ремесленников — буржуазия, так главным образом из пролетариата появился и новый класс партийных господ.

Конечно, возможны некоторые различия, обусловленные специфическими национальными условиями. Но «сырье», из которого формируется новый класс, — это пролетариат слаборазвитой страны, такой же отсталый, как и она сама. Однако социальное происхождение — второстепенная причина того, почему новый класс всегда выступает от имени промышленного пролетариата. Для этого есть другие основания.

Во-первых, он вполне логично ищет поддержку себе среди трудящихся (т.е. среди эксплуатируемой части населения); во-вторых, он опирается на борьбу пролетариата и его традиционную веру в возможность создания такого общества, в котором отсутствует грубая эксплуатация меньшинством — большинства; в-третьих, новый класс жизненно заинтересован в обеспечении нормального функционирования производства, что тоже побуждает его не терять связь с пролетариатом. Но самое важное — то, что он не в состоянии проводить индустриализацию и крепить этим собственную мощь без рабочего класса. А этот последний, в свою очередь, усматривает в промышленном подъеме путь выхода из нищеты, в которой он пребывает.

Однако монопольное положение в обществе, устанавливаемое новым классом от имени рабочих, представляет собой в первую очередь монополию над самим рабочим классом. Сначала это духовная монополия — в виде присвоения роли так называемого «авангарда пролетариата», а затем и любая иная. То есть, это величайший обман со стороны нового класса. Но этот же факт одновременно показывает, что источник могущества нового класса, находится прежде всего в промышленности. Без нее он не в состоянии прочно утвердить свое господство.

При критическом анализе коммунистических систем обычно выделяют их ключевую черту — подчиненность народа особому сословию бюрократов. В широком смысле это верно. Но детальный анализ показывает, что лишь партийная (политическая) бюрократия, а не административные чиновники, составляет сердцевину нового класса. Остальные служащие — это аппарат, ею контролируемый, раздутый и неповоротливый, но так или иначе необходимый любому обществу.

Граница между политической бюрократией и государственным аппаратом в жизни едва различима. Не только потому, что вся ком-

мунистическая система бюрократична, но и потому, что слой политических бюрократов не может сосредоточить в своих руках абсолютно все функции управления, присваивать себе абсолютно все блага и привилегии, не делясь при этом с другими категориями бюрократов. Иное дело — величина кусков от общего пирога, достающихся каждому чиновнику-бюрократу, как партийному, так и без партбилета. Вспомним тех же помещиков эпохи крепостничества: доходы какого-нибудь Троекурова в десятки (а то и в сотни) раз превышали доходы соседа Дубровского!

Бюрократия коммунистическая и буржуазная

Разница между ними такова: выделяясь спонтанно в особый слой, госслужащие и прочие бюрократы в буржуазных странах не определяют там судьбу собственности, тогда как бюрократы коммунистические именно этим и занимаются. Над западными бюрократами стоят политические правители (обычно выборные), или же непосредственно хозяева, тогда как над коммунистами, кроме них самих, нет ни правителей, ни хозяев.

Там мы видим именно чиновников — наемный персонал государства и капиталистической экономики, а здесь наблюдаем нечто иное — новый класс. Подтверждением его реальности выступает контролируемая им собственность, а также особые взаимоотношения с другими классами.

Если понятие «собственность» рассматривать как владение, пользование и распоряжение материальным продуктом, то коммунистическая политическая бюрократия именно так и поступает с национализированным имуществом. А если индивидуальную принадлежность к новому классу рассматривать как использование преимуществ, предоставляемых собственностью, то она выражается в материальном вознаграждении. Последнее намного превышает то, которым общество обязано было бы оплачивать исполнение управленцами определенных функций, ибо новый класс находится в очевидном привилегированном общественном положении, которое само по себе дает всевозможные преимущества.

На деле собственность нового класса проявляется в виде монополии партийной бюрократии на распределение национального дохода, регламентацию уровня заработков, выбор направлений хозяйственного развития, а также как распоряжение национализированным и другим имуществом. Все это однозначно представляется в виде удобной, обеспеченной и отнюдь не перегруженной трудом жизнью коммунистических функционеров.

Ликвидируя частную собственность в принципе, новый класс не мог базироваться на каком-нибудь вновь изобретенном ее подвиде. Частнособственнические отношения оказались не просто непригодными для реализации его господства, но само их устранение явилось условием экономического преобразования нации. Поэтому свое могущество, привилегии, идеологию новый класс черпает из особой формы собственности — «коллективной собственности», которой он управляет и которую распределяет якобы «от имени всего общества».

Лишить коммунистов упомянутого права на собственность равнозначно упразднению их как класса. А добиться, чтобы они допустили другие общественные силы к этой собственности, точнее — к решению ее судьбы (как было с капиталистами, которых стачки и парламент заставили допустить рабочих к распределению прибыли, т.е. опосредованно к самой собственности), значило бы лишить их монополии и на собственность, и на идеологию, и на власть. С этого и началась бы демократия и свобода.

По всей стране большевики возвели тысячи однотипных монументов, изображавших крупных партийных чиновников.

Слева — Сергей Орджоникидзе (скульпторы В. Ингал, В. Боголюбов, 1937 г.); справа — Сергей Киров (скульптор Н. Томский, 1938 г.)

В любых общественных системах есть профессиональные политики. Общество не может обойтись без государства, без власти, равно и без тех, кто за эту власть борется. Но профессиональные политики в иных системах коренным образом отличаются от своих коммунистических собратьев.

Первые в худшем случае используют власть, чтобы прибрать к рукам привилегии для себя или защищать экономические интересы определенных слоев общества. У коммунистов же сама власть равнозначна владению, пользованию и распоряжению почти всеми национальными ресурсами.

Главные черты нового класса

Процесс образования нового класса прикрывался не только социалистической фразеологией, но и, что важнее, коллективной формой собственности. Классовая сущность этой собственности прячется за ширмой общенациональных интересов.

Духовным и практическим основоположником нового класса был, сам того не ведая, Ленин, создавший партию большевистского типа и теорию об ее особой роли в построении нового общества. А реально создал новый класс Сталин, творивший его варварскими методами.

Новый класс зародился внутри компартии, но таким, как есть, он стал уже после индустриального переворота: без индустрии его положение не обрело бы прочности. Осуществление общенациональной задачи — промышленного переустройства — означало одновременно и победу нового класса как такового. Два разных процесса, совпав по времени, тесно переплелись между собой.

В разгар индустриализации Сталин начал вводить значительные и все более заметные различия в заработках и привилегиях. Он понял, что индустриализации не будет, если новый класс не заинтересовать в ней материально, если не дать ему возможность реально распоряжаться собственностью. А без индустриализации и сам новый класс не выжил бы: просто не нашел бы для этого материальных источников.

После Сталина пришло то, что должно было прийти на стадии зрелости нового класса, — торжество посредственности. Формально это выразил новый лидер партии Хрущев, «человек из народа», не отмеченный интеллектом. Новый класс уже не испытывал прежней нужды ни в революционерах, ни в догматиках. Его вполне удовлетворяли «простые» личности. Новый класс устал от сталинских «чисток» и дрессировки, ему хотелось покоя. Ощувив достаточную на-

дежность своего положения, он теперь хотел обезопаситься и от собственных вождей.

Обратившись к любому научному определению класса, мы приходим к однозначному выводу: в СССР и других коммунистических странах возник новый класс собственников и эксплуататоров. Его отличительная черта — во-первых, коллективная собственность (известная по деспотиям Древнего Востока) и, во-вторых, всеохватный характер такой собственности. Она была более всеохватна, чем даже в Древнем Египте при фараонах.

Система привилегий

Появление нового класса прямо повлияло на психологию и образ жизни тех, кто к нему принадлежал. Присвоено было все самое лучшее: жилища (квартиры, загородные дачи, мебель), удобства, продукты питания, медицинское обслуживание и курорты, транспортные средства...

Уже в середине 1920-х годов в Кремле появилась особая столовая для партийного руководства, с ассортиментом блюд значительно лучше того, что позволял так называемый «партмаксимум». Потом появилась большая столовая при Кремлевской больнице, появился «кремлевский паек», появились партийные дачи.

В середине 1930-х годов был отменен партмаксимум, ограничивавший верхние пределы зарплаты партийно-советских чиновников. С этого времени началось быстрое расслоение советского общества. Выделились самые привилегированные: наверху — высшая партийно-государственная бюрократия (члены ЦК ВКП(б) и республиканских компартий, наркомы СССР и союзных республик), ниже — сотрудники карательных органов, еще ниже — генералитет РККА. Играя на низменных сторонах человеческой природы, Сталин побуждал партийцев ценить привилегии и материальные блага. Каждая очередная сделка с совестью готовила следующую, более крупную. Сталин покупал и разлагал состав партийного аппарата в центре и на местах с тем, чтобы партийцы охотно выполняли любые его поручения, в том числе самые бесчеловечные.

Партийные секретари (от членов Политбюро ЦК до райкомов и горкомов), а также сотрудники органов НКВД/НКГБ сделали повсеместно не только высшей властью, но и теми людьми, которым принадлежало все самое лучшее. Вслед за ними по ранжиру выстроились все остальные. Бюджетные средства, «подарки», строительство и переоборудование жилищ и других помещений якобы для нужд государства и целей представительства — все это было не-

иссякаемым источником благ, предназначенных политической бюрократии.

Пороки «нового класса»

Новый класс был жаден и ненасытен, как молодая буржуазия, но при этом начисто лишен свойственной буржуазии бережливости. Он был жестко спаян и закрыт для посторонних, словно аристократия, но обходился без аристократической утонченности духа, рыцарской чести и достоинства.

По мере осознания того, что власть, т.е. монопольное распоряжение национальной собственностью, несет с собой все блага, неизбежно расцветали грубый карьеризм, двуличие, подхалимаж, зависть, «подсигивание» и тому подобные пороки. Все это — неизлечимая болезнь коммунизма. Именно потому, что коммунисты переродились в собственников, у них не было иного пути карьеры кроме как через демонстрацию «преданности партии» (т.е. своему классу) и преданности «делу социализма» (т.е. коллективной собственности). А способность «идти по трупам» являлась коренной предпосылкой для успешной служебной карьеры.

Принадлежность к классу собственников в принципе не равнозначна владению конкретным имуществом. Этот тезис тем более верен для коммунистической бюрократии, так как ее собственность — коллективная. Здесь быть владельцем или совладельцем означает пробиться в ряды правящей политической бюрократии. И ничего другого.

В частнособственнических классах владение передавалось по наследству. Здесь же, кроме стремления пробиться в круг избранных, никто ничего не наследует. Формируясь в своем большинстве из представителей низших классов (промышленных рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции), новый класс непрерывно колышется как море. Теоретически путь вверх открыт всем. Но этот класс подобен конусу: широкий в основании, он по мере приближения к вершине все сильнее сужается. Для восхождения по нему мало одной воли, необходима еще способность «понимать доктрину», нужна исключительная изворотливость и хитроумие во внутрипартийных баталиях. «Много званых, да мало избранных»...

Новый класс, если сравнивать его с другими, одновременно и более открыт, и более недосыгаем. Как нигде и ни в какие времена для «верных и преданных» не были столь широко раскрыты врата, точно так же путь вверх нигде и никогда не был столь трудным, не требовал таких жертв. Одной своей стороной коммунизм открыт для

каждого, но другой — исключителен и нетерпим даже в отношении собственных приверженцев.

Захватив власть, коммунисты достаточно легко расправились с буржуазией и помещиками. Направить массы на борьбу с ними оказалось несложным делом. Так что изъятие собственности у этих классов трудностей не вызвало.

Трудности возникли при экспроприации мелкой собственности. Но закаленные в прежних «баталиях» коммунисты и тут одержали победу. Всех «крепких» крестьян, успешных ремесленников и розничных торговцев они «раскулачили» и выбросили на обочину, попутно уничтожив физически добрую половину этих категорий населения. После этого прежних классов и хозяев больше не осталось, общество стало «бесклассовым», а люди начали жить по-новому. Требования вернуться к дореволюционным отношениям стали не-реальными, ибо для прежних отношений больше не было ни материальной, ни общественной основы.

Однако новый класс чувствовал себя неуютно, когда звучали требования свободы. Подчеркнем, что речь не шла о свободе политической. Новый класс крайне болезненно реагировал на требования предоставить свободу мышления, критики, причем в рамках вновь созданных общественных отношений — в рамках «социализма».

Такая чувствительность проистекала из специфики его положения. Его представители понимали (кто предельно ясно, кто смутно), что национальные богатства стали их коллективной собственностью, а этикетки типа «социалистическая», «общественная», «государственная» собственность — всего лишь правовая фикция. Но при этом они понимали и то, что любой ущерб, нанесенный всеохватности (тотальности) их господства, может обернуться угрозой против этой общей собственности. Вот они и противились всякой критике сложившихся порядков, справедливо усматривая в ней покушение на монопольное распоряжение собственностью и людьми.

Новый класс тем болезненнее относился к подобной критике и требованиям, чем глубже раскрывали они его сущность собственника и властолюбца. Здесь в принципе дело касается одного наиболее значительного противоречия, с которым столкнулся новый класс. А именно: собственностью, являвшейся де-юре общенациональной, фактически в своих интересах распоряжалась лишь одна социальная группа. Такое несоответствие правовых и реальных отношений неуклонно влекло расхождение между словами и делами правящих структур — все принимаемые ими меры сводились в конечном итоге к упрочению существующих собственнических и по-

литических отношений. Новый класс не мог разрешить это противоречие, не поставив одновременно под угрозу свое исключительное положение*.

В буржуазном обществе каждый владелец фирмы (предприятия, фермы, магазина и т.д.) фактически является эксплуататором, а его наемные работники — эксплуатируемыми, но все они равны перед законом. При коммунизме же наоборот. Формальный собственник средств производства — вся нация, но фактически, посредством монополии управления, ими распоряжается только узкий круг партийных бюрократов.

Указанное противоречие порождало наибольшее количество проблем внутри нового класса: оно делало неопределенным его юридический статус, загоняло его в неприятные тупики, непрерывно оголяло несоответствие того, что класс говорил, тому, что он делал. Ведь обещая устранить социальные различия между людьми, он их все время увеличивал, присваивая себе плоды чужого труда, одаривая привилегиями свою «гвардию».

Историческая обреченность нового класса

По мере своего становления и упрочения положения в обществе новый класс все больше и больше тяготился одержимостью Сталина превратить коммунизм в господствующую мировую систему, так как реализация этой цели требовала колоссальных людских жертв и материальных потерь. Оказавшись после смерти Сталина предоставленным самому себе, этот класс моментально избавился от самоотдачи в деле реализации стратегических целей государства. Дальнейшая эволюция его лидеров и «кадров» характеризовалась интеллектуальной и нравственной деградацией, а также утратой трезвого взгляда на окружающий мир.

Противоречие нового класса между его реальным положением собственника и правовыми отношениями выступало основным мотивом критических мыслей, настроений и поступков, разрушавших идейное единство народа, ибо в действительности всей полнотой материальных благ, не говоря уже о привилегиях, пользовалась лишь небольшая часть общества.

Именно разрастание и обострение этого противоречия повлекло перемены в коммунизме. Ради сохранения своего господства, правящему классу волей-неволей приходилось идти на различные ре-

* Вспомним «перестройку», инициированную М.С. Горбачевым. Как только в СССР были введены многопартийность и производственно-сбытовые кооперативы, события приобрели неуправляемый характер и покатались подобно снежному кому.

формы и послабления в режиме всеобщего концлагеря. Предпринимаемые шаги, естественно, подавались под соусом «дальнейшего развития социализма и социалистической демократии», но в их основе лежало обострение упомянутого противоречия.

Новому классу приходилось, «не смыкая глаз», думать об укреплении своей власти и собственности, непрестанно уклоняясь от истины и все упорнее доказывая, что он успешно руководит созданием общества равноправных и счастливых людей, где устранена всякая эксплуатация. Ему было не по силам обойти глубокие внутренние противоречия: происхождение не позволяло классу узаконить свою собственность, но и отступить от нее, не подрывая тем самым своих основ, он тоже не мог. Новый класс был вынужден оправдывать свое господство — все более безграничное — посредством выдвижения все более абстрактных и нереальных целей*.

Эксплуаторское могущество коммунистической политической бюрократии не знает аналога в истории. Но это также был и самый недальновидный класс, его горизонты оказались призрачными. Полностью подмяв под себя общество, он был обречен на неадекватность оценки и собственной роли, и окружающего мира.

Проведя индустриализацию и физически уничтожив всех своих явных и потенциальных противников, новый класс оказался неспособным ни на что, кроме еще более жестокого и циничного насилия, еще более наглого обирания людей. И как неотвратимое следствие, главным его оружием стала ложь.

Растапывая все, что не ублажало его эгоизм, «новый класс» сам обрек себя на бесславную погибель и забвение**.

Номенклатура, она же «новый класс»

Михаил Восленский (1920—1997) был когда-то ответственным сотрудником аппарата ЦК КПСС. Сбежав из СССР, он поселился в Германии и даже возглавил Институт по изучению советской действительности в Бонне.

Согласно концепции Восленского, изложенной в изданной на 14 языках книге «Номенклатура» (1980 г.), в результате революции 1917 года и последовавших за ней событий в России была сокрушена

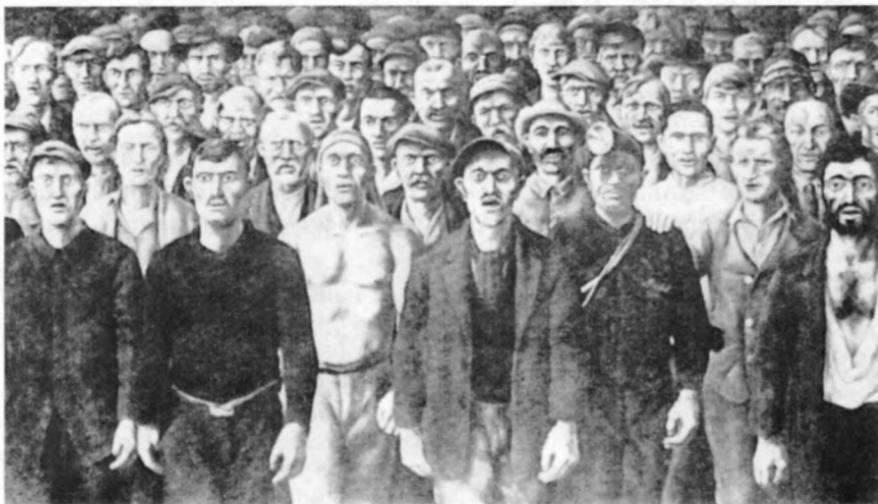
* Напрашивается параллель с действиями путинского режима в России. Ради сохранения своего господства правящая группировка (своего рода «орден» из бывших и действующих руководителей спецслужб) агитирует народ жертвовать своим благополучием и жизнями ради достижения нереальной цели — «собрание русских земель».

** Напомню, что все это Джилас написал за 35 лет до распада СССР и ухода коммунистов с авансены политической жизни не только в этой стране, но и в странах так называемой «народной демократии».

существовавшая ранее классовая система общества. Но немедленно вслед за этим новая власть конституировала новый господствующий класс — номенклатуру. Именно номенклатура — господствующий класс социалистического общества и в качестве такового является коллективным собственником всех средств производства.

«Новый класс» по Джиласу и «номенклатура» по Восленскому — одно и то же. Различие лишь в том, что Джилас описал и проанализировал процессы становления и упадка этого класса во всех социалистических странах Европы, а Восленский сосредоточил свое внимание на Советском Союзе.

Квалифицируя социалистическую собственность, он утверждал, что за исключением минимальной личной собственности граждан, всю иную собственность присвоила партийно-советская номенклатура. Но для маскировки подлинной сути отношений собственности, она распространяла мифы о государственной, колхозно-кооперативной и прочих формах якобы «общенародной» собственности. Одновременно номенклатура запустила «экономически бессмысленную» машину для получения прибавочной стоимости одновременно всеми известными способами. Стремясь любой ценой сохранить свою монополию на собственность (якобы общенародную), номенклатура яростно сопротивлялась любым попыткам социальных преобразований.

Партийные руководители мыслили себя пастухами, а рядовых партийцев — стадом баранов («Интернационал», худ. О. Грибель)

ИДЕОЛОГИЯ: СИСТЕМА КОММУНИСТИЧЕСКИХ МИФОВ И ФИКЦИЙ

Банда политических маргиналов, именуемая партией большевиков, захватившая власть в бывшей Российской империи и превратившая ее население в своих рабов, не могла долго держаться только на штыках. Самой надежной гарантией сохранения своего господства могло стать для них превращение основной массы населения из рабов «по принуждению» в рабов «по убеждению».

Поэтому большевики поставили своей целью превращение поработанного населения в абсолютно покорное стадо, не только неспособное к сопротивлению им, но к тому же старательно работающее («с энтузиазмом и с песней») на «новых господ». И не только работающее, но и готовое защищать своих хозяев от внешних и внутренних врагов «не щадя своих сил, здоровья и даже жизни».

Ради обеспечения своего замысла большевистские идеологи разработали концепцию формирования «нового человека», в действительности — «нового раба», принадлежащего уже не конкретному владельцу, а новому классу господ в целом. Главными, определяющими чертами такого человека мыслились преданность «вождям» (в первую очередь «товарищу Сталину»), готовность к жертвованию собой по первому требованию ради «дела Ленина — Сталина», коллективизм, предельно умеренные материальные и культурные потребности.

Основным средством формирования «человека нового типа» являлась идеология. Идеологические догмы большевистское руководство СССР внедряло в сознание масс через такие институты как:

- 1) школа (начальная, средняя, профессиональная, высшая);
- 2) средства массовой коммуникации (газеты и журналы, радио, затем добавилось телевидение);
- 3) система политической агитации (плакаты, митинги, собрания, политучеба);
- 4) искусство и культура (кино, художественная и научно-популярная литература, театр, художественная самодеятельность).

Сама же ленинско-сталинская идеология базировалась на мифах и фикциях. К категории мифов мы относим те ее утверждения, в которые верили многие люди как в самом СССР, так и за его преде-

лами. К фикциям — утверждения, в которые никто не верил, но делали вид, что верят.

Мифы оказывают на человеческую психику гораздо более глубокое и длительное воздействие, чем фикции. Поэтому партийному руководству хотелось, чтобы фикций не было вовсе, а остались одни лишь выгодные ему мифы. Однако тоталитарная идеология коммунизма фактически превращала в фикцию всю духовную жизнь человека. В духовном мире властвование, если оно осуществляется принудительно и всеохватно, возможно только фиктивно и только над фиктивным подобием убеждений.

Часть мифов и фикций возникала сама собой: теоретические положения перерождались в мифы, мифы — в фикции. Другие специально создавались для удовлетворения практических потребностей власти: например, миф о гениальности вождей, миф о «врагах народа». Наконец, были мифы, стихийно возникавшие в народном сознании, например таков миф, что Ленин якобы хотел добра народу.

Нередко фикции создавались в тактических целях. Но тактические цели и лозунги часто меняются. Тогда и связанные с ними фикции выбрасывались на свалку. История большевизма чрезвычайно богата сменой лозунгов — политических, общественных, научных, в области искусства, всяких.

Такова, например, история с признанием величайшего авторитета за марксистской наукой о воспитании — педологией, которую потом «разоблачили» как «лженауку». Такова концепция исторической школы Покровского, осужденная в 1934 году. Таковы многочисленные дискуссии с приклеиванием ярлыков в литературоведении, театре, музыке, искусстве вообще.

Когда Сталин заявил об «обострении классово-борьбы по мере строительства социализма», из курса истории партии исчезли этапы развития, остались только «уклоны», «извращения», «наглые попытки врага захватить важный участок идеологического фронта» и т.п.

Фикций в СССР было великое множество. Если принимать их всерьез, то получается совершенно фантастическое понятие о советской жизни. Поэтому при изучении советского прошлого необходимо признать фикции тем, чем они были на самом деле, а также уяснить их значение в советской жизни.

Все советские мифы и фикции можно условно разделить на две группы: 1) положительные, трактующие о преимуществах социалистического строя и величии вождя (Сталина, Ленина, Хрущева, Брежнева...); 2) отрицательные, разоблачающие и клеймящие всё,

что не нравилось вождю (вождям) в настоящем, прошлом и будущем.

Миф о «величии» самого Сталина мы рассматривать не будем. Только напомним некоторые официальные характеристики этого деятеля — «великий стратег социализма», «гениальный вождь прогрессивного человечества», «испытанный, мудрый и любимый вождь советского народа» (из стенограммы XVII съезда ВКП(б), 1934 г.)

Положительные мифы и фикции

Задача положительных мифов и фикций — превращать такие понятия, как свобода, гуманность, демократия, счастье и подобные им в понятия фиктивные. Вследствие этого большинство людей теряло способность понимать истинный смысл производимого над ними насилия, подлинные ценности духа выступали в качестве протитутков, а всякого рода критика, что важно, становилась неприемлемой. Ее легко направляли по заведомо ложным путям, выгодным власти. Познакомимся для примера с рядом мифов и фикций.

Миф о научности большевистской теории

Среди советских людей было распространено убеждение если не в истинности, то в научной ценности марксизма. Оно имело своим корнем претензию Маркса на научность его теории коммунизма в противоположность коммунизму «утопическому». Во всех учебных заведениях СССР, начиная со средней школы и кончая Академией Генерального штаба, постоянно твердили, что исторический и диалектический материализм (истмат и диамат) являются высшим достижением человеческой мысли.

У Маркса сказано:

«Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие».

У Сталина читаем:

«Теоретические основы марксизма-ленинизма — диалектический и исторический материализм, выдержали всестороннюю проверку на опыте Великой Октябрьской Социалистической Революции и строительства социализма в СССР. Это мировоззрение является господствующим на одной шестой части земного шара. Учение диалектического материализма всесильно и верно, потому что дает правильное понимание закономерностей развития объективной действительности».

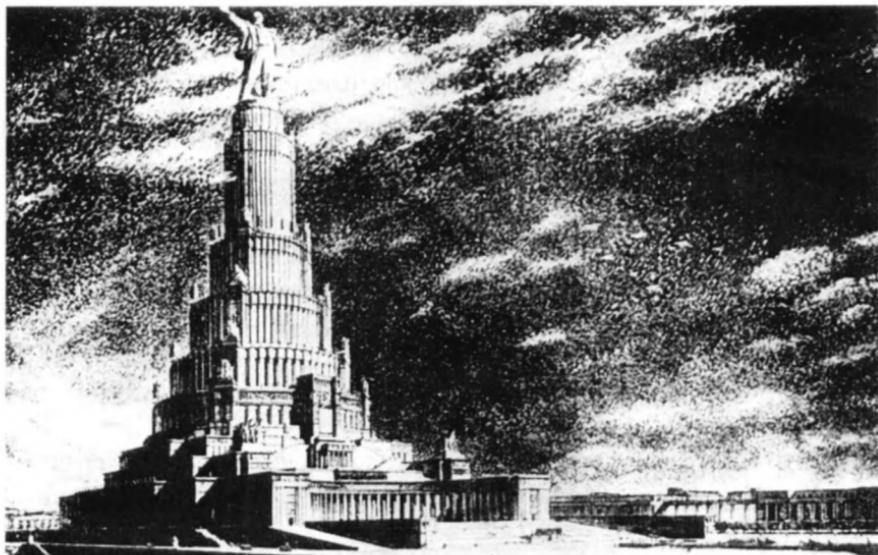
Назойливое внушение о научности марксизма-ленинизма-сталинизма вызывало в советском народе пусть неглубокое, но всё же убеждение в философской солидности диамата. Сколько рьяных противников Сталина считало диамат научным мировоззрением! За диктатуру, террор, коллективизацию они обвиняли лично Сталина и его режим, но редко Ленина и никогда — Маркса. По их мнению, в пороках советской действительности диамат с истматом не виноваты.

Миф о научной состоятельности коммунистической теории являлся живым и действенным, одним из идейно-психологических столпов режима. Суждения типа «свобода есть осознанная необходимость», «религия несовместима с наукой», «история общества есть история борьбы классов» и тому подобные прочно вошли в интеллектуальный обиход советской интеллигенции и воспринимались ею как несомненные истины.

Поколебать доверие к советской власти и к Сталину было сравнительно нетрудно, ибо доверия этого у большинства советских людей не было. Но выкорчевать веру в научную значимость марксистской философии оказалось очень трудно. Советская интеллигенция в большинстве своем знала основы диамата и истмата (изучению их приходилось посвящать немало времени) и в ответ на элементарные нападки на это учение она имела готовые, заученные возражения.

Так, на обвинение в одностороннем материализме любой «диаматчик» мог ответить, что основа марксистской философии не простой, а диалектический материализм, ничего общего не имеющий с материализмом «механическим» или «вульгарным». В ответ на указание, что всякая идеология является для марксистов лишь пассивной надстройкой над экономическим базисом, а это противоречит фактам, приходилось слышать в ответ, что марксизм не отрицает обратного воздействия идеологии на экономику и что субъективный фактор, то есть сознательность, имеет огромное значение: «Исторический материализм подчеркивает огромную социальную роль идей... Этим он отличается от вульгарного экономического материализма». На обвинение в отрицании роли личности в истории диаматчик мог возразить, что теория стихийности и самотека давно уже признана еретической и что личность, конечно же, играет в историческом процессе активную роль.

Словом, рядовой западный антимарксист, незнакомый со схоластическими тонкостями диамата, скорее всего стал бы в тупик и оказался побежденным в споре с рядовым, но натасканным диаматчиком.

Проект Дворца Советов в Москве (1934 г.) на месте снесенного храма Христа-Спасителя. Высота здания — 415 м, высота статуи Ленина — 100 м; шесть тысяч помещений, в том числе зал на 21 тыс. человек

Смысл мифа о научности марксизма огромен. Он служил наукообразным обоснованием политики партии в духовной жизни страны и запретом всякой свободной мысли, которая при таком подходе объявлялась «ненаучной». На этом, в конечном счете, покоилось всё здание большевистской идеологии и культуры: «советской по форме, социалистической по содержанию».

Фикционализация истории

«Краткий курс истории ВКП(б)», вместе с «Краткой биографией И.В. Сталина», которые «прорабатывало» едва ли не все население СССР, постепенно стали символом большевистской историографии. Процесс подмены исторических фактов мифами и фикциями, часто плохо увязанными друг с другом и порой даже противоречивыми, зашел очень далеко.

Методологическое требование Михаила Покровского: «история есть политика, опрокинутая в прошлое» было формально отвергнуто по причине его обнаженного цинизма, но практически стало руководящей идеей советской историографии. Инстанцией, определяющей, что было и чего не было, что важно и что неважно в историческом процессе стали ЦК ВКП(б) и лично Сталин (а за ним Хрущев, Брежнев, Андропов...).

Советская историография, в лице высшего партийного руководства, присвоила себе право не только искажать и толковать «в свете поставленных задач» исторические данные, но и вообще устранять «неудобные» исторические факты, заменять действительные события целесообразными мифами и фикциями.

Полностью переработать всю историю, создать вместо нее новую (фиктивную), соответствующую «задачам коммунистического строительства», большевики не успели. Но образцы и методы такой переработки они создали. Достаточно рассмотреть хотя бы переоценку значения Троцкого, Зиновьева, Бухарина и многих других крупных большевиков в русской революции, сравнить с действительностью «Краткий курс истории ВКП(б)» или краткую биографию Сталина.

Конечная цель — отмена реального прошлого и замена его фиктивным, объявление бывшего не бывшим, а не бывшего — бывшим, была намечена совершенно ясно.

Фикционализации истории имела двоякий смысл. Во-первых, пропагандистский: создание у советских людей ложного представления об истории, внушение им мысли об исторической, следовательно и научной оправданности большевизма. Во-вторых, запретительный: запрещение заниматься подлинно научной историей, пытаться узнать, что же на самом деле было в прошлом.

Фикционализация истории достигала примерно того же эффекта, что и миф о научности диамата с истматом. Большинство изучавших «Краткий курс» знали, что на самом деле все было иначе, но не смели интересоваться тем, как же оно на самом деле было. Довольствуясь фальшивкой, они привыкли обходиться без истории, разучились воспринимать события, происходящие в обществе как результат многогранного и сложного исторического процесса.

Миф об СССР как самой передовой стране в мире

Этот миф важен в двух отношениях. Во-первых, он оправдывал тезис марксистов о социалистической культуре как высшем типе ее в истории человечества. Во-вторых, постулировал любовь советского человека к пролетарской власти и к социалистическому отечеству.

Тезис об СССР как самой передовой стране в мире — именно миф. Несмотря на свою явную, видимую для каждого советского человека нелепость, он оставался психологической реальностью, потому что создавал иллюзию «нас возвышающего обмана», в определенной мере компенсировал неполноценность советского человека,

болезненно им переживаемую. Миф этот апеллировал к национальному самолюбию в среде людей, постоянно и жестоко унижаемых, именно поэтому оказался чрезвычайно жизнеспособным. Миф этот вывешал самооценку советского человека, он живет и сегодня.

Поскольку в нем отразился, помимо прочего, верно улавливаемое явление чувственного эвдемонизма европейской культуры и ощущения кризиса традиционного европейского мироощущения, постольку миф о превосходстве советского строя воспринимался как условная формула некоего действительного превосходства*. Превосходство это понималось как издавна свойственная русскому человеку приверженность идее служения сверхличным ценностям. Советский человек был убежден, что, несмотря на всю ложь, которой окружила его сталинская пропаганда, он должен жить и работать для какого-то общего блага (блага государства, общества, будущих поколений...).

Сталкиваясь с европейцами, он видел, что последние всегда работают лишь для себя и своей семьи, и считают это совершенно нормальным. Такое наблюдение приводило всякого русского человека, в том числе и сознательно ненавидящего большевизм, к выводу, что советская культура в этом плане выше западноевропейской.

Миф о том, что Советский Союз самая передовая страна в мире, был одним из важнейших мифов, позволявших коммунистам эксплуатировать русское национальное самосознание. Сегодня в путинской России он продолжает играть ту же роль. Граждане страны, погрязшей по самую макушку в диком пьянстве, разнузданном хамстве, занимающей первые строки в мировой статистике коррупции и физического насилия, изволят верить в свою духовность, богоизбранность и безусловное превосходство над «прогнившим» Западом!

Миф об осуществленном социализме

Этот миф усиленно культивировался пропагандой, ибо служил основой для таких важнейших фикций, как морально-политическое единство советского народа, демократизм советского строя, счастливая зажиточная жизнь и им подобных.

В самом деле, с официальной точки зрения, какое здесь могло быть сомнение. Революция победила, классы помещиков, крупной

* Эвдемонизм — идея, согласно которой главная цель человеческой жизни — достижение счастья через материальное благополучие, физическое и психическое здоровье, разумную организацию общественной жизни.

и мелкой буржуазии ликвидированы, классовые противоречия исчезли. В СССР еще остались классы рабочих и крестьян, но они не антагонистические, а дружественные.

Не подлежит сомнению, что значительная часть советского населения более или менее глубоко верила в то, что советский строй действительно есть социализм. Не коммунизм еще, обещающий осчастливить человечество, но первая его фаза, осуществленная в условиях капиталистического окружения. Советский человек нередко был убежден в том, что социализм в СССР в основном построен. И если он бывал враждебен этому социализму, то лишь потому, что знал истинную цену ему — море крови и океан слез. И с социализмом этим он боролся не как с вымыслом, а как с подлинной реальностью.

Миф о «своей» власти

В миф о «своей пролетарской» власти в СССР к началу войны мало кто верил. Этот миф быстро умер, превратившись в неуверительную официальную фикцию.

Власть мирилась с этим фактом. Мирилась прежде всего потому, что сама она целым рядом мероприятий доказала иллюзорность этого мифа. До начала 30-х годов большевики прилагали немало усилий, чтобы укрепить данный миф, усиленно подчеркивая пролетарские элементы своего стиля и по мере сил обеспечивая привилегиями низы общества. Но с появлением советской «знати» (партийно-советской номенклатуры) отнюдь не рабоче-крестьянская сущность советской власти проявилась совершенно ясно для всего народа.

Остались кое-какие пролетарские элементы в стиле, была специально создана декоративная «знать» пролетарского происхождения, осталась непрерывно сужившаяся возможность для «среднего» рабочего и крестьянина через ряды этой знати подняться на вершины советской иерархии, осталось пролетарское в большинстве случаев происхождение современной советской интеллигенции, но и только.

Миф о «своей пролетарской» власти постепенно заменялся фикцией власти «родной и народной». Большевики тем сильнее за нее хватались, чем больше уходила из-под их ног гораздо более плодородная почва указанного мифа. Нарком внутренних дел Н.И. Ежов на заседании президиума ЦИК СССР 27 июля 1937 года произнес речь, в которой, между прочим, было сказано:

«В мире нет ни одного государства, где бы органы государственной безопасности, органы разведки были так тесно связаны с народом, так ярко отражали бы интересы этого народа, стояли бы на страже завоеваний народа. В капиталистическом мире органы разведки являются наиболее ненавистной частью государственного аппарата для широких масс трудящегося населения, поскольку они стоят на страже интересов господствующей кучки капиталистов. У нас, наоборот, органы советской разведки, органы государственной безопасности стоят на страже интересов советского народа. Поэтому они пользуются заслуженным уважением, заслуженной любовью советского народа».

Незабываемая встреча (худ. В. Ефанов, 1937 г.)

Эта весьма типичная речь была произнесена в самый разгар «ежовщины», а ежовщина была самой жуткой, самой кровавой из всех чисток в СССР. Шли процессы против старых большевиков, не менее половины командиров и комиссаров РККА были арестованы как «враги народа», трудно было найти семью, где никто не пострадал от репрессий. Ежов в своей речи не упомянул о нежной любви народа к нему лично, но советская печать кричала об этой любви очень громко, а у советского народа вымогали недвусмысленные проявления этой любви: Ежов избрали членом Верховного совета СССР; во многих резолюциях население выражало восторг его деятельностью и одновременно надежду, что она будет проводиться с еще большей энергией.

Но вдруг обожаемого наркома арестовали и вскоре он погиб в застенках собственного ведомства тоже как «враг народа»*. Его имя и портреты исчезли из обращения, страстная любовь к нему широких народных масс была предана молниеносному забвению. Фикция любви лично к Н.И. Ежову была уничтожена, но фикция любви к «родной и народной власти» в целом, к ее карательным органам в частности — осталась.

Фикция морально-политического единства советского народа

Эта фикция логически вытекала из мифа о построенном социализме. В СССР, согласно указанному мифу, исчезли антагонистические классы, остались только дружественные классы рабочих, крестьян и интеллигенции; впрочем, интеллигенцию полагалось считать не классом, а прослойкой между классами.

Морально-политическое единство советского народа выразилось в выдумке о существовании блока коммунистов и беспартийных, а также в советских «выборах», на которые являлись 99 % избирателей, а 99 % явившихся голосовали за этот блок. «Блок» между действительно существующей компартией и беспартийными, лишенными какой бы то ни было организации, организационно никак не был оформлен. Поголовное шествие населения к урнам обеспечивали мероприятия полицейского стиля и не представляли сложной задачи в условиях СССР. Единодушие голосования обеспечивалось тем, что имелся только один кандидат, имя которого было напечатано на избирательном бюллетене. Оставалось бросить этот бюллетень в урну. «Не голосование, а голое сование» — сказал злой шутник.

Была, правда, возможность зачеркнуть имя кандидата перед тем, как сунуть бюллетень в урну. Но безрезультатность такого жеста, страх перед всевидящей властью, сомнительная тайна голосования, все это приводило к тому, что избиратели покорно подчинялись комедии выборов. Они стольким комедиям подчинялись, что одной больше или меньше для них не имело значения. Кстати, и подсчет поданных голосов производился исключительно силами «блока коммунистов и беспартийных».

Почему при наличии морально-политического единства советского народа государство нуждалось в колоссальном репрессивном аппарате? Почему в тюрьмах и лагерях находились миллионы граж-

* Ежов был смещен с поста наркома внутренних дел 8 декабря 1938 года, арестован в апреле 1939, расстрелян 4 февраля 1940 года в Москве, в подвале на Никольской улице.

дан (причем число репрессированных ими не исчерпывалось)? Почему существовали каторжные законы о труде, об охране колхозного имущества от самих колхозников? Почему пропаганда неустанно разоблачала «летунов», лодырей, рвачей и прогульщиков? Задавать эти вопросы в СССР было не только бесполезно, но и опасно.

Фикция морально-политического единства определяла поведение массы населения в направлении, нужном власти. Но такое поведение — результат дрессуры, система условных рефлексов, привитая населению методом террора. Это очень большая сила, особенно опасная потому, что она не встречала прямого противодействия. Но сила эта мгновенно умерла, как только исчезла советская власть. Да и во время немецкой оккупации от морально-политического единства советского народа не осталось следа. Последние машины с советским руководством уезжали из бросаемых городов под иронические реплики толпы.

Фикция самой демократической в мире конституции

Сталинская конституция 1936 года, содержащая ряд демагогических элементов, совсем не демократична хотя бы уже потому, что установила господство одной партии, исключив всякую оппозицию. После этого все слова о свободах или независимом суде остались только словами.

Конституция не дала советскому человеку никаких реальных прав. В ней содержался ряд заведомо ложных утверждений, например, о неприкосновенности личности и жилища. В ней ни слова не было сказано об огромной роли политической полиции (НКВД), фактически распоряжавшейся жизнью и имуществом советских граждан. Ни слова не было сказано о принудительном труде миллионов репрессированных граждан, о способе вербовки рабочей силы посредством плановых репрессий.

Словом, в СССР были как бы две конституции: «самая демократическая в мире» — абсолютно фиктивная, и реальная, никогда не формулируемая, по которой действительно жила страна.

Фикция конституции нужна была отчасти для демагогического воздействия на население несветского мира. Там эта конституция долго оставалась мифом. В СССР же она очень скоро стала чистойшей фикцией.

Фикция вознаграждения по труду

Суть: вознаграждение за труд в условиях построенного, в основном, социализма производится не на основе уравниловки, а якобы в соответствии с количеством и качеством затраченного труда и с

таким расчетом, чтобы и неквалифицированные труженики обеспечили себе прожиточный минимум. Такой способ вознаграждения способствует чрезвычайному подъему производительности труда.

И эта фикция не имела ничего общего с действительностью. В СССР фактически господствовал принцип оплаты труда не по количеству и качеству, а по степени его важности для власти и укрепления режима диктатуры «нового класса». Поэтому лучше всего оплачивался труд чекистов, занимавших высшие командные посты, а в значительной мере и средние. На втором месте стояли прославленные писатели и артисты, служившие режиму. За ними — ученые и конструкторы, работа которых имела решающее значение для решения военно-технических проблем. За ними следовали генералы и крупные военные специалисты. Далее шли крупные партийные и советские работники, а равно начальники строек и директора предприятий, но отнюдь не все, а проявившие организационные способности в специфически советском понимании этого слова. Затем шла верхушка стахановцев, деятельность которых ценилась не по прямому производственному результату, а по созданным ею возможностям эксплуатации рабочих.

Интеллигентный труд, например, труд врачей, учителей, инженеров ценился весьма низко. Это понятно: непосредственно для укрепления режима он значения не имел.

Фикция «вознаграждения по труду» решала важную задачу: оправдывала экономическое неравенство, от которого страдало подавляющее большинство членов «построенного в основном социалистического общества».

Фикция счастливой и зажиточной жизни

На первый взгляд она представляется особенно нелепой. «Жить стало лучше, жить стало веселей» — это Сталин провозгласил тогда, когда вся Россия была усеяна неубранными трупами. В этой фикции предельно наглядно отразилась очень важная особенность мышления коммунистов — способность, не теряя рассудка, объявлять черное белым, а белое черным.

В формуле Сталина ясно видно желание подменить действительность фикцией. Счастливая и зажиточная жизнь в СССР не постулировалась в качестве идеала, но утверждалась как факт. Хроническое недоедание, тяжелые бытовые условия, бесправие, атмосфера террора, насилие над неистребимыми инстинктами свободы и собственности, тяжкие душевные травмы, которыми было поражено население — такова была действительность. Этой страшной

действительности противостояла фикция счастливой и зажиточной жизни.

От населения требовалось определенное отношение к этой фикции. Не выражать против нее протеста было совершенно недостаточно. Следовало активно ее исповедовать в форме бесчисленных коллективных благодарностей партийному руководству и лично вождю за счастливую жизнь. Это делалось и на демонстрациях, где люди не должны были ограничиваться прохождением мимо трибун, на которых стояли вожди, а своими криками, песнями, плясками и сияющими лицами должны были наглядно выражать лозунг: «Спасибо товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь!»

Плакат 1939 года

Фикция счастливой и зажиточной жизни не только вдолбливалась в мозги советских обывателей гигантским агитационным аппаратом. Реально она служила достижению трех целей:

- 1) запрещала советскому человеку жаловаться на тяготы жизни;
- 2) способствовала развитию психологии роботов, существ, способных воспринимать свое положение как должное, мириться с ним и даже находить в нем некоторое удовлетворение;
- 3) исповедание этой фикции парализовало у населения остатки воли к сопротивлению.

Люди, которые не смели быть угрюмыми и молчаливыми, которым приходилось искажать лица гримасой радости, благодарить советскую власть за счастье цвести под солнцем самой передовой в мире конституции, — а для этого требовалось немало душевной энергии, — такие люди постепенно теряли способность к искренней вере, а вместе с нею и способность к сопротивлению.

Фикция социалистического гуманизма

Это одна из самых бесстыдных фикций. Суть ее в утверждении, что существуют два вида гуманизма: 1) западноевропейский, лживый и лицемерный, или в лучшем случае абстрактный, бессильный, мечтательный; 2) советский — подлинный, мощный и прекрасный.

Согласно измышлениям коммунистических идеологов, советский гуманизм заключался в активной и творческой любви к людям. Он давал человеку все возможности для творческого раскрытия личности и требовал от него творческой работы. Он освобождал его от предрассудков и духовного рабства, делал свободным и открывал перед ним бесконечные перспективы. В то же время этот гуманизм был суров: он понимал, что не бессильной проповедью любви и всепрощения, а беспощадной борьбой против всех остатков рабства можно добиться свободы человечества.

Гуманизм этот нежен к трудящимся и беспощаден к их врагам. «Если враг не сдается, его уничтожают», так сказал Горький — пророк социалистического гуманизма. Этот гуманизм жесток, но жестокость его оправданна. Она не что иное, как форма высшей любви к людям. Социалистический гуманизм творит нового человека, качества которого: верность, мужество, способность к творческому труду, неисчерпаемая жизнерадостность, радостное слияние с коллективом и пышным цветом расцветшая индивидуальность.

У человека, знакомого с советской действительностью, создавалось впечатление, что эту фикцию идеологи создали посредством отрицания реальных черт социалистического общества. Советский гражданин был раб, всегда подозреваемый если не в контрреволюции, то хотя бы в «пережитках капитализма». Его всегда контролировали, за ним всегда шпионили. Все его добродетели были ему предписаны и регламентированы.

Советская власть всегда видела его потенциальным преступником. Его можно было арестовать и сослать (даже казнить) без всякой вины. Уважения к человеческой личности в СССР никогда не было; напротив, было самое крайнее, иногда демонстративно выражаемое презрение. Предательство, сексотство, доносы всячески поощря-

лись. Люди не доверяли друзьям, близким, собственным супругам. Врагов в прежнем смысле слова, то есть врагов классовых, давно не стало в СССР, но советская власть продолжала систематически истреблять трудящихся, справедливо полагая, что ее враги — всё население страны.

Словосочетание «социалистический гуманизм» родилось именно тогда, когда перерождение идеи коммунистического устройства общества в идею абсолютной власти партии было в основном закончено. Социалистический гуманизм возник сразу в качестве фикции. И фикция эта имела только один смысл: выхолостить самое понятие гуманизма, лишить его притягательности, всякого пафоса. Социалистический гуманизм — псевдоним величайшего насилия над человеком, более того — приказ вообще забыть о человечности.

*Переезд на новую квартиру
(худ. А. Лактионов, 1952 г.)*

Фикция свободы науки

По официальным утверждениям, наука и искусство в СССР были не просто свободны, но только в нем и свободны. Потому-то они и являлись самыми передовыми в мире. Больше того: наука и искусство собственно только в СССР и существуют. Буржуазная наука разлагается, так как она служит умирающему классу. Она не знает метода диалектического материализма и потому гнивает.

Несомненно, было время, когда большевики верили в это. Потом, конечно, перестали верить, но с тем большей настойчивостью продолжали повторять этот тезис и требовать хотя бы формального его признания.

В последние годы сталинщины был выработан так называемый «моральный кодекс советского ученого», согласно которому научный работник в СССР должен непременно стоять на партийных позициях. Его обязали:

— уметь научно обосновывать правильность любого мероприятия партии и правительства;

— бороться с «безродным космополитизмом» и с низкопоклонством перед иностранщиной в своей специальности;

— вести борьбу против чуждых идеологий, бдительно следить и беспощадно, невзирая на лица, разоблачать малейшие попытки протащить в советскую науку буржуазные идейки и теориейки;

— содействовать разрешению текущих задач социалистического строительства, подчиняя логику исследования в естественных науках — техническим, а в гуманитарных — пропагандистским «требованиям момента».

В результате внедрения этого «кодекса» гуманитарные науки в СССР превратились в подсобный аппарат по производству мифов и фикций, а естественные науки использовались как основа для развития техники, которая в свою очередь служила укреплению и расширению абсолютной власти высшего партийного руководства.

Фикция трудового энтузиазма советского народа

Фикция выражалась, в частности, в том, что с энтузиазмом подхватывая инициативу своих передовиков и новаторов, беззаветно преданных строительству социализма, умело и мудро руководимых коммунистической партией и лично товарищем Сталиным, все население страны дружно требовало выполнения пятилетки в четыре, а потом в три с половиной года. Оно также требовало повсеместного введения среднепрогрессивных норм и их дальнейшего повышения, массового внедрения стахановских методов, партийного контроля и всяческих мероприятий, которые должны были способствовать всемерному росту производительности труда.

Деревенское население, например, ко всем тяготам колхозной жизни спешило прибавить массовую постройку электростанций местного значения и на базе местных материалов, без всякой помощи со стороны центра. Но и этого мало: оно добровольно и по собственной инициативе выходило на рытье каналов и проведение железных дорог. Трудовой энтузиазм и на том не останавливался: чуть ли не каждый день поднимались все новые и новые его волны.

Фикция эта — истинное мучение для населения и воспринималась им, в полном соответствии с действительностью, как прием дополнительной эксплуатации. Фикция трудового энтузиазма по существу означала приказ каждому советскому человеку работать до полного истощения сил, не поднимая даже вопроса о «гарантированных» ему «законом» трудовых нормах.

Пропагандистское значение ее быстро свелось к нулю. Зато экономическое значение было огромно, ибо на ней основывались вполне реальные мероприятия по выполнению встречных планов, социалистическому соревнованию и т.д.

Фикция любви трудящихся к социалистическому отечеству

Эта фикция, вместе с фикцией трудового энтузиазма всего советского народа, венчала собой здание положительных мифов и фикций сталинизма. Согласно ей, трудящиеся СССР любили свое отечество именно за его сущность — за Сталинскую конституцию, социалистический гуманизм, колхозный строй, счастливую и зажиточную жизнь, за все прочие достижения социализма.

Именно такому отечеству трудящиеся были рады приносить какие угодно жертвы в мирное и особенно в военное время. Любовь к социалистическому отечеству и к своей народной власти побуждала их с восторгом выполнять пятилетку за пятилеткой, записываться в стахановцы, перевыполнять среднепрогрессивные нормы. Любовь к социалистическому отечеству побуждала приветствовать гигантский военный бюджет, с восторгом крепить родную Красную Армию. Любовь к социалистическому отечеству побуждала советских людей ненавидеть капиталистическое окружение и, несмотря

С КАЖДЫМ ДНЕМ ВСЕ РАДОСТНЕЕ ЖИТЬ!

Советский агитплакат 1950-х годов

на свое миролюбие, не отступать в случае необходимости даже перед третьей мировой войной.

Что патриотизм в коммунистической России существовал и проявлялся как действенная сила — несомненный факт. Во время второй мировой войны партийной пропаганде удалось (благодаря нападению Германии) внушить большому числу советских людей (далеко не всем, ибо армия Власова тоже была патриотической армией), что они должны защищать советскую власть, если хотят избежать германской колонизации. Защита советской власти в этом ходе мысли — фигурировала, к сожалению коммунистов, лишь как необходимое условие обороны России. Лозунг военного времени: «За родину! За Сталина!» представлял собой механическое соединение выражения подлинного чувства («За Родину») с фикцией («За Сталина»).

Производимое здесь подвешивание фикции к действительному чувству не заставляло, конечно, советского воина любить Сталина, но принуждало его с ним мириться. Этот психологический эффект был очень нужен власти. Фикция любви к социалистическому отечеству оказывалась целесообразной не только в качестве обоснования для фикции трудового энтузиазма, преданности партии и правительству и т.п., но и сама по себе была одним из немногих оставшихся в руках большевиков пропагандистских средств.

Таков далеко не полный перечень мифов и фикций. Их известно великое множество: и «сталинская (ленинская) забота о человеке», и «добровольное объединение крестьян в колхозы», и «труд — дело чести, славы, доблести и геройства», и «внутрипартийная демократия», и «советская общественность», и «счастливое детство в СССР»... Чтобы кратко рассмотреть все, нужна толстая книга.

Отрицательные мифы и фикции

Выше речь шла о мифах и фикциях, рассчитанных на возбуждение искусственного энтузиазма и маскировавших пропасть, отделявшую советскую жизнь от провозглашаемых коммунистических идеалов.

Но были еще и отрицательные мифы и фикции, апеллировавшие к ненависти. Их цель в том, чтобы направлять гнев народа с советской власти на иные объекты.

Наиболее важной в этой категории являлась группа мифов и фикций, воспитывавших ненависть к несоветскому миру и оправдывавших террор. Это мифы о капиталистическом окружении, о

врагах народа, о неизбежной войне, фикции народного гнева, бдительности, критики и самокритики.

Миф о капиталистическом окружении

Маркс и Энгельс призывали к мировой революции и делали ставку именно на нее. Ленин, создавая свою теорию слабейшего звена в цепи капитализма, уже понимал, что пролетарская революция ни в коем случае не разразится сразу во всем мире, но продолжал мечтать о том, что революция в России явится преддверием революции мировой. Он, правда, вынужден был допустить временное существование социализма в одной стране, но эту сторону своего учения не развил. Заслуга развития учения о построении социализма в одной стране принадлежит Сталину. На XVIII съезде ВКП(б) в 1939 году он сказал:

«Мы идем дальше вперед к коммунизму. Сохранится ли государство у нас также в период коммунизма? Да, сохранится, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне... Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим».

Между тем капиталистического окружения в смысле враждебного СССР блока никогда не существовало. Но положения сталинской доктрины никогда и не стремились отразить истинное положение вещей. Их задача была совершенно иной: они являлись «оружием в борьбе за дело рабочего класса», или, что гораздо точнее, за дело Политбюро ЦК ВКП(б), за дело лично «товарища Сталина». А в плане этой задачи значение мифа о капиталистическом окружении фундаментально, ибо он не что иное, как приказ готовиться к «последней и решительной схватке с мировой буржуазией». Миф о капиталистическом окружении служил идеологической основой для целого ряда других мифов и фикций, в том числе для тех, что касались работы политической полиции.

Тезис о враждебном капиталистическом окружении было именно мифом, то есть психологической реальностью как для значительной части советского населения, так и для самих творцов советской политики. Это одно из немногих идеологических положений, в которое Сталин, а вместе с ним и другие члены Политбюро серьезно верили. Верили в этот миф и широкие советские массы, продолжают верить сегодня большинство граждан России.

Правда, перед вступлением СССР в войну, когда по официальной терминологии «англо-французский империализм схватился с

миролюбивой Германией», миф о капиталистическом окружении стал довольно быстро перерождаться в фикцию. Но восточная политика Гитлера влила в него новые силы, а захват Восточной Европы в 1945 году и столкновение с европейской жизнью усилили процесс его регенерации.

Два психологических фактора питали миф о капиталистическом окружении: сознательный и подсознательный. Сознательный фактор — совершенно понятное стремление власти путем пропаганды этого мифа мобилизовать население своей страны для схватки с Западом. Подсознательный фактор коренился в той мании преследования, которой был одержим не только Сталин, но и вся созданная им система. Именно в силу этой мании миф о капиталистическом окружении даже в самом Политбюро, а тем более в среде работников органов государственной безопасности являлся предметом веры.

Миф о капиталистическом окружении служил фундаментом для всей советской внешней политики. Запрещение какого бы то ни было общения с несоветским миром, воспитание ненависти к нему, подготовка к войне с ним и глубинное обоснование психоза бдительности, столь характерного для всей деятельности партии и органов госбезопасности — таков непосредственный и исключительно важный эффект мифа о капиталистическом окружении.

Этот миф имел корни не только в советской пропаганде и возник не только в представлении людей, настроенных по-советски. Люди, антисоветски настроенные, не менее охотно приняли его. При этом они исходили из веры в мировую совесть и в разум руководителей небольшевистского мира. «Они видят, какие у нас происходят ужасы, и они должны придти и спасти нас», так одно время думали многие из тех, кто ненавидел советскую власть. «Они не могут не понимать, что, если сейчас не расправиться с большевизмом, то через несколько лет большевизм сам задушит и поглотит их, а потому они должны готовиться к войне с Советским Союзом».

Поэтому всякий намек советской пропаганды на возможность «крестового похода против СССР» радостно воспринимался определенной частью населения и содействовал укреплению мифа.

Миф о неизбежной войне

Ряд мифов прямо вытекал из мифа о капиталистическом окружении. Таков миф, в первую очередь, о том, что СССР вынес на своих плечах главную тяжесть второй мировой войны, что он один является подлинным победителем в этой войне, и что военная роль

западных союзников была ничтожной. Далее идет миф о советской армии как освободительнице стран восточной Европы от нацистского порабощения.

В том же ряду стоял миф о последней и решительной схватке стран лагеря социализма со странами, находящимися под властью «акул Уолл-стрита». Недаром в послевоенное время, наряду с темой советского патриотизма и игрой на национальных чувствах великороссов снова зазвучали мотивы пролетарского интернационализма. Противопоставление «советского» — «западному», замененное во время войны противопоставлением «русского» — «немецкому», все более уступало место противопоставлению коммунизма — капитализму. В последние годы сталинщины советская пропаганда снова начала приближаться к марксистскому мессианизму, замершему было в 30-е и военные годы. Различие лишь в том, что отсутствовала прежняя идея мировой революции. Эта утопическая надежда уступила место более реальной ставке на военную мощь СССР.

Упомянем курьезный парадокс советской мифологии. Во время германо-советской войны советская пропаганда представляла германский нацизм как особую форму капитализма, изображала Гитлера наемником германской крупной буржуазии. Когда же единственным соперником на мировой арене остались западные демократии, советская пропаганда стала усиленно клеймить правительственные круги США, ФРГ, а заодно и английских лейбористов словом «фашисты».

Эта игра понятий, логически не выдерживающая никакой критики и сама по себе противоречивая, оправдывалась тем, что у рядовых советских граждан не было враждебных чувств по отношению к капитализму, но в результате войны с Германией появился сильный комплекс вражды к фашизму. Он и обыгрывался.

Миф о врагах народа

Этот миф был основным для работы органов государственной безопасности СССР. По своей психологической структуре он подобен мифу о капиталистическом окружении и логически из него следовал. Он вполне сознательно использовался для уничтожения действительных и потенциальных врагов советского режима. Ярлык «врагов народа» большевики приклеивали всем, не угадавшим очередной поворот генеральной линии партии, а также всем тем, кто стихийно сопротивлялся противоестественным и антинародным мероприятиям власти.

Миф о врагах народа, постоянно подрывавших устои социалистической государственности и сводивших на нет достижения советской власти, с одной стороны, оправдывал все неудачи и провалы социалистического строительства, делал понятным и естественным царивший в стране террор, а с другой стороны — призывал народ всемерно помогать своей родной «охранке».

По существу миф о врагах народа преследовал две цели: 1) оправдания советской власти и 2) мобилизации всего советского народа на службу государственной безопасности.

Оправдание советской власти

Вина за все лишения, тяготы и несчастья, которые приходилось терпеть народу под властью коммунистов, систематически сваливалась на «контрреволюционеров», «вредителей», «врагов народа», «агентов иностранных разведок», «саботажников», «диверсантов», «внутренних фашистов» и т.п.

Теоретически, виновниками здесь оказывались «пережитки капитализма» в сознании:

«Пережитки капитализма в сознании отсталой части трудящихся, прежде всего, проявляются в форме несоциалистического отношения к труду, когда действуют по старому принципу: дать государству похуже и поменьше, а взять от него получше и побольше. Все эти, как и другие пережитки капитализма — национальная рознь, великодержавный шовинизм, невежество, бескультурье, индивидуализм, эгоизм и т.д. — тормозят движение вперед, задерживают темпы строительства коммунистического общества, являются питательной почвой для возникновения всякого рода антинародных действий против социализма».

Практическое же значение этой теории состояло в том, что тех лиц, в сознании которых с большой вероятностью присутствовали «пережитки капитализма» — в силу их социального происхождения, особенностей биографии, образования и т.п. — репрессировали заранее, можно сказать «в кредит», независимо от совершения ими действительных преступлений.

Мобилизация населения на службу государственной безопасности

Понятно, что раз отечество трудящихся, Советский Союз, со всех сторон окружен врагами и вся жизнь его насквозь пронизана деятельностью вольных и невольных пособников мировой буржуазии, постоянно разрушающих достижения великого Сталина, его партии и правительства, то каждый советский гражданин как верный сын

политически единого советского народа, был обязан поддерживать бдительность, внимательно следить за происходящими вокруг него происками врагов и помогать органам госбезопасности вовремя обнаруживать и пресекать эти происки.

Приведем выдержки из весьма характерного документа эпохи сталинизма. Он датирован 27 августа 1936 года — «большой террор» еще не начался. Но дух его уже сквозит из каждой строки. Это постановление закрытого партийного собрания, состоявшегося в одном из конструкторских бюро наркомата обороны.

«Заслушав и обсудив доклад тов. В.П. Прокофьева об итогах процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра, общее собрание коммунистов (...) Бюро Наркомобороны приветствует и одобряет приговор Суда, приговор 170-миллионного народа о расстреле выродков человеческого рода, гнусных двурушников и убийц — Зиновьева, Каменева, Смирнова и всех участников этой подлой банды, прошедших перед пролетарским судом.

Руководимая только жадой личной мести и карьеристскими стремлениями к власти, эта жалкая, презренная кучка фашистских выродков и изуверов в своей звериной ненависти к стране Социализма лихорадочно готовила покушение на вождей Партии и Правительства, стерегла, как хищный зверь, момент и готовилась отнять у революции, у трудящихся всего мира самое дорогое — жизнь любимого вождя и друга трудящихся, нашего родного Сталина.

...Свое отравленное оружие, взятое на прокат в арсеналах фашистского гестапо, они направляли против Великого Сталина и его ближайших учеников и соратников — любимцев партии товарищей Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева.

Троцкистско-зиновьевская мразь, мстя за свой разгром, убила любимого Мироныча — пламенного борца и трибуна революции — ближайшего друга и верного соратника т. Сталина. Их злодейские дела по гнусности своей затмили все преступления, которые знает история человечества.

...Мы приветствуем решение Верховного Суда до конца проверить и выяснить причастность к террористическому заговору Сокольникова, Серебрякова, Радека, Пятакова и вожаков правых уклонистов Рыкова, Бухарина и Угланова.

Не все еще гнезда этих бандитов обнаружены. Не все участники этой террористической банды выявлены. Жив еще главарь убийц — трижды презренный Троцкий, организатор посылки в СССР шпионов, террористов и диверсантов.

Тысячу раз был прав товарищ Сталин, неоднократно предупреждая партию о необходимости повышения революционной классовой бдительности в всех участках социалистического строительства»...

/Цит. по книге: Шошков Е.Н. Репрессированное Остехбюро. СПб, 1995, с. 48—49.

Добавим к цитате лишь одно замечание. «Любимцы партии» Станислав Косиор (генсек компартии Украины, член Политбюро) и Павел Постышев (секретарь Куйбышевского крайкома, кандидат в члены Политбюро) уже через два года тоже оказались «троцкистско-зиновьевской мразью». Их арестовали и казнили; первого — 26 февраля 1939, второго — 10 декабря 1940 года.

Фикция бдительности

Фикция бдительности фактически была приказом всему населению СССР активно участвовать в работе органов государственной безопасности. Она позволяла последним не только с идеологическим обоснованием вербовать огромную армию секретных осведомителей (сексотов), но и, что тоже важно, использовать для своих целей любую партийную или советскую организацию.

Фикция бдительности — прямой вывод из мифа о врагах народа. Именно она претворяла его в жизнь. «Большевистская бдительность» не пропагандистский лозунг. Это действительная основа сталинской службы госбезопасности. Благодаря ей, в работе политической полиции (ГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ) теоретически должен был принимать участие весь рабочий класс, или даже весь политически единый советский народ.

Дело Павлика Морозова, предавшего собственных родителей «мечу пролетарского правосудия» оценивалось поэтому как «дело чести». Весь советский народ стоит на страже своих интересов, представляющих одновременно интересы угнетенных трудящихся всего мира, и совершенно естественно, что делом чести каждого советского человека является донос карательным органам, пользующимся его безграничным доверием, любовью и уважением, о замеченных им происках врагов социалистического государства. Официально в СССР считалось, что борьба с контрреволюционными, фашистскими и реакционными элементами ведется силами всего народа, возглавляемого Сталиным и партией — через органы государственной безопасности.

Эта теория — чистейшая фикция. Но совершенно ясно, что она была очень нужна советской власти. Нужна по следующим причинам:

а) Фикция бдительности позволяла не только считать недоносительство тяжким преступлением, но и требовать «стукачества» от любого советского гражданина. Отказ или нерадение к этому занятию квалифицировались как невыполнение гражданского долга. Политическая полиция СССР вербовала, таким образом, без отрыва от основной работы своих секретных сотрудников везде, где считала это целесообразным, расценивая попытки отказа как нелояльное отношение к советской власти, за которым естественно должны следовать репрессии.

Под знаком бдительности она привлекала к своей работе почти всех членов партии (разумеется, в разных формах), руководителей профессиональных и общественных организаций, а параллельно выбирала из всей массы советских граждан тех, кто казался ей подходящим.

б) Фикция бдительности давала большевикам возможность рассматривать не только случайных доносчиков, но и всех работников государственной безопасности (включая сексотов) как особо достойных сынов и дочерей советской Родины. А это разрушало открытое презрение к чинам жандармерии и сотрудникам «охранки», сложившееся в дореволюционном российском обществе. Ведь большевики желали, чтобы народ не только повиновался им, но еще и любил!

Фикция народного гнева

Эта фикция была создана еще в 1918 году с целью формального оправдания системы террора. Она расцветала параллельно с развитием «разящего меча пролетарской диктатуры» — Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Согласно ей, ВЧК только канализовала справедливый гнев трудящихся масс против своих поработителей, гнев, который без вмешательства этого органа оказался бы неизмеримо более жестоким, чем созданная Дзержинским, Лацисом, Петерсом и другими палачами народа пресловутая «революционная законность».

Эту фикцию предельно ясно сформулировал Дзержинский в своем письменном докладе Совнаркому от 17 февраля 1922 года:

«Полагая, что накопленная веками ненависть революционного пролетариата к своим угнетателям поневоле выродилась бы в ряд стихийных кровавых эксцессов, которые смели бы с лица земли как наших врагов, так и наших друзей, я поставил себе задачей систематизировать производство репрессий революционной властью. В течение всего про-

шедшего времени ЧК была поэтому не чем иным, как разумной и целесообразной организацией революционного пролетариата».

При Сталине в фикцию народного гнева уже никто не верил, но ее форма оказалась весьма удобной для активного проявления политического единства советского народа, его беззаветной преданности партии и лично Сталину, священной ненависти к врагам. В периоды «чисток» каждый советский гражданин не только имел право, но и был обязан проявлять свой справедливый гнев, выступая на митингах и собраниях, голосуя за резолюции, требовавшие от советского правосудия особенно суровых приговоров по отношению к предателям дела Ленина-Сталина, продажным холоумам мировой буржуазии, вредителям, саботажникам и прочим «врагам народа».

Таким образом, фикция народного гнева имела практический смысл, вполне оправдывавший ее существование. Она была приказом советскому человеку с гневом и возмущением отречься от былых авторитетов, от сослуживцев, друзей и родственников, арестованных «органами». Она запрещала всякое сочувствие и сострадание по отношению к жертвам сталинского террора. Нечего и говорить, что такой подход имел конечной целью устранение самой возможности какой бы то ни было солидарности с ними.

Фикция критики и самокритики

Фикция критики и самокритики тоже имела колоссальное значение в СССР. Вся так называемая общественная жизнь была построена на критике и самокритике. Сталин даже заявил, что критика и самокритика играют в Стране Советов ту же роль, которую межклассовый антагонизм играет в классовом обществе. Дескать, именно это — движущая сила развития советского общества!

На самом деле никакой критики в подлинном смысле слова не было. Критиковали только то, что было позволено (вернее, предписано) критиковать, и в меру дозволенного. Большевики говорили о своей критике, что она у них поднята на большую принципиальную высоту. На самом деле их критика и самокритика сводились прежде всего к нападкам на личность, нередко на уровне доносов.

Во-первых, это было сведение личных счетов и попытка устроить таким образом личную карьеру.

Во-вторых, это было выполнение заданий политической полиции, которая давала соответствующие инструкции своим сексотам и стремилась вызвать рознь, недоброжелательство, недоверие и вражду в коллективе.

В-третьих, это была попытка мелких людишек выслужиться перед партией и продвинуться в ряды актива.

Деловое значение критики и самокритики было сугубо отрицательное, но польза от нее делу Ленина–Сталина оказывалась большой. Критика и самокритика по-большевистски означали:

а) рабское приятие любых директив вышестоящих органов;

б) на основе этого приятия беспощадное шельмование всех слабых, отстающих, недостаточно рьяных, нестандартных, пытавшихся мыслить самостоятельно.

Это был узаконенный самосуд, расправа над беззащитными, ибо нападение на них производилось всегда в плоскости чистейших фикций и не допускало никаких возражений по существу. Всякое собрание с самокритикой являлось маленькой чисткой. Пострадавшему от самокритики, чтобы не быть окончательно раздавленным, оставалось лишь одно: подтянуться, чтобы получить возможность укусить другого больнее, чем укусили его.

Фикция критики и самокритики как бы венчала собой всю сталинскую мифологическую систему. Ее главная ценность для сталинизма — возможность беспощадного шельмования (и самошельмования) всякого, кто пытался обращаться с фикцией не как с безусловным приказом. Сам Сталин это сформулировал так:

«Большевики не могут не знать, что лозунг самокритики является основой нашего партийного действия, средством укрепления пролетарской диктатуры, душой большевистского метода и воспитания кадров».

Плакат конца 1920-х годов

ВЫРОЖДЕНИЕ И ДЕГРАДАЦИЯ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА

Проблеме пресловутого «культа личности Сталина» в СССР было посвящено немало исследований, в своем большинстве — антиисторических.

Официальную версию распространяли Н.С. Хрушев и его группа, фактически осуществившие государственный переворот — т.е. устранение Л.П. Берии в июне 1953 года. Согласно этой легенде, впервые озвученной на XX съезде КПСС в феврале 1956 года, Сталин единолично подчинил себе партию и государство, а также «силовые структуры», совершил множество ошибок, граничащих с преступлениями. В ходе массовых репрессий были уничтожены сотни тысяч «честных коммунистов», ликвидирована внутрипартийная демократия, а главное — страна оказалась не готова к отражению нападения Германии в июне 1941 года.

Одновременно руководство КПСС объявило о «преодолении культа личности» и «его последствий», и подчеркнуло свое «право» на управление страной. Однако дальнейший исторический путь Советского Союза свелся к деградации партийно-государственного аппарата. Параллельно были утрачены все достижения в экономике, науке и технике, культуре и геополитике, достигнутые ценой колоссальных людских жертв и материальных издержек.

Например, в 1958 году импорт сельхозпродукции стал сравнимым с ее экспортом. В 1960-е годы СССР начал широко закупать зерно за границей и к середине 1980-х стал крупнейшим импортером зерна в мире. Диспропорция между развитием промышленности и сельского хозяйства делала крах СССР неизбежным.

Но если система органов и средств массового террора, созданная Сталиным, после его смерти развалилась буквально за два — три года, то процесс ликвидации общественно-политических институтов и социально-экономических отношений растянулся более чем на 40 лет. По существу, окончательный крах социально-экономической базы сталинизма произошел только в связи с распадом СССР.

«Пациент скорее мертв, чем жив»: диагноз специалистов

В конце 1980-х годов широкую известность в узких кругах получил 200-страничный текст, озаглавленный «Доклад ЦРУ об экономическом и внутривластном положении в СССР. Аналитиче-

ский отчет для Президента, Правительства и Конгресса Соединенных Штатов на 1978 год».

Никакого отношения к ЦРУ это сочинение не имеет. Его подготовила и распространила какая-то диссидентская группа. Название, указывающее на то, что текст якобы имеет иностранное происхождение, было использовано «для отмазки». Но, независимо от авторства, ситуация в Советском Союзе описана в нем достаточно точно. Вот несколько характерных отрывков:

«В настоящее время в центральном аппарате КПСС и в руководящем аппарате компартий союзных республик совершенно отчетливо наметилась тенденция к расколу. Главной причиной этого является постоянно ухудшающееся экономическое положение страны. Стагнация всех видов промышленности, устойчивый спад производства, катастрофическое падение производительности труда, хронические неурожаи еще более усугубились падением мировых цен на традиционные товары советского экспорта: нефть, газ и необработанную древесину.

Огромное по объему, совершенно несбалансированное военное производство, ежегодно расширяясь, губит все другие отрасли промышленности, ставит страну во все увеличивающуюся зависимость от импорта широкого ассортимента товаров первой необходимости, включая продовольствие.

Между тем, престарелое руководство СССР не только не видит гибельности пути, но, напротив, втягивает страну в спирали новых глобальных расходов, которые она ни теоретически, ни практически уже выдержать не может...

Финансовая поддержка компартий во всем мире, помощь развивающимся странам, с надеждой, что они выберут так называемый «социалистический путь», спасение от банкротства стран-сателлитов Восточной Европы, конфронтация с цивилизованным миром весь этот многолетний путь, как уже совершенно очевидно, ведет в никуда, но Кремль продолжает с упорством обреченного по нему идти...

Страны-сателлиты Восточной Европы, которые многие наши политики давно называли «минами замедленного действия», действительно становятся таковыми, загоняя Москву в безвыходный тупик перед страхом неизбежного взрыва. В условиях коммунистической экономики, когда царит сильный товарный голод и господствуют автаркические тенденции, а чисто условные деньги имеют лишь относительную ценность, абсолютной ценностью являются только товары... Поставляя товары странам-клиентам, советское правительство отрывает у своей же страны и экономики самое необходимое. Завышенные цены не уравнивают положения, так как продукция, которую страны «народной демократии» дают взамен, значительно более низкого качества, чем западная, что создает постоянный товарный вакуум в СССР...

Для поддержания хоть на каком-то уровне торговых отношений с Западом Советский Союз вынужден разрабатывать нерентабельные шахты и рудники, требующие миллиардов государственных субсидий, добывать низкокачественную нефть в отдаленных, труднодоступных районах страны, где ее себестоимость очень высока, загнав самого себя в своего рода экономический заколдованный круг, из которого нет выхода...

Брежнев, посетивший Индию, подписал соглашение о предоставлении правительству Ганди кредита в размере 820 миллионов долларов. Кроме того, он обещал увеличить поставку Индии нефти на 1 миллион тонн (сейчас поставляется 1,9 миллиона тонн). Было подписано также секретное соглашение о поставках вооружения, в частности, 25 самолетов МИГ-25 — на общую сумму в 1,6 миллиарда долларов. Как всегда, льготный кредит на поставку вооружений составлен таким образом, что непонятно, собирается ли Индия его когда-либо гасить...

Во что обходится СССР ежегодно страны-сателлиты в поставках сырья и готовой продукции существуют лишь оценочные данные. Однако СССР ежегодно тратит на указанные страны и твердую валюту, увеличивая постоянно растущую собственную задолженность Западу, составляющую в настоящее время 17 миллиардов 900 миллионов долларов.

Кроме того, Кремль взял на себя обязанности гаранта западных кредитов в страны Восточной Европы, потенциально взвалив на свои плечи долг еще в 60 миллиардов долларов.

Относительно ежегодных долларовых субсидий в страны-сателлиты существуют точные данные (первое число — советские субсидии в миллионах долларов, вторая — задолженность государства социалистического лагеря Западу — в тех же величинах): ГДР (292 и 11500), Куба (1860, задолженность отсутствует), Чехословакия (344 и 4500), Польша (1900 и 23000), Монголия (86, задолженность отсутствует), Румыния (460 и 9500), Венгрия (167 и 8900), Вьетнам (1040, задолженность отсутствует), Болгария (127 и 4500).

За последние 10 лет Советский Союз истратил таким образом 85,8 миллиарда долларов, распределив эти огромные средства следующим образом: Куба — 15,4906 млрд., Монголия — 9,5427 млрд., Вьетнам — 9,1312 млрд., Индия — 8,9075 млрд., Сирия — 7,426 млрд., Польша — 4,955 млрд., Ирак — 3,7656 млрд., Афганистан — 3,055 млрд., Эфиопия — 2,8605 млрд., Алжир — 2,5193 млрд., Северная Корея — 2,2341 млрд., Ангола — 2,0289 млрд.

Все эти расходы, имея ежегодно тенденцию к увеличению, не приносят Советскому Союзу решительно никакой выгоды и не могут быть объяснены в терминах реальных межгосударственных отношений. Политические выгоды, достигаемые при этом Кремлем, ничтожны, а их перспектива выглядит весьма сомнительной. Так, например, в Анголе,

несмотря на массивные поставки МПЛА советского вооружения, на территориях, контролируемых марксистскими группировками, наши нефтяные кампании продолжают добывать нефть, а южно-американские — алмазы на еще более льготных условиях, чем до советского прокновения...

Гигантские суммы расходов Кремля складываются, главным образом, из массивных поставок вооружения и сырья (в основном, нефти и нефтепродуктов) странам-клиентам с единственной видимой целью поддержки местных коммунистических или прокоммунистических правителей. Однако в этом потоке присутствуют и прямые перемещения золотых фондов и наличных денег по системе контролируемых Москвой банковских структур, а также через международную банковскую сеть.

При этом деньги, перечисленные, скажем, Кубе, оседают в банках Испании и Франции на фиктивных счетах подставных лиц или фирм, составляя, с одной стороны, личные фонды семьи Кастро, а с другой — капитал, якобы полностью принадлежащий местным компартиям. Но это не совсем так, поскольку Москва с легкостью снимает деньги с этих счетов, тратя их по своему усмотрению. Так, во время недавнего пребывания неофициальных советских делегаций в Монте-Карло и Кении, где на различные товары и услуги (рулетка и сафари) были соответственно истрачено 240 и 285 тысяч долларов, деньги на покрытие этих расходов были сняты со счетов испанской компартии...

Более того, деньги Кремля вкладываются в капиталы известных фирм и компаний, которые не только не имеют никакого отношения к мировому коммунистическому движению, но, напротив, официально клеймятся Москвой как входящие в военно-промышленный комплекс Запада. Создается парадоксальная картина вкладывания Москвой денег в нашу оборонную систему вместо того, чтобы истратить их на собственную большую экономику.

Опубликованы данные о наличии денег Москвы в бизнесе по обработке алмазов (фирмы ЮАР, Израиля и Голландии), в игорном бизнесе (Монте-Карло, Лас-Вегас, Гонконг), в приобретении через подставных лиц около дюжины казино, игорных и публичных домов в различных концах мира, в наркобизнесе (связь через Кубу с наркокартелями Латинской Америки, через Афганистан и собственные мусульманские республики с наркосиндикатами центральной и юго-восточной Азии)...

В ходе последних контактов советского руководства (поездки Брежнев и Громыко) с руководством США и стран западной Европы Москва неоднократно заявляла как главную цель указанных контактов — острую необходимость получения западных кредитов для модернизации всей добывающей индустрии и сельского хозяйства. Однако предложения западных стран о поставках соответствующего оборудования в счет предоставляемых кредитов были отвергнуты и высказано

желание получения чисто денежного кредита, поскольку советская сторона еще не выбрала поставщиков и намерена организовать конкурс фирм. Почти полностью полученные кредиты осели на счетах в западных банках и фактически перераспределяются на личные счета высших партийных чиновников...

Создается впечатление, что какая-то часть руководства КПСС, гораздо отчетливее видя изнутри, чем мы извне, надвигающуюся на страну катастрофу и ее неизбежность, заранее готовится к исходу на Запад, создавая для этого материальную базу. Именно созданием материальной базы будущего исхода, видимо, и определяется вся внешняя и внутренняя политика СССР, не имеющая никакого другого объяснения.

В результате подобной политики золотой запас СССР уменьшился примерно втрое за последние 30 лет и продолжает стремительно уменьшаться. Постоянно прогрессирующий промышленный спад грозит выйти из-под контроля и привести к полному экономическому хаосу, что создает уникальную возможность уничтожения Советского Союза как великой мировой державы, не прибегая к военным средствам...

Представляется целесообразным в ближайшее время попытаться расширить количество стран-клиентов СССР, увеличивая объем его непомерных расходов (а еще лучше — его прямого вовлечения в какой-либо крупный региональный конфликт) и продуманной кредитной политикой, расширяя раскол в кремлевском руководстве»...

Подходящий «региональный конфликт» нашли — себе на погибель — сами руководители СССР: советская армия в декабре 1979 года вторглась в Афганистан. Одновременно пришлось резко интенсифицировать и без того впечатляющую помощь коммунистам в Польше: после введения в декабре 1981 года режима «военного положения» ее экономика нуждалась в постоянных финансовых инъекциях.

Чем все это кончилось — общеизвестно.

Глава 4

«СОЦИЗМ» КАК НИЗШАЯ СТАДИЯ «ПСИЗМА»

Выдающийся русский мыслитель Александр Зиновьев (1922—2006) в ряде своих работ осуществил глубокий анализ идеологии и практики советского варианта социализма*.

Кратко рассмотрим основные идеи его знаменитой книги «Зияющие высоты» (далее «ЗВ»). Это произведение основано на традициях «смеховой культуры» фольклора советского послевоенного общества. Тематически и сюжетно несущей конструкцией «ЗВ» выступает проблема судьбы критически мыслящей личности в условиях тоталитарного режима. В «ЗВ» совмещены уничтожающие системные характеристики советского общества и детальная реконструкция социальных механизмов, используемых властью для обеспечения перманентности, вездесущности и эффективности процессов деградации членов этого общества.

Эпатажное, но узнаваемое изображение известных и наиболее типичных представителей ангажированной властью гуманитарно-эстетствующей общественности Москвы 1960—1970-х годов, наряду с портретами диссидентов — их современников, а также наиболее модных и популярных феноменов духовной жизни столицы того периода осуществлено путем присвоения фигурантам-персоналиям и фигурантам-идеям сатирических псевдонимов-ярлыков. Последние вполне узнаваемы в контексте сюжета: Хозяин — Сталин; Хряк — Хрущев; Правдец — Солженицын; Певец — Владимир Высоцкий; Мазила — скульптор Эрнст Неизвестный; Ибанск — Советский Союз; Театр на Ибанке — театр на Таганке; Заведун (Заибан) — генсек КПСС; Братия — Партия; Дьяволектический ибанизм — диалектический материализм; социзм — социализм; полный социзм (псизм) — коммунизм, и т.д.

Социально-философская концепция советского общества, сконструированная Зиновьевым в духе «социологического реализма», наглядно демонстрирует антигуманный, взаимосвязанный и взаимообусловленный набор характеристик средневековой по сути своей цивилизации, в рамках которой государство всецело подчи-

* Наиболее известные труды А.А. Зиновьева «Зияющие высоты» (1976), «Коммунизм как реальность» (1981), «Гомо советикус» (1982), «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983), «Русский эксперимент» (1995).

няет себе и каждого индивида, и любой (даже самый незначительный) человеческий коллектив. Согласно этой концепции

«...социзм есть вымышленный строй общества, который сложился бы, если бы в обществе индивиды совершали поступки друг по отношению к другу исключительно по социальным законам, но который на самом деле невозможен в силу ложности исходных допущений».

По мнению Зиновьева, абсолютно неправомерно ассоциировать процедуры строительства основ социализма в СССР с одной стороны, и социал-демократические сценарии переустройства социума путем реформ — с другой:

«Наша система власти... проделала длительную эволюцию... Первый этап — давить всех, кто подвернулся под руку, и давить так, чтобы все это видели и чувствовали, что настанет и их черед. Второй этап — давить, но по выбору и так, чтобы все думали, будто мы не давим, а охраняем достижения и воспитываем заблуждающихся... Третий этап — сделать так, чтобы давить было некого»...

«..Как всякая внеисторическая нелепость, социзм имеет свою ошибочную теорию и неправильную практику, но что здесь есть теория и что есть практика, установить невозможно как теоретически, так и практически».

Коммунизм (он же «псизм») всегда оставался только идеалом, который подобно «горизонту» постоянно отодвигался от «здесь и сейчас» живущих поколений.

Зиновьев отверг распространенный тезис о том, что на протяжении всего своего существования социалистический строй в СССР являл собой общественную практику, целиком навязанную силовым путем «сверху». В действительности, однажды варварски насажденная путем беспрецедентного социального насилия социалистическая система оказалась способной к самовоспроизводству путем перманентных репрессий, самоизоляции и сохранения архаичной структуры человеческих потребностей. Социализм («социзм») консервировал соответствующие модели межличностных отношений, принципы выстраивания социальных иерархий, систему отбора и выдвижения руководящих кадров:

«Вопрос о руководителях... есть один из центральных для социологии, ибо это есть вопрос о том, что собой представляют социальные группы данного общества... Социальный тип общества в значительной мере (если не в основном) характеризуется типом руководителя»...

Социализм породил и постепенно сделал доминирующим определенный тип личности («советский человек — человек нового типа», он же «гомо советикус», он же «совок»):

«Главным стимулом деятельности наиболее активной части общества становится достижение более высокого уровня потребления не путем реализации личных талантов и личного труда, а путем борьбы за более выгодные социальные позиции по законам этой борьбы, не имеющим ничего общего с талантами и трудом... Это общество вообще глубоко враждебно всяким видам творческих проявлений».

По Зиновьеву, принцип распределения материальных (отчасти и культурных) благ) в СССР не есть результат произвольно установленного законодательства:

/Он/ «есть результат совокупного действия массы волевых поступков людей и постоянно воспроизводится как таковой, закрепляясь в обычаях, законах, привычках... Каждый стремится урвать максимум, доступный ему по его положению. Максимальный кусок с минимальными затратами — вот святая святых этого общества, рядящегося в одежды заботы, великодушия, доброты, справедливости...

Ибанское /т.е. советское/ общество есть весьма сложная, дифференцированная и иерархическая структурированная система привилегий. Сложная система власти призвана сохранять и воспроизводить эту систему привилегий. Ибанская культура... создает систему лжи, маскирующую эту весьма прозаическую жизнь и изображающую ее как всеобщее равенство, справедливость, процветание».

Идея коммунизма как «светлого будущего всего человечества», призванного осуществить на практике лозунг «от каждого по способностям, каждому по потребностям» была призвана вуалировать откровенный разбойно-паразитический характер правления правящего класса (номенклатуры):

«Псизм есть высшая ступень социзма или полнейший социзм...

На нижней ступени каждый индивид вкалывает по способностям, а получает в соответствии с тем, что он сделал. Как говорили в то время, по труду. Сознание при этом достигает такого уровня, что каждый индивид четко представляет, какие способности у него есть и каких нет, и за пределы своих способностей не

А.А. Зиновьев

вылезает. Общество располагает достаточно мощными средствами, чтобы не дать индивиду трудиться сверх своих способностей или по чужим способностям, и убедить его в том, что он получил по заслугам...

На высшей ступени индивиды продолжают вкалывать по способностям, но получают уже не по заслугам, а по потребностям. Сознание при этом достигает такого чудовищного высокого уровня, что каждый индивид даже во сне помнит, какие потребности ему положено иметь и какие нет».

Важную смысловую роль в книге Зиновьева играет гипотеза, согласно которой (и вопреки распространенным мнениям) социализм отнюдь не является чем-то принципиально чуждым для «естественной природы» людей.

Господство в обществе таких установок, в границах которых приоритет более интенсивного труда и талантов человека — основополагающая ценность, достижимо лишь на основе доминирования соответствующих культурных идеологем, религиозных догматов и правовых принципов. Но природа людей далеко не всегда и не везде соответствует подобным требованиям.

Социальные же законы, с точки зрения Зиновьева, суть определенные правила поведения (действия, поступков) людей друг по отношению к другу. Основу для них образует исторически сложившееся и постоянно воспроизводящееся стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия. Они естественны, отвечают природе человека и человеческих групп. Эти законы одни и те же всегда и везде, где образуются достаточно большие скопления социальных индивидов, позволяющие говорить об обществе:

«Меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя, и т.д.»

Поэтому господство иерархически-распределительного принципа в отношении общественного богатства — обязательный атрибут советского (и не только советского) социализма:

«Когда... утверждают, что не соблюдается принцип «от каждого по способностям, каждому по его труду», то это есть свидетельство детски наивного непонимания сути дела. От каждого по способностям — это отнюдь не пропагандистско-демагогическое раскрытие всех способностей (хотя бы потому, что в массе люди посредственны, что способности суть отклонения от средней нормы), а принцип, согласно которому от человека требуется то, что он должен делать в данном его положении.

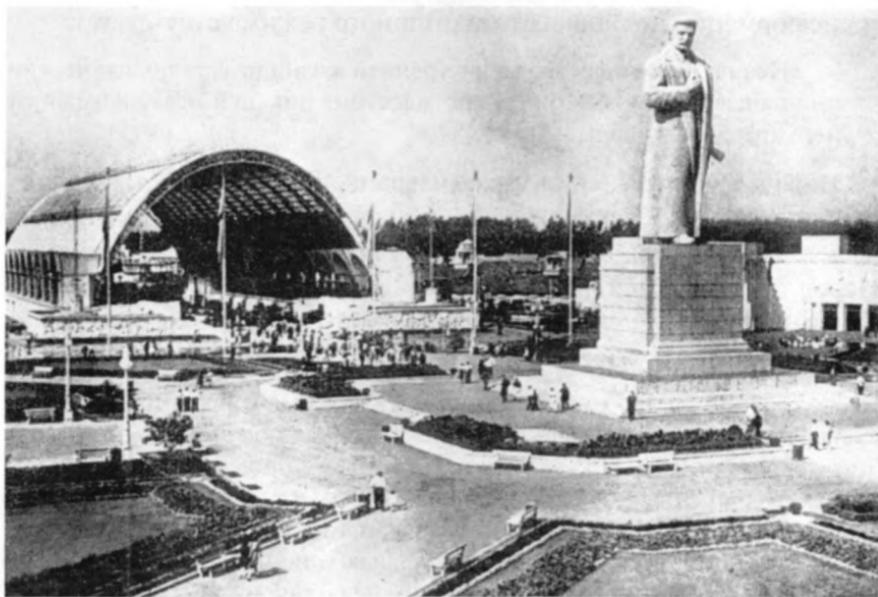
Каждому по труду — это отнюдь не абсолютно справедливая доля продукта за фактически отданный труд, а доля продукта, которая считается справедливой человеку в данном его положении. Это цена социальной позиции человека».

Идея равенства в социалистическом обществе принципиально изменилась по сравнению с утопическими идеями коммунистических мыслителей предыдущих поколений:

«В условиях ибанского общества /идея равенства/ имеет смысл, противоположный тому, какой она когда-то имела на Западе... Здесь идея равенства есть принцип власти, направленный не на себя, а только на подвластных. Суть его — не допустить того, чтобы человек добился за счет своих личных способностей и труда благ, положенных лицам определенного социального ранга, не занимая социального положения этого ранга».

То есть, общественная карьера индивида в условиях всеобщей уравниловки очень мало связана с его реальным потенциалом:

«Прежде всего в служебной карьере играет роль соотношение реальной и номинальной оценки качеств личности... В реальных социальных отношениях реальной является лишь номинальная оценка личности, а реальная является лишь нереализуемой возможностью...

Монумент Сталина на Всесоюзной сельхозвыставке (1939 г.)

Ибанский народ переживает трагедию нереализовавшихся возможностей. А это — самая страшная трагедия для цивилизованного народа».

Но государство, поглотившее гражданское общество, а также консервирующее состояние ненадобности (ввиду отсутствия «социального заказа») основных гражданских прав для своих подданных, становится социально опасным для собственного народа:

«Ибанская власть... всеильна негативно, то есть по возможностям безнаказанно делать зло. Она бессильна позитивно, то есть по возможностям безвозмездно делать добро... Успехи хозяйственной (и вообще деловой) жизни страны не есть заслуга власти как таковой. Эти успехи, как правило, есть неизбежное зло с точки зрения власти. Тем более — успехи культуры. Это вообще не есть функция власти...

Власть ибанского типа принципиально ненадежна. Она не способна достаточно долго и систематически выполнять свои обещания... по условиям своего функционирования... Ибанская власть в принципе исключает научный взгляд на свое общество и исходит при этом в своих намерениях из общих ложных предпосылок... Ненадежность обещаний власти становится привычной формой государственной жизни».

Тем не менее, социалистическая система власти относительно устойчива к любым проявлениям общественных возмущений «изнутри», ибо возможность заниматься политикой как легальным инструментом обеспечения условий для качественных социальных трансформаций в условиях тоталитарного режима отсутствует:

«Ибанское государство во внутренней жизни не есть политический индивид, ибо ему внутри не противостоит никакой независимый от него другой индивид».

Наряду с политикой, столь же извращенный характер в условиях социализма приобретают мораль и право. Деформированные, они влекут потерю людьми нравственных и человеческих координат. Народ превращается в население и не может выступать в качестве камертона позитивности либо негативности происходящих в обществе процессов:

«Например, некто А совершил дело, которое не нравится властям и народу, но за которое нельзя привлекать к суду, ибо это дело не есть нарушение законов. Но какие-то органы власти привлекают к суду и наказывают. Согласно кодексу данной страны все лица, сделавшие это в отношении А, — преступники. Власти, прикрывающие их действия, — соучастники преступления... Народ, знающий, что А юридически невиновен и что власти поступили с ним не по закону, но не восстающий против действий властей, есть соучастник преступления. И тоже пре-

ступник. Так что логически мыслима ситуация, когда целый народ преступен по отношению к одному человеку... На такой казуистике держится вся правовая цивилизация... Общество, провозглашающее в качестве официального принципа лозунг, согласно которому интересы народа в целом превыше интересов отдельного человека, есть общество неправовое».

Отсутствие исторических аналогов по характеру исполняемых функций и абсолютное несоответствие классическому значению термина «политическая партия» — главная характеристика организации, именуемой в «ЗВ» термином «Братия»:

«Братия в ибанском обществе есть суть государственной власти, ядро всякой власти и объединение всех форм власти в единую систему власти. Это — социальная власть как таковая или власть в ее чисто социальной функции... Братия есть единственная сила, способная сохранить порядок в обществе...

(...) Добровольность членства Братии есть основа всей ибанской государственности. Объяснить как на базе полной добровольности вырастает самая полная и оголтелая принудительность власти, — вот задача для любителей решать житейские парадоксы. Насилие есть равнодействующая свободных волей индивидов, а не злой умысел тиранов. Тираны такие же пешки в руках добровольно вырастающей власти, как и их жертвы».

По мнению Зиновьева, антикоммунистическая «революция сверху», инициированная через сферу идеологии, в России обречена на провал (что и произошло при Путине).

Во-первых потому, что инициативный, «экономический человек» в СССР на протяжении жизни нескольких поколений был вне закона:

«Радость по поводу неудач сильных выражается в форме сочувствия... С другой стороны, слишком сильное ослабление позиций других индивидов также нежелательно, ибо оно угрожает хлопотами и заботой... Индивид, как правило, испытывает удовлетворение при виде уродов и при известиях о несчастьях других...

Неизбежным следствием рассмотренных принципов сотрудничества является тенденция к осреднению индивидов. Будь как все — вот основа основ общества, в котором социальные законы играют первую скрипку».

Следствием этого выступает тенденция, в соответствии с которой «подлинный талант в Ибанске проявляется не в результатах и в признании, а лишь в форме поведения и в личной судьбе».

Во-вторых, общество реального социализма породило и соответствующую, не имеющую аналогов по содержанию, идеологию:

«Идеология играет огромную роль в жизни общества... и никакую — с другой. Она сказывается во всем. И ее нельзя уловить ни в чем. Отсюда весьма различные ее оценки, колеблющиеся в пределах от нуля до бесконечности. Отсюда наивные иллюзии, будто руководство страны может по своей воле изменить официальную идеологию и будто это существенно повлияет на его поведение...

Говорить об истинности идеологии вообще бессмысленно... Для социальных механизмов важен сам факт существования какой-то идеологии, ее формальное функционирование, а не ее содержание. Содержание идеологии определяется конкретными историческими условиями духовной жизни общества... Общество нашего типа... есть идеологическое общество в самой своей основе... Наша идеология есть законченное и даже замкнутое целое... она как особое социальное формирование исключает исправления и дополнения».

Отказ правящей элиты эпохи «перестройки» осуществить судебный процесс над РСДРП(б) — ВКП(б) — КПСС как преступной организацией, бурный рост фашистских умонастроений людей вкупе с сохранением агрессивных уравнилельно-коммунистических предрас-

судков подтвердили прогноз Зиновьева:

«Ибанский народ пока еще живет с сознанием совершенного преступления. Еще немного, и это сознание исчезнет. Одно поколение, и Правдеча перестанут понимать. А пока еще есть какой-то шанс заставить народ признаться в совершенном преступлении и очиститься от недавнего прошлого... Через десять — пятнадцать лет будет поздно. И тогда народ будет обречен жить с чистой совестью, но с натурой преступника».

Один из тех, для кого Сталин — кумир и сегодня

Главную причину минимальной уязвимости тотали-

тарных режимов для социальных потрясений «изнутри» Зиновьев видел в отсутствии подлинной интеллигенции, способной в какой-то временной перспективе сформировать у людей адекватные общечеловеческим ценностям представления о значимости гражданских прав и свобод личности:

«Интеллигентность общества — это способность общества к объективному самопознанию и к сопротивлению его слепым, стихийным тенденциям, это способность общества к духовному самоусовершенствованию и прогрессу. Любыми средствами, в любой форме...

Интеллигентность... есть способность общества к самопознанию своей собственной сути, воплощаемая в его духовном творчестве и охраняемая определенной социальной средой... Интеллигентность критична и оппозиционна по самой своей функции в обществе...

Интеллигенция — самая трудно выращиваемая ткань общества. Ее легче всего разрушить. Ее невероятно трудно восстановить. Она нуждается в постоянной защите. Чтобы ее уничтожить, на нее даже не надо нападать. Достаточно ее не охранять. И общество само ее уничтожит. Среда. Коллеги. Друзья. В особенности — интеллигенциеподобная Среда... Она имеет власть и потому беспощадна».

Александр Зиновьев вынес уничтожающий приговор коммунистической идее как направлению человеческой мысли и практики: «ни свободы, ни равенства, ни братства»!

ВЫВОДЫ

Анализируя причины, позволившие СССР выжить во Второй мировой войне, Абдурахман Авторханов писал:

«Первая состоит в абсолютном совершенстве военно-полицейского управления, когда каждый ее житель от рождения до могилы находится под тотальным полицейским надзором.

Вторая лежит в научно разработанной системе превентивного, выборочного, но систематического террора против любого проявления индивидуального или группового политического инакомыслия.

Третья лежит в политической природе советской правительственной системы, при которой интересы удержания власти не только выше интересов личности, но и выше интересов социальных групп, классов и даже целых народов».

Но, доведенные до полного логического завершения, то есть до абсурда, эти же три фактора (военно-полицейский режим, превентивный массовый террор, удержание власти партии любой ценой) способствовали возникновению и неуклонному нарастанию системного кризиса советского общества и всех его институтов.

После смерти Сталина в 1953 году политический режим в СССР немного смягчился, некоторые «перегибы» сталинской эпохи подверглись критике. Однако эти перемены практически не коснулись привилегий партийно-советской бюрократии, сохранявшей свою власть вплоть до распада СССР в 1991 году.

Современные сталинисты, которых в России очень много, категорически отрицают концепцию существования в СССР классов новых господ и рабов. Напротив, они утверждают, что Советский Союз в 1930-е годы «вступил в социализм». Тем не менее, факт развала СССР требует от них объяснения. В связи с этим сталинисты распространяют теорию, согласно которой после смерти Сталина началось «перерождение советского строя» (совершенно прекрасного по своей изначальной сути) — в связи с тем, что к власти пришел «ревизионист Хрущёв».

Пытаясь объяснить причины краха идеологии и практики большевизма, сталинисты яростно отрицают реакционную роль партийной бюрократии и так называемой «общенародной собственности» на средства производства. Системный экономический, идеологический и политический кризис они сводят к таким субъективным факторам, как результаты действий иностранных спецслужб, «пре-

дательство» высшего партийного руководства, недостаточное внимание партии к творческому развитию теории марксизма...

Между тем, система сталинизма, сложившаяся в 30—40-е годы, заключала самоотрицание в себе самой. Правда, это ощущали далеко не все люди, жившие в то время. Большинству из них — и тем, кто управлял тогдашним обществом, и тем, кто был его «винтиками», — существовавшие порядки казались чрезвычайно прочными, рассчитанными на века.

Но объективно, вне зависимости от состояния массового сознания, дело обстояло иначе. В 30—40-е годы, пока главный экономический поток развития страны определялся индустриализацией, административно-хозяйственный механизм позволял решать узловые проблемы экономик. Когда же в 50-е годы первостепенное значение стали приобретать задачи перехода к научному индустриальному производству, тогда сталинская модель монопольно-государственной экономики перестала играть позитивную роль.

Если в период индустриализации этот вариант был один из возможных способов форсирования экономического роста, то по мере завершения индустриализации он стал превращаться в препятствие научно-техническому прогрессу, в механизм его торможения. Обозначилась необходимость перехода от бестоварной командно-директивной экономики к экономике, сочетающей в себе планирование и элементы рынка. Но к 1955 году подавляющее большинство политических, хозяйственных, идеологических кадров в СССР составляли люди, просто не знавшие, что такое планирование с учетом рынка и товарно-денежных отношений.

В 1930 году, когда Сталин говорил о необходимости за 10 лет преодолеть промышленное отставание России, он «схватывал» — пусть искаженно — одно из главных требований эпохи. Но и в 1946 году, формулируя общие задачи страны на последовательную перспективу, он требовал увеличения производства стали, чугуна, угля, нефти и т.п. Как будто не появилась возможность использования атомной энергии, как будто не носились в воздухе идеи кибернетики и небывалой ранее информационной техники, не набухла вся атмосфера общественной жизни предвестиями научно-технической революции.

Многочисленные факты, приведенные в этой книге, позволяют отвергнуть утверждения сталинистов об исторической оправданности сталинской индустриализации и коллективизации, о якобы «эффективном» сталинском руководстве.

Партийный аппарат («новый класс», «номенклатура»), полностью извратил содержание и смысл коммунистической идеологии. Дистанция между официально провозглашаемыми идеалами и повседневной жизнью советского общества стала колоссальной. Народ утратил и веру в возможность создания самого благополучного и гуманного общества, и доверие к своим руководителям. Суть явления прекрасно выразил анекдот «периода расцвета эпохи застоя»:

«Где в СССР проходит граница между коммунизмом и развитым социализмом? — По верхнему гребню кремлевской стены! — А где проходит граница между развитым и обычным социализмом? — По московской кольцевой окружной дороге!»

Остальное было делом времени и обстоятельств. Если бы не военная авантюра в Афганистане, то СССР, вероятно, просуществовал бы лет на 10 или 15 дольше. Но финал был бы таким же. Социалистическая система хозяйствования полностью исчерпала свои возможности. Возникла революционная ситуация в полном соответствии с ленинской формулировкой: «верхи» не могли управлять по-новому, «низы» больше не хотели жить по-старому.

Для разворота огромной страны на принципиально иные «рельсы» требовались радикальные политические и экономические реформы, на которые партийно-советская верхушка никак не могла решиться. Она надеялась обойтись полумерами. Однако всё настолько выродилось и прогнило, что даже робкой попытки Горбачева и его сподвижников придать социализму «человеческий облик», сделать экономику «экономной», воодушевить население лозунгами «нового мышления», «гласности», «перестройки» и «ускорения» оказалось достаточной, чтобы СССР развалился подобно карточному домику, КПСС утратила власть, социалистическая система хозяйствования сменилась «диким капитализмом».

Весьма показателен в этой связи тот факт, что фактическая революция произошла бескровно. Ни репрессивные органы, ни вооруженные силы, ни общественные организации, ни даже сама партия в лице своего аппарата и многомиллионного «актива» — никто не пытался защищать пресловутые «завоевания Октября»!

Все ортодоксальные сценарии социалистического переустройства общества оказались неразрывно связанными с тезисом о позитивности жесточайшего насилия в целях осуществления такого переустройства.

Насильственная экспроприация собственности у имущих классов на первом этапе построения социализма, насильственное «раскулачивание», «разбуржуазивание», «раздворянивание», «раскалывание» — на следующих этапах; вертикальная ротация маргинальных социальных слоев и групп, перманентная насильственная нивелировка населения по имущественным, культурным, мировоззренческим измерениям присуща всем конкретным «социализмам» — от России до Кубы — на всем протяжении их существования.

В исторической ретроспективе социализм проявлял жизнеспособность исключительно в ходе постоянной геополитической экспансии (создание «соцлагеря» по Сталину, борьба за страны «Третьего мира» по Брежневу).

А экономическое соревнование двух систем показало крайнюю ограниченность конструктивного потенциала социализма. Он абсолютно не способен обеспечить даже так называемые «разумные» (или «научно обоснованные») материальные потребности членов всего общества, но только «избранной» его части.

Вот почему «коммунистическая идея» — как стратегический проект — утратила свою притягательность для подавляющего большинства человечества.

Но...

Ныне все мы видим в России многочисленные вариации на тему «Сталин-live» на телеэкранах. Достаточно вспомнить итоги одиозного телевизионного проекта «Имя России».

В 1989 году Сталин замыкал в российских опросах первую десятку «самых выдающихся людей всех времен и народов» (12 % голосов); в июле 2008 года за него высказалось 36 % взрослого населения страны; сегодня доля положительно оценивающих его роль превышает 50 %. Социолог Борис Дубин, например, говорит о разломе национального сознания по отношению к этому персонажу и ошибку в массовом сознании двух образов: Сталина — тирана и Сталина — победителя в войне. Причем свыше двух третей взрослого населения поддерживают оба эти образа.

Так россияне пытаются соединить доступными им простейшими ментальными средствами крупные осколки разбитого зеркала, отбросив в сторону слишком «мелкие» и слишком «острые». Но в результате они ввергают свою страну в коллективную шизофрению...

Российское общество не проделало необходимой работы по самоидентификации, по преодолению того кризиса исторического сознания, который отчетливо диагностируют социологи. Оно стре-

мится быть наследниками и Столыпина, и Сталина одновременно. Став правопреемником СССР, Россия так и не определилась, что из советского и досоветского наследия, и почему, она берет или не берет с собой в будущее.

А тем временем утратившая ориентиры огромная страна медленно, но верно сползает к обрыву в пропасть. Всего один штрих к картине грядущего Апокалипсиса: Россия — страна спившегося населения. Вот что заявил еще в июне 2009 года главный санитарный врач России, академик РАМН Геннадий Онищенко:

«Производство алкогольных и тонизирующих напитков в нашей стране ежегодно возрастает на 20 % — причем рост потребления происходит за счет подростков и женщин, а доля людей, регулярно потребляющих алкогольные напитки, составляет 76 %. По данным НИИ наркологии Минздрава РФ, количество проданного спиртного составляет 18 литров чистого алкоголя на душу населения. А между тем, если этот показатель превышает 8 литров, начинается угасание этноса».

/АиФ, № 26, июнь 2009, с. 30./

Как видим, критический рубеж давно был превзойден в 2,25 раза.

Алкоголизм населения, всеобщая коррупция снизу доверху, всеместный и неуклонный рост насилия в обществе, развал сельского хозяйства (страна больше ввозит продуктов, чем производит), национально-культурный «сепаратизм» во всех бывших автономиях, усиление напряженности в межнациональных отношениях, быстрое распространение ислама, кризис «малых городов», а главное — «всеобщая разруха в головах», все это делает взрыв неизбежным. Вопрос только в сроках. Большинство аналитиков с конца 1990-х годов указывало на период между 2018 и 2025 годами.

Вне всякого сомнения, украинская авантюра Кремля приблизила этот «момент истины» на несколько лет.

Заключение КОММУНИЗМ — ЭТО ТОТАЛИТАРИЗМ

Понятие «тоталитаризм» (франц. *totalitarisme*) происходит от латинского слова *totaliter* (целиком, полностью, весь). Оно обозначает такую форму государственного устройства, при которой правящий в стране режим устанавливает полный контроль над всеми областями жизни общества, превращает в фикцию права и свободы граждан, осуществляет систематические репрессии в отношении не только оппозиции, но и всех инакомыслящих.

В научной литературе Запада это понятие вошло в обиход в середине 1930-х годов (термин «тоталитарный» впервые появился в 1933 году в дополнительном томе «Оксфордского словаря английского языка»). С самого начала тоталитаризм отождествлялся с советским коммунизмом, итальянским фашизмом и германским национал-социализмом.

Попытки осмысления истоков и природы коммунистического варианта тоталитаризма предпринимаются как минимум 90 лет. Этому вопросу посвящены сотни монографий, тысячи статей и докладов. Невозможно в рамках одной книги дать хотя бы беглый обзор всех известных к настоящему времени концепций. Поэтому постараюсь быть предельно кратким.

Общие характеристики тоталитарного коммунистического общества

Всякий тоталитарный режим представляет собой предельно централизованную, иерархически устроенную диктатуру определенной общественной группы (партии), осуществляемой через государственную машину политического, идеологического и экономического принуждения масс. Эта государственная машина включает в себя три главные компоненты:

- систему массовых общественно-политических организаций;
- разветвленный аппарат идеологического воздействия;
- систему массового террора.

При этом социалистические лозунги широко используются для маскировки тотального контроля над массами.

Государство

Оно изображается в тоталитарной идеологии высшей и универсальной формой общественной жизни. Подчиняя себе или включая в себя все прочие формы социальной организации, тоталитарное государство отождествляет себя со всем «обществом», со всем «народом». Любые социальные институты и группы, а также отдельные личности имеют право существовать только как органы и элементы этого универсального целого.

Лидеры коммунистов усиленно подчеркивали «приоритет» народа по отношению к государству. На деле от имени «народа» всегда выступала партия, для которой ссылки на политическое единство народа служили оправданием такой государственной системы, где высшим источником власти выступал вождь, якобы воплощавший волю и дух народа.

Фактически, для коммунизма общество — цель, индивиды — средство, а смысл жизни заключается в использовании индивидов для общественных целей.

Доктрина тоталитарного государства исключает автономность каких-либо сфер или ценностей общественной жизни — религии, морали, искусства, семьи и т.п. Все подлежит государственному контролю и регулированию. Напомним в этой связи некоторые лозунги коммунистов: «религия — опиум для народа»; «нравственно лишь то, что служит делу коммунизма»; «искусство может быть только партийным»; «семья — первичная ячейка общества»...

В практике тоталитаризма нет места для личности вне государственной организации. Всякий индивид может существовать лишь в виде «элемента» тех или иных структур государства — как член производственного, учебного, воинского, спортивного коллектива; как член политической организации (партии, союза); как гражданин, неукоснительно соблюдающий нормы действующего законодательства и выполняющий любые распоряжения органов власти. Свободу слова, борьбу мнений тоталитаризм отвергает в принципе. Геббельс писал:

«Просто имеются мысли правильные, мысли неправильные и мысли, подлежащие искоренению».

Сравните этот тезис с практикой преследования инакомыслящих (диссидентов) в СССР.

Установка коммунизма — это «польза» для правящего класса, якобы пролетариата. Именно она является единственным источником моральных оценок и правопорядка. Однако реально преследуется «польза» не всего общества, а небольшой его части — нового правящего класса (партийной номенклатуры).

Даже само существование отдельных личностей, социальных либо этнических групп как таковое не представляет ценности. Их оценивают исключительно в плане «пользы» для «народа» (для «пролетариата»), то есть, опять-таки для партийной верхушки. Достаточно вспомнить в этой связи репрессии в СССР против целых народов!

Политическая структура

В предельно централизованной машине управления тоталитарного государства каждый орган отвечает только перед вышестоящим. Традиционное для буржуазно-либерального общества разделение властей (на законодательную, исполнительную и судебную) отсутствует. И законодательство, и исполнение «законов», и судебные решения, и внесудебный террор, и административное принуждение, и идеологическое влияние — все сосредоточено в одних руках.

Важнейшими элементами структуры тоталитаризма выступают, *во-первых*, партия (единственная политическая организация режима, жестко подчиняющая своему контролю либо прямо поглощающая законодательные, исполнительные и судебные органы) и, *во-вторых*, широкие по своему составу массовые организации (профсоюзные, молодежные, женские, спортивные и другие).

В СССР существовали компартия (ВКП(б)/КПСС), молодежная политическая организация (ВЛКСМ), детская организация (пионеры), профессиональные союзы, объединения интеллигентов (союзы писателей, художников, композиторов, кинематографистов, журналистов, архитекторов), спортивные общества. Разумеется, в партии исключалось деление на фракции. Отметим попутно, что спортивные общества — далеко не клубы, и что творческие союзы категорически исключали деление на группы по эстетическим направлениям.

В ВКП(б) к марту 1939 года состояло 2 млн 477 тыс. человек. К январю 1965 года ее численность возросла до 11 млн 758 тыс., то есть в 4,75 раза, тогда как население страны увеличилось всего в 1,2 раза.

При этом рабочие и крестьяне составили 53,8 % от общего числа партийцев, а лица с начальным и неполным средним образованием

(в основном те же рабочие и крестьяне) — 52,3 %. По этому поводу Дж. Оруэлл писал в своей «Ферме животных», что большинство обитателей фермы составляли кони, которые не понимали ничего из того, о чем шла речь на собраниях и митингах, организуемых руководителями-свиньями («все животные — равны; некоторые свиньи — более равны...»). Зато кони очень любили стучать копытами на собраниях.

Другую опору тоталитарных режимов составляет система специализированных органов массового террора: политическая полиция (ГПУ/НКВД/КГБ), огромная сеть секретных осведомителей, органы цензуры, система концентрационных лагерей, штурмовые отряды (в СССР в 20-е и 30-е годы их роль с успехом играли комсомольские организации).

Компартия, являющаяся центральным звеном политического механизма тоталитаризма, принципиально отличается от буржуазных парламентских партий — и своей ориентацией, и структурой деятельности. Подчиняя строго централизованному идейно-политическому контролю миллионы своих членов, правящая партия (она же единственная) делает их практически и моральными соучастниками преступлений правящей клики во главе с диктатором-вождем. При этом какое-либо влияние партийной массы на высшее руководство исключено. Обществом правит в такой системе не партия, а узкая клика, сплоченная фанатизмом, честолюбием и страхом потерять доверие диктатора (эту клику называют «внутренней партией», «партийной элитой», «партийным генералитетом»).

Указанные особенности объясняют социальный состав партии. Например, в КПСС в 1965 году служащих (включая партийно-советских работников, военных, сотрудников органов госбезопасности и внутренних дел) было 46,2 %, рабочих — 37,3 %, крестьян — 16,5 %. Эта статистика никоим образом не говорит о степени участия указанных социальных групп в управлении государством. Здесь видно лишь то, на кого влияли и через кого проводили свою политику руководители советских коммунистов.

Тоталитарное государство в своих высших инстанциях и фактически, и формально сливается с верхушкой партийной иерархии. Тоталитаризм ликвидирует не только систему представительства интересов различных социальных, религиозных и этнических через выборных депутатов (все кандидаты в депутаты назначаются «сверху»), но и фактически уничтожает избирательную систему как таковую (известный принцип «один кандидат, одобренный партией, на одно вакантное место»). Соответственно, исчезает открытая по-

литическая борьба: единственной ее внутренней формой являются нескончаемые интриги внутри правящей клики.

Вожди

Венцом всей системы идеологических и политических отношений, характерных для тоталитаризма, является культ «вождя», носителя абсолютной верховной власти, облеченного беспредельными полномочиями, стоящего над обществом, над обыденным сознанием, над правом, воплощающего в своей персоне «дух нации» («волю народа», «историческую судьбу»). Вспомним советское: «есть две точки зрения; одна — товарища Сталина, другая — неправильная».

Миф о вожде персонифицирует доктрину тотальной идеологии, доводит ее до массового сознания, в котором стремление возложить ответственность за свои судьбы на высочайший личный авторитет вождя становится закономерным следствием разрушения существовавшей ранее системы идеологических отношений и религиозных ценностей. А этот запрос тоталитарного режима обуславливает выдвигание на ведущие роли деятелей определенного типа (параноический склад психики, уверенность в собственной непогрешимости, мания преследования, авторитарный характер и пр.).

Неизбежное следствие такой ситуации — личный произвол «вождя», который правящая клика терпит и считает полезным до тех пор, пока вождь отвечает надеждам находящихся под его влиянием масс. В то же время этот личный произвол накладывает глубокий отпечаток на почти все стороны деятельности тоталитарного государства и придает ему видимость личной диктатуры (в определенном смысле диктатор выступает как единственная «личность» во всей системе).

Однако тоталитаризм не сводится к личной тирании «вождя». Суть в том, что сложная иерархическая система организованного массового насилия получает в культе «вождя» свое организационное и идеологическое завершение. В этом заключается один из важных факторов нестабильности тоталитарного государства, поскольку устранение (или дискредитация) вождя может вести к дискредитации или даже развалу всей тоталитарной системы.

По своей структуре и способам воздействия на массовое сознание идеология тоталитаризма является системой псевдорелигиозных (культовых) отношений. Культовый характер идеологии тоталитаризма определяется не заявлениями (и даже не стремлениями) его проповедников, а такими чертами как универсальный мифоло-

гизм доктрины, канализация эмоций (шире — подсознания масс) через механизм ритуальных действий (символические шествия, съезды, гимны, символы), через харизматических лидеров.

Особенностью тоталитаризма являются ярко выраженные черты политического культа, свойственные традиционным религиям: фактическое обожествление личности и власти вождя, а также партии («партия — ум, честь и совесть нашей эпохи»), противопоставленные персонализму и космополитизму христианства. Отсюда следуют неизбежные противоречия между тоталитарными режимами и христианской церковью в диапазоне от перманентных конфликтов до полного отвержения (атеизм как государственная политика).

Социальная политика

Социальная политика тоталитарного режима предполагает не столько экономическое, сколько идеологическое и политическое регулирование экономических отношений. С этой целью, с одной стороны, проводится принудительное решение трудовых споров, рассасывание безработицы при помощи мобилизации рабочей силы на сооружение объектов военно-стратегического значения, широкое использование принудительного труда заключенных и т.п.

С другой стороны, повсеместно насаждается представление о прямой ответственности каждого работника перед государственной машиной, о «долге» трудящихся перед «партией и народом» (т.е. перед правящим режимом). При этом крестьянская масса связывается системой государственных повинностей, а представителей интеллигентных профессий превращают в платных и контролируемых слуг государства.

Тоталитарный режим цинично использует интеллектуальные силы общества. Отрицая претензии науки и ученых на ведущую роль, он все же нуждается в высококвалифицированных специалистах для промышленности, транспорта, медицины, военного дела, пропаганды и других сфер. Для привлечения таких специалистов применяется комплекс мер: прямое принуждение (например, популярные в СССР исследовательские и проектные бюро в концлагерях и тюрьмах), материальные подачки (обеспечение жильем, дефицитными продуктами питания и пр.), пропаганда.

Идеологическое принуждение

Тоталитарный режим навязывает массовому сознанию свои идеологические стереотипы (интернационализм, милитаризм, шовинизм и др.).

Тоталитаризм резко разграничивает (не только в пропаганде, но и на практике) систему «полезных» (для государства, нации) знаний и «разлагающий объективизм» научного мышления, пригодного лишь для служебных целей.

Отсюда — глубокое недоверие к «интеллигентам и интеллигентности». Например, главный пропагандист германских национал-социалистов доктор Геббельс утверждал:

«Мировоззрение не имеет ничего общего со знанием. Чем больше обо всем знаний, тем — как это часто бывает — меньше решимость выступить в пользу определенного мировоззрения. Мировоззрение — это специфический взгляд на мир, предпосылкой его является подход к событиям под одним и тем же углом зрения». (...) «Человек может умирать лишь за ту идею, которую он не понимает».

Из всего теоретического наследия прошлого идеологи коммунизма отбирали лишь то, что было пригодно для воздействия на массовое сознание в соответствующих общественно-политических условиях. Например, они сочиняли сказки о «классовой борьбе» начиная с древнего Египта и древнего Рима (!), старательно выискивали малейшие упоминания о «восстаниях трудящихся против эксплуататоров», поднимали на щит выдумки сказочников типа Мора, Кампанеллы или Фурье...

Мифология

Тоталитаризм широко использует историческую мифологию. Она превращает опыт прошлого в обоснование права на господство «избранных» (социального слоя или класса, например, пролетариата).

Откровенно сформулированная цель партийной историографии состоит в том, чтобы «заново пересмотреть историю человечества». Этот пересмотр сводится к тому, чтобы избранному классу (например, «трудящимся») приписать «ведущую роль» в экономике, культуре, технике и многом другом.

Другой момент «переписывания» истории заключается в изображении коммунистического режима «высшей и завершающей стадией социального развития («коммунистическое общество как закономерный результат общественного развития»).

Выступая душителями либерально-буржуазной демократии, коммунисты одновременно рекламировали свою идеологию как «революционную» и «социалистическую». При этом они стремились использовать лозунги, тактические приемы и организацион-

ные формы, связанные с социалистическим и рабочим движением. Ближайшая цель такой политики состояла в том, чтобы воспользоваться антикапиталистическими настроениями масс, созданными обстановкой экономического кризиса, для ликвидации парламентаризма, конституционных прав и свобод личности во имя возвышения тоталитарного государства.

Тоталитарный «социализм» всегда противопоставлял юридической системе буржуазного государства какой-нибудь неформальный механизм, опирающийся не на закон, а на «волю масс» (якобы «народный» суд, решения партийных органов, референдумы и пр.).

Искусство

С момента возникновения тоталитарное государство начинает создавать свою художественную культуру по собственному образу и подобию, т.е. по принципу «мегамашины», все части которой должны строго соответствовать ее функции. Перед этой машиной ставится универсальная цель, в нее закладывается жесткая программа, а все мешающее ее работе безжалостно отсекается.

Но сначала такую машину надо создать. Следовательно, фундамент тоталитарного искусства закладывается там и тогда, где и когда партийное государство:

а) объявляет искусство (и сферу культуры в целом) орудием своей идеологии и средством политической борьбы (вспомним советские тезисы о «партийности искусства» и о том, что «деятели культуры и искусства не могут находиться вне политики»);

б) монополизирует все формы и средства художественной жизни страны (например, путем введения системы государственных заказов, тесно спаянной с системой идеологического контроля);

в) создает всеохватывающий аппарат контроля и управления искусством (через так называемые «творческие союзы» и административные органы — типа «отделов культуры» в партийных и советских учреждениях), с одновременным запретом любых неофициальных и неформальных объединений, с введением практики официального восхваления или осуждения «правильных» и «неправильных» произведений;

г) из многообразных тенденций, существующих в искусстве, выбирает одну, наиболее отвечающую его целям (как правило, самую консервативную) и объявляет ее официальной, обязательной, а нередко и единственно дозволенной;

д) ведет борьбу со всеми стилями, течениями, школами в искусстве, отличными от официального курса, объявляя их враждебными

партии (или классу, народу, государству, прогрессу) либо, как минимум, «реакционными».

Растянutosть во времени процесса создания мегамашины культуры определяет последовательность и этапы формирования тоталитарного искусства, степень его кристаллизации. Но когда такая машина начинает работать, то в разных странах, с разными традициями возникает удивительно похожий интернациональный стиль тоталитарной культуры. Классический пример — полное сходство «социалистического реализма» в искусстве СССР 1930—50-х гг. и «народного искусства» в нацистской Германии.

С позиций тоталитарной культуры прекрасная в своей основе «социалистическая» действительность, отражаемая в искусстве, неоднородна, она состояла из неравноценных пластов.

Ее формировала мудрая и непреклонная воля вождей — и это считалось самым прекрасным в ней. Поэтому на первом месте (как в плане «ценности», так и в смысле количества) стояли изображения вождей — в живописи и графике, скульптуре и плакате, литературе и театре, кино и радио.

Эта новая действительность рождалась в героических схватках революционной борьбы народа против врагов — поэтому после культа вождей самым священным считалась память о своей революционной истории.

Прекрасная действительность развивалась и крепла благодаря самоотверженному труду широких народных масс — поэтому вслед за вождями и мучениками революции всегда следовали безымянные труженики в виде обобщенных образов «солдат», «шахтеров», «сталеваров», «трактористов», «лесорубов», «санитарок» и прочих.

Наконец, повседневная жизнь, освещенная светом революционных преобразований, тоже в обязательном порядке обретала новые краски. Предметы и сцены быта, межполовые отношения, взаимоотношения родителей и детей, картины природы, даже натюрморты — все должно было отражать в себе приметы новой жизни.

Воспринятая таким образом реальность предстает потребителю не динамическим буйством красок, форм, звуков, образов, непрерывно меняющихся очертания, а стройной ценностной системой, стремящейся застыть иерархической пирамидой на вечные времена.

Милитаризм

Тоталитаризм нуждается в обстановке напряженности и сам ее создает, поскольку она способствует поддержанию казарменной дисциплины и военно-командных методов управления, оправды-

вает тотальную мобилизацию, требует отказа от групповых и индивидуальных интересов (т.е. жертвенности, самоотречения).

Установка на постоянную борьбу, притом борьбу со «зримым» (очевидным для обывателя) внутренним и внешним врагом — инородной этнической группой, социальной группой, чужим государством — это образ жизни при любом тоталитарном режиме. В Советском Союзе официально провозглашалось, что «СССР — осажденная крепость», что его со всех сторон окружают враждебные буржуазные государства, что «война с империализмом неизбежна»...

Резюме

Итак, коммунистический вариант тоталитаризм — это политическая система в форме государства, осуществляющая в интересах верхушки единственной правящей партии абсолютный контроль над всеми сферами общественной жизни и над жизнью каждого человека в отдельности.

Определяющие ее характеристики следующие:

1) квазирелигиозная утопическая идеология, охватывающая все сферы жизни людей, подавляющая культурную традицию и обосновывающая (в условиях монополизации средств массовой информации) необходимость существующего режима для переустройства общества в целях создания «нового мира», «нового порядка», «преодоления кризисных явлений в политике и экономике» и т.д.;

2) целенаправленное создание и воспроизведение структур социальной мифологии для воздействия на народные массы в интересах господствующей клики;

3) монополизация власти одной политической партией, а в ней — одним лидером, объектом культа («вождем»), либо харизматически ориентированной политической группой («ленинское Политбюро ЦК КПСС»);

4) присвоение этой политической верхушкой всех властных (экономических и политических) полномочий;

5) опора режима на гипертрофированный аппарат тайной полиции, насилие и террор как универсальные средства внутренней и (по возможности) внешней политики;

6) опора режима на люмпенизированные слои всех классов и социальных групп (люмпен-пролетариат, люмпен-крестьянство, люмпен-интеллигенция и т.п.);

7) огосударствление и бюрократизация общества;

8) милитаризация общественной жизни.

Осуждение коммунизма в современном мире

Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) 25 января 2006 года приняла резолюцию № 1481 «Необходимость международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов». По мнению участников ассамблеи, голосовавших за резолюцию (213 депутатов из 320 — 66,5 %), для восстановления исторической справедливости нужно осудить преступления коммунистических режимов точно так же, как в Нюрнберге были осуждены преступления нацизма.

В начале июня 2008 г. в Праге завершила работу конференция «Совесть Европы и коммунизм», в результате которой была принята Пражская декларация о европейской совести и коммунизме. Участница конференции, чешский депутат Европарламента Яна Хибаскова, выступая от имени организаторов, заявила: «Коммунизм можно квалифицировать как преступление против человечности, так как ему присущи злая воля, рабский труд, депортации и убийства по политическим и религиозным мотивам».

В начале августа 2008 года бывший премьер-министр Эстонии Март Лаар в газете «The Wall Street Journal» сказал:

«Коммунистический террор был в той же категории бесчестия, как и преступления Третьего рейха. В реальности он продолжался дольше, убив значительно больше людей, чем нацизм. Это не делает нацистов лучше коммунистов. Оба воевали против свободы и человеческого достоинства и должны быть осуждены равным образом как разновидности зла XX века».

19 ноября 2008 года президент Украины Виктор Ющенко, открывая в Харьковской области мемориал памяти жертв Голодомора 1932—1933 гг., в частности, сказал:

«Мой народ сегодня никого не обвиняет. Мы не обвиняем никакое государство, мы обвиняем коммунистический режим, которого, к счастью, сегодня уже нет. Всё, что делала тогда коммунистическая партия, было направлено на уничтожение нашей нации».

Европейский парламент 2 апреля 2009 года большинством голосов одобрил предложение о Дне памяти жертв сталинизма и нацизма.

Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) на 18-й ежегодной сессии, прохо-

дившей в Вильнюсе, 2 июля 2009 года одобрила большинством голосов Декларацию «Об объединении разделенной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в XXI веке в регионе ОБСЕ», включающую 28 резолюций. В этой Декларации сказано, что советский режим наравне с нацистским несет ответственность за развязывание Второй мировой войны.

Резолюция также призвала сделать Днем памяти жертв сталинизма и нацизма 23 августа. Именно в тот день в 1939 году руководители СССР и Германии заключили договор «о дружбе и границе» с секретным протоколом, в котором был предусмотрен раздел территорий стран Восточной Европы. Планируется, что эта дата (уже отмечаемая в Летуве и Эстонии) станет общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма, погибших в ходе массовых депортаций и казней.

На международной конференции «Преступления коммунистических режимов», организованной правительством Чешской республики совместно с учреждениями-партнерами из рабочей группы «Европейской памяти и совести», 25 февраля 2010 года была принята Декларация о преступлениях коммунистов. Документ подписали известные европейские политики, историки, бывшие политзаключенные. Эта Декларация призывает к осуждению политических репрессий, в которых повинны все без исключения коммунистические режимы прошлого и настоящего времени.

*Литература для углубленного изучения
темы «антикоммунизм»*

- Авторханов А. **Империя Кремля: Советский тип колониализма.** Мюнхен: «Prometheus verlag», 1988. — 426 с.
- Божанов В.А. **Восхождение к абсолютной власти: большевики и Советское государство в 20-е гг.** Минск: «Тесей», 1995. — 270 с.
- Борев Ю.Б. **Сталиниада: Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими анекдотами и размышлениями автора.** М: «Книга», 1991. — 432 с.
- Буровский А. **Россия, умытая кровью: Самая страшная русская трагедия.** М.: «Эксмо», 2011. — 640 с.
- Бунин И.А. **Окаянные дни (Из дневника писателя, Одесса, 1919). Под серпом и молотом.** Рига: изд. ЦК КП Латвии, 1990. — 234 с.
- Бушков А.А. **Сталин. Ледяной трон: Хроники великого и ужасного времени.** СПб.: «Нева», 2005. — 624 с.
- Бьёркегрэн Х. **Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии 1906—1917.** /Пер. со швед./ М.: «Омега», 2007. — 544 с.
- Веллер М., Буровский А. **Гражданская история безумной войны.** М.: «АСТ», 2007. — 640 с.
- Верт Н. **Россия в революции.** /Пер. с фран./ М. «АСТ», «Астрель», 2003. — 160 с.
- Волков О.В. **Погружение во тьму. Из пережитого.** (Сборник). М.: «Вагриус», 2000. — 476 с.
- Восленский М. **Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза.** М.: «Октябрь», 1991. — 622 с.
- Геллер М.Я. **Машина и винтики: История формирования советского человека.** М.: МИК, 1994. — 336 с.
- Геллер М., Некрич А. **Утопия у власти (История Советского Союза с 1917 года до наших дней).** М.: МИК, 2000. — 856 с.
- Горький М. **Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917—1918).** М.: «Интерконтакт», 1990. — 192 с.
- Джилас М. **Лицо тоталитаризма (Беседы со Сталиным. Новый класс. Не совершенное общество).** /Пер. с сербско-хорват./ М.: «Новости», 1992. — 540 с.

- Земан З., Шарлау В. **Парвус — купец революции.** / Пер. с англ. / М.: «Центрполиграф», 2007. — 320 с.
- Зиновьев А.А. **Коммунизм как реальность: Кризис коммунизма.** М.: «Центрполиграф», 1994. — 496 с.
- Зиновьев А.А. **Гомо советикус; Парабеллум: Социологические романы.** Собр. соч., том 5. М.: «Центрполиграф», 2000. — 476 с.
- Зиновьев А.А. **Русская трагедия (Гибель утопии). Социологический роман.** М.: «Алгоритм», 2002. — 476 с.
- Илькевич Н. **Фальсификация следствия органами госбезопасности в 1937—1938 гг.: Методы и приемы, документы, палачи и их жертвы.** Смоленск: «Посох», 2014. — 256 с.
- Карательная психиатрия: Сборник.** /Под общ. ред. А.Е. Тараса/ М.: АСТ; Минск: «Харвест», 2005. — 608 с.
- Карр Э. **История Советской России. Книга 1. Большевицкая революция. 1917—1923.** /Пер. с англ./ М.: «Прогресс», 1990. — 764 с.
- Карр Э. **Русская революция от Ленина до Сталина, 1917—1929.** /Пер. с англ./ М.: «Интер-версо», 1990. — 206 с.
- Кондрашин В.В. **Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни.** М.: РОССПЭН, 2008. — 520 с.
- Конквест Р. **Большой террор** (Пер. с англ.) // Журнал «Нева», 1989, №№ 1—12/. Отдельное издание: Часть 1 (414 с.), часть 2 (428 с.) Рига: «Ракстниекс», 1991.
- Красный террор в годы Гражданской войны (По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков).** /Под ред. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского/ М.: «Терра» — «Книжный клуб», 2004. — 508 с.
- Малиа М. **Советская трагедия. История социализма в России 1917—1991.** /Пер. с англ./ М.: «Росспэн», 2002. — 580 с.
- Мельгунов С.П. **Как большевики захватили власть: октябрьский переворот 1917 года. «Золотой немецкий ключ» к большевицкой революции.** М.: «Айрис-пресс», 2007. — 634 с.
- Мельгунов С.П. **Красный террор в России, 1918—1923. Чекистский Олимп.** М.: «Айрис-пресс», 2006. — 348 с.
- «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 г. (Документы).** М., 2008.
- Протьюк Т.С. **Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917 — 1941 гг.)** Минск: «Тессей», 2003. — 688 с.
- Рассел Б. **Практика и теория большевизма.** /Пер. с англ./ М.: «Наука», 1991. — 124 с.

- Розанов В.В. **Апокалипсис нашего времени.** М.: Центр прикладных исследований, 1990. — 62 с.
- Росси Ж. **Справочник по ГУЛАГу.** /2-е изд., доп./ М.: «Просвет», 1991. — 546 с.
- Сидак В.С., Козенюк В.А. **Революцию назначить... Экспорт революции в операциях советских спецслужб.** Киев: «Генеза», 2004. — 248 с.
- Симбирцев И. **ВЧК в ленинской России, 1917—1922. В заре революции.** М.: «Центрполиграф», 2008. — 384 с.
- Симбирцев И. **Спецслужбы первых лет СССР, 1923—1939. На пути к большому террору.** М.: «Центрполиграф», 2008. — 382 с.
- Соколов Б.В. **Наркомы страха: Ягода, Ежов, Берия, Абакумов.** М.: АСТ-пресс, 2001. — 382 с.
- Соколов Б.В. **Сталин: Власть и кровь.** М.: АСТ-пресс книга, 2006. — 398 с.
- Соколов Б.В. **Леонид Брежнев: золотая эпоха.** М.: АСТ-пресс книга, 2004. — 330 с.
- Солженицын А.И. **Архипелаг ГУЛАГ, 1918—1956. Опыт художественного исследования.** Том 1 (430 с.), том 2 (460 с.), том 3 (570 с.). М.: Центр «Новый мир», 1990.
- Соломон Г.А. **Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). 1898—1923.** М.: «Гиперборейя»/«Кучково поле», 2007. — 384 с.
- Солоневич И.Л. **Россия в концлагере.** Минск: «Современная школа», 2010. — 592 с.
- Такер Р. **Сталин: путь к власти, 1879—1929.** /Пер. с англ./ М.: «Прогресс», 1991. — 478 с.
- Такер Р. **Сталин у власти: 1928—1941.** /Пер. с англ./ М.: «Весь мир», 1997. — 644 с.
- Тепляков А.Г. **Машина террора: ОГПУ — НКВД Сибири в 1929—1941 гг.** М.: «Новый хронограф», «АИРО-XXI», 2008. — 628 с.
- Терне А.М. **В царстве Ленина (Очерки современной жизни в РСФСР).** М.: «Скифы», 1991. — 346 с.
- Фокке Д.Г. **На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии.** // «Архив русской революции». Том XX. Берлин, 1930.
- Хайек Ф.А. **Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма.** /Пер. с англ./ М.: «Новости», 1992. — 302 с.
- Херш Э. **Купленная революция. Тайное дело Парвуса.** /Пер. с нем./ М.: «Олма-пресс», 2004. — 378 с.
- Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии.** (С. Куртуа и др.) /Пер. с француз./ М., 1999. — 766 с.

- Чураков Д.О. **Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917—1930-е гг.)**. М.: «Вече», 2007. — 352 с.
- Шафаревич И.Р. **Социализм как явление мировой истории**. М.: «Эксмо»/«Алгоритм», 2003. — 442 с.
- Шмелев И.В. **Солнце мертвых: Эпопея**. М.: «Даръ», 2005. — 350 с.
- Шуб Д.Н. **Ленин и Вильгельм II. Новое о германо-большевистском заговоре 1917.** / «Новый журнал», Том 52. Нью-Йорк, 1959 (42 с.)
- Юнге М., Бордюгов Г., Бинкер Р. **Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447**. М.: «Новый хронограф», «АИРО-XXI», 2008. — 784 с.
- Яковлев А.Н. **Предисловие. Обвал. Послесловие.** /Критика марксистско-ленинской теории/ М.: «Новости», 1992. — 282 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Определения коммунизма</i>	3
<i>Что такое «полный коммунизм»</i>	5
<i>Коммунизм в произведениях литературы</i>	7
<i>Прогнозы перехода к коммунистической форме общества</i>	8
<i>Что такое «научный коммунизм»</i>	9
<i>Научный антикоммунизм</i>	9
ЧАСТЬ I. КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ В ИСТОРИИ ..	11
Глава 1. основоположники коммунистических теорий	11
<i>Томас Мор и его «Утопия»</i>	11
<i>«Город Солнца» Кампанеллы</i>	17
Глава 2. Планы устройства коммунизма в XVIII веке	24
<i>«Кодекс природы» Морелли</i>	24
<i>Бабёф и «заговор равных»</i>	26
<i>«Кодекс общности» Т. Дезами</i>	34
Глава 3. От теории — к практике	35
Глава 4. Коммунистические идеи Маркса — Энгельса	40
Глава 5. Возникновение движения коммунистов	50
Глава 6. Ленинский проект «пролетарского государства»	54
Глава 7. Избыток страданий людей — плата за а «прекрасное завтра»	59
ЧАСТЬ II. КОММУНИСТЫ У ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОДАВЛЕНИЯ МАСС	64
Глава 1. Парвус и его план революции	64
Глава 2. Евреи в российской революции	83
<i>Живые снаряды</i>	83
Глава 3. 1917 год: от Февраля к Октябрю	88

Глава 4. Брестский спектакль: оплата счетов	97
Глава 5. Идеиная суть троцкизма-ленинизма	104
Глава 6. Всеобщее ограбление	108
Глава 7. Общество принудительного труда	114
Глава 8. Голод как средство политики	122
Глава 9. Армия комиссаров и бандитов	129
Глава 10. Террор — квинтэссенция революции	138
<i>Чрезвычайка состояла из отбросов общества</i>	146
Глава 11. «Даешь мировую революцию!»	160
Глава 12. «Свобода слова» по-ленински	167
Глава 13. Разгром церкви	169
Глава 14. Уничтожение российской культуры	176
Глава 15. НЭП — «спасательный круг» большевиков	185

ЧАСТЬ III. ТОРЖЕСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ

ИДЕИ: СТАЛИНИЗМ	189
Глава 1. Что такое сталинизм	189
Глава 2. Как Сталин стал «красным царем»	193
Глава 3. Сталинская индустриализация	225
<i>Цель индустриализации</i>	232
Глава 4. Избиение народа	242
Глава 5. Превращение интеллигенции в служанку «нового класса»	254
Глава 6. Решение «национального вопроса»	262
Глава 7. Сталинизм — это милитаризм	266
<i>Ложка дорога к обеду: помощь Запада</i>	276
Глава 8. Обвинение большевизма	282

ЧАСТЬ IV. КРАХ СОВЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (РЫБА ГНИЕТ С ГОЛОВЫ)

Глава 1. Новый класс господ	285
Глава 2. Идеология: система коммунистических мифов и фикций	299
<i>Положительные мифы и фикции</i>	301
<i>Отрицательные мифы и фикции</i>	316

Глава 3. Вырождение и деградация советского режима	326
Глава 4. «Социзм» как низшая стадия «псизма»	331
ВЫВОДЫ	340
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	345
КОММУНИЗМ — ЭТО ТОТАЛИТАРИЗМ	345
Общие характеристики тоталитарного коммунистического общества	345
Резюме	354
Осуждение коммунизма в современном мире	355
Литература для углубленного изучения темы «антикоммунизм»	357

Научно-популярное издание

ТАРАС Анатолий Ефимович
НАУЧНЫЙ АНТИКОММУНИЗМ

Подписано в печать 29.12.2014. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Гарнитура NewtonС. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 18,06. Усл. печ. л. 22,5. Тираж 500 экз.

Эта книга – антипод учебной дисциплины «Научный коммунизм», являвшейся строго обязательной во всех ВУЗах СССР с 1963 по 1991 гг.

Она состоит из четырех частей. В первой представлена история коммунистической идеи от Т. Мора до В. И. Ленина. Во второй части показан, что попытка реализации Лениным и Троцким этих идей в России привела к небывалому в истории избиению населения собственной страны. Третья посвящена трансформации теории и практики марксизма-ленинизма, осуществленной И. В. Сталиным. Четвертая часть содержит анализ внутренних причин и внешних проявлений краха коммунистической идеи в СССР, приведшей к краху государства.

ISBN 978-9984-897-14-1

9 789984 897141

A. E. TAPAC

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР НАУКИ И ТЕХНИКИ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА
С. П. КОШКИНА

